МИНОБРНАУКИ РОССИИ

Известия
Юго-Западного государственного университета
Серия: Экономика. Социология. Менеджмент

Научный журнал

Том 13 № 1 / 2023

Proceedings
of the Southwest State University
Series: Economics, Sociology and Management

Scientific Journal

Vol. 13 № 1 / 2023

Известия Юго-Западного государственного университета.
Серия: Экономика. Социология. Менеджмент

(Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sociologiya. Menedzhment)

Научный рецензируемый журнал

Основан в 2011 г.

Цель издания – публичное представление научной общественности научных результатов фундаментальных, прикладных, проблемно-ориентированных научных исследований в таких отраслях, как экономические, философские и социологические науки.

Основными разделами журнала являются: тренды мировой и национальной экономики; модернизация и инновационно-технологическое развитие экономики; управление в социально-экономических системах; экономическая политика и механизмы ее реализации; государство и бизнес на пути цифровой трансформации; актуальные проблемы развития региональных социально-экономических систем; экономика и организация деятельности предприятий, отраслей, комплексов; приоритеты развития маркетинговой и логистической деятельности; социально-экономическое прогнозирование и моделирование; институциональные факторы развития экономических систем; проблемы и перспективы развития финансового сектора; трудовые ресурсы и образование; социально-экономические проблемы современного общества; философские исследования природы, общества, человека; научные исследования молодых ученых.

В журнале публикуются оригинальные работы (ранее не опубликованные), в том числе обзорные статьи, рецензии и обсуждения, соответствующие тематике издания.

Целевая аудитория: научные работники, профессорско-преподавательский состав образовательных учреждений, экспертное сообщество, молодые ученые, аспиранты, заинтересованные представители общественности, бизнеса и органов власти.

Журнал придерживается политики открытого доступа. Полнотекстовые версии статей доступны на сайте журнала, научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU. Журнал индексируется в международной базе данных Ulrichsweb (Ulrich's Periodicals Directory).

Журнал включен в перечень ведущих научных журналов и изданий ВАК Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора наук, кандидата наук по следующим научным специальностям:

Экономические науки: 5.2.2; 5.2.3; 5.2.6; 5.2.1; 5.2.4; 5.2.5.

Философские науки: 5.7.2; 5.7.6; 5.7.7; 5.7.8.

Социологические науки: 5.4.2; 5.4.4; 5.4.6; 5.4.7.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Емельянов Сергей Геннадьевич, д-р техн. наук, профессор, лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники, ректор, Юго-Западный государственный университет (Курск, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Бессонова Елена Анатольевна, д-р экон. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (Курск, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Абрамов Александр Петрович, д-р социол. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (Курск, Россия)

Асеева Ирина Александровна, д-р филос. наук, профессор, Институт научной информации по общественным наукам РАН (Москва, Россия)

Банк Сергей Валерьевич, д-р экон. наук, профессор, МИРЭА – Российский технологический университет (Москва, Россия)

Буданов Владимир Григорьевич, д-р филос. наук, доцент, Институт философии РАН (Москва, Россия)

Волохова Наталья Владимировна, д-р филос. наук, доцент, Курский государственный университет (Курск, Россия)

Герасимова Ирина Алексеевна, д-р филос. наук, профессор, Институт философии РАН (Москва, Россия)

Гребенщикова Елена Георгиевна, д-р филос. наук, Институт научной информации по общественным наукам РАН (Москва, Россия)

Зотов Виталий Владимирович, д-р социол. наук, профессор, Московский физико-технический институт (национально-исследовательский университет) (Москва, Россия)

Киселев Сергей Викторович, д-р экон. наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Кулагина Наталья Александровна, д-р экон. наук, профессор, Брянский государственный инженерно-технологический университет (Брянск, Россия)

Минакова Ирина Вячеславна, д-р экон. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (Курск, Россия)

Налетова Ирина Владимировна, д-р филос. наук, профессор, Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина (Тамбов, Россия)

Нямдорж Даваахуу, канд. экон. наук, Улан-Баторский филиал Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова (Улан-Батор, Монгольская Народная Республика)

Ободец Роман Васильевич, д-р экон. наук, доцент, Донецкая академия управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики (Донецк, ДНР)

Подгорный Борис Борисович, д-р социол. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (Курск, Россия)

Преображенский Борис Георгиевич, д-р экон. наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Воронеж, Россия)

Проняева Людмила Ивановна, д-р экон. наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Среднерусский институт управления – филиал (Орел, Россия)

Рисин Игорь Ефимович, д-р экон. наук, профессор, Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия)

Родионов Дмитрий Григорьевич, д-р экон. наук, профессор, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Россия)

Сухарев Олег Сергеевич, д-р экон. наук, профессор, Институт экономики РАН (Москва, Россия)

Тен Юлия Павловна, д-р филос. наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия)

Ткачева Татьяна Юрьевна, д-р экон. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (Курск, Россия)

Трещевский Юрий Игоревич, д-р экон. наук, профессор, Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия)

Шелковников Сергей Александрович, д-р экон. наук, профессор, Новосибирский государственный аграрный университет (Новосибирск, Россия)

Яновская Ольга Алексеевна, д-р экон. наук, профессор, Независимое агентство аккредитации и рейтинга (Нур-Султан, Республика Казахстан)

Учредитель и издатель:
ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»

Адрес учредителя, издателя и редакции
305040, г.Курск, ул. 50 лет Октября, 94
Телефон: (4712) 22-25-26,
Факс: (4712) 50-48-00.
E-mail: rio_kursk@mail.ru

Наименование органа, зарегистрировавшего издание:
Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (ПИ №ФС77-82284 от 23.11.2021).

ISSN 2223-1552 (Print)
DOI Prefix: 10.21869

Сайт журнала: https://swsu.ru/izvestiya/serieseconom/

© Юго-Западный государственный университет, 2022

Материалы журнала доступны под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License

Типография:
Полиграфический центр Юго-Западного государственного университета, 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94

16+

Подписка и распространение:
журнал распространяется по подписке.
Подписной индекс журнала 44284
в объединенном каталоге «Пресса России».

Периодичность: один раз в два месяца

Свободная цена.

Оригинал-макет подготовлен А. Е. Серебряковой

Подписано в печать 28.02.2023. Формат 60x84/8.
Дата выхода в свет 14.03.2023.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 31,6.
Тираж 1000 экз. Заказ 6.

Proceedings of the Southwest State University
Series: Economics, Sociology and Management

Peer-reviewed scientific journal

Published since 2011

The purpose of the publication is to publicly present to the scientific community the scientific results of fundamental, applied, problem-oriented scientific research in industries such as economic, philosophical and sociological sciences.

The main sections of the journal are: trends of the world and national economy; modernisation and innovative technological development of economy; management in socio-economic systems; economic policy and mechanisms of its realization; the government and business on the path of the digital transformation; actual problems of regional socio-economic systems development; economics and organization of enterprises, industries, complexes; development priorities of marketing and logistics activities; socio-economic forecasting and modelling; institutional factors of economic systems development; problems and prospects of the financial sector development; human resources and education; socio-economic problems of modern society; philosophical study of nature, society and human; scientific researches of young scientists.

The journal publishes original works (previously unpublished), including review articles, reviews, and discussions relevant to the subject of the publication.

Target audience: scientists, faculty of educational institutions, expert community, young scientists, graduate students, interested representatives of the public, business and government.

The magazine adheres to an open access policy. Full-text versions of articles are available on the website of the journal, the scientific electronic library eLIBRARY.RU. The journal is indexed in the international database Ulrichsweb (Ulrich's Periodicals Directory).

The journal is included in the list of leading scientific journals and publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Ministry of Education and Science, in which the main scientific results of dissertations for the degree of Doctor of Science, Candidate of Science (Ph.D) in the following scientific specialties should be published:

Economic sciences: 5.2.2; 5.2.3; 5.2.6; 5.2.1; 5.2.4; 5.2.5.

Philosophical sciences: 5.7.2; 5.7.6; 5.7.7; 5.7.8.

Sociological sciences: 5.4.2; 5.4.4; 5.4.6; 5.4.7.

EDITOR-IN-CHIEF

Sergey G. Yemelyanov, Doctor of Engineering Sciences, Professor, a Holder of the Russian Government Prize in the Field of Science and Engineering, Rector of the Southwest State University (Russia, Kursk)

DEPUTY EDITOR

Bessonova Elena Anatolyevna, Doctor of Economic Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

EDITORIAL BOARD

Aleksandr P. Abramov, Doctor of Sociology, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Sergey V. Bank, Doctor of Economics, Professor, MIREA-Russian Technological University (Moscow, Russia)

Irina A. Aseyeva, Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Vladimir G. Budanov, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Irina A. Gerasimova, Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Elena G. Grebenshchikova, Doctor of Philosophy, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Sergey V. Kiselev, Doctor of Economics, Professor, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Natalia A. Kulagina, Doctor of Economics, Professor, Bryansk State University of Engineering and Technology (Bryansk, Russia)

Irina V. Minakova, Doctor of Economics, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Irina V. Naletova, Doctor of Philosophy, Professor, Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russia)

Nyamdorzh Davaahuu, Candidate of Economics, Ulan Bator Branch of Plekhanov Russian University of Economics (Ulan Bator, Mongolian People's Republic)

Boris B. Podgorny, Doctor of Sociology, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Roman V. Obodets, Doctor of Economics, Associate Professor, Donetsk Academy of Management and Public Service under the Head of the Donetsk People's Republic (Donetsk, DPR)

Boris G. Preobrazhensky, Doctor of Economics, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Voronezh, Russia)

Lyudmila I. Pronyaeva, Doctor of Economics, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Central Russian Institute of Management – Branch (Orel, Russia)

Igor E. Risin, Doctor of Economics, Professor, Voronezh State University (Voronezh, Russia)

Dmitry G. Rodionov, Doctor of Economics, Professor, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russia)

Sergey A. Shelkovnikov, Doctor of Economics, Professor, Novosibirsk State Agrarian University (Novosibirsk, Russia)

Oleg S. Sukharev, Doctor of Economics, Professor, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Yulia P. Ten, Doctor of Philosophy, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Tatyana Yu. Tkacheva, Doctor of Economics, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Yuri I. Treshchevsky, Doctor of Economics, Professor, Voronezh State University (Voronezh, Russia)

Natalia V. Volokhova, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kursk State University (Kursk, Russia)

Vitalij V. Zotov, Doctor of Sociology, Professor, Moscow Institute of Physics and Technology (National Research University) (Moscow, Russia)

Olga A. Yanovskaya, Doctor of Economics, Professor, Independent Agency of Accreditation and Rating (Nursultan, Republic of Kazakhstan)

Founder and Publisher :
"Southwest State University"
Official address of the Founder, Publisher and Editoriat Office:
305040, Russia, Kursk, ul. 50 Let Oktyabrya, 94
Phone: (+74712) 22-25-26,
Fax: (+74712) 50-48-00.
E-mail: rio_kursk@mail.ru

The Journal is officially registered by:
The Federal Supervising Authority in the Field of Communication, Information Technology and Mass media (PI №FS77-82284 of 23.11.2021).

ISSN 2223-1552 (Print)
DOI Prefix: 10.21869

Web-site: https://swsu.ru/izvestiya/serieseconom/

© Southwest State University, 2022

(cc) BY Publications are available in accordance with the Creative Commons Attribution 4.0 License

Printing office:
Printing Center
of the Southwest State University,
305040, Russia, Kursk,
ul. 50 Let Oktyabrya, 94

Subscription and distribution:
the journal is distributed by subscription.
Subscription index 44284 in the General Catalogue "Pressa Rossii"

Frequency: once in two months

Free-of-control price.

Original lay-out design: A. E. Serebryakova

Sent to the printer 28.02.2023. Format 60x84/8.
Release date 14.03.2023.
Offset paper. Printer's sheets: 31.6.
Circulation 1000 copies. Order 6.

16+

СОДЕРЖАНИЕ

ТРЕНДЫ МИРОВОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ 10

Цифровая дихотомия социально-экономических процессов в условиях глобализации 10
Шманев С. В.

Технологические инновации в мировом банковском секторе экономики..... 23
Ваганова О. В., Гордя Д. В., Сидибе Махамаду, Голубоцких В. Н., Прядко Е. А.

Энергоэкономический фактор роста и развития промышленного производства некоторых стран мира 35
Минат В. Н.

Анализ лучших мировых практик развития рынка зеленых облигаций и оценка возможностей их применения в современной России 46
Дорофеев М. Л.

УПРАВЛЕНИЕ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ 59

Внутренний контроль как инструмент снижения рисков инвестиционной деятельности компании..... 59
Коптева Ж. Ю., Гришина В. В.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ..... 72

Взаимосвязь устойчивого развития предприятия и региона..... 72
Бессонова Е. А., Харченко Е. В., Свеженцева К. И.

Модель управления инвестиционным развитием региона: концептуальные и методические аспекты 83
Голикова Г. В., Голикова Н. В., Мануковский Д. С., Али Сарбаз Азиз Али

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ 102

Новые векторы и ограничения в развитии предпринимательских структур в новых экономических реалиях 102
Алехина О. Ф., Артюшкова А. Ю., Корякина Т. В., Иода Ю. В.

Инфляция как форма проявления макроэкономической нестабильности: теория и российская практика..... 116
Самородова Е. М.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ФИНАНСОВОГО СЕКТОРА 132

Использование механизмов финансового анализа как инструментов повышения эффективности деятельности предприятия..... 132
Маслова О. Л., Артёмова Н. В., Кирпиченко Е. А.

Исследование современных проявлений криминализации в сфере финансово-экономических отношений 146
Колмыкова Т. С., Колмыкова А. Э.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ 158

Влияние цифровизации на профессиональную и учебную деятельность субъектов образовательного пространства современного вуза 158
Каменева Т. Н., Конищева Е. В., Васильева И. Н.

Социально-политическое взаимодействие местных сообществ с властью по вопросам благоустройства городской среды (на примере г. Кемерово) 169
Кранзеева Е. А., Бурмакина А. Л., Брандт Я. А., Григорик Н. Н.

Нормативное и программное обеспечение модели «тройной спирали» 187
Каменский Е. Г., Маякова А. В., Огурцова А. Ю., Плякин А. С.

Корпоративные ценности в системе ценностей персонала российских организаций 199
Раренко А. А.

Способности к профессиональной адаптации в системе профессионального потенциала российских офицеров 215
Быченко Ю. Г.

Влияние социальной компетентности на готовность противостоять экстремизму 227
Мердеева Т. А.

ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИРОДЫ, ОБЩЕСТВА, ЧЕЛОВЕКА 238

Межкультурная компетентность – основа для развития доверия в международном бизнесе 238
Тен Ю. П.

Специфика современного социально-онтологического исследования: теория и практика 249
Букин Д. Н., Волохова Н. В.

Категория целомудрия в семейной и государственной жизни общества 260
Панищев А. Л.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ 272

CONTENT

TRENDS OF THE WORLD AND NATIONAL ECONOMY..... 10

The Digital Dichotomy of Socio-Economic Processes in the Context of Globalization..... 10

Sergey V. Shmanev

Technological Innovations in the World Banking Sector of the Economy 23

Oksana V. Vaganova, Daria V. Gordya, Sidibe Mahamadou, Vladimir N. Golubotskikh, Evgeniya A. Pryadko

Energy-Economic Factor of Growth and Development of Industrial Production in Some Countries of the World..... 35

Valery N. Minat

Analysis of the Best World Practices in the Development of the Green Bond Market and Assessment of the Possibilities of Their Application in Modern Russia 46

Mikhail L. Dorofeev

MANAGEMENT IN SOCIO-ECONOMIC SYSTEMS 59

Internal Control as an Instrument for Reducing the Risks of the Company's Investment Activities..... 59

Zhanna Yu. Kopteva, Valeria V. Grishina

ACTUAL PROBLEMS OF REGIONAL SOCIO- ECONOMIC SYSTEMS DEVELOPMENT 72

The Relationship of Sustainable Development of the Enterprise and the Region..... 72

Elena A. Bessonova, Ekaterina V. Kharchenko, Karina I. Svezhentseva

Regional Investment Development Management Model: Conceptual and Methodological Aspects 83

Galina V. Golikova, Natalia V. Golikova, Dmitry S. Manukovsky, Ali Sarbaz Aziz Ali

INSTITUTIONAL FACTORS OF ECONOMIC SYSTEMS DEVELOPMENT 102

New Vectors and Limitations in the Development of Entrepreneurial Structures in the New Economic Realities..... 102

Olga F. Alekhina, Alexandra Yu. Artyushkova, Tatiana V. Koryakina, Yulia V. Ioda

Inflation as a Manifestation of Macroeconomic Instability: Theory and Russian Practice..... 116

Elena M. Samorodova

PROBLEMS AND PROSPECTS OF THE FINANCIAL SECTOR DEVELOPMENT.....132

Using Financial Analysis Mechanisms as Tools to Improve the Efficiency of an Enterprise 132

Olga L. Maslova, Natalia V. Artyomova, Elena A. Kirpichenko

Research of Modern Manifestations of Criminalization in the Financial and Economic Environment 146

Tatyana S. Kolmykova, Anastasia E. Kolmykova

SOCIOLOGICAL ASPECTS OF SOCIAL DEVELOPMENT.....158

The Impact of Digitalization on the Professional and Educational Activities of the Subjects of the Educational Space of a Modern University 158

Tatyana N. Kameneva, Evgeniya V. Konishcheva, Irina N. Vasilyeva

Socio-Political Interaction of Local Communities with the Authorities on the Improvement of the Urban Environment (on the Example of the City of Kemerovo) 169

Elena A. Kranzeeva, Anna L. Burmakina, Yana A. Brandt, Nikita N. Grigorik

Regulatory and Software Support of the "Triple Helix" Model..... 187

Evgeny G. Kamensky, Anna V. Markova, Albina Y. Ogurtsova, Anton S. Plyakin

Corporate Values in the System of Values of the Personnel of Russian Organizations..... 199

Andrey A. Rarenko

Abilities for Professional Adaptation in the System of Professional Potential of Russian Officers 215
Yuri G. Bychenko

The Influence of Social Competence on Readiness to Counter Extremism 227
Tatyana A. Merdeeva

PHILOSOPHICAL STUDY OF NATURE, SOCIETY AND HUMAN 238

Intercultural Competence is the Basis for the Development of Trust in International Business 238
Yulia P. Ten

Specifics of Cutting-Edge Social and Onthological Research: Theory and Practice 249
Dmitry N. Bukin, Natalia V. Volokhova

The Category of Chastity in the Family and State Life of Society 260
Alexey L. Panishchev

INFORMATION FOR AUTHORS 272

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-1-10-22

CC BY 4.0

Цифровая дихотомия социально-экономических процессов в условиях глобализации

С. В. Шманев[1] ✉

[1] Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Ленинградский пр-т, д. 49, г. Москва 125993, Российская Федерация

✉ e-mail: shmanev_s_v@mail.ru

Резюме

Актуальность. *Процесс глобализации, базирующийся на цифровых технологиях, является основной задачей и одновременно проблемой современности. С одной стороны, глобализация должна привести к формированию единой мировой системы хозяйствования на базе интегрирования в единую интернациональную сеть всех национальных и межнациональных рынков капитала, рабочей силы, товаров и услуг. При этом растущие масштабы производственных процессов подразумевают возрастание роли цифровых технологий и новых технологических разработок, а также развития информационных и коммуникационных систем, что автоматически повышает значение производственных, научно-технических и технологических факторов.*

С другой стороны, складывающиеся тенденции в условиях неопределенности и нестабильности условий жизнедеятельности социума приводят не только к монополизации ресурсов и концентрации экономической и политической власти транснациональными корпорациями, межнациональными банками и фондами, интересы которых зачастую противоречат интересам всего общества, но и вызывают обострение напряженности между государствами.

Цель *исследования – провести анализ процесса цифровизации как базиса устойчивого социально-экономического развития страны в современных условиях и выявить тенденции социально-экономических процессов в условиях глобализации.*

Задачи *– выявить, способствует ли принятый Россией курс на цифровизацию экономики экономическому росту, повышению национальной безопасности и обеспечению достойного уровня жизни населения страны.*

Методология. *В проведенном исследовании были использованы методы сравнительного анализа, экономико-статистические и методы экспертных оценок.*

Результаты. *Цифровая экономика, основанная на передовых технологиях, является не только индикатором экономического и социального развития, но и порождает основу экономической нестабильности и неравенства.*

Выводы. *Если уж и ставить цель развития цифровых технологий, то она должна быть направлена в первую очередь на внедрение их в реальный сектор экономики. Это вопрос существования самого государства: невозможно управлять техникой и промышленными технологическими процессами без современных средств управления.*

Ключевые слова: *цифровизация; государство; политика; глобализация; управление; система.*

Конфликт интересов: *В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных автором публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.*

© Шманев С. В., 2023

Для цитирования: Шманев С. В. Цифровая дихотомия социально-экономических процессов в условиях глобализации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2023. Т. 13, № 1. С. 10–22. https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-1-10-22.

Поступила в редакцию 05.11.2022 Принята к публикации 20.12.2022 Опубликована 28.02.2023

The Digital Dichotomy of Socio-Economic Processes in the Context of Globalization

Sergey V. Shmanev[1] ✉

[1] Financial University under the Government of the Russian Federation
49 Leningradsky Ave., Moscow 125993, Russian Federation

✉ e-mail: shmanev_s_v@mail.ru

Abstract

Relevance. *The process of globalization, based on digital technology, is the main task and simultaneously the problem of our time. On the one hand, globalization should lead to the formation of a single world economic system based on the integration into a single international network of all national and international markets of capital, labor, goods, and services. The growing scale of production processes implies an increasing role of digital technologies and new technological developments, as well as the development of information and communication systems, which automatically increases the importance of production, scientific, technical, and technological factors.*

On the other hand, the emerging trends in the uncertain and unstable conditions of society lead not only to the monopolization of resources and the concentration of economic and political power by transnational corporations, multinational banks and foundations, whose interests often conflict with the interests of society as a whole, but also lead to increased tensions between states.

The purpose *of the study is to analyze the process of digitalization as a basis for sustainable socio-economic development of the country in modern conditions and identify trends in socio-economic processes under conditions of globalization.*

The objectives *are to identify whether the course adopted by Russia towards digitalization of the economy contributes to economic growth, improving national security and ensuring a decent standard of living for the population of the country.*

Methodology. *The study used methods of comparative analysis, economic-statistical and methods of expert evaluations.*

Results. *The digital economy, based on advanced technology, is not only an indicator of economic and social development but also generates the basis of economic instability and inequality.*

Conclusions. *If the goal of digital technology development is to be set, it should be aimed primarily at introducing it into the real sector of the economy. This is a question of the existence of the state itself: it is impossible to manage machinery and industrial technological processes without modern means of control.*

Keywords*: digitalization; state; politics; globalization; governance; system.*

Conflict of interest*: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the author of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The author declares no conflict of interest related to the publication of this article.*

For citation: Shmanev S. V. The Digital Dichotomy of Socio-Economic Processes in the Context of Globalization. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2023; 13(1): 10–22. (In Russ.) https://doi.org/ 10.21869/2223-1552-2023-13-1-10-22.

Received 05.11.2022 Accepted 20.12.2022 Published 28.02.2023

***

Введение

К настоящему времени свершились три промышленные революции, каждая из которых не только изменила действительность, но и повлияла на дальнейшее развитие человечества. Сейчас мы стоим на пороге четвертой промышленной революции (или, как ее называют, Индустрия 4.0), призванной обеспечить человечеству такой уровень автоматизации производства на базе цифровизации и разрабатываемых информационно-логических систем, который позволит достичь высокой конкурентоспособности как на внутреннем, так и на международных рынках [1; 2]. Эта революция будет не похожа на предыдущие, так как она коснется всех сторон жизнедеятельности человека. Основанная на цифровых информационных технологиях четвертая промышленная революция послужит коренному преобразованию мышления, способов производства, образу жизни. На сегодняшний день особенно ярко выражена автоматизация бизнес-процессов, роботизация и работа ИИ. Но как известно, ни одна революция не может протекать успешно без финансирования. В настоящее время государства оказывают инвестиционную поддержку лишь тем организациям, индивидуальным предприятиям, корпорациям, которые активно внедряют в производственные процессы цифровые технологии, так как именно они в долгосрочной перспективе имеют больший шанс получать большую прибыль от сегодняшних вложений. Тем самым удачный переход экономики в цифровую сферу будет осуществлен, если, во-первых, будут выделены средства для дальнейшего развития после перехода экономики на новые рельсы развития, а во-вторых, будут учтены все риски такого перехода [3; 4; 5; 6].

Стоит упомянуть про развитие цифровых экосистем, представляющих собой совокупность программ и платформ, управляющих физическими и производственными процессами. Сейчас ряд компаний активно пользуется цифровыми экосистемами, позволяющими с помощью цифровых технологий создавать платформы с облегченными алгоритмами для выхода на площадки продаж. Это значительно снижает затраты и сокращает время продвижения товаров и услуг, так как за них все делает сама цифровая площадка. IDC (International Data Corporation) прогнозирует, что к 2023 г. более 500 миллионов приложений будут созданы благодаря новым цифровым платформам [3; 5; 7].

Разумеется, при переходе на цифровую экономику компании, отстающие по цифровому развитию от конкурентов, будут терять конкурентоспособность и соответственно свои ниши на рынках. Цифровизация экономики вызовет ужесточение конкуренции в силу снижения барьеров на вход в онлайн-режим, появится большое количество компаний, которые станут продвигать схожие товары и услуги. По утверждению той же компании IDC, более 90% компаний в 2022 г. создали нативные IT-среды, чтобы успевать за трендами и не потерять прибыль и потребителей [3; 5].

Если говорить о плюсах четвертой промышленной революции, то в первую очередь предполагается, что должна увеличиться эффективность производства, повыситься точность прогнозирования и уменьшиться вероятность случайных ошибок, станет возможным быстрая адаптация к изменениям на рынках благодаря программам планирования. Также компании смогут принимать решения без ущерба для рентабельности. Сотрудники непосредственно смогут отслеживать движение активов компаний и предотвращать обвалы благодаря новейшим аналитическим инструментам и наглядным виртуальным моделям.

Тем не менее как часть процесса глобализации и как любое революционное изменение Индустрия 4.0 является достаточно сложным и неоднозначным этапом развития: с одной стороны, со-

здаются новые возможности политическим, социальным и экономическим системам, а с другой – создаются условия для возникновения социальной напряженности в мире, так как цифровизация вызовет серьезный всплеск уровня безработицы [4; 8].

Материалы и методы

Мы стоим на пороге новой технологической эпохи, когда во всех сферах, в т. ч. экономике, все большую роль будет играть цифровые технологии, заменив привычную для нас базу жизнедеятельности – природные ресурсы.

Все больше эти технологии, включающие искусственный интеллект, Интернет, робототехнику, 3D-печать, 5G-технологии (сотовая связь пятого поколения), нанотехнологии, биотехнологии, компьютеры нового поколения (квантовые), проникают в нашу жизнь, вызывая при этом системные изменения в бизнесе в формах организации и работы всех уровней власти, секторах экономики.

Говоря о развитии цифровой экономики, мы подразумеваем возможность автоматизации многих рутинных операций не только в сфере управления, но и, прежде всего, в реальном секторе экономики, что влечет за собой развитие государства, общества, личности [2].

Традиционно развитие экономики было основано на привлечении все большего количества ресурсов: природных, людских, финансовых, материальных. Но пришло время, когда все отчетливей стала проявляться тенденция к сокращению численности населения планеты (особенно это стало заметно в индустриально развитых странах), постепенно все возрастающими темпами истощаются невозобновляемые ресурсы. В таких условиях формируется решение о необходимости перехода для обеспечения материальных потребностей человека на интенсивные факторы производства, и в том числе на совершенно новые технологии, основанные на цифровых процессах. Это ведет к кардинальной трансформации функционирования всех систем управления в политике, в сфере фундаментальных и прикладных исследований, в системе образования, здравоохранении, в реальном секторе экономики, в финансовой системе и т. д. [8; 9].

В проведенном исследовании были использованы методы сравнительного анализа, экономико-статистические и методы экспертных оценок.

Результаты и их обсуждение

Рассмотрим в данной статье базовый фактор процесса глобализации – цифровые технологии в разных областях хозяйственной жизни.

Авторство термина «цифровая экономика» приписывается двум ученым: канадцу Дону Тапскотту, который опубликовал свою работу под названием «Цифровая экономика: обещание и опасность в эпоху сетевой разведки» в 1994 г., и американцу Николасу Негропонте, который в 1995 г. сформулировал концепцию электронной (цифровой экономики). Впоследствии вопросам возможного влияния цифровизации на процессы в экономике, а также на проводимую экономическую политику занимались: Р. Бухт, Р. Хикс, Д. Йоргенсон, Б. Нейлбафф, Й. Кристенсен, Р. Стоф и многие другие. В России исследования в области цифровой экономики стали проводиться только последнее десятилетие. Среди наиболее активных ученых, прежде всего, следует упомянуть А. В. Бабкина, Л. М. Гохберг, И. В. Горохову, А. И. Гретченко, А. А. Гретченко, Л. Д. Капранову, Т. Н. Юдину и др. [10].

В 2015 г. профессор К. Шваб на форуме в Давосе дал старт процессу цифровизации жизнедеятельности людей на планете. В своей широко известной работе «Четвертая промышленная революция человечества» он рассмотрел перспективы цифровизации и необходимость тех-

нологических платформ для обеспечения людей экономически комфортной жизнью или, как он выразился, «экономикой совместного потребления».

К. Шваб утверждает, что благодаря массовой популяризации мобильных устройств, а также повсеместной доступности хорошего Интернета появились социальные сети и мессенджеры. Это всем известные: «ВКонтакте», «Одноклассники», Instagram, Facebook, WhatsApp, Viber, Telegram, Skype, Twitter, Reddit и многие-многие другие. Эв. Уильямс, соучредитель Twitter, сказал: «Интернет делает человеческие желания более легко достижимыми. Другими словами, это обеспечивает удобство. Удобство работы в Интернете в основном достигается за счет двух вещей – скорости и удобства восприятия. Если вы изучите, что такое действительно важные вещи в Интернете, вы поймете, что они мастера делать все быстро и не заставлять людей думать».

Шведская инвестиционная компания Vostok New Ventures в 2018 г. так оценивала состояние рынка: Avito – 63%, YouDO – 1%, «Моя реклама» – 2%, «Из рук в руки» – 3%, Youla – 4%, Profi.ru – 6%, остальные – 20%.

Можно также упомянуть и поисковые сервисы. Они дают возможность пользователям получить доступ к информации. Например, оповещают о погоде, пробках на дороге, рассказывают политические, экономические или социальны новости, дают доступ к музыке и фильмам без необходимости скачивать их. Это: «Яндекс», Google, Bing, Yahoo и многие-многие другие. Данные сервисы мгновенно делают доступными огромные базы данных, что существенно упрощает жизнь.

Важность цифровых технологий в современном мире подтверждает тот факт, что, несмотря на молодость данной сферы деятельности, происходит ее быстрая монополизация. В настоящее время более 90% всей цифровой экономики контролируется несколькими компаниями: Amazon, Microsoft, Apple, Google, Meta Plattforms Inc (Facebook) и такими китайскими гигантами как TSMC, Huawei, Alibaba, Tencet [2].

Цифровые технологии активно проникают практически во все отрасли, и в настоящее время все товары народного потребления имеют уникальный QR-код, который числится не только в базе данных фирм-производителей, но и государственном реестре. Большая линейка дорогостоящих товаров дополнительно оснащена маячком-определителем (RFID), или радиопередатчиком. Это очень удобно, прежде всего, для тех компаний, которые имеют разветвленные цепочки поставок, что позволяет им с наименьшими затратами контролировать логистику предприятия.

Примером быстро растущей цифровой платформы является бизнес-модель компании Uber, известная на мировой арене как американская компания, создавшая мобильное приложение для поиска, вызова и оплаты такси и других услуг, связанных с транспортом. С 2011 г. в Москве компания «Яндекс» запустила новый сервис – «Яндекс.Такси». В 2017 г. эти две компании («Яндекс» и Uber) подписали соглашение об объединении бизнеса и сервисов по онлайн-заказу такси в России и странах СНГ.

Услуги, оказываемые этими сервисами, благодаря датчикам, можно отследить в реальном времени: маршрут и динамику передвижения такси, местоположение курьеров, номенклатуру, наличие и стоимость товаров и т. д.

С развитием цифровых платформ обозначилось еще одно интересное понятие – «экономика по требованию». Оно заставляет нас задуматься над следующим вопросом: что больше ценится – владение самим активом, используемым для оказания услуги, или платформой, упрощающей доступ к этой услуге и/или вещи?

Том Гудвин, специалист по стратегии, написал в своей статье, опубликованной в TechCrunch в марте 2015 г.:

«Крупнейшая в мире компания такси Uber не является собственником транспортных средств. Самый популярный в мире медийный собственник Facebook не создает контента. Самый дорогостоящий розничный продавец Alibaba или eBay не имеет товарного запаса. Крупнейший в мире поставщик услуг по временному проживанию Airbnb не является владельцем недвижимости» [11]. И хотя у всех названных выше компаний нет значительных реальных активов, они тем не менее с каждым годом становятся все более популярными по сравнению с компаниями, чьими услугами мы пользуемся через привычные торговые сети. Таким образом сторонники глобализации подталкивают нас к «правильному решению»: залогом нашего счастливого будущего является отказ от личной собственности, хотя это может показаться нелогичным, но это так.

Россия с точки зрения развития цифровой экономики относится к блоку перспективных стран. Цифровая экономика у нас все еще считается новым направлением, не так сильно развитым, но все же быстро развивающимся видом новой электронной экономики. Этого мнения придерживаются В. А. Почебут и Н. А. Стефанова [12]. Из их слов выделим несколько преимуществ цифровой экономики:

– возможность эффективной продажи товаров в Интернете без необходимости перемещать их между площадками продажи и хранения, что снижает стоимость товаров и услуг;

– расширение круга потенциальных покупателей и поставщиков за счет организации глобальных интернет-площадок;

– уменьшение количества нормативной, в основным бумажной документации: больше не надо оформлять многократное передвижение товара из одной точки в другую; исчезает документация по аренде помещения под продажу (которое не требует оснащения), зарплату работников, которых больше не надо учитывать из-за их отсутствия. Кроме этого, многие документы оформляются автоматически программой или их составляют люди в электронной форме.

К плюсам цифровой экономики можно отнести следующее [13]:

– на смену очередям в банках пришел интернет-банкинг. Страхование, здравоохранение и образование также переходят в онлайн, как и многие продукты и средства массовой информации, о которых давно писали;

– жизнь в цифровой экономике обычно осуществляется с помощью электронных способов оплаты, что помогает уменьшить поток денег на черный рынок, коррупцию и повысить прозрачность экономики.

Потребность в развитии цифровой экономики в настоящее время трудно переоценить для России: перестройка экономики с сырьевой направленности на высокотехнологичное, инновационное производство с высокой долей добавленной стоимости означает потребность в развитии прикладной и фундаментальной наук; для обслуживания сложного оборудования и новых технологий нужна интенсивная подготовка высокообразованных и высококвалифицированных научных и производственных кадров, способных насытить нашу национальную экономику новыми конкурентоспособными товарами и услугами; это обеспечение национальной безопасности государства и, в конце концов, высокого уровня благосостояния народа.

Однако мы должны учитывать и то, что Россия включилась в общемировую тенденцию формирования цифрового миропорядка, не только отставая в уровне технологического развития от передовых стран, но и в полной зависимости от них: в 2019 г. импорт ИТ-технологий и комплектующих превысил 88%, что ставит под вопрос национальную безопасность страны. Кроме этого, отечественное производство значительно отстает от них по уровню автоматизации и роботизации,

особенно это касается подавляющего большинства предприятий обрабатывающих отраслей.

Вклад цифровизации в ВВП страны из года в год увеличиваться (данные представлены на рис. 1), и мониторинг развития информационного общества в РФ в 2021 г. показал и ряд положительных результатов [14]:

– с каждым годом возрастает число абонентов, имеющих широкополосный доступ в Интернет. За период с 2011 г. по 2021 г. их число увеличилось на 94, 26%;

– уровень цифровизации местной телефонной сети возрос за период с 2011 г. по 2021 г. на 12,54%;

– увеличился удельный вес занятых в сфере ИКТ от общего объема занятых на 0,1% в 2021 г. по сравнению с 2020 г.;

– доля организаций, использующих Интернет за последний год, увеличилась на 1,1%;

– за последние 10 лет доля домашних хозяйств, имеющих доступ к сети Интернет в общем количестве хозяйств, увеличилась на 47,89%.

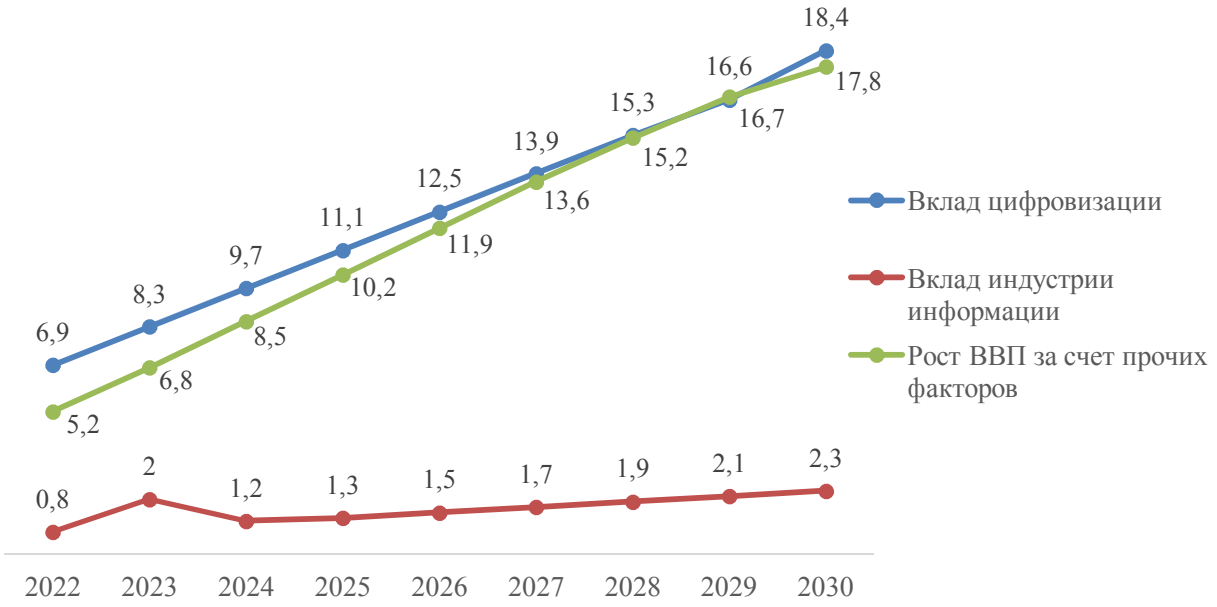

Рис. 1. Вклад цифровизации в рост ВВП накопленным итогом в 2022–2030 гг., %

Наибольших успехов цифровизация достигла в финансовом секторе экономики. В банковском секторе идет активное формирование экосистем.

В РФ стал стремительно расти рынок электронной торговли. По данным ежегодного отчета компании Data Insight, только за период с 2020 по 2021 гг. объем заказов в интернет-торговле увеличился на 104%, а объем рынка достиг 4,1 трлн руб. и за год увеличился на 52% [3; 7; 8; 15; 16]. Рассмотрим стремительное увеличение заказов в электронной торговле (рис. 2).

Для эффективного развития цифровых технологий Правительство РФ разработало ряд законодательных инициатив, но тем не менее РФ не входит в группу лидеров по ее развитию.

Согласно данным Международного союза электросвязи (МСЭ) и Всемирного банка, уровень развития ИКТ (индекс развития информационно-коммуникационных технологий) и ГИБ (глобальный индекс кибербезопасности) в России составляет 0,73 и 0,83 соответственно, и мы входим в группы таких стран, как Польша (0,69; 0,83), Турция (0,6; 0,85), Малазия (0,6; 0,87), значительно отставая от Германии (0,85; 0,84), Франции (0,79; 0,85), Японии (0,85; 0,87), Великобритании (0,88; 0,9) и США (0,84; 0,9).

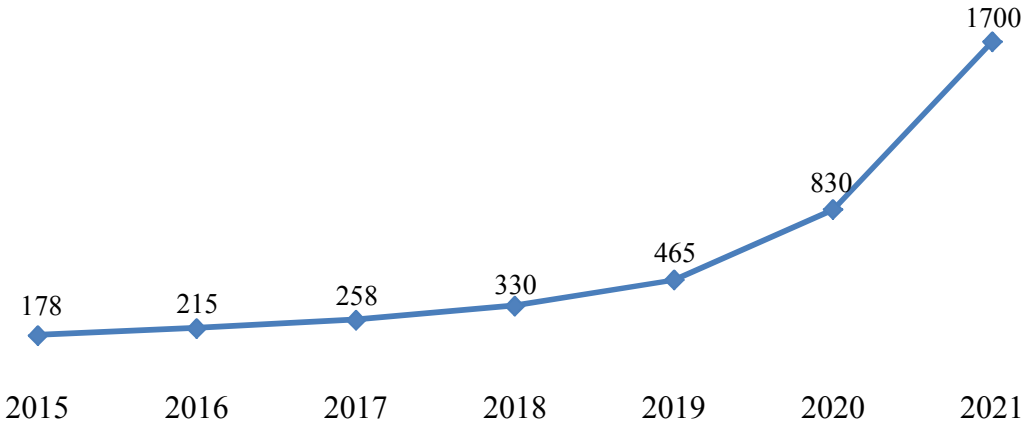

Рис. 2. Динамика количества заказов в электронной торговле в РФ в 2015–2021 гг.

Однако в развитии цифровой экономики РФ существует ряд проблем.

Согласно исследованию высшей школы экономики, за период с 2018 г. по 2020 г. внутренние затраты на развитие цифровой экономики возросли с 1,9% до 2%, тогда как по целевым показателям ее развития в Национальном проекте [17; 18] показатель должен был составлять 2,5%. Доля домохозяйств, имеющих широкополосный доступ в Интернет, возросла с 73,2% в 2018 г. до 77% в 2020 г., а должна была достигнуть 84%.

В 2021 г. происходит ухудшение показателей ресурсной базы инновационных исследований. Так, доля затрат на научные исследования в сфере ИКТ снизилась по сравнению с 2020 г. на 0,6%, уменьшилась и численность исследователей на 1 тыс. человек на 1,8.

На 2021 г. Россия занимает следующие рейтинги в цифровом развитии:

– 48 место из 134 по индексу готовности к сетевому обществу;

– 43 место из 63 по всемирному рейтингу цифровой конкурентоспособности;

– 25 место из 120 по индексу инклюзивного интернета;

– 36 место из 193 по индексу развития электронного правительства;

– 41 место из 152 по индексу электронной торговли.

Ухудшился и ряд показателей по цифровизации в органах государственной власти. Так, доля государственных организаций, использующих локальные вычислительные сети, уменьшилась в 2021 г. по сравнению с 2022 г. на 7,6%, средства электронной цифровой подписи – на 11,4%, системы электронного документооборота – на 5,5%.

Недостаточно развит в нашей стране и уровень информационной безопасности. Согласно глобальному индексу кибербезопасности, Россия занимает 26 место. Существенное отставание от ведущих стран мира наметилось по таким составляющим данного индекса, как:

– технические аспекты кибербезопасности;

– навыки страны в построение систем кибербезопасности;

– международное сотрудничество.

Еще одной серьезной угрозой в условиях цифровизации является рост сектора теневой экономики. Доля теневого сектора в РФ составляла в 2021 г. 39,29% ВВП. Тогда как в странах Европы данный показатель не превышает 30%, а в Японии и США – 10% ВВП [3; 14; 15]. Доля теневой экономики в странах мира в 2021 г. представлена ниже (рис. 3).

Согласно данным аналитического доклада «Барьеры в развитии цифровой экономики в РФ», наибольшие сложности в развитии цифровых технологий связаны со следующими факторами: недостаточное нормативно-правовое регулирование; трудности в привлечении финансирования; длительный срок окупаемости и т. д.

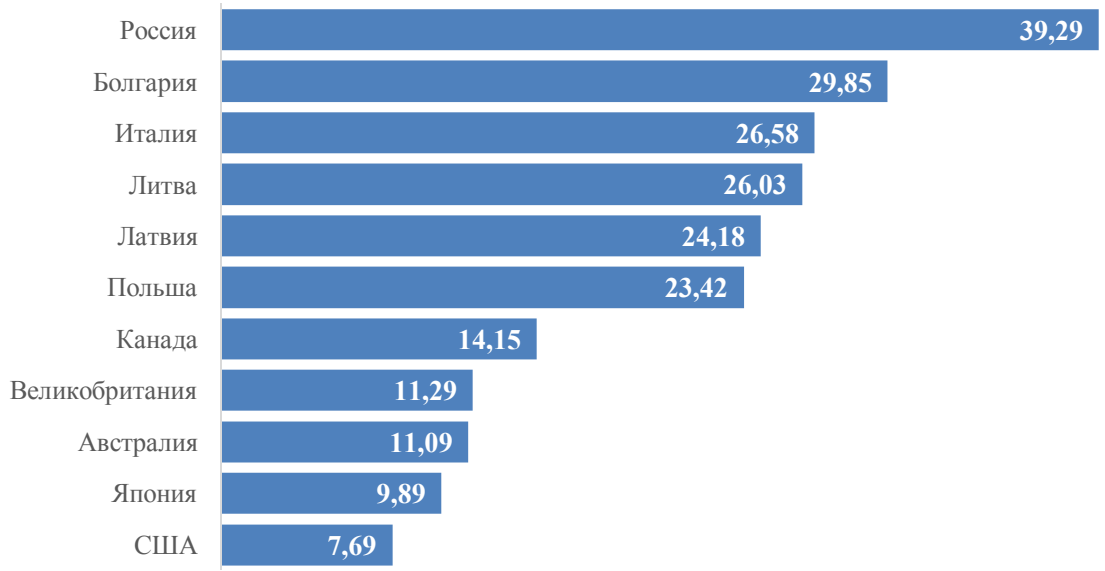

Рис. 3. Доля теневой экономики в странах мира, % от ВВП

В последние годы к данным проблемам также прибавилась нестабильность мировой политической обстановки. В результате неустойчивости российского рынка усугубившееся в связи с пандемией и санкционной войной, объявленной нам западом во главе с главным их идеологом США, темпы роста цифровизации заметно снижаются.

Да и сама цифровизация несет немало рисков и угроз: в числе глобальных – возможности негативного воздействия извне с целью влияния на политическую и экономическую ситуацию в стране и, следовательно, на социальную структуру общества [8; 11; 19].

Возрастает степень уязвимости каждого человека в Интернете. В условиях цифровизации почти все частные данные и личная информация хранятся на глобальных платформах, что делает их уязвимыми. Также цифровизация может оказать негативное воздействие и на рынок труда, где существенно повышается риск потери работы. Всё новые технологии, внедряясь, изменяют профессиональные требования к профессиям и набор необходимых человеку компетенций для комфортного существования. Конечно, это не приведёт к массовым безработицам, но при отсутствии функционирующей системы переподготовки кадров в стране может возникнуть безработица структурная. Также формируется неравенство в оплате труда. Более востребованные и высокотехнологичные профессии в сфере информационных технологий намного лучше оплачиваются. Помимо этого, новые рынки, связанные с цифровизацией, могут быть захвачены транснациональными компаниями; разный доступ к цифровым «благам» приводит к усугублению социального неравенства.

Несомненно, самым большим риском является колоссальный рост компьютерной преступности и мошенничества в кредитно-финансовой сфере. Огромное число людей, необученных и неприспособленных к работе с новыми технологиями, часто становятся жертвами злоумышленников и теряют своё благосостояние.

Не стоит недооценивать непредсказуемость искусственного интеллекта, исследования которого в наше время является приоритетным направлением. Но любое бесконтрольное со стороны общества и государства изучение искусственного интеллекта может превратиться в огромные проблемы для человечества, так как искусственный интеллект, овла-

дев способностью к самосовершенствованию, сможет эволюционировать самостоятельно, независимо от людей, и его решение в отношении человечества невозможно предсказать.

Да и сам человек все больше становится зависим от смартфонов, Интернета, компьютеров, а следовательно, не только постоянно наблюдает, но и управляет: согласно исследованиям компании Microsoft, концентрация внимания современного человека на поток поступающей информации сократилась с 30 до 8 секунд. Поэтому люди стали значительно меньше читать книги; сложно долго удерживать внимание на одном сюжете, сознание становится клиповым, интуитивное восприятие мира заменяет рациональное, все это приводит к упрощению человека как личности, им становится легче манипулировать и СМИ, и представителями власти. Конечно, основной целью воздействия с помощью цифровых технологий является молодежь, ведь им жить и работать в новом цифровом мире в новых реальностях [1; 2; 5; 6; 8].

Об этом нам постоянно говорят многие ученые, писатели, режиссеры, творческая интеллигенция. Достаточно вспомнить такие фильмы, как «Суррогаты» режиссера Джонатана Мостоу, «Матрица» Э. и Л. Вачовски, «Сфера» Джеймса Понсольдта. Об этом писали В. В. Иванов, Г. Г. Малинецкий и т. д. [19; 20].

Выводы

Прогнозные оценки вызовов и рисков формирования цифровой экономики в России, планирование процесса цифровизации отечественной экономики возможны только при создании российских ИТ-компаний, работающих на отечественных цифровых технологиях и программах, при эффективном взаимодействии всех слоев общества. Основой такой системы должен быть принцип взаимного доверия, что позволит провести цифровизацию стратегически важных отраслей и обеспечит для России выход в число передовых стран мира, а следовательно, лидерство на глобальных мировых рынках.

К сожалению, процесс цифровизации в настоящее время направлен в основном на то, чтобы дать человеку удобную игрушку и погрузить его в виртуальный мир, отвлекая его от повседневных проблем и забот. И здесь будет уместным повторить вопрос, который поставил перед обществом профессор Г. Г. Малинецкий в своей статье «Цифровая экономика: от теории к практике»: мы хотим создать экономику для человека или человека для экономики?

Список литературы

1. Глазьев С. Ю. О глубинных причинах нарастающего хаоса и мерах по преодолению экономического кризиса. URL: https://glazev.ru/articles/1-mirovoy-krizis/78041-o-glubinnykh-prichinakh-narastajushhego-khaosa-i-merakh-po-preodoleniju-jekonomicheskogo-krizisa (дата обращения: 11.09.2022).

2. Шманев С. В. Цифровая экономика в России: Мифы, реальность, перспективы развития (синергетический подход) // Вестник ОРЕЛГИЭТ. 2019. № 1(47). С. 133–136.

3. Управление рисками с применением современных технологий искусственного интеллекта и анализа больших данных / Н. Н. Гоглев, Е. В. Касаткина, С. А. Мигалин, О. И. Муштак // Цифровая экономика. 2022. № 2(18). С. 38–45.

4. Созыкина М. С. Понятие цифровой экономики в России // Достижение науки и образования. 2018. № 18(40). С. 25–27.

5. Шманев С. В., Шманева Л. В., Егорова Т. Н. Особенности государственной экономической политики в условиях глобализации и модернизации // Научные записки ОрелГИЭТ. 2015. № 1(11). С. 353–358.

6. Шманев С. В. Современное состояние цифровой экономики в России и перспективы ее развития // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 3. С. 44–52.

7. Шманев С. В., Морковкин Д. Е., Донцова О. И. Стратегические ориентиры государственного регулирования национальной экономики в условиях цифровизации: монография. М.: КноРус, 2021. 178 с.

8. Шибаева Н. А. Цифровое пространство в новой экономике // Россия: тенденции и перспективы развития. 2018. № 13-1. С. 1–3.

9. Assessment of the global energy potential and existing areas of innovative development in the context of environmental safety / A. Gibadullin, I. Abanina, M. Medvedeva, L. Shmaneva, G. Alekseeva, D. Morkovkin // E3S Web of Conferences. 13th International Scientific and Practical Conference on State and Prospects for the Development of Agribusiness, INTERAGROMASH 2020, 2020. P. 14012.

10. Гретченко А. И., Горохова И. В., Гретченко А. А. Формирование цифровой экономики России // Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. 2018. № 3(99). С. 3–11.

11. Стефанова Н. А., Почебут В. А. Мифы и реалии цифровой экономики в России // Актуальные вопросы современной экономики. 2017. № 4. С. 58–63.

12. Скруг В. С. Трансформация промышленности в цифровой экономике // Креативная экономика. 2018. Т. 12, № 7. С. 943–952.

13. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Э, 2017. 138 с.

14. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. URL: https://digital.gov.ru/ru/events/38738/ (дата обращения: 11.09.2022).

15. Масыч М. А. Технологии использования интеллектуальных ресурсов в контексте необходимости повышения производительности труда в условиях цифровой экономики // Вопросы инновационной экономики. 2019. Т. 9, № 4. С. 1443–1458.

16. Шманев С. В., Шманева Л. В., Егорова Т. Н. Особенности государственной экономической политики в условиях глобализации и модернизации // Научные записки ОрелГИЭТ. 2015. № 1(11). С. 353–358.

17. О системе управления реализации программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: Постановление Правительства Российской Федерации от 28 августа 2017 г. № 1030 URL: http://www.ohranatruda.ru>upload…c40/Programma…ekonomiki-v… (дата обращения: 11.09.2022).

18. О системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: Постановление Правительства Российской Федерации от 2 марта 2019 г. № 234. URL: http://www.base.garant.ru>72190034/ (дата обращения: 11.09.2022).

19. Иванов В. В., Малинецкий Г. Г. Цифровая экономика: мифы, реальность, перспектива. М.: Российская академия наук. 2017. 63 с.

20. Иванов В. В., Малинецкий Г. Г. Цифровая экономика: от теории к практике // Инновации. 2017. № 12(230). С. 3–12.

References

1. Glaz'ev S. Yu. O glubinnyh prichinah narastayushchego haosa i merah po preodoleniyu ekonomicheskogo krizisa [About the deep causes of the growing chaos and measures to over-

come the economic crisis]. Available at: https://glazev.ru/articles/1-mirovoy-krizis/78041-o-glubinnykh-prichinakh-narastajushhego-khaosa-i-merakh-po-preodoleniju-jekonomicheskogo-krizisa. (accessed 11.09.2022)

2. Shmanev S. V. Cifrovaya ekonomika v Rossii: Mify, real'nost', perspektivy razvitiya (sinergeticheskij podhod) [Digital economy in Russia: Myths, reality, prospects of development (synergetic approach)]. *Vestnik ORELGIET = Vestnik ORELGIET*, 2019, no.1(47), pp. 133–136.

3. Goglev N. N., Kasatkina E. V., Migalin S. A., Mushtak O. I. Upravlenie riskami s primeneniem sovremennyh tekhnologij iskusstvennogo intellekta i analiza bol'shih dannyh [Risk management using modern technologies of artificial intelligence and big data analysis]. *Cifrovaya ekonomika = Digital Economy*, 2022, no. 2(18) pp. 38–45.

4. Sozykina M. S. Ponyatie cifrovoj ekonomiki v Rossii [The concept of the digital economy in Russia]. *Dostizhenie nauki i obrazovaniya = Achievement of Science and Education*, 2018, no. 18(40), pp. 25–27.

5. Shmanev S. V., Shmaneva L. V., Egorova T. N. Osobennosti gosudarstvennoj ekonomicheskoj politiki v usloviyah globalizacii i modernizacii [Features of state economic policy in the context of globalization and modernization]. *Nauchnye zapiski OrelGIET = Scientific Notes of Orel-GIET*, 2015, no. 1(11), pp. 353–358.

6. Shmanev S. V. Sovremennoe sostoyanie cifrovoj ekonomiki v Rossii i perspektivy ee razvitiya [The current state of the digital economy in Russia and the prospects of its development]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sociologiya, Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2021, vol. 11, no. 3, pp. 44–52.

7. Shmanev S. V., Morkovkin D. E., Doncova O. I. Strategicheskie orientiry gosudarstvennogo regulirovaniya nacional'noj ekonomiki v usloviyah cifrovizacii [Strategic guidelines for state regulation of the national economy in the conditions of digitalization]. Moscow, KnoRus Publ., 2021. 178 p.

8. Shibaeva N. A. Cifrovoe prostranstvo v novoj ekonomike [Digital space in the new economy]. *Rossiya: tendencii i perspektivy razvitiya = Russia: Trends and Prospects of Development*, 2018, no. 13-1, pp. 1–3.

9. Gibadullin A., Abanina I., Medvedeva M., Shmaneva L., Alekseeva G., Morkovkin D. Assessment of the global energy potential and existing areas of innovative development in the context of environmental safety. E3S Web of Conferences. 13th International Scientific and Practical Conference on State and Prospects for the Development of Agribusiness, INTERAGROMASH, 2020. P. 14012.

10. Gretchenko A. I., Gorohova I. V., Gretchenko A. A. Formirovanie cifrovoj ekonomiki Rossii [Formation of the Digital Economy of Russia]. *Vestnik Rossiiskogo ekonomicheskogo universiteta im. G. V. Plekhanova = Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics*, 2018, no. 3(99), pp. 3–11.

11. Stefanova N. A., Pochebut V. A. Mify i realii cifrovoj ekonomiki v Rossii [Myths and realities of the digital economy in Russia]. *Aktual'nye voprosy sovremennoj ekonomiki = Topical Issues of Modern Economics*, 2017, no. 4, pp. 58–63.

12. Skrug V. S. Transformaciya promyshlennosti v cifrovoj ekonomike [Transformation of industry in the digital economy]. *Kreativnaya ekonomika = Creative Economy*, 2018, vol. 12, no. 7, pp. 943–952.

13. Shvab K. Chetvertaya promyshlennaya revolyuciya [The Fourth Industrial Revolution]. Moscow, E Publ., 2017. 138 p.

14. Ministerstvo cifrovogo razvitiya, svyazi i massovyh kommunikacij Rossijskoj Federacii [Ministry of Digital Development, Communications and Mass Communications of the Russian Federation]. Available at: https://digital.gov.ru/ru/events/38738/. (accessed 11.09.2022)

15. Masych M. A. Tekhnologii ispol'zovaniya intellektual'nyh resursov v kontekste neobhodimosti povysheniya proizvoditel'nosti truda v usloviyah cifrovoj ekonomiki [Technologies of using intellectual resources in the context of the need to increase labor productivity in the digital economy]. *Voprosy innovacionnoj ekonomiki = Issues of Innovative Economy*, 2019, vol. 9, no. 4, pp. 1443–1458.

16. Shmanev S. V., Shmaneva L. V., Egorova T. N. Osobennosti gosudarstvennoj ekonomicheskoj politiki v usloviyah globalizacii i modernizacii [Features of state economic policy in the context of globalization and modernization]. *Nauchnye zapiski OrelGIET = Scientific Notes of Orel-GIET*, 2015, no. 1(11), pp. 353–358.

17. O sisteme upravleniya realizacii programmy "Cifrovaya ekonomika Rossijskoj Federacii" [On the Management system for the implementation of the Digital Economy of the Russian Federation Program]. Decree of the Government of the Russian Federation of August 28, 2017 № 1030. Available at: http://www.ohranatruda.ru>upload…c40/Programma...ekonomiki-v... (accessed 11.09.2022)

18. O sisteme upravleniya realizaciej nacional'noj programmy "Cifrovaya ekonomika Rossijskoj Federacii" [On the Management system for the implementation of the national program "Digital Economy of the Russian Federation"]. Decree of the Government of the Russian Federation of March 2, 2019 № 234. Available at: http://www.base.garant.ru >72190034/. (accessed 11.09.2022)

19. Ivanov V. V., Malineckij G. G. Cifrovaya ekonomika: mify, real'nost', perspektiva [Digital economy: myths, reality, perspective]. Moscow, Russian Academy of Sciences Publ., 2017. 63 p.

20. Ivanov V. V., Malineckij G. G. Cifrovaya ekonomika: ot teorii k praktike [Digital economy: from theory to practice]. *Innovacii = Innovations*, 2017, no. 12(230), pp. 3–12.

Информация об авторе / Information about the Author

Шманёв Сергей Владимирович, доктор экономических наук, профессор департамента экономической теории, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: shmanev_s_v@mail.ru,
Researcher ID: A-5585-2016,
ORCID: 0000-0003-1243-5100

Sergey V. Shmanev, Dr. of Sci. (Economics), Professor, Department of Economic Theory, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation,
e-mail: shmanev_s_v@mail.ru,
Researcher ID: A-5585-2016,
ORCID: 0000-0003-1243-5100

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-1-23-34

CC BY 4.0

Технологические инновации в мировом банковском секторе экономики

О. В. Ваганова[1] ✉, Д. В. Гордя[1], Сидибе Махамаду[1], В. Н. Голубоцких[1], Е. А. Прядко[1]

[1] Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы, д. 85, г. Белгород 308015, Российская Федерация

✉ e-mail: vaganova@bsu.edu.ru

Резюме

Актуальность. *На современном этапе развития экономики формируется новая модель функционирования банковского сектора, созданию которой способствует активная трансформация банковских услуг, развитие коммерческими банками непрофильного бизнеса. При этом рассмотрение вопросов трансформации банковских услуг, использование и внедрение технологических инноваций должны освещаться в контексте мирового экономического пространства в силу того, что развитие банковской сферы в различных странах мира обеспечивает развитие всего финансового рынка на глобальном уровне. Одним из видов технологических инноваций являются цифровые сервисы, которые стали основоположниками создания инновационных экосистем банков.*

Цель *– развитие и внедрение технологических инноваций на уровне мирового экономического пространства.*

Задачи. *В контур задач исследования вошло рассмотрение вопросов, связанных с трансформацией банковских услуг, использованием и внедрением технологических инноваций в финансово-кредитный сектор в контексте мирового экономического пространства.*

Методология. *Для достижения поставленной цели был изучен исторический аспект развития цифровизации банковской сферы, выявлены основные отличия традиционного банка от банка, представляющего собой экосистему сервисов, а также варианты регулирования работы экосистем, которые направлены на сдерживание развития коммерческими банками непрофильного бизнеса.*

Результаты. *В статье анализируются последние технологические инновации банков, дана оценка уровня развития технологических инноваций в различных банках мира. Установлено, что основой инновационных технологических платформ банков в различных странах мира выступают искусственный интеллект, машинное обучение, мобильные технологии, прямой доступ к данным. Подчёркнута важность усиления защиты персональных данных клиентов.*

Выводы. *Сделан вывод о том, что в настоящее время банки ведут работу по созданию экосистемы сервисов, позволяющих повысить их клиентоориентированность и устанавливать партнёрские отношения с бизнесом. Проблемой является то, что регуляторы негативно относятся к развитию коммерческими банками непрофильного бизнеса и для этого вводят ограничения, повышенные нормативы.*

Ключевые слова: *технологические инновации; банковская сфера; цифровые сервисы; банки; экосистема сервисов; технологии; криптовалюта; открытый банкинг; регулятор; ограничения.*

Конфликт интересов: *В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.*

Для цитирования: Технологические инновации в мировом банковском секторе экономики / О. В. Ваганова, Д. В. Гордя, Сидибе Махамаду, В. Н. Голубоцких, Е. А. Прядко // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2023. Т. 13, № 1. С. 23–34. https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-1-23-34.

Поступила в редакцию 20.12.2022 Принята к публикации 15.01.2023 Опубликована 28.02.2023

© Ваганова О. В., Гордя Д. В., Сидибе Махамаду, Голубоцких В. Н., Прядко Е. А., 2023

Technological Innovations in the World Banking Sector of the Economy

Oksana V. Vaganova[1] ✉, Daria V. Gordya[1], Sidibe Mahamadou[1], Vladimir N. Golubotskikh[1], Evgeniya A. Pryadko[1]

[1] Belgorod State National Research University
85 Pobedy Str., Belgorod 308015, Russian Federation

✉ e-mail: vaganova@bsu.edu.ru

Abstract

Relevance. *At the present stage of economic development, a new model of the banking sector is being formed, the creation of which is facilitated by the active transformation of banking services, the development of non-core business by commercial banks, based on the principles of the concept of open banking. At the same time, consideration of the issues of transformation of banking services, the use and implementation of technological innovations should be covered in the context of the global economic space, due to the fact that the development of the banking sector in various countries of the world ensures the development of the entire financial market at the global level. One of the types of technological innovations is digital services, which have become the founders of the creation of innovative banking ecosystems.*

The purpose *is the development and implementation of technological innovations at the level of the global economic space.*

Objectives. *The scope of the research objectives included consideration of issues related to the transformation of banking services, the use and implementation of technological innovations in the financial and credit sector in the context of the global economic space.*

Methodology. *To achieve this goal, the historical aspect of the development of digitalization of the banking sector was studied, the main differences between a traditional bank and a bank that provides an ecosystem of services were identified, as well as options for regulating the operation of ecosystems, which are aimed at curbing the development of commercial banks non-core business.*

Results. *The article analyzes the latest technological innovations of banks, assesses the level of development of technological innovations in various banks around the world. It has been established that the basis of innovative technological platforms of banks in various countries of the world are artificial intelligence, machine learning, mobile technologies, direct access to data. The importance of strengthening the protection of personal data of customers was emphasized.*

Conclusions. *It is concluded that banks are currently working to create an ecosystem of services that allow them to increase their customer focus and establish partnerships with businesses. The problem is that regulators have a negative attitude towards the development of non-core business by commercial banks and for this they introduce restrictions and increased standards.*

Keywords*: technological innovations; banking; digital services; banks; ecosystem of services; technologies; cryptocurrency; open banking; regulator; restrictions.*

Conflict of interest*: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.*

For citation: Vaganova O. V., Gordya D. V., Sidibe Mahamadou, Golubotskikh V. N., Pryadko E. A. Technological Innovations in the World Banking Sector of the Economy. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2023; 13(1): 23–34. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-1-23-34.

Received 20.12.2022 Accepted 15.01.2023 Published 28.02.2023

***

Введение

Трансформация финансовой сферы происходит за счёт ускоренного роста технологических инноваций, которые внедряются не только на промышленных предприятиях, но и в сфере слуг, в т. ч. и банковской сфере. Развитие банковской сфере в различных странах мира обеспечивает развитие финансового рынка на глобальном уровне. Одним из видов тех-

нологических инноваций являются цифровые сервисы, которые стали основоположниками создания инновационных экосистем банков. При помощи цифровых сервисов происходит изменение принципов и улучшение качества предоставляемых услуг клиентам, а также ускоряются и увеличиваются объёмы совершаемых транзакций онлайн. Следовательно, новые технологические инновации повышают конкуренцию в банковской отрасли, которая выражается формированием более усовершенствованных экосистем, позволяющих всесторонне удовлетворять потребности клиентов независимо от времени и способа их получения [1, с. 6].

Целью данной статьи является проведение исследования в области развития технологических инноваций, выявление тенденции и проблем их внедрения банками в мировом экономическом пространстве.

Материалы и методы

Для достижения поставленной цели и решения прикладных задач был изучен исторический аспект развития процесса цифровизации банковской сферы, отражённый в работах как отечественных, так и зарубежных ученых, таких как М. А. Мирошниченко, Е. Г. Руссу, Е. А. Котылева [2, с. 149]. Основные отличия традиционного банка от банка, теоретические аспекты функционирования экосистемных сервисов, а также варианты регулирования работы экосистем отражены в работах следующих учёных: Н. М. Азарченкова, Н. И. Быкановой, В. В. Бехер [3, с. 26], О. В. Вагановой. При анализе социально-экономической эффективности электронных банковских услуг использованы труды Ю. Рагида, К. В. Орлова [4, с. 171]. Все это позволило выяснить основные направления развития банков и выработать предложения по нейтрализации сдерживания развития коммерческих банков.

Результаты и их обсуждение

Цифровая революция банковской сферы началась в середине 80-х годов прошлого века. В развитых странах этот процесс начался несколько раньше, там уже в это время компьютер стал распространённой вещью в обычных семьях. Следовательно, существует некоторое различие в темпах развития цифровых услуг в банковской деятельности. Но тем не менее процесс развития цифровых услуг становится сбалансированным в мировом экономическом пространстве, что выражается не только в использовании высококачественных программных продуктов, но и отражается в независимых рейтингах и отзывах клиентов мировой банковской системы. В последние годы российский банковский сектор показал выдающиеся результаты в области оцифровки услуг и управления клиентами [5, с. 146]. Внедрение инновационных технологий происходит достаточно интенсивно и эффективно. Создаются банковские экосистемы, которые повышают конкурентоспособность банков. Для понимания сущности развития банковской экосистемы необходимо разобраться с рядом основных отличий традиционного банка от экосистемы. Воспользуемся исследованиями К. С. Бохона (табл. 1).

Таким образом, при создании экосистемы сервисов банк не только повышает клиентоориентированность, но и становится надежным партнером бизнеса. Однако регуляторы различных стран мира негативно относятся к развитию коммерческими банками непрофильного бизнеса, который ведет к увеличению иммобилизированных активов. Решение таких проблем в каждой стране проводится посвоему. В России, например, Центральный банк разработал следующие варианты регулирования работы экосистем [7, с. 57]:

– разграничение банковской и небанковской деятельности коммерческих

банков. Такие ограничения в настоящее время уже применяются в США и Великобритании;

– установлен ограничительный коэффициент риска в размере 1250% по отношению к инвестиционной деятельности;

– установлен в отношении инвестирования банком лимит в процентах от собственного капитала;

– выделен в отдельный сегмент системно значимые банки, и установлены для них повышенные нормативы.

Однако перечисленные меры нуждаются в корректировке на фоне растущей конкуренции экосистем банков на мировом уровне.

В настоящее время различными банками мира инициируется разработка цифровых сервисов с помощью таких технологий, как Big Data, Data mining, AI (искусственный интеллект), блокчейн. Обзор технологических инноваций, внедрённых ведущими банками России по исследованиям М. А. Мирошниченко и Е. Г. Руссу, приведен ниже (табл. 2).

Таблица 1. Основные отличия традиционного банка от банка, который предоставляет собой экосистему сервисов [6, с. 202]

Тип банка	Характерные признаки
Классический банк	• Клиент получает банковские услуги в точках обслуживания. • Банк не имеет системы дистанционного обслуживания клиентов. • Низкий уровень гибкости к происходящим изменениям во внешней среде. • Недостаточная клиентоориентированность
Цифровой банк	• Клиенты используют цифровые сервисы банка. • Банком реализуются end-to-end цифровые бизнес-процессы. • Банком используется современная технологическая платформа, позволяющая быстро адаптироваться к изменениям во внешней среде. • Банк имеет развитую систему аналитики
Банк, который предоставляет собой экосистему сервисов	• Банком предоставляются цифровые сервисы на базе единого цифрового окна. • Банк выступает life-style партнером клиента. • Банк имеет технологическую платформу, к которой подключены его партнеры для предоставления цифровых услуг клиентам. • Клиенты банка могут одновременно использовать несколько цифровых сервисов банка

Таблица 2. Обзор технологических инноваций, внедренных ведущими банками России [8, с. 432]

Наименование банка	Технологические инновации
Банк «Открытие»	Создание цифрового сервиса для обработки и хранения архивов с помощью технологий Big Data
ПАО «ВТБ»	Внедрение системы Data Governance для автоматизации процессов проведения бизнес-анализа совместно с компанией DIS Group. Переход на платформу SAP HANA для обработки больших объемов данных в реальном режиме времени и совершенствования системы управления персоналом
ПАО «Сбербанк»	Внедрение роботизированных алгоритмов Sberbank и платформы БРИС ЖКХ
АО «Тинькоффбанк»	Чат-боты, электронные кассовые чеки, внедрение облачных технологий

Для оценки уровня развития технологических инноваций в различных банках мира компаний Deloitte было проведено исследование среди 318 банков, размещенных в 39 странах мира. Результаты обработки исследований показали, что более 40% банков из разных стран мира увеличили количество бесконтактных платежей, 34% произвели полный цикл цифровизации бизнес-процессов, а 23% при предоставлении банковских услуг используют цифровые методы для верификации личности.

Рассмотрим индекс цифровизации банков мира по различным критериям компании Deloitte (рис. 1).

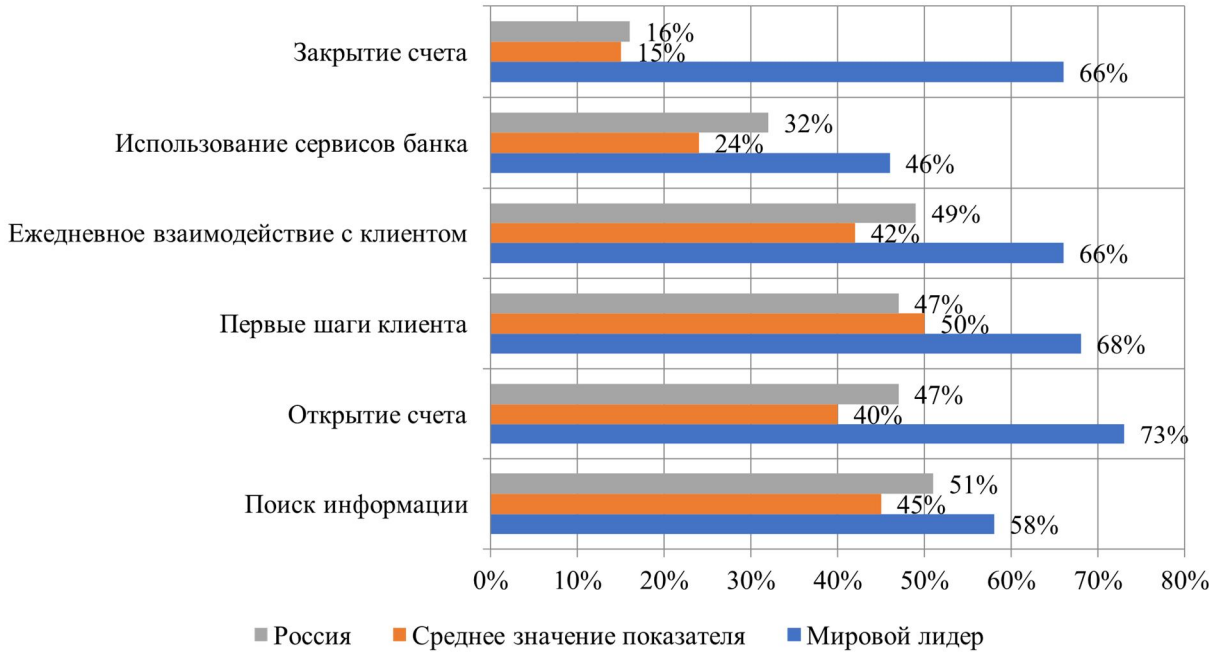

Рис. 1. Индекс цифровизации банков мира по различным критериям компании Deloitte [9]

По данным международного аналитического агентства Forrester Research, в настоящее время в банковском секторе в приоритете находятся цифровые каналы предоставления банковских услуг. По исследованиям агентства Forrester Research в Великобритании 40% клиентов выбирают цифровые банки, которые не имеют офисов и цифровых подразделений. Такие цифровые банки, как Novo (США), Brex (США), KoinWorks (Индонезия) и Qonto (Франция), выделили инвестиции в размере более 1 млрд долл. США на разработку цифровых платформ для предоставления кредитов и создания инструментов управления расходами [10].

Основой инновационных технологических платформ банков в различных странах мира выступают искусственный интеллект, машинное обучение, мобильные технологии, прямой доступ к данным. По исследованиям компании Markswebb топ-10 лучших мобильных банков России приведен ниже (рис. 2).

Среди технологических инноваций в банковском секторе следует отметить цифровые сервисы банка Aspiration (США), которые позволяют повышать интерес клиентов к решению экологических проблем [12].

В проекте основных направлений цифровизации финансового рынка на период 2022-2024 гг. Банка России среди технологических инноваций, которые реализуются регуляторами разных стран мира, отмечен открытый банкинг. От-

крытый банкинг – это новая концепция банковской деятельности, которая сформировалась на основе Payment Services Directive (PSD2) и Open Banking Remedy [13, с. 113]. В основе концепции открытого банкинга находится улучшение качества обслуживания клиентов банка посредством привлечения к предоставлению цифровых сервисов посредников, которые с согласия клиентов будут производить анализ их предпочтений.

По выполненным прогнозам, сегмент открытого банкинга в мире при среднегодовых темпах роста 24,4% к 2026 г. составит 43,15 млрд долл. США. В настоящее время регулирование данного сегмента рынка ведется странами Европейского союза, Австралией, Великобританией, Мексикой [14].

В проекте основных направлений цифровизации финансового рынка на период 2022-2024 гг. Банка России приводятся результаты исследований компаний EFMA и Infosys Finance. Рассмотрим наиболее востребованные технологические инновации в мире по данным компаний EFMA и Infosys Finance (рис. 3).

Однако при внедрении технологических инноваций банки в разных странах мира сталкиваются с проблемами, основные из которых приведены ниже (рис. 4).

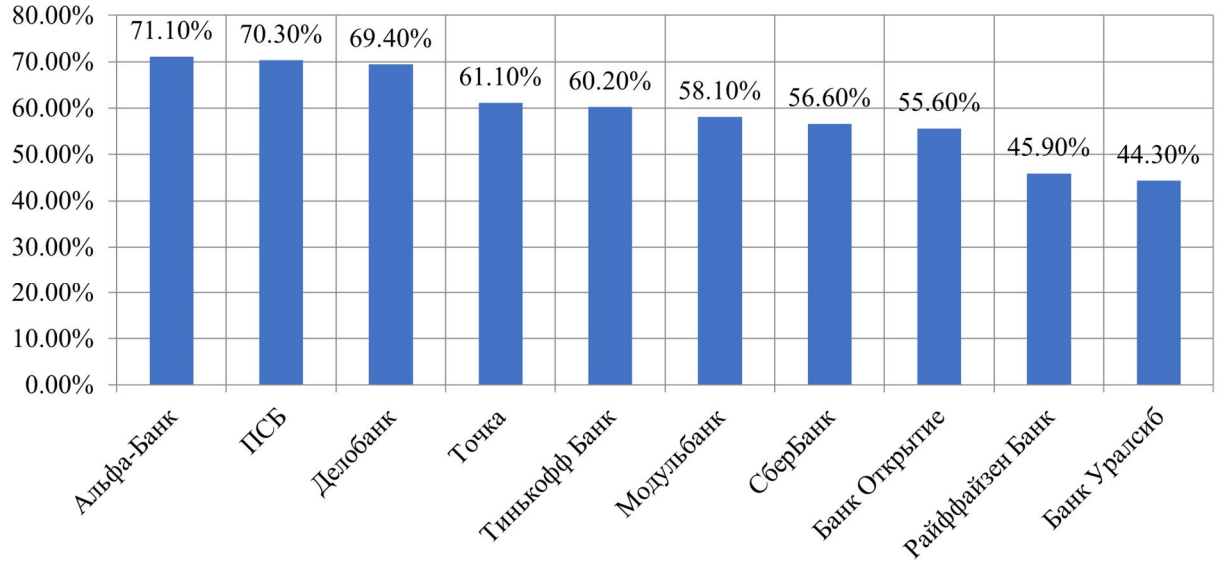

Рис. 2. Топ-10 лучших мобильных банков России [11]

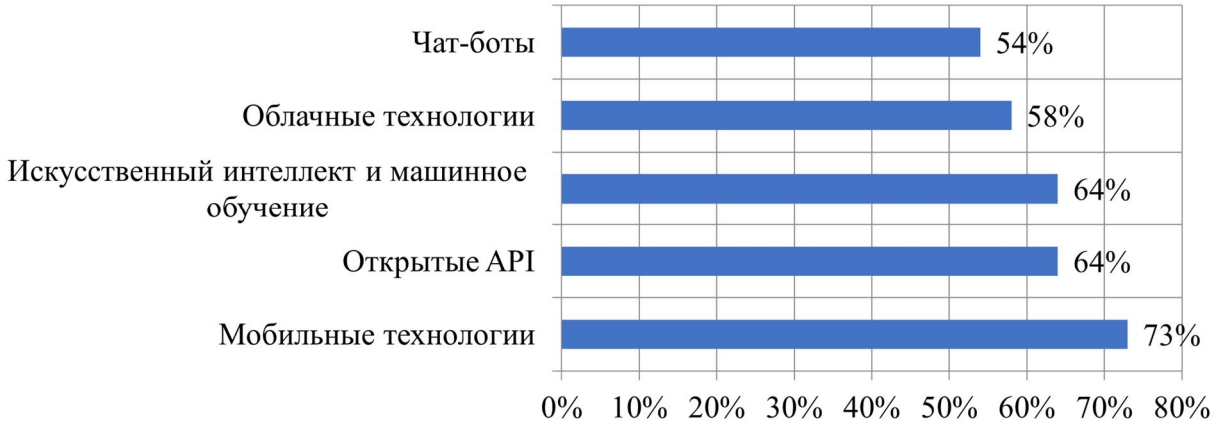

Рис. 3. Наиболее востребованные технологические инновации в мире по данным компаний EFMA и Infosys Finance [15]

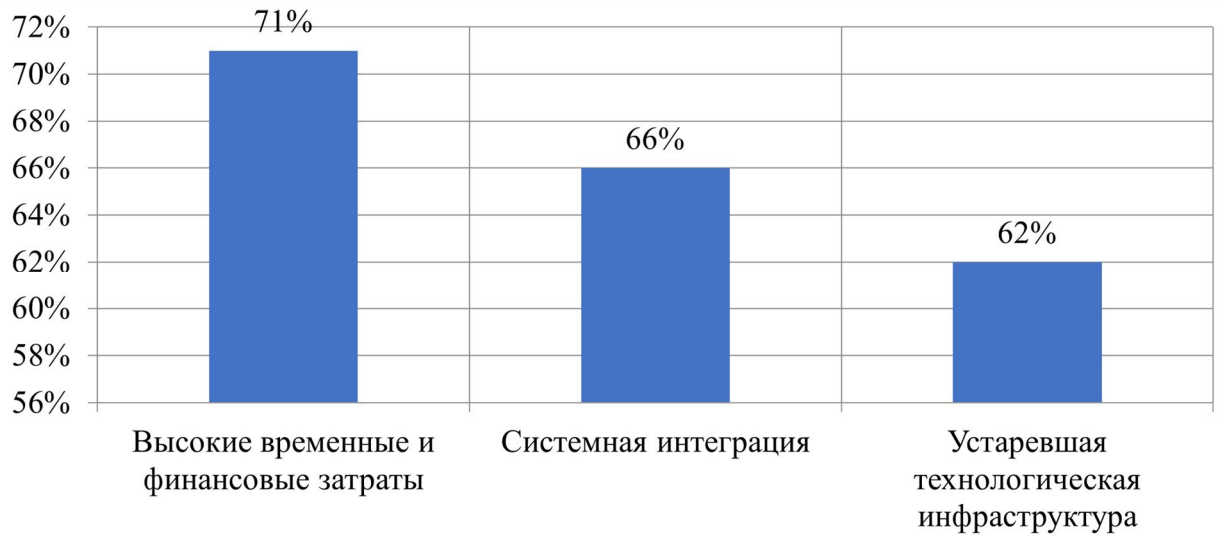

Рис. 4. Проблемы внедрения технологических инноваций банками разных стран мира

Технологические инновации происходят в надзорной и регуляторной деятельности банков. В регуляторной деятельности банков внедряются ReTech-решения, а в надзорной деятельности для нейтрализации финансовых рисков и сокращения временных затрат – SupTech-решения. По данным Банка России, 30 регуляторов разных стран мира утвердили SupTech-стратегию, а 11 регуляторов ведут ее разработку [14].

Несмотря на преимущества внедрения технологических инноваций банки подвергаются высоким рискам получения несанкционированного доступа к персональным данным клиентов. Например, как показывает официальная статистика МВД России, общее количество зарегистрированных преступлений, предусмотренных статьей 159 УК РФ «Мошенничество», совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, в 2021 г. увеличилось на 13,3% и достигло 238 560 преступных посягательств, что составляет 46,1% от общего числа всех преступлений обозначенной категории [16, с. 76]. За рубежом для решения данной проблемы ведется пересмотр системы защиты данных клиентов. В соответствии с рекомендациями Базельского комитета прием платежей онлайн предусматривает выполнение следующих требований [17, с. 101]:

– банк должен проводить идентификацию и вести мониторинг клиентов, представленных физическими и юридическими лицами;

– каждый банк должен вести разработку мероприятий по нейтрализации угроз получения несанкционированного доступа к персональным данным клиентов.

Для выполнения рекомендаций Базельского комитета международные банки проводят различные мероприятия [18]. Так, в странах Скандинавии проводится процедура запроса личного идентификатора клиента, а при открытии счета в банке США необходимо предоставить идентификационный номер налогоплательщика или личный номер социального страхования.

В отношении защиты данных в Дании достаточно много внимания уделяют проверке документов на подлинность, а в Японии каждый клиент банка подвергается проверке по месту проживания.

Кроме защиты персональных данных многие страны вводят систему дополнительных проверок. Например, в Бельгии каждый банк требует от клиента информацию о профессии, изменении адреса проживания, составе семьи, а в Великобритании и Сингапуре каждый клиент

проходит анкетирование и собеседование. Франция, в отличие от других стран, оценивает поведение клиентов и определяет их задолженность перед другими банками [1, с. 7].

В США для открытия счета на крупную сумму необходимо пройти идентификацию и освидетельствовать правильность и достоверность данных открытых счетов в предыдущем банке.

Для повышения уровня защиты данных Бразильским комитетом рекомендуется при заключении договора между банком и клиентом привлекать посредника или третью сторону. Вторым подходом является применяемая практика в Германии, где при открытии счета необходимо обязательное присутствие клиента. Уникальный механизм подтверждения подлинности клиента разработан компанией MeCard из США, которой рекомендуется использовать специальные микрочипы [19].

Следовательно, основными способами идентификации клиентов в банках мира являются получение доступа к информации клиентов в других банках, применение чипов, привлечение третьей стороны для подтверждения подлинности личных данных клиента.

Учёные Тамбовского государственного университета подтвердили гипотезу, что конкурентоспособность российской банковской системы снижается вследствие серьёзного сокращения высокоэффективных игроков – банков с иностранным участием [20, с. 144]. Мы в данной статье доказали, что российская экономика нуждается не только в иностранных инвестициях, но и в инновационных технологиях.

Выводы

На основании выполненного анализа тенденций развития технологических инноваций банками в мире можно сделать выводы, что в настоящее время банки ведут работу по созданию экосистемы сервисов, позволяющих повысить их клиентоориентированность и устанавливать партнерские отношения с бизнесом. Проблемой является то, что регуляторы негативно относятся к развитию коммерческими банками непрофильного бизнеса и для этого вводят ограничения, повышенные нормативы.

Было установлено, что основой инновационных технологических платформ банков в различных странах мира выступают искусственный интеллект, машинное обучение, мобильные технологии, прямой доступ к данным.

В настоящее время на мировом уровне активно развивается открытый банкинг, направленный на улучшение качества обслуживания клиентов банка посредством привлечения к предоставлению цифровых сервисов посредников, которые с согласия клиентов будут производить анализ их предпочтений.

В регуляторной деятельности банков внедряются ReTech-решения, а в надзорной деятельности для нейтрализации финансовых рисков и сокращения временных затрат – SupTech-решения.

Несмотря на преимущества технологических инноваций, банки подвергаются высоким рискам из-за низкого уровня защиты данных, частого хищения денежных средств посредством получения несанкционированного доступа к персональным данным.

Кроме защиты персональных данных многие страны вводят систему дополнительных проверок, используют чипы, привлекают третью сторону для подтверждения подлинности личных данных клиента.

Список литературы

1. Азарченков Н. М. Тенденции развития интернет-банкинга в современном мире // Прорывные экономические реформы в условиях риска и неопределенности: сборник статей Международной научно-практической конференции. Уфа: Уэтерна, 2019. С. 6–9.

2. Котылева Е. А., Семенов С. В., Дубровина Л. В. Цифровой рубль как средства стабилизации финансовой системы // Региональные проблемы преобразования экономики. 2020. № 12 (122). С. 149–155. https://doi.org/10.26726/1812-7096-2020-12-149-155.

3. Бехер В. В., Сенько Д. А., Питюркина Д. В. Цифровой рубль: новая реальность платежной системы России // Устойчивое развитие науки и образования. 2021. № 1 (52). С. 26–29.

4. Орлов К. В. Государственные криптовалюты (CBCC) // Вестник НИЦ «Строительство». 2020. № 4(35). С. 171–175.

5. Юсеф Рагид. Анализ социально-экономической эффективности электронных банковских услуг // Научный результат. Экономические исследования. 2022. Т. 8, № 3. С. 145–153. https://doi.org/ 10.18413/2409-1634-2022-8-3-0-12.

6. Бохон К. С. Финансовые технологии как фактор формирования экосистемы банка // Наука и инновации XXI века: сборник статей по материалам VII Всероссийской конференции молодых ученых: в 2 т. Сургут: Сургутский государственный университет, 2021. С. 202–204.

7. Introduction of the Latest Digital Technologies in the Banking Sector: Foreign Experience and Russian Practice / O. V. Vaganova, N. I. Bykanova, I. L. Mityushina, A.-S. Mohanad, R. Salim // Humanities and Social Sciences Reviews. 2019. N 7 (5). P. 789–796. https://doi.org/ https://doi.org/10.18510/hssr.2019.7599.

8. Мирошниченко М. А., Руссу Е. Г., Руссу К. Г. Современные технологии цифровизации и трансформации банковского бизнеса // Вестник Академии знаний. 2020. № 39 (4). С. 429–435. https://doi.org/10.24411/2304-6139-2020-10507.

9. Киракасянц А. Deloitte оценила уровень цифровизации банков. URL: https:// frankrg.com/25912 (дата обращения: 07.09.2022).

10. PwC CBDC global index April 2022. URL: https://www.pwc.com/gx/en/new-ventures/cryptocurrency-assets/pwc-global-cbdc-index-stablecoin-overview-2022.pdf (дата обращения: 07.09.2022).

11. Business Internet Banking Rank 2022. URL: https://markswebb.ru/report/business-mobile-banking-rank-2022/#msb_rating (дата обращения: 07.09.2022).

12. Тренды банковской информатизации. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/ Статья:Тренды_банковской_информатизации (дата обращения: 07.09.2022).

13. Быканова Н. И. Тренды в банковской отрасли в эпоху развития цифровых технологий // Научный результат. Экономические исследования. 2022. Т. 8, № 2. С. 107–118. https://doi.org/10.18413/2409-1634-2022-8-2-0-11.

14. Проект основных направлений цифровизации финансового рынка на период 2022–2024 гг. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/131360/oncfr_2022-2024.pdf (дата обращения: 07.09.2022).

15. The Rise of Public and Private Digital Money: A Strategy to Continue Delivering on The IMF'S Mandate. URL: https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators (дата обращения: 07.09.2022).

16. Мадатова О. В., Писаренко К. В. Организационно-правовой механизм обеспечения экономической безопасности граждан России от мошенничеств других физических лиц в сфере банковского кредитования // Научный результат. Экономические исследования. 2022. Т. 8, № 1. С. 74–84. https://doi.org/10.18413/2409-1634-2022-8-1-0-8.

17. Growth Points of Fintech Industry in the Perception of Financial Market Transformation / O. Vaganova, N. Bykanova, D. Gordya, D. Evdokimov // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences (EpSBS). 2021. N 103. P. 435–441. https://doi.org/10.15405/ epsbs.2021.03.54.

18. Progress of Research Research & Development of E-CNY in China. URL: http://www.pbc.gov.cn/en/3688110/3688172/4157443/4293696/2021071614584691871.pdf (дата обращения: 07.09.2022).

19. MeCard. URL: https://mecard.co/ (дата обращения: 07.09.2022).

20. Адамов Э. В., Черкашнев Р. Ю., Федорова А. Ю. Проблемы и перспективы развития банков с иностранным участием в России // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2019. Т. 9, № 3 (32). С. 136–146.

References

1. Azarchenkov N. M. [Internet Banking Development Trends in the Modern World]. *Proryvnye ekonomicheskie reformy v usloviyakh riska i neopredelennosti. Sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Breakthrough economic reforms in conditions of risk and uncertainty. Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference]. Ufa, Ueterna Publ., 2019, pp. 6–9. (In Russ.)

2. Kotyleva E. A., Semenov S. V., Dubrovina L. V. Tsifrovoi rubl' kak sredstva stabilizatsii finansovoi sistemy [Digital Ruble as a Means of Stabilizing the Financial System]. *Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki = Regional Problems of Economic Transformation*, 2020, no. 12 (122), pp. 149–155. https://doi.org/10.26726/1812-7096-2020-12-149-155

3. Bekher V. V., Sen'ko D. A., Pityurkina D. V. Tsifrovoi rubl': novaya real'nost' platezhnoi sistemy Rossii [Digital Ruble: New Reality of the Russian Payment System]. *Ustoichivoe razvitie nauki i obrazovaniya = Sustainable Development of Science and Education*, 2021, no. 1 (52), pp. 26–29.

4. Orlov K. V. Gosudarstvennye kriptovalyuty (SVSS) [Government Cryptocurrencies (SCC)]. *Vestnik NITs "Stroitel'stvo" = Bulletin of SIC "Stroitelstvo"*, 2020, no. 4(35), pp. 171–175.

5. Yusef Ragid. Analiz sotsial'no-ekonomicheskoi effektivnosti elektronnykh bankovskikh uslug [Analysis of the socio-economic efficiency of electronic banking services]. *Nauchnyi rezul'tat. Ekonomicheskie issledovaniya = Scientific Result. Economic Research*, 2022, vol. 8, no. 3, pp. 145–153. https://doi.org/10.18413/2409-1634-2022-8-3-0-12

6. Bokhon K. S. [Financial Technologies as a Factor in the Formation of the Bank's Ecosystem]. *Nauka i innovatsii XXI veka. Sbornik statei po materialam VII Vserossiiskoi konferentsii molodykh uchenykh* [Science and innovations of the XXI century. A collection of articles based on the materials of the VII All-Russian Conference of Young Scientists]. Surgut, Surgut State University Publ., 2021, pp. 202-204. (In Russ.)

7. Vaganova O. V., Bykanova N. I., Mityushina I. L., Mohanad A.-S., Salim R. Introduction of the Latest Digital Technologies in the Banking Sector: Foreign Experience and Russian Practice. *Humanities and Social Sciences Reviews*, 2019, no. 7 (5), pp. 789–796. https://doi.org/10.18510/hssr.2019.7599

8. Miroshnichenko M. A., Russu E. G., Russu K. G. Sovremennye tekhnologii tsifrovizatsii i transformatsii bankovskogo biznesa [Modern Technologies of Digitalization and Transformation of Banking Business]. *Vestnik Akademii znanii = Bulletin of the Academy of Knowledge*, 2020, no. 39 (4), pp. 429–435. https://doi.org/10.24411/2304-6139-2020-10507

9. Kirakasyants A. Deloitte otsenila uroven' tsifrovizatsii bankov [Deloitte assessed the level of digitalization of banks]. Available at: https://frankrg.com/25912. (accessed 07.09.2022)

10. PwC CBDC global index April 2022. Available at: https://www.pwc.com/gx/en/new-ventures/cryptocurrency-assets/pwc-global-cbdc-index-stablecoin-overview-2022.pdf. (accessed 07.09.2022)

11. Business Internet Banking Rank 2022. Available at: https://markswebb.ru/report/business-mobile-banking-rank-2022/#msb_rating. (accessed 07.09.2022)

12. Trendy bankovskoi informatizatsii [Bank Informatization Trends]. Available at: https://www.tadviser.ru/index.php/Stat'ya:Trendy_bankovskoi_informatizatsii. (accessed 07.09.2022)

13. Bykanova N. I. Trendy v bankovskoi otrasli v epokhu razvitiya tsifrovykh tekhno-logii [Trends in the banking industry in the era of digital technology development]. *Nauchnyi rezul'tat. Ekonomicheskie issledovaniya = Research Result. Economic Research*, 2022, vol. 8, no. 2, pp. 107–118, https://doi.org/10.18413/2409-1634-2022-8-2-0-11

14. Proekt osnovnykh napravlenii tsifrovizatsii finansovogo rynka na period 2022–2024 gg. [Draft of the Main Directions of Digitalization of the Financial Market for the Period 2022–2024]. Available at: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/131360/oncfr_2022-2024.pdf. (accessed 07.09.2022)

15. The Rise of Public and Private Digital Money: A Strategy to Continue Delivering on The IMF'S Mandate. Available at: https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators. (accessed 07.09.2022)

16. Madatova O. V., Pisarenko K. V. Organizatsionno-pravovoi mekhanizm obespeche-niya ekonomicheskoi bezopasnosti grazhdan Rossii ot moshennichestv drugikh fizicheskikh lits v sfere bankovskogo kreditovaniya [Organizational and legal mechanism for ensuring the economic security of Russian citizens from fraud by other individuals in the field of bank lending]. *Nauchnyi rezul'tat. Ekonomicheskie issledovaniya = Research Result. Economic Research*, 2022, no. 8(1), pp. 74–84. https://doi.org/10.18413/2409-1634-2022-8-1-0-8

17. Vaganova O., Bykanova N., Gordya D., Evdokimov D. Growth Points of Fintech Industry in the Perception of Financial Market Transformation. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences (EpSBS)*, 2021, no. 103, pp. 435–441. https://doi.org/10.15405/epsbs.2021.03.54

18. Progress of Research Research & Development of E-CNY in China. Available at: http://www.pbc.gov.cn/en/3688110/3688172/4157443/4293696/2021071614584691871.pdf. (accessed 07.09.2022)

19. MeCard. Available at: https://mecard.co/. (accessed 07.09.2022)

20. Adamom E. V., Cherkashnev R. Yu., Fedorova A. Yu. Problemy i perspektivy razvitiya bankov s inostrannym uchastiem v Rossii [Problems and prospects of development of banks with foreign participation in Russia]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Managment*, 2019, vol. 9, no. 3 (32), pp. 136–146.

Информация об авторах / Information about the Authors

Ваганова Оксана Валерьевна, доктор экономических наук, профессор кафедры инновационной экономики и финансов, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Российская Федерация,
e-mail: vaganova@bsu.edu.ru,
Researcher ID: Y-1040-2019,
ORCID: 0000-0001-7609-8153

Oksana V. Vaganova, Dr. of Sci. (Economics), Professor of the Department of Innovation Economics and Finance, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russian Federation,
e-mail: vaganova@bsu.edu.ru,
Researcher ID: Y-1040-2019,
ORCID: 0000-0001-7609-8153

Гордя Дарья Викторовна, ассистент кафедры инновационной экономики и финансов, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Российская Федерация,
e-mail: gordya@bsu.edu.ru,
Researcher ID: ADK-6355-2022,
ORCID: 0000-0003-1325-263X

Daria V. Gordya, Assistant of the Department of Innovation Economics and Finance, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russian Federation,
e-mail: gordya@bsu.edu.ru,
Researcher ID: ADK-6355-2022,
ORCID: 0000-0003-1325-263X

Сидибе Махамаду, аспирант, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Российская Федерация,
e-mail: sidibemahamadou@windowslive.com

Sidibe Mahamadou, Post-Graduate Student, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russian Federation,
e-mail: sidibemahamadou@windowslive.com

Голубоцких Владимир Николаевич, аспирант, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Российская Федерация,
e-mail: golubockih@bsu.edu.ru

Vladimir N. Golubotskikh, Post-Graduate Student, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russian Federation,
e-mail: golubockih@bsu.edu.ru

Прядко Евгения Адреевна, магистрант, Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
г. Белгород, Российская Федерация,
e-mail: pryadko @bsu.edu.ru

Evgeniya A. Pryadko, Undergraduate, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russian Federation,
e-mail: pryadko @bsu.edu.ru

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1552 -2023-13-1-35-45

CC BY 4.0

Энергоэкономический фактор роста и развития промышленного производства некоторых стран мира

В. Н. Минат[1] ✉

[1] Рязанский государственный агротехнологический университет имени П. А. Костычева
ул. Костычева, д. 1, г. Рязань 390044, Российская Федерация

✉ e-mail: minat.valera@yandex.ru

Резюме

Актуальность. *Повышение эффективности использования энергии в современных условиях ограничения обеспеченности дешевыми энергоресурсами большинства стран мира выступает одним из ведущих факторов реиндустриализации экономического развития.*

Цель *исследования – оценить и обосновать характер воздействия энергоэкономического фактора на рост и развитие промышленного производства различных стран мира, отличающихся обеспеченностью экономическими ресурсами многоцелевого назначения (трудом и энергией).*

Задачи: *изучить и обосновать соотношение типов и видов развития промышленного производства на страновом уровне; дать сравнительную оценку влияния энергоэкономического фактора на рост и развитие промышленного производства ведущих стран современного мира в 2011–2030 гг.; выявить ретроспективные и перспективные тенденции роста и развития промышленного производства стран-объектов исследования.*

Методология. *Использованы анализ динамических рядов сравниваемых показателей и факторный анализ изменения показателей эффективности производства.*

Результаты. *Получены эмпирические результаты оценки влияния энергоэкономического фактора на рост и развитие промышленного производства некоторых стран мира в кратко- и среднесрочном временном периоде, свидетельствующие о стремлении наиболее передовых из них к организации промышленного производства в рамках энергооснащенного вида и интенсивного типа развития, предполагающего наиболее высокие показатели энергоэффективности.*

Выводы. *Экономическое развитие наиболее развитых стран мира, вошедших в 2010-х гг. в начальную фазу «реиндустриального поворота», помимо повышения доступности энергии (прежде всего по стоимости), влияющей на конкурентоспособность промышленной продукции США, Японии, стран ЕС и других национальных экономик, невозможно без повышения «качества» энергии. Энергетическая независимость (либо успешное преодоление такой зависимости) таких стран, как КНР, Индия, Иран, Саудовской Аравии и Россия, создает условия для успешного развития производства на основе сочетания энегоэкономического фактора с общеэкономическими возможностями (обеспеченностью трудовыми ресурсами и капиталом).*

Ключевые слова: *промышленное производство; страны мира; экономический рост; интенсивный тип развития производства; энергоэкономический фактор; энергоемкость; энергооснащенность; энерговооруженность; энергоэффективность.*

Конфликт интересов: *В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных автором публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.*

Для цитирования: Минат В. Н. Энергоэкономический фактор роста и развития промышленного производства некоторых стран мира // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2023. Т. 13, № 1. С. 35–45. https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-1-35-45.

Поступила в редакцию 10.12.2022 Принята к публикации 15.01.2023 Опубликована 28.02.2023

© Минат В. Н., 2023

Energy-Economic Factor of Growth and Development of Industrial Production in Some Countries of the World

Valery N. Minat[1] ✉

[1] Ryazan State Agrotechnological University named after P. A. Kostychev
1 Kostycheva Str., Ryazan 390044, Russian Federation

✉ e-mail: minat.valera@yandex.ru

Abstract

Relevance. *Increasing the efficiency of energy use in modern conditions of limited availability of cheap energy resources in most countries of the world is one of the leading factors in the reindustrialization of economic development.*

The purpose *of the study is to evaluate and substantiate the nature of the impact of the energy-economic factor on the growth and development of industrial production in various countries of the world that are distinguished by the availability of multi-purpose economic resources (labor and energy).*

Objectives: *to study and substantiate the ratio of types and types of industrial production development at the country level; to give a comparative assessment of the impact of the energy-economic factor on the growth and development of industrial production in the leading countries of the modern world in 2011–2030; to identify retrospective and prospective trends in the growth and development of industrial production of target countries research.*

Methodology. *The analysis of time series of compared indicators and factor analysis of changes in production efficiency indicators were used.*

Results. *Empirical results of assessing the impact of the energy-economic factor on the growth and development of industrial production in some countries of the world in the short and medium term are obtained, indicating the desire of the most advanced of them to organize industrial production within the framework of an energy-equipped type and an intensive type of development, which implies the highest energy efficiency indicators.*

Conclusions. *Economic development of the most developed countries of the world, included in the 2010s. In the initial phase of the "reindustrial turn", in addition to increasing the availability of energy (primarily in terms of cost), which affects the competitiveness of industrial products in the United States, Japan, EU countries and other national economies, it is impossible without improving the "quality" of energy. Energy independence (or successful overcoming of such dependence) of such countries as China, India, Iran, Saudi Arabia and Russia creates conditions for the successful development of production based on a combination of the energy-economic factor with general economic opportunities (security of labor resources and capital).*

Keywords*: industrial production; countries of the world; economic growth; intensive type of production development; energy-economical factor; energy intensity; energy equipment; power supply; energy efficiency.*

Conflict of interest*: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the author of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The author declares no conflict of interest related to the publication of this article.*

For citation: Minat V. N. Energy-Economic Factor of Growth and Development of Industrial Production in Some Countries of the World. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management.* 2023; 13(1): 35–45. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-1-35-45.

Received 10.12.2022 Accepted 15.01.2023 Published 28.02.2023

***

Введение

В условиях выхода за пределы роста и развития индустриальной (капиталистической) формации проблема с энергообеспечением ряда благополучных стран мира (прежде всего Евросоюза, ЕС) дополнительно актуализировала системное противоречие очередного кризиса 2020-х гг. [1]. Непонимание необходимости повышения эффективности использования энергии (наряду с увеличением производительности труда и рентабельности капитала) может дорого обойтись современному и будущему обществу как в количественном, так и в качественном аспектах. Во-первых, *энергоемкость*, *энергооснащен-*

ность, *энерговооруженность* и *энергоэффективность* выступают важнейшими показателями, отражающими *энергоэкономический фактор*, поэтому главная задача общества видится в снижении экономических, ресурсных и экологических пределов роста. Это единственный путь к созданию условий для устойчивого развития государства с помощью достижения равновесия между экономической, социальной и экологической сферами за счет экологизации экономики [2]. Исследования, хронологически охватывающие более чем двухсотлетний период времени, показали, что энергоэффективность повышается достаточно динамично, чтобы компенсировать рост средней цены на энергию за счет увеличения доли более качественных энергоносителей, но сравнительно медленно – для компенсации резких скачков цен на нее. Результируется, что «… процесс ослабления ресурсных ограничений роста то ускоряется, то замедляется, но практически никогда надолго не останавливается, … для роста ВВП на душу населения на 1 % необходимо снизить энергоемкость ВВП на 0,5–0,8%» [3, с. 58].

Во-вторых, энергоэкономический фактор относятся к интенсивным, влияющим на повышение экономической результативности, прежде всего, *промышленного производства*, способствуя его технологической трансформации [4]. В условиях начавшейся реиндустриализации инновационно-передовых стран мира на НБИК-конвергеции 6-го технологического уклада (ТУ) [5] и догоняющего Индустрию 4.0 развития других государств [6] оценка качества отраслевых структурных сдвигов и пространственных трансформаций промышленного производства предполагает усиление зависимости не просто от уровня энергооснащенности, но в еще большей мере от минимизации энергоемкости единицы высокотехнологичной продукции. Тем более, что такая продукция все чаще представляет собой не конвейерно-массовый, а «нишевый» рыночный элемент, кастомизированный товар, производимый по индивидуальным заказам [7].

Обе указанные тенденции, связанные с ограничением обеспечения хозяйственных систем энергетическими ресурсами и мощностями, имеют ярко выраженный пространственный аспект, выступая одной из причин глобальных кризисов [8], выражающийся в постепенной регионализации экономики, начавшейся еще в прошедшем столетии [9], и усилении конкуренции между ведущими странами на глобальном уровне [10].

Проблеме значимости повышения энергоэффективности как фактора экономического роста уделено внимание в исследованиях как западных [11; 12], так и российских [3] специалистов. При этом вопросы, связанные с развитием национальных экономик (в сравнительном аспекте), в т. ч. функционирующих в условиях «реиндустриального поворота», ставятся и исследуются в основном в русле долгосрочной динамики мирового хозяйства, предусматривающей ряд обоснованных сценариев [13; 14]. Значительный интерес представляет собой прогноз развития мировой энергетики как основы для формирования энергоэкономического фактора функционирования экономических систем разных уровней [14; 15]. Необходимость объединить результаты проведенных исследований на основе выявления инновационных отраслей промышленного производства, развитие которых в конкретной стране или регионе может не соответствовать энерго-, трудо- и капиталоресурсным возможностям их экономических систем, а также уровню технологической оснащенности, представляется актуальной в описанных выше условиях.

Цель настоящего исследования состоит в выявлении воздействия энергоэкономического фактора на рост и развитие промышленного производства различных стран мира, отличающихся обеспеченностью экономическими ресурсами

(факторами производства) многоцелевого назначения (прежде всего трудом и энергией). При этом хронотоп (время-место) исследования включает как ретроспективный анализ динамики энергоемкости, энергооснащенности, энерговооруженности и энергоэффективности индустриального сектора национальных экономик, так и оценку аналогичных показателей в кратко- и среднесрочной перспективе.

Материалы и методы

В соответствии с поставленной целью выбор метода исследования определяется двумя основными положениями: учетом различий в сложившейся и прогнозируемой структуре промышленности стран-объектов исследования и необходимостью выявления взаимосвязи / взаимозависимости между энергоэкономическими и общеэкономическими показателями. Основанный на энергоэкономическом подходе к оценке эффективности роста и развития промышленного производства, используемый метод предполагает:

– анализ динамических рядов энергоэкономических показателей в сопоставлении с изменением общеэкономических показателей в отраслевом и пространственном разрезах, полученный и рассчитанный на сравнительном материале разных стран;

– факторный анализ изменения показателей эффективности производства, позволяющий оценить степень влияния энергоэкономического фактора на интенсивный рост производства.

В любом случае автором применяется традиционная классификация типов (Э – экстенсивный, ЭИ – экстенсивно-интенсивный, ИЭ – интенсивно-экстенсивный, И – интенсивный) и видов (ЭЭ – энергоэкономный, ЭВ – энерговооруженный, ЭО – энергооснащенный) индустриального (капиталистического) развития, к которым можно отнести экономические системы исследуемых стран мира. По мнению специалистов, вид ЭЭ предвосхищает другие виды соответствующих типов сколько-нибудь интенсивного развития, включая ЭИ. Многие страны добиваются экономии энергии за счет внедрения организационно-технических мероприятий. По мере исчерпания резервов этих мероприятий (либо параллельно им) происходит расширение внедрения инновационных технических и технологических элементов промышленного производства, что приводит к повышению энерговооруженности трудовых ресурсов, т. е. переход к виду ЭВ. По мере исчерпания резервов новой техники и технологий следующим уровнем повышения интенсивности промышленного развития и количественного роста производства продукции можно считать внедрение еще более совершенных систем, основанных на энергетической (электроэнергетической) оснащенности, соответствующих виду ЭО. При этом необходимость повышения энергоэффективности в рамках указанной выше зависимости будет только возрастать.

В зависимости от типа и вида развития производства (их иерархических сочетаний) проводится оценка удельного веса экстенсивных и интенсивных факторов/коэффициентов (factor); влияющих на выручку компаний промышленного сектора исследуемых стран мира: Kef – коэффициент экстенсивности (extensiveness factor), Kif – коэффициент интенсивности (intensity factor). Экстенсивный тип производственных отношений выражен в нашем исследовании посредством двух общеэкономических показателей промышленного роста и развития, отражающих роль труда и капитала: 1) number of industrial personnel (NIP) – численность промышленного персонала; 2) basic industrial funds (BIF) – основные промышленные фонды. Интенсивная составляющая роста и развития промышленного производства под воздействием экономического фактора анализируется и оценивается при помощи упомянутых выше показателей, представленных ниже (табл. 1).

Таблица 1. Показатели, отражающие степень влияния энергоэкономического фактора на рост и развитие промышленного производства на страновом уровне [17; 18]

Показатель	Описание	Расчет
Энергоемкость (energy intensity, EI)	Величина потребления энергии в рамках производственно-технологического процесса	$EI = \frac{DC_{er}}{GDP}$, где DC_{er} – объем валового потребления энергетических ресурсов; GDP – валовой внутренний продукт (ВВП)
Энергооснащенность (equipment power, EP)	Отражает суммарную обеспеченность промышленного производства энергией на определенном технико-технологическом уровне	$ECS = \frac{E \cdot PE}{YR \cdot PY} = \frac{E}{YR} \cdot \frac{PE}{PY} = EI \cdot PER$, где E – потребление энергии; YR – ВВП в постоянных ценах; PY – дефлятор ВВП; PER – реальная средняя цена единицы энергии
Энергоэффективность (energy efficiency, EE)	Удельный расход энергетических ресурсов на производство единицы продукции, определяемый соотношением доли расходов на энергию (ECS), цены единицы энергии (PE) и энергоемкости	
Энерговооруженность (energy supply, ES)	Характеризует отношение затрат энергии к показателю затраченного труда, использующего энергетическую мощность в производственном процессе	$ES = \frac{E}{L}$, где E – потребляемая энергия, характеризующая энергетическую мощность; L – ресурс труда, выраженный в численности рабочих, либо отработанных человеко-часах.

В рамках энергетических рассмотрены электроэнергетические показатели оснащенности промышленного производства исследуемых стран мира, т. к. электроэнергия остается ведущим энергоносителем как для традиционной, так и инновационной техники и технологий. Электроэнергия для промышленности является достаточно дорогой, но наиболее качественной, выступая ключевой составляющей энергоэкономического фактора. При этом эффект повышения энергоэффективности состоит в компенсации роста средней цены на энергию за счет повышения качества энергии. Улучшение качественных характеристик энергии является неизменным условием повышения многофакторной производительности интенсивного типа производства [3; 16].

Результаты и их обсуждение

Проведенный факторный анализ ретроспективного (2011 – 2020 гг.) изменения показателей эффективности промышленного производства показывает, что достижение одного и того же результата по выпуску промышленной продукции может быть обеспечено за счет разных соотношений в динамике используемых фондов (BIF), труда (L), в виде производственно-технического промышленного персонала (NIP) и расходуемых энергоресурсов. В перспективном периоде (до 2025 г. и до 2030 г.) результаты прогноза свидетельствуют, прежде всего, об усилении влияния энергооснащенности (EP) на изменение показателей энергоэффективности (EE) и, самое главное, на интенсификацию промышленного производства всех без исключения исследуемых стран мира (табл. 2).

Прирост выпуска промышленной продукции в каждой из указанных стран (табл. 2) в соответствии с факторной производственной функцией экономического роста позволяет распределить их по типам и видам (внутри соответствующих

типов) на основе следующих выявленных сочетаний, переведенных в процентные выражения в составе каждого из двух рассчитанных коэффициентов.

Экстенсивный тип развития (Э), предусматривающий доминирование трудо- и фондоемких видов, не обнаружил перспектив ни в одной из стран-объектов исследования. При этом в прошедшем десятилетии он был характерен для Индии, Бразилии и Мексики. Все указанные страны к 2025 г. переходят на экстенсивно-интенсивный тип развития промышленности (ЭИ), а Индия при условии резкого повышения энергоэффективности претендует на «попадание» сразу в группу интенсивно-экстенсивного развития (ИЭ) по энергоэкономному виду (ЭО). Ее положение сохранится и в 2030 г. Отмеченные латиноамериканские страны останутся к 2030 г. в условиях экстенсивно-интенсивного промышленного развития по виду ЭО. Энерговооруженности и энергоэффективности ни в одной из трех стран не будет достаточно для дальнейшей интенсификации производства, учитывая значительную доли низкоэффективных энергоресурсов и высокую численность населения стран. Из числа экономически развитых стран интересен прогнозируемый переход от ЭИ в ИЭ тип промышленного развития Австралии, обладающей собственными крупными энергетическими ресурсами (высокая энерговооруженность труда по типу ЭИ развития) и диверсифицированными международными торговыми и научно-техническими связями в сфере индустрии.

Таблица 2. Результирующая оценка влияния энергоэкономического фактора на рост и развитие промышленного производства некоторых стран мира в 2011–2030 гг. [17; 18; 19; 20]

Тип производства	Вид	Пороговые значения коэффициентов и показателей степени влияния, %								Страны мира		
		по экстенсивности			по интенсивности					ретроспективно в среднем за 2011–2020 гг.	прогноз на период до	
		K_{ef}	NIP	BIF	K_{if}	EI	EP	ES	EE		2025 г.	2030 г.
Э	-	89	8	92	11	61	12	20	7	Б, И, М	-	-
ЭИ	ЭЭ	77	13	87	23	56	12	23	9		Б, М	Б, М
	ЭВ	73	17	83	27	49	13	28	10	А		
	ЭО	68	20	80	32	45	20	25	10	КНР,	А	
ИЭ	ЭЭ	57	23	77	43	40	22	25	13	Ир, Ин, Ит, Ка	И, КНР, Ин	И, Ин
	ЭВ	52	27	73	48	36	23	28	13	РФ, СА	Ир, РФ, СА, Ит, Ка	А
	ЭО	46	31	69	54	33	25	28	14	США, ЮК	КНР, ЮК	Ир, РФ, СА, Ка
И	ЭЭ	36	35	65	64	27	27	29	17	ЕС, Ф, В, Я	США, В, Я	КНР, Ит, Я, ЮК
	ЭВ	30	38	62	70	24	24	33	19	Г	ЕС, Ф, Г	США, ЕС, В
	ЭО	21	40	60	79	20	25	33	22	Ш	Ш	Ш, Ф, Г

Примечания: 1. Страны (кроме общепринятых аббревиатур, включая ЕС – страны Евросоюза в целом): А – Австралия; Б – Бразилия; В – Великобритания; Г – Германия; И – Индия; Ин – Индонезия; Ир – Иран; Ит – Италия; Ка – Канада; М – Мексика; СА – Саудовская Аравия; Ф – Франция; Ш – Швеция; ЮК – Южная Корея; Я – Япония.

2. Остальные обозначения см. по тексту и в таблице 1.

3. Пороговые значения показателей представлены в качестве составляющих соответствующих коэффициентов, принятых за 100%.

В рамках интенсивно-экстенсивного типа промышленного развития (ИЭ) классическим примером ожидаемой динамики эволюционирования от ЭЭ (через ЭВ) к ЭО, исходя из проведенных расчетов, является Иран, последовательно реализующий программы энергетического развития национальной экономики. Еще более успешным в этом плане представляется промышленный рост и интенсивное развитие производства в Китае (КНР). «Мировая мастерская» не имеет иных альтернатив помимо интенсификации индустриальной базы за счет сочетания использования колоссального ресурсного потенциала труда и капитала с достижением рентабельных показателей уровня энергооснащенности расширяющегося (в т. ч. в страны Азии и Африки) производства. Неизменное положение в рамках вида ЭЭ рассматриваемого типа производства сохранится на ближайшие 10 лет для Индонезии – страны, относимой к «азиатским тиграм», но не обладающей значительной энергоресурсной базой. Вместе с тем для Саудовской Аравии к 2030 г. возможен переход к виду ЭО, причем именно за счет повышения энергоэффективности экономического роста. Аналогично Австралии в ЭИ типе, Канада, обладающая необходимыми энергоресурсами, имеет схожую траекторию прогнозируемого развития промышленного производства в рамках ИЭ типа.

Динамика промышленного развития Российской Федерации (РФ) под воздействием энергоэкономического фактора на ближайшее десятилетие также видится в пределах типа ИЭ с постепенным (после 2025 г.) переходом от ЭВ к ЭО. Результаты расчетов отражают известные трудности перспективной перестройки российской промышленности в направлении дальнейшей интенсификации, связанные с необходимостью использования экстенсивной составляющей экономического роста. Энерговооруженность труда в отечественной промышленности неизменно сочетается с высоким уровнем фондоемкости, соответствующей уровню научно-технического оснащения производственных мощностей. В сложившейся к исследуемому ретроспективному периоду (2011–2020 гг.) и однозначно прогнозируемой до 2030 г. негативной демографической ситуации в России однозначно возникает необходимость экономии живого труда, включая вспомогательные слабомеханизированные процессы, доля которых достигает в некоторых отраслях до половины объема производства.

Динамика стран Евросоюза (ЕС) с интенсивным типом промышленного производства (от стабильной по ЭО виду Швеции до переходящей к 2030 г. от ИЭ к И типу Италии) будет во многом определяться политико-экономическими событиями и турбулентностью общественного развития Европы в ближайшее десятилетие. Но даже с учетом колебания цен на энергоносители и снижением энергоэффективности, удорожающей европейскую промышленную продукцию, ведущие страны ЕС (Франция и Германия) имеют возможность уже в ближайшем будущем (к 2025 г.) развиваться в рамках вида ЭВ интенсивности индустриального развития. Для них такой путь жизненно необходим в условиях снижения зависимости от промышленной продукции из КНР и стран Юго-Восточной Азии. В фарватере этих стран прогнозируется промышленная модернизация под воздействием фактора энергоэкономического развития «уходящих лидеров» – США, Японии, Великобритании. Эти государства, обладая достаточными энергоресурсами (США) либо, наоборот, вовсе не обладая ими, но массово экспортирующими (Япония или Южная Корея), делают ставку на повышение энергоэффективности. Для них данная мера имеет решающее значение для формирования прироста ВВП, как абсолютного, так и на душу населения.

Выводы

Проведенное ранжирование по типам и видам развития промышленного производства в ведущих странах мира за исследуемый ретроспективный и прогнозируемый периоды времени в целом отражает важную тенденцию стремления к энергооснащенности (ЭО виду) в рамках соответствующего типа. Преимущество на кратко- и среднесрочную перспективу для всех без исключения исследуемых стран видится в повышении энергоэффективности промышленного производства как фактора, прежде всего, экономического роста. Вместе с тем экономическое развитие большинства стран (по крайней мере, наиболее развитых), вошедших в 2010-х гг. в начальную фазу «реиндустриального поворота», помимо повышения доступности энергии (прежде всего по стоимости), влияющей на конкурентоспособность промышленной продукции США, Японии, стран ЕС и других национальных экономик, невозможно без повышения «качества» энергии. Проблема «качества» напрямую зависит от новых способов получения энергии, доля которых явно недостаточна для поддержания рентабельности промышленного производства в развитых странах.

В то же время, опираясь на высокую обеспеченность собственными и импортируемыми энергоресурсами, такие страны, как Китай (КНР), Индия и в меньшей степени Австралия и Канада, имеют возможность не только поддерживать рост своего промышленного производства, но и прогнозировать успешное развитие по пути интенсификации. Энергетическая независимость (либо успешное преодоление такой зависимости) КНР, Индии, Ирана, Саудовской Аравии и, будем надеяться, России создает условия для успешного развития производства на основе сочетания энегоэкономического фактора с общеэкономическими возможностями (обеспеченностью трудовыми ресурсами и капиталом).

Список литературы

1. Крупнов Ю. А., Старовойтов В. Г., Трошин Д. В. Факторы глобального кризиса // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 6. С. 10-21. https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-6-10-21.

2. Положенцева Ю. С., Клевцова М. Г., Логвинова И. О. Индикативная оценка уровня экологизации как инструмент управления дифференциацией экономического пространства // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2022. Т. 12, № 6. С. 22–37. https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-6-22-37.

3. Башмаков И. А. Повышение энергоэффективности и экономический рост // Вопросы экономики. 2019. № 10. С. 32–63. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-10-32-63.

4. Чарочкина Е. Ю. Тенденции технологической трансформации промышленного сектора экономики на современном этапе // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 5. С. 85–94. https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-5-85-94.

5. Минат В. Н. Мезоэкономическое моделирование структурных сдвигов промышленности США: отраслевая и пространственная составляющие // Экономическая наука современной России. 2022. № 1. С. 94-109. https://doi.org/10.33293/1609-1442-2022-1(96)-94-109.

6. Svento R. High-tech industries as a factor in the reindustrialization of the economy // Papers in Regional Science. 2019. Vol. 98, is. 3. P. 143–162.

7. Минат В. Н. Моделирование влияния факторов развития отраслей высокотехнологичной промышленности на реиндустриализацию экономик некоторых стран мира в XXI веке // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2022. Т. 12, № 4. С. 39–50. https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-4-39-50.

8. Структурный анализ причин и последствий глобальных кризисов (на примере стран G7) / М. Е. Коновалова, А. Ю. Усанов, С. А. Труфанова, А. Ю. Родин // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2022. Т. 12, № 4. С. 10–24. https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-4-10-24.

9. Harvey D. Spaces of global capitalism: Towards a theory of uneven geographical development. London; New York: Verso, 2006. 156 p.

10. Кузьмина В. М., Пархомчук М. А. Сравнительный анализ макроэкономических показателей стран ЕС и США // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2022. Т. 12, № 1. С. 23–36. https://doi.org/2223-1552-2022-12-1-23-36.

11. Court V., Jouvet P.-A., Lantz F. Long-term endogenous economic growth and energy transitions // The Energy Journal. 2018. Vol. 39, N 1. P. 29–57. https://doi.org/10.5547/01956574.39.1.vcou.

12. Rajbhandari A., Zhang F. Does energy efficiency promote economic growth? Evidence from a multicountry and multisectoral panel dataset // Energy Economics. 2018. Vol. 69. P. 128–139. https://doi.org/10.1016/j.eneco.2017.11.007.

13. Csereklyei Z., Rubio-Varas M. d. M., Stern D. I. Energy and economic growth: The stylized facts // The Energy Journal. 2016. Vol. 37, N 2. P. 223–256. https://doi.org/10.5547/01956574.37.2.zcse.

14. Прогнозирование социально-экономического развития региона / под ред. В. А. Черешнева, А. И. Татаркина, С. Ю. Глазьева. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2011. 1104 с.

15. Fouquet R. Long-run trends in energy related energy costs // Ecological Economics. 2011. Vol. 70. P. 2380–2389. https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2011.07.020.

16. Murphy D. J., Hall C. A. S. Energy return on investment, peak oil, and the end of economic growth // Annals of the New York Academy of Sciences. 2011. Vol. 1219, N. 1. P. 52–72. https://doi.org/10.1111/j.1749-6632.2010.05940.x.

17. American Council on an energy-efficient economy. URL: https: //www.aceee.org/program/state-policy (дата обращения: 16.09.2022).

18. BP Statistical Review of World Energy. 2022. 71st edition. URL: https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2022-full-report.pdf (дата обращения: 22.09.2022).

19. Energy Technology Perspectives 2020. URL: https://iea.blob.core.windows.net/assets/7f8aed40-89af-4348-be19-c8a67df0b9ea_PDF.pdf (дата обращения: 20.09.2022).

20. Energy Transition Investment Trends 2022. Tracking global investment in the low-carbon energy transition. URL: https://assets.bbhub.io/professional/sites/24/ pdf (дата обращения: 17.09.2022).

References

1. Krupnov Yu. A., Starovojtov V. G., Troshin D. V. Faktory global'nogo krizisa [Factors of the Global Crisis]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Eco-*

nomics, Sociology and Management, 2021, vol. 11, no. 6, pp. 10–21. https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-6-10-21

2. Polozhentseva Yu. S., Klevtsova M. G., Logvinova I. O. Indikativnaya ocenka urovnya ekologizacii kak instrument upravleniya differenciaciej ekonomicheskogo prostranstva [Indicative Assessment of the Level of Ecologization as a Tool for Managing the Differentiation of the Economic Space]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2022, vol. 12, no. 6, pp. 22–37. https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-6-22-37

3. Bashmakov I. A. Povyshenie energoeffektivnosti i ekonomicheskij rost [Increasing energy efficiency and economic growth]. *Voprosy ekonomiki = Questions of Economics*, 2019, no. 10, pp. 32–63. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-10-32-63

4. Charochkina E. Yu. Tendencii tekhnologicheskoj transformacii promyshlennogo sektora ekonomiki na sovremennom etape [Trends in the Technological Transformation of the Industrial Sector of the Economy at the Present Stage]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2021, vol. 12, no. 6, pp. 85–94. https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-5-85-94

5. Minat V. N. Mezoekonomicheskoe modelirovanie strukturnyh sdvigov promyshlennosti SShA: otraslevaya i prostranstvennaya sostavlyayushchie [Mesoeconomic Modeling of Structural Shifts in the US Industry: Sectoral and Spatial Components]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoj Rossii = Economic Science of Modern Russia*, 2022, no. 1 (96), pp. 94-109. https://doi.org/10.33293/1609-1442-2022-1(96)-94-109

6. Svento R. High-tech industries as a factor in the reindustrialization of the economy. *Papers in Regional Science*, 2019, vol. 98, is. 3, pp. 143–162.

7. Minat V. N. Modelirovanie vliyaniya faktorov razvitiya otraslej vysokotekhnologichnoj promyshlennosti na reindustrializaciyu ekonomik nekotoryh stran mira v 21 veke [Modeling the impact of factors in the development of high-tech industries on the reindustrialization of the economies of some countries of the world in the 21st century]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2022, vol. 12, no. 4, pp. 39–50. https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-4-39-50

8. Konovalova M. E., Usanov A. Yu., Trufanova S. A., Rodin A. Yu. Strukturnyj analiz prichin i posledstvij global'nyh krizisov (na primere stran G7) [Structural Analysis of the Causes and Consequences of Global Crises (Using the Example of G7 Countries)]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2022, vol. 12, no. 4, pp. 10–24. https://doi.org/ 10.21869/2223-1552-2022-12-4-10-24

9. Harvey D. Spaces of global capitalism: Towards a theory of uneven geographical development. London, New York, Verso, 2006. 156 p.

10. Kuz'mina V. M., Parhomchuk M. A. Sravnitel'nyj analiz makroekonomicheskih pokazatelej stran ES i SShA [Comparative analysis of macroeconomic indicators of the EU countries and the USA]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2022. vol. 12, no. 1, pp. 23–36. https://doi.org/2223-1552-2022-12-1-23-36

11. Court V., Jouvet P.-A., Lantz F. Long-term endogenous economic growth and energy transitions. *The Energy Journal*, 2018, vol. 39, no. 1, pp. 29–57. https://doi.org/10.5547/01956574.39.1.vcou

12. Rajbhandari A., Zhang F. Does energy efficiency promote economic growth? Evidence from a multicountry and multisectoral panel dataset. *Energy Economics*, 2018, vol. 69, pp. 128–139. https://doi.org/10.1016/j.eneco.2017.11.007

13. Csereklyei Z., Rubio-Varas M. d. M., Stern D. I. Energy and economic growth: The stylized facts. *The Energy Journal*, 2016. vol. 37, no. 2, pp. 223–256. https://doi.org/10.5547/01956574.37.2.zcse

14. Prognozirovanie social'no-ekonomicheskogo razvitiya regiona [Forecasting the socio-economic development of the region]; ed. by V. A. Chereshnev, A. I. Tatarkin, S. Yu. Glazyev. Yekaterinburg, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2011. 1104 p.

15. Fouquet R. Long-run trends in energy related energy costs. *Ecological Economics*, 2011, vol. 70, pp. 2380–2389. https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2011.07.020

16. Murphy D. J., Hall C. A. S. Energy return on investment, peak oil, and the end of economic growth. *Annals of the New York Academy of Sciences*, 2011, vol. 1219, no. 1, pp. 52–72. https://doi.org/10.1111/j.1749-6632.2010.05940.x

17. American Council on an energy-efficient economy. Available at: https: //www.aceee.org/program/state-policy. (accessed 16.09.2022)

18. BP Statistical Review of World Energy. 2022. 71st edition. Available at: https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/ statistical-review/bp-stats-review-2022-full-report.pdf. (accessed 22.09.2022)

19. Energy Technology Perspectives 2020. Available at: https://iea.blob.core.windows.net/assets/7f8aed40-89af-4348-be19-c8a67df0b9ea_PDF.pdf. (accessed 20.09.2022)

20. Energy Transition Investment Trends 2022. Tracking global investment in the low-carbon energy transition. Available at: https://assets.bbhub.io/professional/sites/24/pdf. (accessed 17.09.2022)

Информация об авторе / Information about the Author

Минат Валерий Николаевич, кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры экономики и менеджмента, Рязанский государственный агротехнологический университет имени П. А. Костычева, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: minat.valera@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-8787-4274

Valery N. Minat, Cand. of Sci. (Geography), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economics and Management, Ryazan State Agrotechnological University named after P. A. Kostychev, Ryazan, Russian Federation,
e-mail: minat.valera@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-87-4274

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-1-46-58

CC BY 4.0

Анализ лучших мировых практик развития рынка зеленых облигаций и оценка возможностей их применения в современной России

М. Л. Дорофеев[1] ✉

[1] Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Ленинградский пр-т, д. 55, г. Москва 125167, Российская Федерация

✉ e-mail: dorofeevml@yandex.ru

Резюме

Актуальность. *Зеленая повестка и расширение рынка зеленых инвестиционных проектов в российской экономике, несомненно, имеет существенную экологическую пользу, поскольку в нашей стране накопилось немало проблем с утилизацией мусора, защитой окружающей среды от негативного воздействия добычи полезных ископаемых, встраивания российской экономики в процессы передела рынков, связанного с глобальным энергопереходом и т. п. Идея повышения прозрачности бизнеса, способствующая снижению совокупного риска для инвестора и облегчающая задачу по контролю финансовой стабильности для Банка России, также выглядит веским аргументом в пользу развития зеленых финансов в России даже в сложившихся в 2022 г. непростых геополитических условиях.*

Целью *работы является анализ лучших мировых практик развития рынка зеленых облигаций и обоснование наиболее подходящей концепции его развития с учетом изменений в международном сотрудничестве России в 2022 г.*

Задачи: *анализ лучших практик на глобальном рынке зеленых облигаций; сравнительный анализ в международном контексте действующего в России рынка зеленых облигаций; анализ лучших практик эмиссии зеленых облигаций; выбор и обоснование концепции развития для российского рынка зеленых облигаций.*

Методология. *В исследовании использовались методы анализа и синтеза научных трудов, методы анализа структуры и динамики данных из открытых источников об объемах, валюте, динамике, результатах и важном опыте эмиссии зеленых биржевых облигаций.*

Результаты. *Глобальный рынок зеленых облигаций продолжает рост, невзирая на финансовые и экономические кризисы последних лет. Китайский рынок зеленых облигаций растет опережающими темпами к мировому и сопоставим по капитализации с американским и европейским рынками. Лучшие китайские практики содержат много полезного для развития российского рынка зеленых облигаций.*

Выводы. *Предложено развивать рынок зеленых облигаций с опорой на проактивную и ведущую роль государства с целью перенаправления экспортных доходов на реализацию национальных проектов и государственных программ, которые смогут поглотить все эти объемы и будут способствовать структурной трансформации российской экономики.*

Ключевые слова: *зеленые облигации; финансовый рынок; устойчивое развитие; государственное регулирование; ESG; зеленые инвестиционные проекты; санкции; Китай, БРИКС.*

Конфликт интересов: *В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных автором публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.*

Для цитирования: Дорофеев М. Л. Анализ лучших мировых практик развития рынка зеленых облигаций и оценка возможностей их применения в современной России // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2023. Т. 13, № 1. С. 46–58. https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-1-46-58.

Поступила в редакцию 10.12.2022 Принята к публикации 14.01.2023 Опубликована 28.02.2023

© Дорофеев М. Л., 2023

Analysis of the Best World Practices in the Development of the Green Bond Market and Assessment of the Possibilities of Their Application in Modern Russia

Mikhail L. Dorofeev[1] ✉

[1] Financial University under the Government of the Russian Federation
55 Leningradsky Ave., Moscow 125167, Russian Federation

✉ e-mail: dorofeevml@yandex.ru

Abstract

Relevance. *The green agenda and the expansion of the market for green investment projects in the Russian economy undoubtedly have significant environmental benefits, since there are many problems with garbage disposal in our country, environmental protection from the negative impact of mining, integration of the Russian economy into the processes of redistribution of markets, related to global energy transition, etc. The idea of increasing business transparency, contributing to the reduction of the aggregate risk for the investor and facilitating the task of monitoring financial stability for the Bank of Russia also looks like a strong argument in favor of the development of green finance in Russia, even in the difficult geopolitical conditions that have developed in 2022.*

The purpose *of the work is an analysis of the best world practices for the development of the green bond market and the justification of the most suitable concept for its development, taking into account changes in international cooperation of Russia in 2022.*

Objectives: *analysis of best practices in the global green bond market; comparative analysis in the international context of the current green bond market in Russia; analysis of best practices in green bond issuance; selection and justification of the development concept for the Russian green bond market*

Methodology. *The study used methods of analyzing and synthesizing scientific papers, methods of analyzing the structure and dynamics of data from open sources on the volumes, currency, dynamics, results and important experience of issuing green exchange-traded bonds.*

Results. *The global green bond market continues to grow despite the financial and economic crises of recent years. The Chinese green bond market is growing at a faster pace to the global one and is comparable in capitalization to the American and European markets. The best Chinese practices contain a lot of green bonds useful for the development of the Russian market.*

Conclusions. *It is proposed to develop the green bond market based on the proactive and leading role of the state in order to redirect export revenues to the implementation of national projects and government programs that can absorb all these volumes and will contribute to the structural transformation of the Russian economy.*

Keywords*: green bonds; financial market; sustainable development; state regulation; ESG; green investment projects; sanctions; China, BRICS.*

Conflict of interest*: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the author of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The author declares no conflict of interest related to the publication of this article.*

For citation: Dorofeev M. L. Analysis of the Best World Practices in the Development of the Green Bond Market and Assessment of the Possibilities of Their Application in Modern Russia*. Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2023; 13(1): 46–58. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-1-46-58.

Received 10.12.2022 Accepted 14.01.2023 Published 28.02.2023

***

Введение

Зеленая облигация – долговая ценная бумага, выпускаемая на основе стандартных требований об эмиссии и листинге ценных бумаг, вместе с тем отличающаяся специфическими признаками соответствия добровольным международным зеленым принципам: (1) целевой характер использования привлеченных финансовых ресурсов; (2) особенности процесса отбора и оценки зеленого инвестиционного проекта; (3) специфика управления и учета движения денежных средств, полученных от эмиссии зеленой облигации;

(4) раскрытие информации и отчетность [1].

К признакам зеленой облигации относятся две важные специфические характеристики этой ценной бумаги: (1) поступления от эмиссии распределяются исключительно для финансирования проектов с «экологическими выгодами» и (2) прозрачность и полное раскрытие информации об использования привлеченных финансовых ресурсов на основе выпуска зеленых облигаций [2].

Российский рынок зеленых облигаций находится на начальных стадиях развития. По состоянию на середину 2022 г. в Сектор устойчивого развития Московской биржи включены 24 выпуска облигаций с общим объемом эмиссии 226,8 млрд руб. [3]. Из этих облигаций 16 выпусков общим объемом в 185,6 млрд руб. (82% всего сектора устойчивого развития) имеют статус зеленых облигаций. Доля российского рублевого рынка зеленых облигаций на мировом рынке зеленых облигаций очень невелика и составляет около 0,16%. Наиболее крупные эмиссии (63% всего сектора по объему привлеченных средств) были проведены в соответствии со стандартами ICMA/GBP Государственной корпорацией развития «ВЭБ.РФ», Правительством Москвы и ПАО «Сбербанк России», что соответствует общемировым тенденциям.

С учетом сложившихся для России обстоятельств в 2022 г. рынок зеленых облигаций оказался в уязвимом положении, поскольку существующая финансовая инфраструктура и условия для привлечения капитала от западных инвесторов были почти полностью заблокированы. В настоящее время будущее российского рынка облигаций во многом зависит от эффективности мер государственной поддержки на период структурной трансформации российской экономики и адаптации к новым условиям функционирования.

Целью исследования является анализ лучших практик развития рынка зеленых облигаций и обоснование наиболее подходящей концепции его развития с учетом изменений в международном сотрудничестве России в 2022 г. Для этого были поставлены и решены следующие задачи: (1) анализ ключевых тенденций и лучших практик на глобальном рынке зеленых облигаций; (2) характеристика и сравнительный анализ в международном контексте действующего в России рынка зеленых облигаций; (3) анализ лучших практик эмиссии зеленых облигаций; (4) выбор и обоснование концепции развития для российского рынка зеленых облигаций.

В 2019 г. на Московской бирже был создан Сектор устойчивого развития, после чего появился дополнительный канал финансирования национального проекта «Экология» и государственной программы «Охрана окружающей среды через специализированные зеленые инструменты российского финансового рынка» [3]. Несмотря на то, что с этого момента прошло уже несколько лет, сегодня российский рынок зеленых облигаций все еще находится на начальной стадии своего развития, на нем происходит не очень много новых выпусков и торговых операций [4; 5].

Качественное раскрытие информации и хорошо подготовленная отчетность для инвесторов положительно влияет на ликвидность зеленых облигаций и способствует повышению их инвестиционной привлекательности на вторичном рынке [6].

Невысокая капитализация рынка зеленых облигаций в комбинации с избыточной ликвидностью на рынках и идеологическим влиянием со стороны регуляторов на участников рынка приводит к тому, что спрос на зеленые облигации превышает предложение. Этот фактор во многом формирует зеленую премию на рынке зеленых облигаций [7; 8]. Вполне вероятно, что зеленая премия будет существовать в течение всего периода развития и насыщения этого рынка. Не ис-

ключено, что она имеет временный характер на период перехода глобальной экономики на новый энергетический уклад [9].

Лучшие практики выпуска зеленых облигаций показывают, что у эмитента появляется возможность привлекать капитал по более низкой стоимости (ниже рынка на величину от 0,5 б. п. до 5 б. п.) [10].

В отличие от лучших практик среднее преимущество получения зеленой премии не так очевидно, поскольку она может иметь как более высокое значение при изменении выборки анализируемых облигаций, так и вовсе быть отрицательной (от -18 до +12 базисных пунктов к стоимости аналогичных коричневых облигаций) [11]. В некоторых исследованиях сделан вывод, что в случае с финансовыми корпорациями эта премия может быть равна нулю [12]. Объяснения таким расхождениям самые разные, начиная от повышенного спроса на бумаги при высокой премии и заканчивая низкой деловой репутацией и мусорными рейтингами зеленых облигаций, утративших зеленый статус.

Дополнительные расходы на эмиссию зеленых облигаций, связанные с разработкой корпоративной ESG стратегией и верификацией, варьируются в разных странах, зависят от различных факторов и составляют в денежном эквиваленте от 5000 до 50000 тыс. долл. США [10]. В дополнение к этому эмитент зеленых биржевых облигаций вынужден оплачивать стандартные комиссионные расходы финансовым посредникам в размере около 1–2% от объема эмиссии.

Анализ рыночных данных, публикуемых на официальном сайте Climate Bonds Initiative о проведенных эмиссиях зеленых облигаций за период июнь-сентябрь 2022 г., показывают, что наиболее многочисленные эмиссии зеленых облигаций проводятся в евро, китайском юане и долларе США, а минимальные размеры эмиссии составили 141 тыс. долл. США [13]. Для такой эмиссии даже минимальные расходы, касающиеся первоначальных подготовительных процедур по подготовке зеленой эмиссии в 5 тыс. долл., составляют примерно 3,5% от объема эмиссии. В совокупности со стандартными расходами на размещение общие издержки могут достигать 5,5% от объема эмиссии, что не далеко не всегда окупается зеленой премией.

Материалы и методы

Для решения задач, поставленных в данной работе, использованы открытые источники и базы данных: обзорный анализ и периодические исследования глобальных инициатив различных рыночных участников (Climate Bonds Initiative, Sustainable Stock Exchange, The International Capital Market Association и пр.); официальные сайты фондовых бирж более 40 стран мира; российские и иностранные исследования тенденций развития рынка зеленых облигаций и проблем оценки зеленой премии; исследования механизмов компенсации дополнительных издержек эмитента зеленых облигаций; научные публикации о влиянии настроений инвесторов на ценообразование зеленых облигаций и пр.

В данном исследовании использовались методы анализа и синтеза, систематизации и логического анализа информации, полученной из открытых источников.

Результаты и их обсуждение

Краткая характеристика современного состояния рынка зеленых облигаций

Рынок зеленых облигаций является быстрорастущим сегментом мирового долгового рынка и, несмотря на надвигающуюся рецессию глобальной экономики, остается достаточно ликвидным и динамично развивающимся [13]. С момента размещения первой зеленой облигации в 2007 г. кумулятивный объем эмиссии вырос в сотни раз, превысив отметку в

1 трлн долл. США в 2020 г. [14]. По состоянию на середину 2022 г. эта величина почти удвоилась, достигнув почти 2 трлн долл. США [15]. В 2021 г. текущая капитализация рынка зеленых облигаций выросла на 75%, превысив 520 млрд долл. США. Количество эмитентов увеличилось на 32%, а количество обращающихся зеленых облигаций превысило 2 тыс. ценных бумаг.

Основным заемщиком на рынке зеленых облигаций являются нефинансовые корпорации, затем следуют правительства разных стран, и наименьшая доля выпуска проводится финансовыми корпорациями. Средний размер эмиссии зеленой облигации вырос в 2,5 раза со 100 млн долл. США в 2017 г. до 250 млн долл. США в 2021 г. На рынок зеленых облигаций выходили представители из 58 разных стран мира. Эмиссии зеленых облигаций проводились более чем в 30 различных валютах [16].

На современном рынке зеленых облигаций доминирует евродолларовый канал финансирования. Следом за ним по объему эмиссий идет китайский юань. В первом полугодии 2022 г. примерно 48% рынка зеленых облигаций были выпущены в евро, 20% – в долларах США, 19% – в юанях. На остальные 27 валют пришлось порядка 13% всех прочих эмиссий зеленых облигаций. Из этого следует, что в настоящее время наибольшее влияние на развитие стандартов для этого рынка в настоящее время оказывает Евросоюз как его наиболее крупный участник [17].

Общий объем первичного рынка зелёных облигаций за первое полугодие 2022 г. составил примерно 236 млрд долл. США, что меньше аналогичного периода прошлого года всего лишь на 1%. На фоне притока большого объема ликвидности в мировую экономику в период ковидных ограничений в 2020 г. доля выпуска зеленых облигаций в юанях в глобальной эмиссии зеленых облигаций выросла в несколько раз в 2021 г. Основное влияние на рост доли китайских зеленых облигаций на глобальном рынке оказало увеличение объема эмиссии на оншорном рынке (локальных китайских биржах) в 2021 г. [18].

Среди стран с развивающейся экономикой Китай является безусловным лидером по темпам и объему эмиссии зеленых облигаций [19]. Рынок китайских зеленых облигаций на 82% состоит из выпусков в юанях (RMB) на оншорных (внутренних) фондовых биржах Китая (Green Panda bond). Остальные 18% привлечены на офшорных биржах в иностранных валютах (Kung Fu bonds). Основной валютой финансирования китайских зеленых облигаций на иностранных биржах является американский доллар (более 80%) [20]. Около 45% из объема офшорных зеленых облигаций размещено на гонконгской фондовой бирже [21]. Таким образом, в подавляющем большинстве (8-9 из 10) случаев китайские зеленые проекты привлекают финансирование на азиатских фондовых площадках, в основном в локальной валюте (юане) с участием в размещениях национальных фондов участников и китайской финансовой инфраструктуры.

Одной из причин государственного стимулирования эмиссии зеленых облигаций является точка зрения, что более высокий уровень открытости обеспечивает достижение принципа устойчивости экономического роста. В этой связи центробанки таких стран, как США, ЕС и Китай, постепенно внедряют ESG-инициативы в требования стандартов макропруденциальной политики, что в свою очередь приводит к значительным изменениям на финансовых рынках [22; 23; 24].

Быстрый рост китайского рынка зелёных облигаций последние годы обусловлен преимущественно эмиссией финансового сектора, что связывают не только со стремлением привлечь более дешевое финансирования за счет получения зеленой премии. Отдельные исследования специфики зеленой премии на

рынке зеленых облигаций Китая показывают, что ее средний размер превышает зеленую премию в ЕС и США и составляет примерно 24,9 б. п. [11]. Эти данные объясняют явление быстрорастущего рынка и повышенный спрос на китайские зеленые облигации.

Еще одним мотивом стремительного роста китайского рынка зеленых облигаций может быть стремление финансовых организаций Китая к проведению регуляторного арбитража. Условия для регуляторного арбитража в Китае были созданы финансовыми регуляторами и правительством страны в 2015 г. [12]. Феномен стремительного роста китайского рынка зеленых облигаций получил в западной прессе специфическое название *From Zero To Hero* [25]. Опубликовав руководство по эмиссии зеленых облигаций, китайские регуляторы финансового рынка и правительство Китая привлекли большой интерес к этому классу финансовых активов, создав специфические стимулы и соответствующий инвестиционный климат для развития этого рынка в Китае. Рынок китайских зеленых облигаций уже в 2016 г. стал крупнейшим в мире по объемам эмиссии. В свою очередь, согласно ряду исследований, китайские банки, доля которых на рынке зеленых облигаций Китая доминирует последние годы и составляет более 65%, при эмиссии зеленых облигаций руководствовались преимущественно не перспективой получения зеленой премии, а искали экономические выгоды от проведения регуляторного арбитража. Насыщение балансов китайских банков зелеными облигациями создало возможности для повышения их качества и привело их в соответствие высоким требованиям макропруденциального регулятора Китая. Одновременно с этим появились возможности к расширению объемов более рискованных финансовых операций для получения дополнительных доходов.

Анализ лучших мировых практик эмиссии зеленых облигаций

Процедура эмиссии зеленых облигаций имеет много общего с порядком выпуска классических (неокрашенных) аналогов в части ценообразования, подготовки проспекта эмиссии, регистрации выпуска, механизма обеспечения, транзакционных издержек и ряда других стандартных факторов. Ключевым отличием процесса эмиссии зеленых облигаций является добровольное следование эмитента требованиям зеленых принципов, разработанных международной ассоциацией рынка капиталов ICMA [26]. Данные требования выделяют специфические черты эмиссионной и следующей за эмиссией документации, а также учитываются биржами, входящими в базу бирж, поддерживающих принципы устойчивого развития ООН [27].

Результаты исследования лучших практик привлечения финансирования с использованием зеленых облигаций за второй квартал 2022 г. по базе данных CBI показывает, что в большинстве случаев независимым третьим лицом, проводящим сертификацию бумаг, выступают такие глобальные компании, как Carbon Trust, DNV, EY, First Environment и Sustainalytics [13].

Обзор лучших практик по выпуску зеленых облигаций по версии Международной ассоциации рынков капитала ICMA показал, что в качестве третьего лица, обеспечивающего независимую проверку зеленой эмиссии, в большинстве случаев выступают казахский AIFC Green Finance Centre; норвежский Center for International Climate Research (CICERO); японский 3E Institute of Tsinghua University, глобальные компании Deloitte, KPMG, Moody's Investors Service, S&P Global Ratings и Sustainalytics [28].

Глобальный рынок зеленых облигаций более чем на 90% обслуживается иностранными верификаторами, консультан-

тами и аудиторами со штаб-квартирами на территориях так называемых недружественных стран, что существенно отягощает перспективы выпуска зеленых облигаций российскими эмитентами на внешних рынках в современных условиях.

Рекомендации по развитию российского рынка зеленых облигаций в современных условиях

Оптимальной стратегией для успешной эмиссии зеленых облигаций будет следование международным стандартам во всех аспектах подготовки этого процесса, особенно в части разработки корпоративной политики в области зеленых финансов (green framework). Вместе с тем, если финансовыми и зелеными посредниками выступают не международные, а национальные организации, то требования к эмитенту по соответствующим стандартам смещаются в сторону локальных нормативно-правовых актов. Как правило, эти НПА выпускаются финансовыми регуляторами, под надзором которых функционируют местные фондовые биржи. Большинство аспектов эмиссии, связанных с зелеными финансами, в любом случае должны быть согласованы с международными зелеными принципами и стандартами вне зависимости от выбора биржевой площадки для проведения эмиссии.

Лучшие практики выпуска зеленых облигаций в развитых странах интересны на длинных горизонтах развития российской экономики, для которых ожидается снижение уровня изоляции России [10]:

1. Выпуск зеленых облигаций для государственных компаний с высокими рейтингами позволяет привлекать очень дешевое финансирование. Привязка зеленых облигаций непосредственно к государству или государственной компании как к эмитенту, а не к зеленому проекту как объекту финансирования, позволяет существенно снизить кредитные риски и повысить привлекательность зеленой облигации для любого инвестора.

2. Выпуск зеленых облигаций позволяет снижать расходы на процедуры «дьюдилинжеса» для компании, поскольку эмитенту приходится проводить верификацию и раскрытие информации для выпуска зеленых облигаций, т. е. одни дополнительные издержки частично компенсируются сокращением других издержек, не связанных непосредственно с выпуском зеленых облигаций и оформлением green framework.

3. Привлечение иностранных инвесторов требует высокого уровня экспертизы и соответствующего уровня доверия, которые могут дать, как правило, только крупные консалтинговые и финансовые организации с глобальной сетью работы.

4. Основное требование в процессе выпуска зеленых облигаций – соответствие зеленых проектов таксономическим стандартам. Просто инвестировать в них для успеха выпуска зеленых облигаций недостаточно. Чем лучше проводится раскрытие информации, тем более привлекательны зеленые облигации на вторичном рынке. Проблемы подготовки и повышения качества пред- и постэмиссионной отчетности и раскрытия информации достаточно эффективно решаются консалтинговыми компаниями с хорошей экспертизой.

5. Локальные мексиканские консалтинговые и финансовые организации не позволяли раскрыть потенциал выпуска зеленых облигаций из-за недостатка опыта и репутации. Однако их понимание местных особенностей экономики и общественных настроений позволила лучше сформулировать достоинства реализуемых проектов для эффективного маркетинга и раскрытия информации о выпуске.

Лучшие мировые практики по выпуску зеленых облигаций в странах с развивающейся экономикой преимущественно представлены китайским опытом, который в наивысшей степени подходит для развития российского рынка

зеленых облигаций в современных условиях [21]:

1. На ранних стадиях развития зеленой экономики в пилотных зонах (китайских провинциях) большую роль для интенсификации процессов сыграли локальные государственные организации, которые стали якорными участниками рынка, привлекающими финансирование через рынок зеленых облигаций от частного сектора и из бюджета за счет большей уверенности инвесторов в возможностях возврата вложенных средств.

2. Эффективное стимулирование развития рынка зеленых инвестиционных проектов возможно за счет активного участия государства и задействования соответствующих инструментов финансового регулирования. В Китае такая модель развития рынка зеленых проектов и зеленых облигаций (модель «сверху вниз») показала высокую эффективность.

3. Дополнительные стимулы в форме субсидий, бюджетных инвестиций, государственных гарантий для инновационных зеленых проектов и т. п. позволяют ускорить рост рынка зеленых облигаций, повысить кредитное качество зеленых проектов и привлечь больше участников.

4. Использование на этапе развития государственных гарантий и механизмов контроля за рисками зеленых проектов позволяют привлекать внешнее финансирование, даже несмотря на отсутствие рейтингов и сертификатов от глобальных консалтинговых компаний. В перспективе это может повысить осведомленность иностранных инвесторов о локальных рейтинговых системах и привлечь на рынок больше участников, для которых такие рейтинги и независимые мнения будут приемлемы. Кроме этого, унификация российских и международных стандартов еще больше решает проблему с привлечением внешних инвесторов в этом контексте.

5. Развитие рынка страхования в направлении создания специфических страховых продуктов для зеленой экономики позволяет лучше управлять рисками, снижать стоимость финансирования зеленых проектов и также является эффективным стимулом к развитию рынка зеленых облигаций.

6. Развитие рынка сертификации и верификации зеленых проектов и упрощение соответствующих процедур для эмитента, в т. ч. за счет использования цифровых технологий, стимулирует развитие рынка зеленых проектов и зеленых облигаций.

7. Обеспечение максимальной прозрачности и соответствия по назначению привлекаемых за счет выпуска зеленых облигаций финансовых ресурсов является критически важным условием для устойчивого роста зеленой экономики. В этой части ведущую роль должны играть регуляторы и правительство страны, которые отвечают за развитие стандартов отчетности организаций.

Проактивная и лидирующая позиция государства в развитии рынка зеленых облигаций в настоящее время как никогда кстати, поскольку правительство России готовится к сокращению экспорта и ищет необходимость перенаправления сырьевых ресурсов на внутреннее развитие. Следовательно, потребуется разработка расширенных планов в части национальных проектов и государственных программ, которые смогут поглотить все эти объемы. В этой связи развитие внутреннего рынка зеленых, устойчивых и прочих видов окрашенных облигаций очень гармонично впишется в стратегию развития России на средне- и долгосрочную перспективу.

Выводы

Использование лучших мировых практик западных стран интересно для развития России в контексте долгосрочной экономической перспективы. В то же время китайский опыт развития рынка зеленых облигаций обладает наивысшей практической значимостью для решения текущих задач по реформированию рос-

сийского рынка зеленых облигаций по целому ряду причин.

Во-первых, темпы роста рынка зеленых облигаций в Китае за последние три года очень высоки. Вовлеченность правительства и финансовых регуляторов Китая, а также реакция корпоративного сектора хорошо отражают перспективы развития этого тренда. Стремление китайских банков улучшить свои балансы за счет качественных зеленых облигаций может быть использовано для поиска точек соприкосновения и организации соответствующих финансовых отношений. С учетом трудностей, с которыми столкнулась Европа в 2022 г., китайский рынок зеленых облигаций может стать вторым по величине в мире на горизонте следующих 5-10 лет.

Во-вторых, на текущий момент капитализация китайских фондовых бирж является достаточно большой по критерию глубины и ликвидности рынка, чтобы стать более-менее достойной заменой западным площадкам [18].

В-третьих, эффективно работающая финансовая инфраструктура, обеспечивающая свободное трансграничное движение капитала, в настоящее время критически важна для решения проблем частичной изоляции российской экономики. Необходимо разработать новые каналы и возможности для инвестирования резервов суверенных фондов России, а также диверсификации инвестиционных портфелей российских организаций и домохозяйств.

В-четвертых, Китай является наиболее крупной дружественной экономикой, граничащей с Россией, что может стать дополнительным фактором интенсификации развития совместных зеленых проектов и зеленого финансирования.

В-пятых, опыт Китая показывает, что введение для России ограничения доступа к рынку глобальных консалтинговых услуг могут быть преодолены за счет проактивных действий государства на рынке зеленых облигаций. Более того, повышение объема выпуска зеленых облигаций хорошо вписывается в контекст финансирования соответствующих государственных программ и национальных проектов, перечень которых увеличится после присоединения новых территорий в 2022 г.

Опора на лучшие китайские практики и развитие совместной финансовой инфраструктуры с китайским рынком зеленых облигаций, создание совместных пулов зеленых инвесторов, верификаторов, оценщиков, стандартов и других рыночных объединений в рамках стран БРИКС имеет большой потенциал для развития России. Создание нового крупного международного финансового центра, специализирующегося на специфике расширенного перечня стран с развивающейся экономикой, полностью отвечает вызовам и новым требованиям к развитию мировой экономики и мирового финансового рынка. Необходимо использовать эту возможность с точки зрения интересов экономического развития России, поэтому дальнейшие исследования в этой области можно посвятить детальной проработке контуров сформулированного вектора развития.

Список литературы

1. Богачева О. В., Смородинов О. В. Государственные меры по организации и развитию рынка «зеленых» облигаций // Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. 2016. № 3(31). С. 55–65.

2. How to Issue Green Bonds, Social Bonds and Sustainability Bonds. SC/IFC/SECO/CBI. URL: https://www.ifc.org/wps/wcm/connect/62360f48-af20-485c-882d-aa190051e1a6/Issue+

bonds+-+Guide+English.pdf?MOD=AJPERES&CVID=nAiPeP1 (дата обращения: 10.09.2022).

3. Перечень ценных бумаг, включенных в Сектор устойчивого развития // Московская биржа. URL: https://www.moex.com/s3019 (дата обращения 10.09.2022).

4. Хмыз О. В. Международный опыт выпуска «зеленых» облигаций // Экономика. Налоги. Право. 2019. Т. 12, № 5. С. 132–141. https://doi.org/10.26794/1999-849X-2019-12-5-132-141.

5. Безсмертная Е. Р. Выпуск «зеленых» облигаций как элемент системы защиты окружающей среды // Экономика. Налоги. Право. 2019. № 12(5). С. 61–69. https://doi.org/10.26794/1999-849X-2019-12-5-61-69.

6. Lebelle Martin, Jarjir Souad, Sassi Syrine. The effect of issuance documentation disclosure and readability on liquidity: Evidence from green bonds // Global Finance Journal. 2021. N 51. P. 100678. https://doi.org/10.1016/j.gfj.2021.100678.

7. Sangiorgi I., Schopohl L. Why do institutional investors buy green bonds: Evidence from a survey of European asset managers // International Review of Financial Analysis. 2021. N 75(3). P. 101738. https://doi.org/10.1016/j.irfa.2021.101738.

8. Hyun S., Park D., Tian S. Pricing of Green Labeling: A Comparison of Labeled and Unlabeled Green Bonds // Finance Research Letters. 2020. N 41(6). P. 101816. https://doi.org/10.1016/ j.frl.2020.101816.

9. Дорофеев М. Л. Особенности стоимости капитала на рынке зеленых облигаций // ЭКО. 2020. № 5(551). С. 62–76. https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2020-5-62-76.

10. German Federal Ministry for Economic Cooperation and Development and Skandinaviska Enskilda Banken. Green bonds – ecosystem, issuance process and case studies. URL: https://www.emergingmarketsdialogue.org/wp-content/uploads/2018/06/STA_GB_ InternationalEdition_20180522_WEB-1.pdf (дата обращения: 10.09.2022).

11. Zhang R., Li Y., Liu Y. Green bond issuance and corporate cost of capital // Pacific-Basin Finance Journal. 2021. N 69. P.101626. https://doi.org/10.1016/j.pacfin.2021.101626.

12. Cao X., Jin C., Ma W. Motivation of Chinese commercial banks to issue green bonds: Financing costs or regulatory arbitrage? // China Economic Review. 2020. N 66. P. 101582. https://doi.org/10.1016/j.chieco.2020.101582.

13. Labelled Green Bonds Data: Latest 3 Months // Climate Bonds Initiative. URL: https://www.climatebonds.net/cbi/pub/data/bonds (дата обращения: 10.09.2022).

14. Explaining green bonds // Climate Bonds Initiative. URL: https://www.climatebonds.net/market/explaining-green-bonds (дата обращения: 10.09.2022).

15. Green Bonds Market 2022 // Climate Bonds Initiative. URL: https://www.climatebonds.net (дата обращения: 10.09.2022).

16. Sustainable Debt Global State of the Market 2021 // Climate Bonds Initiative. URL: https://www.climatebonds.net/resources/reports/sustainable-debt-global-state-market-2021 (дата обращения: 10.09.2022).

17. Spinaci S. European green bonds: A standard for Europe, open to the world, EPRS, European Parliament, January 2022. URL: https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2022/698870/EPRS_BRI(2022)698870_EN.pdf (дата обращения: 10.09.2022).

18. China Green Bond Market Report 2021 // Climate Bonds Initiative. URL: https://www.climatebonds.net/resources/reports/china-green-bond-market-report-2021 (дата обращения: 10.09.2022).

19. Emerging Market Green Bonds Report 2020. On the Road to Green Recovery // International Finance Corporation. URL: https://www.ifc.org/wps/wcm/connect/0fab2dcd-25c9-48cd-b9a8-d6cc4901066e/2021.04+-+Emerging+Market+Green+Bonds+Report+2020+-+EN.pdf?MOD=AJPERES&CVID=nBW.6AT (дата обращения: 10.09.2022).

20. International Finance Corporation. China Green Bond Market Report 2020. URL: https://www.sustainablefinance.hsbc.com/-/media/gbm/sustainable/attachments/china-green-bond-market-2020.pdf (дата обращения: 10.09.2022).

21. China's Green Bond Issuance and Investment Opportunity Report // Climate Bonds Initiative. URL: https://www.climatebonds.net/files/reports/cbi_gfo_china_05b.pdf (дата обращения: 10.09.2022).

22. Muganyi T., Yan L., Sun H. Green finance, fintech and environmental protection: Evidence from China // Environmental Science and Ecotechnology. 2021. N 7. P. 100107. https://doi.org/10.1016/j.ese.2021.100107.

23. De Spiegeleer J., Schoutens W. Sustainable Capital Instruments and Their Role in Prudential Policy: Reverse Green Bonds // SSRN Electron Journal. 2019. July 4. https://doi.org/10.2139/ssrn.3415184.

24. Sangiorgi I., Schopohl L. Why do institutional investors buy green bonds: Evidence from a survey of European asset managers // International Review of Financial Analysis. 2021. N 75. P. 101738. https://doi.org/10.1016/j.irfa.2021.101738.

25. Green means go for Chinese regulators // Euromoney. URL: https://www.euromoney.com/article/b13lskdbg8wm6f/green-means-go-for-chinese-regulators (дата обращения: 10.09.2022).

26. The International Capital Market Association. Green Bond Principles (GBP) 2021 Handbook. Available at: https://www.icmagroup.org/sustainable-finance/the-principles-guidelines-and-handbooks/green-bond-principles-gbp/ (дата обращения: 10.09.2022).

27. Sustainable Stock Exchange Initiative. Stock Exchange Database. URL: https:// sseinitiative.org/exchanges-filter-search/ (дата обращения: 10.09.2022).

28. The International Capital Market Association. Sustainable bonds database. URL: https://www.icmagroup.org/sustainable-finance/sustainable-bonds-database/#searchResultHold (дата обращения: 10.09.2022).

References

1. Bogacheva O. V., Smorodinov O. V. Gosudarstvennye mery po organizacii i razvitiju rynka "zelenyh" obligacij [State measures to organize and develop the green bond market]. *Nauchno-issledovatel'skij finansovyj institut. Finansovyj zhurnal = Research Financial Institute. Financial Journal*, 2016, no. 3(31), pp. 55–65.

2. How to Issue Green Bonds, Social Bonds and Sustainability Bonds. SC/IFC/SECO/CBI. Available at: https://www.ifc.org/wps/wcm/connect/62360f48-af20-485c-882d-aa190051e1a6/Issue+bonds+-+Guide+English.pdf?MOD=AJPERES&CVID=nAiPeP1. (accessed 10.09.2022)

3. Perechen' cennyh bumag, vkljuchennyh v Sektor ustojchivogo razvitija [List of securities included in the Sustainable Development Sector]. Moskovskaja birzha [Moscow Stock Exchange]. Available at: https://www.moex.com/s3019. (accessed 10.09.2022)

4. Hmyz O. V. Mezhdunarodnyj opyt vypuska "zelenyh" obligacij [International experience in issuing "green" bonds]. *Jekonomika. Nalogi. Pravo = Economy. Taxes. Right*, 2019, vol. 12, no. 5, pp. 132–141. https://doi.org/10.26794/1999-849X-2019-12-5-132-141

5. Bezsmertnaya E. R. Vypusk "zelenykh" obligatsii kak element sistemy zashchity okruzhayushchei sredy [Issue of "green" bonds as an element of the environmental protection system]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economy. Taxes. Right*, 2019, no. 12(5), pp. 61–69. https://doi.org/10.26794/1999-849X-2019-12-5-61-69

6. Lebelle Martin, Jarjir Souad, Sassi Syrine. The effect of issuance documentation disclosure and readability on liquidity: Evidence from green bonds. *Global Finance Journal*, 2021, no. 51, p. 100678. https://doi.org/10.1016/j.gfj.2021.100678

7. Sangiorgi I., Schopohl L. Why do institutional investors buy green bonds: Evidence from a survey of European asset managers. *International Review of Financial Analysis*, 2021, no. 75, p. 101738. https://doi.org/10.1016/j.irfa.2021.101738

8. Hyun S., Park D., Tian S. Pricing of Green Labeling: A Comparison of Labeled and Unlabeled Green Bonds. *Finance Research Letters*, 2020, no. 41(6), p. 101816. https://doi.org/10.1016/j.frl.2020.101816

9. Dorofeev M. L. Osobennosti stoimosti kapitala na rynke zelenyh obligacij [Features of the cost of capital in the green bond market]. *JeKO = ECO*, 2020, no. 5(551), pp. 62–76. https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2020-5-62-76

10. German Federal Ministry for Economic Cooperation and Development and Skandinaviska Enskilda Banken. Green bonds – ecosystem, issuance process and case studies. Available at: https://www.emergingmarketsdialogue.org/wp-content/uploads/2018/06/STA_GB_ InternationalEdition_20180522_WEB-1.pdf. (accessed 10.09.2022)

11. Zhang R., Li Y., Liu Y. Green bond issuance and corporate cost of capital. *Pacific-Basin Finance Journal*, 2021, no. 69, p. 101626. https://doi.org/10.1016/j.pacfin.2021.101626

12. Cao X., Jin C., Ma W. Motivation of Chinese commercial banks to issue green bonds: Financing costs or regulatory arbitrage? *China Economic Review*, 2020, no. 66, p. 101582. https://doi.org/10.1016/j.chieco.2020.101582

13. Labelled Green Bonds Data: Latest 3 Months. Climate Bonds Initiative. Available at: https://www.climatebonds.net/cbi/pub/data/bonds. (accessed 10.09.2022)

14. Explaining green bonds. Climate Bonds Initiative. Available at: https://www.climatebonds.net/market/explaining-green-bonds. (accessed 10.09.2022)

15. Green Bonds Market 2022. Climate Bonds Initiative. Available at: https://www. climatebonds.net. (accessed 10.09.2022)

16. Sustainable Debt Global State of the Market 2021. Climate Bonds Initiative. Available at: https://www.climatebonds.net/resources/reports/sustainable-debt-global-state-market-2021. (accessed 10.09.2022)

17. Spinaci S. European green bonds: A standard for Europe, open to the world, EPRS, European Parliament, January 2022. Available at: https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2022/698870/EPRS_BRI(2022)698870_EN.pdf. (accessed 10.09.2022)

18. China Green Bond Market Report 2021. Climate Bonds Initiative. Available at: https://www.climatebonds.net/resources/reports/china-green-bond-market-report-2021. (accessed 10.09.2022)

19. Emerging Market Green Bonds Report 2020. On the Road to Green Recovery. International Finance Corporation. Available at: https://www.ifc.org/wps/wcm/connect/0fab2dcd-25c9-48cd-b9a8-d6cc4901066e/2021.04+-+Emerging+Market+Green+Bonds+Report+2020+-+EN.pdf?MOD=AJPERES&CVID=nBW.6AT. (accessed 10.09.2022)

20. International Finance Corporation. China Green Bond Market Report 2020. Available at: https://www.sustainablefinance.hsbc.com/-/media/gbm/sustainable/attachments/china-green-bond-market-2020.pdf. (accessed 10.09.2022)

21. China's Green Bond Issuance and Investment Opportunity Report. Climate Bonds Initiative. Available at: https://www.climatebonds.net/files/reports/cbi_gfo_china_05b.pdf. (accessed 10.09.2022)

22. Muganyi T., Yan L., Sun H. Green finance, fintech and environmental protection: Evidence from China. *Environmental Science and Ecotechnology*, 2021, no. 7, p. 100107. https://doi.org/10.1016/j.ese.2021.100107

23. De Spiegeleer J., Schoutens W. Sustainable Capital Instruments and Their Role in Prudential Policy: Reverse Green Bonds. *SSRN Electron Journal*, 2019, July 4. https://doi.org/10.2139/ssrn.3415184

24. Sangiorgi I., Schopohl L. Why do institutional investors buy green bonds: Evidence from a survey of European asset managers. *International Review of Financial Analysis*, 2021, no. 75, p. 101738. https://doi.org/10.1016/j.irfa.2021.101738

25. Green means go for Chinese regulators. Euromoney. Available at: https://www.euromoney.com/article/b13lskdbg8wm6f/green-means-go-for-chinese-regulators. (accessed 10.09.2022)

26. The International Capital Market Association. Green Bond Principles (GBP) 2021 Handbook. Available at: https://www.icmagroup.org/sustainable-finance/the-principles-guidelines-and-handbooks/green-bond-principles-gbp/. (accessed 10.09.2022)

27. Sustainable Stock Exchange Initiative. Stock Exchange Database. Available at: https://sseinitiative.org/exchanges-filter-search/. (accessed 10.09.2022)

28. The International Capital Market Association. Sustainable bonds database. Available at: https://www.icmagroup.org/sustainable-finance/sustainable-bonds-database/#searchResultHold. (accessed 10.09.2022)

Информация об авторе / Information about the Author

Дорофеев Михаил Львович, кандидат экономических наук, доцент Департамента общественных финансов Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: dorofeevml@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-2829-9900

Mikhail L. Dorofeev, Cand. of Sci. (Economics), Associate Professor of the Public Finance Department of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation,
e-mail: dorofeevml@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-2829-9900

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-1-59-71

CC BY 4.0

Внутренний контроль как инструмент снижения рисков инвестиционной деятельности компании

Ж. Ю. Коптева[1] ✉, В. В. Гришина[1]

[1] Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: zhanna.kopteva@inbox.ru

Резюме

Актуальность. *В современных условиях делается ставка на инвестиции как в рамках макро-, так и микроэкономики. Уровень развития инвестиционной деятельности имеет стратегическое значение как для государства в целом, так и для хозяйствующих субъектов. Наряду с основной деятельностью компании инвестиционная является важнейшим источником дохода. Кроме того, рост фирмы немыслим без выхода на новые рынки, закупки инновационного оборудования и прочие капитальные вложения. Однако инвестиции сопряжены с рисками. Данное исследование предполагает поиск эффективных средств, снижающих риски инвестиционной деятельности компаний. Одним из них может выступить система внутреннего контроля организации. Особенно важным представляется внутренний контроль, который осуществляется собственниками и персоналом организации, поскольку данный вид контроля позволяет более оперативно реагировать на «узкие места» и их корректировать.*

Целью *исследования является оценка возможностей применения внутреннего контроля в качестве инструмента снижения рисков инвестиционной деятельности компании.*

Задачи: *рассмотреть сущность внутреннего контроля; изучить этапы контроля инвестиционной деятельности; выявить контрольные процедуры, нивелирующие риски инвестиций в компании.*

Методология. *Исследование основывается на общенаучной методологии обзора литературных источников, системного и логического анализа, методов сбора данных, индукции, описания и обработки результатов исследования.*

Результаты. *Обозначена важность внедрения внутреннего контроля в управленческие процессы. Разработаны рекомендации по использованию методов внутреннего контроля на различных стадиях реализации инвестиционной программы фирмы.*

Выводы. *Для минимизации рисков инвестиционной деятельности следует внедрить в управление ее компоненты внутреннего контроля, что позволит достичь компании поставленных инвестиционных целей, сохранить и преумножить активы организации, соблюсти законодательство в данной сфере и в целом увеличить конкурентные позиции.*

Ключевые слова: *риски; управление; внутренний контроль; инвестиционная деятельность.*

Конфликт интересов: *В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.*

Для цитирования: Коптева Ж. Ю., Гришина В. В. Внутренний контроль как инструмент снижения рисков инвестиционной деятельности компании // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2023. Т. 13, № 1. С. 59–71. https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-1-59-71.

Поступила в редакцию 05.12.2022 Принята к публикации 09.01.2023 Опубликована 28.02.2023

© Коптева Ж. Ю., Гришина В. В., 2023

Internal Control as an Instrument for Reducing the Risks of the Company's Investment Activities

Zhanna Yu. Kopteva[1] ✉, Valeria V. Grishina[1]

[1] Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: zhanna.kopteva@inbox.ru

Abstract

Relevance. *In modern conditions, a bet is placed on investments both in the framework of macro- and microeconomics. The level of development of investment activity is of strategic importance both for the state as a whole and for economic entities. Along with the main activity of the company, investment is the most important source of income. In addition, the growth of the company is unthinkable without entering new markets, purchasing innovative equipment and other capital investments. However, investments come with risks. This study involves the search for effective means to reduce the risks of investment activities of companies. One of them may be the internal control system of the organization. Internal control, which is carried out by the owners and staff of the organization, is especially important, since this type of control allows you to respond more quickly to "bottlenecks" and correct them*

The purpose *of the study is to assess the possibilities of using internal control as a tool to reduce the risks of the company's investment activities.*

Objectives: *to consider the essence of internal control; to study the stages of investment activity control; to identify control procedures that level the risks of investments in the company.*

Methodology. *The research is based on the general scientific methodology of the review of literary sources, systematic and logical analysis, methods of data collection, induction, description and processing of research results.*

Results. *The importance of the implementation of internal control in management processes is indicated. Recommendations on the use of internal control methods at various stages of the implementation of the company's investment program have been developed.*

Conclusions. *To minimize the risks of investment activity, its internal control components should be introduced into management, which will allow the company to achieve its investment goals, preserve and multiply the assets of the organization, comply with legislation in this area and generally increase its competitive position.*

Keywords*: risks; management; internal control; investment activity.*

Conflict of interest*: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.*

For citation: Kopteva Zh. Yu., Grishina V. V. Internal Control as an Instrument for Reducing the Risks of the Company's Investment Activities. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2023; 13(1): 59–71. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-1-59-71.

Received 05.12.2022 Accepted 09.01.2023 Published 28.02.2023

***

Введение

Сегодня большое внимание уделяется инвестициям как на государственном уровне, так и в компаниях. Согласно Федеральному закону «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений», инвестиционная деятельность представляет собой финансовые вложения, направленные на получение прибыли, либо достижения иной выгоды, полезного эффекта.

Наряду с основной деятельностью компании инвестиционная является важнейшим источником дохода. Кроме того, рост фирмы немыслим без выхода на новые рынки, закупки инновационного оборудования и прочие капитальные вложения. Однако инвестиции следует рассматривать как долгосрочную стратегию развития фирмы, которая даст должные результаты лишь при грамотном, обдуманном, экономически обоснованном, управленческом подходе. Инвестицион-

ные риски представляют собой потенциальные угрозы вложениям, которые при неблагоприятном стечении обстоятельств способны принести инвестору убытки, а то и вовсе обернуться потерей всего инвестированного капитала. Всем известная концепция гласит: «Чем выше риск, тем выше доходность». Поэтому стоит помнить, что инвестиционная деятельность всегда сопряжена с определенным уровнем рисков. Полностью нивелировать влияние рисков невозможно, но вполне реально эффективно ими управлять [1; 2].

Контроль, являясь одной из функций управления, имеет большую значимость для деятельности организации, т. к. с его помощью возможно обнаружить недостатки в работе компании и предпринять шаги по улучшению ситуации. Особенно важным представляется внутренний контроль, который осуществляется собственниками и персоналом организации, поскольку данный вид контроля позволяет более оперативно реагировать на «узкие места» и их корректировать [3; 4; 5; 6].

Понятие внутреннего контроля вошло в лексикон еще в начале XVIII в. Система контроля деятельности предприятия представляла совокупность трех элементов: разделения полномочий, ротации персонала, использования и анализа учетных записей. Со временем в состав функций внутреннего контроля вошли такие, как повышение эффективности операций, структурирование и координирование процессов по обеспечению сохранности активов организации, анализ надежности и достоверности учетной информации и др. [7; 8].

Таким образом, к концу XX в. внутренний контроль, расширяя сферу своего приложения в направлении риск-менеджмента, трансформировался в инструмент контроля за рисками [9].

Материалы и методы

Внутренний контроль направлен на мониторинг функционирования как всей компании, так и ее отдельных подразделений для обеспечения эффективности деятельности организации. Также необходимо определить конкретные цели проведения внутреннего контроля организации, среди которых можно выделить пять основных:

1) надежность и полнота информации;

2) соответствие политике, планам, процедурам, законодательству;

3) обеспечение сохранности активов;

4) экономичное и эффективное использование ресурсов;

5) достижение подразделениями компании поставленных целей и задач.

Внутренний управленческий контроль проводится по направлениям стратегии развития хозяйствующего субъекта. Это может снабжение и сбыт, ценовая, финансовая, кадровая политика. В рамках нашего исследования остановимся на внутреннем контроле инвестиционного направления деятельности организации как наиболее рисковой сферы [10].

В сфере инвестиционной деятельности функции контроля направлены на диагностику и выявление отклонений от запланированных фактических результатов на всех этапах вложения инвестиций, также на своевременный и оперативный анализ причин нежелательных отклонений для их устранения в процессе принятия координирующих управленческих решений (рис. 1).

Внутренний контроль инвестиций призван в числе прочего обеспечить соблюдение законодательства в данной области. Далее приведем основные нормативно-правовые акты, регулирующие инвестиционные отношения:

– Федеральный закон от 25.02.1999 г. № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» (ред. от 14.03.2022 г.) [12];

– Федеральный закон от 09.07.1999 г. № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях

в Российской Федерации» (ред. от 02.07.2021 г.; с изм. и доп., вступ. в силу с 24.08.2021 г.) [13];

– Федеральный закон от 29.11.2001 г. № 156-ФЗ «Об инвестиционных фондах» (ред. от 02.07.2021 г.; с изм. и доп., вступ. в силу с 01.02.2022 г.) [14];

– Федеральный закон от 28.11.2011 г. № 335-ФЗ «Об инвестиционном товариществе» (ред. от 02.07.2021 г.) [15].

Инвестиционный контроль на предприятии включает в себя ряд последовательных этапов (рис. 2).

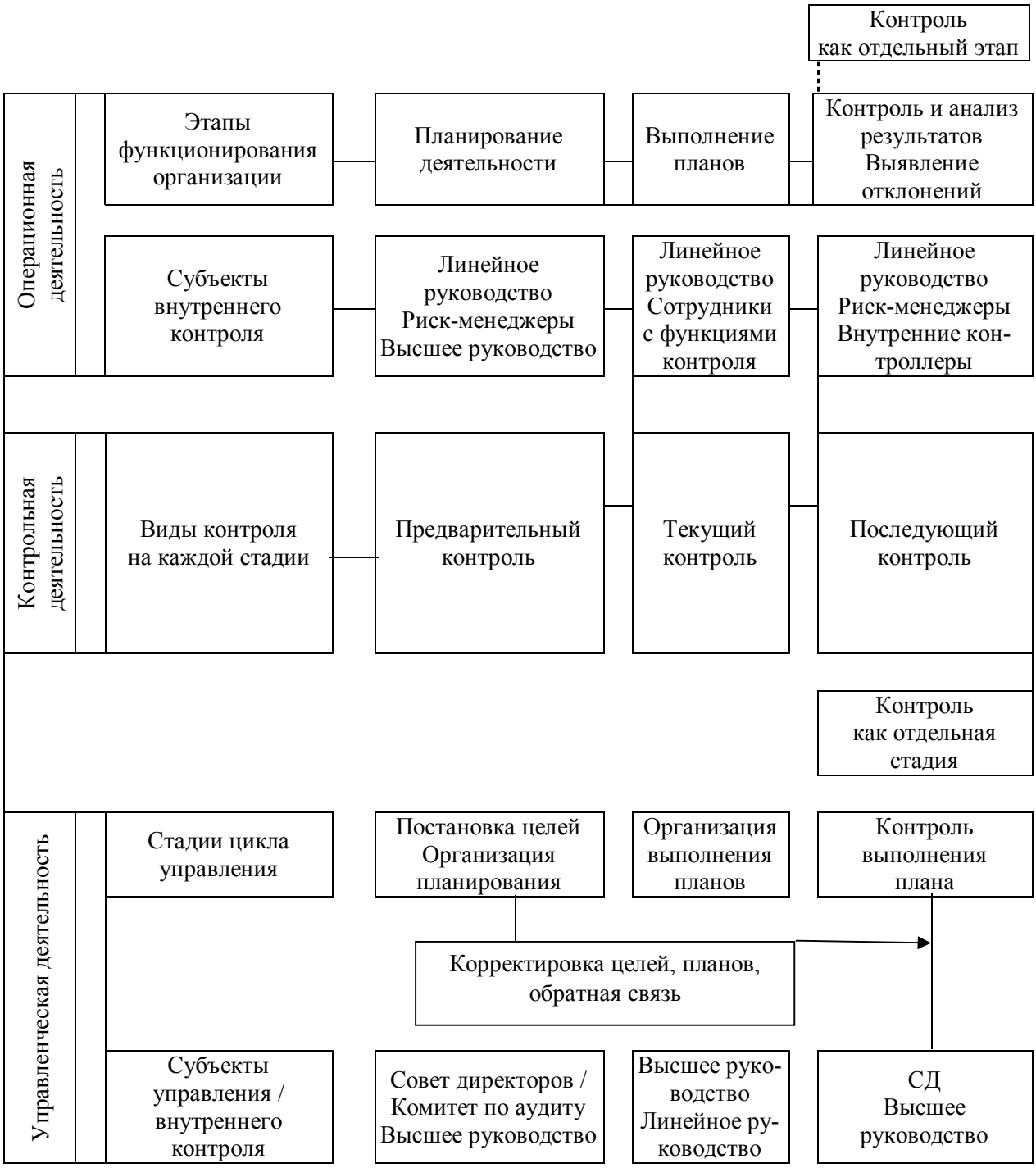

Рис. 1. Место и роль СВК в общей системе управления компанией [11]

Рис. 2. Этапы инвестиционного контроля

Организация эффективного контроля инвестиционной деятельности в компании предполагает постоянное наблюдение за контролируемыми показателями инвестиционной деятельности, определение размеров отклонений фактических результатов от предусмотренных и выявление причин этих отклонений. Экспертизу инвестиционного проекта, сбор и анализ документации, проведение инвентаризации применяют в качестве методов инвестиционного контроля, также используют интервьюирование персонала и др.

Таким образом, для повышения эффективности инвестиционной деятельности предприятия необходим непрерывный ее мониторинг и контроль основных показателей [16].

Для обеспечения эффективного функционирования руководителю предприятия необходимо направлять свою деятельность на формирование систем внутреннего контроля как неотъемлемой составной части построения всей системы управления организации.

Можно выделить следующие основные задачи внутреннего контроля инвестиционной деятельности:

– проверка организации инвестиционной работы;

– сбор информации об использовании инвестиционных средств и выполнении планов;

– выявление дополнительных резервов и возможностей;

– внесение корректив в инвестиционные программы [17].

Результаты и их обсуждение

Внутреннний контроль должен пронизывать все стадии инвестиционной деятельности фирмы – от планирования и подготовки до оценки эффективности реализованного проекта.

Предынвестиционная фаза – подготовительный этап, на котором разрабатывается оптимальный план капитальных вложений. Чтобы сделать ее максимально прозрачной и свести на нет возможные ошибки, нужно тщательно отбирать проекты, годные к реализации, и отделять риски проекта от основного бизнеса.

Отбор проектов. На предварительном этапе определяют потребности в капвложениях, анализируют и выбирают наиболее эффективные способы их реализации. Основной риск – утверждение

слабо проработанных проектов, а также проталкивание заведомо невыгодных для компании инвестиций, личную заинтересованность в которых проявляют отдельные должностные лица.

Прозрачный порядок конкурсного отбора и утверждения проектов позволит повысить качество принятия инвестиционных решений. Его описание (в инструкции, отдельном положении или регламенте) можно дополнить списком необходимых документов [18; 19].

Он может включать:

– пояснительную записку с обоснованием целесообразности инвестиционного проекта и его соответствия стратегии компании, а также описанием порядка его реализации и влияния на достижение запланированных показателей компании;

– бизнес-план с расчетом ключевых показателей эффективности;

– график выполнения проекта с перечнем основных этапов, декомпозицией мероприятий и указанием точек перехода на последующие стадии реализации;

– описание структуры реализации проекта с распределением ролей и сфер ответственности между структурными подразделениями;

– план управления рисками, включающий их анализ и перечень мер по минимизации.

Повысить объективность решений по проектам можно, если каждому из представленных инициаторами документов поставить оценку в зависимости от качества проработки, содержательности и обоснованности. По аналогии присвоить оценки показателям эффективности проектов. Затем распределить веса между ними и рассчитать итоговые рейтинги проектов.

Кстати, защитой от субъективных решений может послужить коллегиальный орган – комитет по инвестициям. В его состав, помимо подразделений-заказчиков, стоит включить и представителей финансовой службы.

Для анализа и принятия решений по проектам, по которым предусмотрены значительные расходы, целесообразно привлечение внешней экспертизы.

В конечном итоге регламентированные и прозрачные процедуры принятия инвестиционных решений позволят предотвратить запуск проектов, по которым слабо «просчитана экономика», не устранены серьезные риски и (или) отсутствует процедура согласования на всех этапах проекта [20].

Отделение рисков проекта от основного бизнеса. Масштабные проекты, в т. ч. с участием сторонних партнеров, лучше организовывать с привлечением специализированных компаний (special purpose vehicle, SPV). Это позволит разделить риски проекта и текущего бизнеса, а при необходимости привлечь дополнительное финансирование, предоставив в качестве залога акции (доли) проектной компании.

Если предполагается образование SPV, стоит убедиться, что компания – инициатор проекта может участвовать в управлении проектной компанией. А точнее, принимать решения на общих собраниях акционеров (участников), а также иметь представительство в совете директоров и менеджменте. Иначе не получится согласовывать и утверждать ключевые инвестиционные решения. При необходимости можно дополнительно заключить соглашения между акционерами (участниками) по совместному принятию решений в части управления проектной компанией.

Чтобы реализацию инвестиционного проекта сделать максимально управляемой, нужно:

– разделить полномочия по управлению проектом и его финансированием;

– обеспечить прозрачность тендерных процедур и управления контрактной деятельностью;

– контролировать взаимодействие с подрядчиками;

– отслеживать стоимость, сроки исполнения и качество работ (услуг (продуктов));

– контролировать отклонения фактических показателей проекта от целевых.

Разделение полномочий по управлению проектом и его финансированием. Текущим управлением проекта обычно занимается менеджер (руководитель проекта). Он отвечает за координацию работы с подрядчиками, контроль сроков и качество выполнения работ.

Риски возможных злоупотреблений будут ниже, если полномочия по контролю исполнения бюджета, санкционированию расходных платежей передать финансовому контролеру проекта, независимому от проектной команды.

В качестве дополнительной контрольной процедуры можно ввести дифференцированную систему согласования расходных платежей по проекту в зависимости от их размера. Например, в одном случае будет достаточно визы финансового контролера, в другом санкционирование платежа проводится на уровне генерального директора или совета директоров.

Также одной из наиболее важных составляющих процесса инвестирования является процедура прозрачного конкурсного отбора поставщиков. В целях нивелирования рисков злоупотреблений и мошенничества следует использовать приемы внутреннего контроля (табл.).

Таблица. Процедуры контроля, закрывающие риски снижения эффективности тендерных процедур

Риск снижения эффективности тендерных процедур в рамках инвестиционного проекта	Процедуры, снижающие данные риски
Подгонка условий конкурса под конкретного участника	Выборочная проверка условий конкурсной документации на предмет их запрограмированности под конкретную компанию
Участие в тендере компаний, аффилированных с отдельными представителями менеджмента	1.Участие в конкурсной комиссии должностных лиц компании, формально не заинтересованных в результатах тендера (например, представители финансово-экономической службы), но с правом решающего голоса. 2. Совместная проверка подразделениями экономической безопасности и внутреннего аудита участников торгов на аффилированность с сотрудниками компании – организатора тендера (с использованием специализированных баз данных, например СПАРК)
Участие компаний, предлагающих демпинговые условия, но фактически не способных выполнить соответствующие работы	Выборочный контроль соответствия условий заключенного договора требованиям тендерной документации

Кроме того, защищаться от недобросовестных действий можно, если установить максимальные цены контракта, а также мониторить цены производителей дорогостоящего оборудования, закупаемого компанией. При этом порядок расчета начальной максимальной цены контрактов должен содержать методики определения стоимости закупок, отраженных в тендерной документации. Цена закупаемого оборудования, выставляемая на тендер, должна базироваться на анализе предложений как минимум трех независимых поставщиков аналогичной продукции, предлагающих схожие условия поставки.

Закупку сложного оборудования, составные части которого поставляют различные компании, желательно проводить через компанию-интегратора. А в условиях договора с ним стоит предусмотреть ответственность за комплексную сборку, наладку и проведение испытаний.

Также необходимо наладить регулярное взаимодействие с подрядчиками, поскольку несоблюдение данного условия (слабое взаимодействие с подрядчиками на этапе реализации проекта) может привести к завышению сроков и нарушению качества выполненных работ.

Нивелировать такие риски помогут, например:

– выбор единого подрядчика, выполняющего комплекс работ (услуг) под ключ;

– утверждение типовых условий договора с подрядчиком;

– контроль его деятельности и качества используемого оборудования и материалов.

В рамках внутреннего инвестиционного контроля следует уделять внимание контролю стоимости, сроков и качества выполнения работ, поскольку это позволит нивелировать риски:

– завышения накладных расходов и сметной прибыли;

– включения в стоимость работ затрат на устранение брака, допущенного подрядчиком, не предусмотренных сметой;

– включения в акты выполненных работ, которые по факту не выполнялись;

– неверного применения сметных цен и расценок;

– отсутствия учета подрядчиком стоимости возвратных материалов, образованных, например, в результате разборки сносимых сооружений на площадке;

– использования по факту материалов с низкой стоимостью, но с последующим включением в акт материалов с высокой ценой.

Достичь такого эффекта позволит проверка обоснованности использования сметных нормативов и коэффициентов, а также четкое формулирование технического задания [21; 22].

Следующим этапом контроля инвестиционной деятельности фирмы является отслеживание отклонений фактических показателей проекта от целевых.

Выполнение инвестпроекта в установленный срок в рамках бюджета при достижении технических целей и запланированной чистой приведенной стоимости – показатель эффективности работы проектной команды. Отследить отклонения фактических показателей проекта от целевых позволит предварительное сопоставление данных детального планаграфика, содержащего четкие затраты, с фактическими полученными результатами (план-факт анализ затрат – сравнение смет с бюджетом и договором). Кроме этого, будет нелишней подготовка регулярных статус-отчетов по проекту: бюджет, суммы заключенных договоров, сведения по начислениям и платежам, срок окончания проекта, сумма предстоящих расходов.

Система отчетности позволит обеспечивать регулярное получение информации об исполнении плана инвестиционных закупок, графика платежей и соотношении достигаемых результатов и запланированных показателей (выявление отклонений). При этом она позволяет своевременно корректировать управленческие решения, контролировать начисления и оплату на каждом этапе проекта. А кроме того, проверять фактическую сумму инвестиционных расходов (стоимость вводимых в эксплуатацию объектов) и сроки реализации. При этом контроль инвестиционного бюджета – прерогатива финансовой службы, а контроль сроков – инициатора проекта. Например, если обнаруживается изменение в сторону ухудшения хотя бы на 10 процентов от запланированного (объема расходов, сроков, технических показателей, чистого приведенного дохода), то это сигнал для немедленной проверки ответственных за реализацию проекта лиц.

По окончании инвестиционного проекта исследуются полученные в ходе его реализации результаты. А кроме того, проводится постаудит инвестиционного проекта, в ходе которого: подтверждается его эффективность; выявляются допущенные отклонения фактических результатов от плановых; систематизируются ошибки, допущенные в ходе реализации проекта, и разрабатываются меры по их недопущению в дальнейшем [23].

Результаты постаудита инвестиционного проекта изучаются в ходе совещаний проектных команд. Его регулярное проведение позволит создать базу знаний, использование которой значительно снизит риски реализации однотипных инвестпроектов в будущем.

Выводы

Таким образом, внутренний контроль является ядром системы менеджмента компании. Контрольные процедуры, оценка рисков, мониторинг и другие элементы контроля способствуют принятию грамотных управленческих решений во всех сферах деятельности организации.

В настоящее время развитие фирмы возможно лишь при условии реализации инвестиционных программ. Такая активность экономического субъекта сопровождается рисками абсолютно на всех стадиях проведения, однако именно инвестиционная деятельность дает стратегические конкурентные преимущества на рынке.

Для минимизации рисков инвестиционной деятельности следует внедрить в управление ее компоненты внутреннего контроля, что позволит достичь компании поставленных инвестиционных целей, сохранить и преумножить активы организации, соблюсти законодательство в данной сфере и в целом увеличить конкурентные позиции.

Список литературы

1. Шейхова М. С. Инвестиционная политика: тенденции, особенности и перспективы реализации на современном этапе функционирования экономики России // Московский экономический журнал. 2022. № 3. С. 279–291.

2. Мамонтова С. В. Экономика организаций (предприятий): Практикум для студентов. Курск: Курская государственная сельскохозяйственная академия имени И. И. Иванова, 2015. 52 с.

3. Внутренний контроль и аналитическое обеспечение процесса управления / С. А. Орлова, В. В. Алексеева, Е. А. Бессонова, Н. А. Грачева, О. А. Полищук, М. А. Ронжина, Н. Л. Харина, Л. И. Шумакова, И. В. Мильгунова. Курск; Орел, 2012.

4. Орлова С. А., Домхокова Т. В. Роль стратегического и оперативного контроллинга в повышении эффективности управления предприятием // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2014. № 2. С. 66–78.

5. Козлова И. С., Лобанова С. В., Алексеева В. В. Оценка компонентов внутреннего контроля хозяйствующих субъектов // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2018. № 2 (28). С. 28–34.

6. Алексеева В. В., Ковалева А. А. Методика оценки эффективности дизайна внутреннего контроля в системе бухгалтерского учета // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2017. № 4 (25). С. 203–210.

7. Гришина В. В. Управление персоналом как ключевой фактор повышения эффективности внутреннего контроля в организации // Гуманитарные проблемы современности:

сборник статей IV Международной научно-практической конференции. Курск: Университетская книга, 2022. С. 90–96.

8. Гришина В. В. Мониторинг внутреннего контроля в системе бухгалтерского учета // Актуальные проблемы бухгалтерского учета, анализа и аудита. 2021. № 6. С. 140–143.

9. Журбенко, Д. В. Оценка операционной эффективности внутреннего контроля в системе бухгалтерского учета // Цифровая экономика: проблемы и перспективы развития. 2020. № 11. С. 150–160.

10. Колесов Е. С. Аналитическое обеспечение внутреннего контроля эффективности инвестиционной деятельности // Инновации и инвестиции. 2016. № 9. С. 33–40.

11. Люльков Р. Н. Внутренний контроль в системе управления экономическим субъектом и обеспечении его устойчивости развития // Вестник НГИЭИ. 2016. № 3 (58). С. 94–100.

12. Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений: Федеральный закон от 25.02.1999 г. № 39-ФЗ: [в ред. от 14.03.2022 г.]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22142/ (дата обращения: 05.10.2022).

13. Об иностранных инвестициях в Российской Федерации: Федеральный закон от 09.07.1999 г. № 160-ФЗ: [с изм. и доп., вступ. в силу с 24.08.2021 г.]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16283/ (дата обращения: 05.10.2022).

14. Об инвестиционных фондах: Федеральный закон от 29.11.2001 г. № 156-ФЗ: [ред. от 02.07.2021 г. с изм. и доп., вступ. в силу с 01.02.2022 г.]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34237/ (дата обращения: 05.10.2022).

15. Об инвестиционном товариществе: Федеральный закон от 28.11.2011 г. № 335-ФЗ: [ред. от 02.07.2021 г.]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122222/ (дата обращения: 05.10.2022).

16. Варпаева И. А. Развитие контрольной функции в системе управленческого учета инвестиционной деятельности // Международный бухгалтерский учет. 2015. № 25 (367). С. 18–27.

17. Якимова В. А. Формирование методологической модели инвестиционного аудита // Учет. Анализ. Аудит. 2022. № 3. С. 14–26.

18. Низамова Г. З. Модель механизма риск-контроллинга инвестиционного проекта // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. 2022. № 2 (40). С. 24–31.

19. Современные кадровые технологии как механизм эффективного управления / Л. А. Афанасьева, Ж. Ю. Коптева, Г. И. Тубольцева, А. А. Афанасьев // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2019. № 2(75). С. 288–297.

20. Королькова Е. М. Антикризисное управление с учетом факторов риска инвестиционной деятельности предприятия // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. 2015. № 3 (15). С. 53–63.

21. Коптева Ж. Ю. Перспективы развития HR-аутсорсинга в российских компаниях // Управленческие технологии и модели модернизационных процессов в российской экономике: история и современность: сборник научных статей II Международной научно-практической конференции, Курск, 10 сентября 2015 года / под редакцией В. М. Кузьминой. Курск: Университетская книга, 2015. С. 60–62.

22. Варыгина О. А. К вопросу об управлении рисками на разных стадиях жизненного цикла инвестиционного проекта // Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы. 2020. № 3. С. 27–31.

23. Першин М. А. Методы и подходы для снижения рисков, связанных с вложениями в инвестиционные проекты // Вестник евразийской науки. 2022. № 1. С. 4.

References

1. Sheikhova M. S. Investitsionnaya politika: tendentsii, osobennosti i perspektivy realizatsii na sovremennom etape funktsionirovaniya ekonomiki Rossii [Investment policy: trends, features and prospects for implementation at the present stage of the functioning of the Russian economy]. *Moskovskii ekonomicheskii zhurnal = Moscow Economic Journal*, 2022, no. 3, pp. 279–291.

2. Mamontova S. V. Ekonomika organizatsii (predpriyatii): Praktikum dlya studentov [Economics of organizations (enterprises): Workshop for students]. Kursk, Kursk State Agricultural Academy named after I. I. Ivanova Publ., 2015. 52 p.

3. Orlova S. A., Alekseeva V. V., Bessonova E. A., Gracheva N. A., Polishchuk O. A., Ronzhina M. A., Kharina N. L., Shumakova L. I., Milgunova I. V. Vnutrennii kontrol' i analiticheskoe obespechenie protsessa upravleniya [Internal control and analytical support of the management process]. Kursk, Orel, 2012.

4. Orlova S. A., Domkhokova T. V. Rol' strategicheskogo i operativnogo kontrollinga v povyshenii effektivnosti upravleniya predpriyatiem [The role of strategic and operational controlling in improving the efficiency of enterprise management]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2014, no. 2, pp. 66–78.

5. Kozlova I. S., Lobanova S. V., Alekseeva V. V. Otsenka komponentov vnutrennego kontrolya khozyaistvuyushchikh sub"ektov [Assessment of the components of internal control of business entities]. *Innovatsionnaya ekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya = Innovative Economy: Prospects for Development and Improvement*, 2018, no. 2 (28), pp. 28–34.

6. Alekseeva V. V., Kovaleva A. A. Metodika otsenki effektivnosti dizaina vnutrennego kontrolya v sisteme bukhgalterskogo ucheta [Methodology for evaluating the effectiveness of the design of internal control in the accounting system]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2017, no. 4(25), pp. 203–210.

7. Grishina V. V. [Personnel management as a key factor in improving the efficiency of internal control in an organization]. *Gumanitarnye problemy sovremennosti. Sbornik statei IV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Humanitarian problems of modernity. Collection of articles of the IV International Scientific and Practical Conference]. Kursk, Universitetskaya kniga Publ., 2022, pp. 90–96. (In Russ.)

8. Grishina V. V. Monitoring vnutrennego kontrolya v sisteme bukhgalterskogo ucheta [Monitoring of internal control in the accounting system]. *Aktual'nye problemy bukhgalterskogo ucheta, analiza i audita = Actual Problems of Accounting, Analysis and Audit*, 2021, no. 6, pp. 140–143.

9. Zhurbenko D. V. Otsenka operatsionnoi effektivnosti vnutrennego kontrolya v si-steme bukhgalterskogo ucheta [Evaluation of the operational efficiency of internal control in the accounting system]. *Tsifrovaya ekonomika: problemy i perspektivy razvitiya = Digital Economy: Problems and Development Prospects*, 2020, no. 11, pp. 150–160.

10. Kolesov E. S. Analiticheskoe obespechenie vnutrennego kontrolya effektivnosti investitsionnoi deyatel'nosti [Analytical support of internal control of the effectiveness of investment activities]. *Innovatsii i investitsii = Innovations and Investments*, 2016, no. 9, pp. 33–40.

11. Lyulkov R. N. Vnutrennii kontrol' v sisteme upravleniya ekonomicheskim sub"-ektom i obespechenii ego ustoichivosti razvitiya [Internal control in the management system of an economic entity and ensuring its sustainable development]. *Vestnik NGIEI = Bulletin of the NGIEI*, 2016, no. 3 (58), pp. 94–100.

12. Ob investitsionnoi deyatel'nosti v Rossiiskoi Federatsii, osushchestvlyaemoi v forme kapital'nykh vlozhenii [On investment activities in the Russian Federation carried out in the form of capital investments]. Federal Law of February 25, 1999 № 39-FZ (as amended on March 14, 2022). Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22142/. (accessed 05.10.2022)

13. Ob inostrannykh investitsiyakh v Rossiiskoi Federatsii [On foreign investment in the Russian Federation]. Federal Law of July 9, 1999 № 160-FZ (as amended and supplemented, effective from August 24, 2021). Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16283/. (accessed 05.10.2022)

14. Ob investitsionnykh fondakh [On Investment Funds]. Federal Law of November 29, 2001 № 156-FZ (as amended on July 2, 2021, as amended and supplemented, effective from February 1, 2022). Available at: https://www.consultant.ru/document/ cons_doc_LAW_34237/. (accessed 05.10.2022)

15. Ob investitsionnom tovarishchestve [About the investment partnership]. Federal Law of November 28, 2011 № 335-FZ (as amended on July 2, 2021). Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122222/. (accessed 05.10.2022)

16. Varpaeva I. A. Razvitie kontrol'noi funktsii v sisteme upravlencheskogo ucheta investitsionnoi deyatel'nosti [Development of the control function in the system of management accounting of investment activities]. *Mezhdunarodnyi bukhgalterskii uchet = International Accounting*, 2015, no. 25 (367), pp. 18–27.

17. Yakimova V. A. Formirovanie metodologicheskoi modeli investitsionnogo audita [Formation of a methodological model of investment audit]. *Uchet. Analiz. Audit = Accounting. Analysis. Audit*, 2022, no. 3, pp. 14–26.

18. Nizamova G. Z. Model' mekhanizma risk-kontrollinga investitsionnogo proekta [Model of the mechanism of risk-controlling of the investment project]. *Vestnik UGNTU. Nauka, obrazovanie, ekonomika. Seriya: Ekonomika = Bulletin of UGNTU. Science, Education, Economics. Series: Economics*, 2022, no. 2 (40), pp. 24–31.

19. Afanas'eva L. A., Kopteva Zh. Yu., Tuboltseva G. I., Afanasiev A. A. Sovremennye kadrovye tekhnologii kak mekhanizm effektivnogo upravleniya [Modern personnel technologies as a mechanism for effective management]. *Vestnik Belgorod-skogo universiteta kooperatsii, ekonomiki i prava = Bulletin of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law*, 2019, no. 2 (75), pp. 288–297.

20. Korolkova E. M. Antikrizisnoe upravlenie s uchetom faktorov riska investi-tsionnoi deyatel'nosti predpriyatiya [Anti-crisis management taking into account the risk factors of the investment activity of the enterprise]. *Modeli, sistemy, seti v ekonomike, tekhnike, prirode i obshchestve = Models, Systems, Networks in Economics, Technology, Nature and Society*, 2015, no. 3 (15), pp. 53–63.

21. Kopteva Zh. Yu. [Prospects for the development of HR outsourcing in Russian companies]. *Upravlencheskie tekhnologii i modeli modernizatsionnykh protsessov v rossiiskoi ekonomike: istoriya i sovremennost'. Sbornik nauchnykh statei II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Kursk, 10 sentyabrya 2015 goda* [Management technologies and models of modernization processes in the Russian economy: history and modernity. Collection of scientific articles of the II International Scientific and Practical Conference, Kursk, September

10, 2015]; ed. by V. M. Kuzmina. Kursk, Universitetskaya kniga Publ., 2015, pp. 60–62. (In Russ.)

22. Varygina O. A. K voprosu ob upravlenii riskami na raznykh stadiyakh zhiznennogo tsikla investitsionnogo proekta [On the issue of risk management at different stages of the life cycle of an investment project]. *Innovatsionnaya ekonomika: informatsiya, analitika, prognozy = Innovative Economy: Information, Analytics, Forecasts*, 2020, no. 3, pp. 27–31.

23. Pershin M. A. Metody i podkhody dlya snizheniya riskov, svyazannykh s vlozheniyami v investitsionnye proekty [Methods and approaches to reduce the risks associated with investing in investment projects]. *Vestnik evraziiskoi nauki = Bulletin of Eurasian Science*, 2022, no. 1, p. 4.

Информация об авторах / Information about the Authors

Коптева Жанна Юрьевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, управления и аудита, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: zhanna.kopteva@inbox.ru,
ORCID: 0000-0003-1198-6357

Zhanna Yu. Kopteva, Cand. of Sci. (Economics), Associate Professor, Department of Economics, Management and Audit, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: zhanna.kopteva@inbox.r,
ORCID: 0000-0003-1198-6357

Гришина Валерия Валерьевна, магистрант, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: leragrishina731@gmail.com

Valeria V. Grishina, Undergraduate, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: leragrishina731@gmail.com

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

ACTUAL PROBLEMS OF REGIONAL SOCIO-ECONOMIC SYSTEMS DEVELOPMENT

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-1-72-82

CC BY 4.0

Взаимосвязь устойчивого развития предприятия и региона

Е. А. Бессонова[1] ✉, Е. В. Харченко[1], К. И. Свеженцева[1]

[1] Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: Bessonowa_new@mail.ru

Резюме

Актуальность. *Вопрос о том, каким образом происходит влияние на устойчивое развитие предприятия и региона друг на друга, в настоящее время является наиболее острым и актуальным. Устойчивое региональное развитие в экономическом аспекте неразрывно связано с эффективным функционированием ее систем, а именно организаций и предприятий. Вместе с этим хозяйствующие субъекты активно взаимодействуют с внешней средой, которая оказывает значительное влияние на их деятельность. Одним из главных элементов внешней среды, с которым сталкивается предприятие, является политика региона. Это свидетельствует о необходимости рассмотрения устойчивого развития предприятия и региона во взаимосвязи и взаимозависимости, что позволит наиболее полно и достоверно определить показатели для их оценки.*

Цель *– обосновать взаимосвязь устойчивого развития региона и экономических субъектов, функционирующих на его территории.*

Задачи: *раскрыть сущность понятия «устойчивое развитие» для региона и для предприятия; выявить взаимосвязь устойчивого развития региона и предприятия; рассмотреть сущность ESG-стратегии и ее показатели.*

Методология. *При рассмотрении данной темы были использованы методы: анализ, синтез, обобщение, логические, а также графические приемы обработки информации и др.*

Результаты. *Проведенное исследование позволило выявить взаимосвязь региона и предприятия в контексте устойчивого развития. Рассмотренные различные подходы к понятию «устойчивое развитие» поспособствовали определить тесную взаимосвязь устойчивого развития региона и его экономических структур. Также в ходе работы продемонстрирована ESG-трансформация бизнеса в увязке с устойчивым региональным развитием. С данной точки зрения была предложена матрица показателей оценки эффективности деятельности предприятия.*

Выводы. *Устойчивое развитие региона и предприятия неразрывно связаны. Для осуществления хозяйствующим субъектом эффективной деятельности необходимо рассматривать тесноту взаимосвязи региона и его бизнес-структур, оценивать среднеотраслевые показатели.*

Ключевые слова: *региональная политика; эффективность деятельности; устойчивое развитие; ESG-концепция.*

Конфликт интересов: *В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.*

© Бессонова Е. А., Харченко Е. В., Свеженцева К. И., 2023

Для цитирования: Бессонова Е. А., Харченко Е. В., Свеженцева К. И. Взаимосвязь устойчивого развития предприятия и региона // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2023. Т. 13, № 1. С. 72–82. https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-1-72-82.

Поступила в редакцию 18.12.2022 Принята к публикации 14.01.2023 Опубликована 28.02.2023

The Relationship of Sustainable Development of the Enterprise and the Region

Elena A. Bessonova[1] ✉, Ekaterina V. Kharchenko[1], Karina I. Svezhentseva[1]

[1] Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: Bessonowa_new@mail.ru

Abstract

Relevance. *The question of how the impact on the sustainable development of the enterprise and the region on each other is currently the most acute and relevant. Sustainable regional development in the economic aspect is inextricably linked with the effective functioning of its systems, namely organizations and enterprises. At the same time, business entities actively interact with the external environment, which has a significant impact on their activities. One of the main elements of the external environment that the company faces is the policy of the region. This indicates the need to consider the sustainable development of the enterprise and the region in interrelation and interdependence, which will allow the most complete and reliable determination of indicators for their assessment.*

The purpose *is to substantiate the relationship between the sustainable development of the region and the economic entities operating on its territory.*

Objectives: *to reveal the essence of the concept of "sustainable development" for the region and for the enterprise; to identify the relationship between the sustainable development of the region and the enterprise; to consider the essence of the ESG strategy and its indicators.*

Methodology. *When considering this topic, the following methods were used: analysis, synthesis, generalization, logical, as well as graphical methods of information processing, etc.*

Results. *The conducted research revealed the relationship between the region and the enterprise in the context of sustainable development. The considered various approaches to the concept of "sustainable development" contributed to determining the close relationship between the sustainable development of the region and its economic structures. Also in the course of the work, ESG business transformation in conjunction with sustainable regional development was demonstrated. From this point of view, a matrix of indicators for evaluating the effectiveness of the enterprise was proposed.*

Conclusions. *The sustainable development of the region and the enterprise are inextricably linked. In order for an economic entity to carry out effective activities, it is necessary to consider the closeness of the relationship between the region and its business structures, to evaluate the average industry indicators.*

Keywords*: regional policy; performance; sustainable development; ESG concept.*

Conflict of interest*: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.*

For citation: Bessonova E. A., Kharchenko E. V., Svezhentseva K. I. The Relationship of Sustainable Development of the Enterprise and the Region. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2023; 13(1): 72–82. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-1-72-82.

Received 18.12.2022 Accepted 14.01.2023 Published 28.02.2023

***

Введение

Внешняя среда любого предприятия прямо влияет на показатели эффективности деятельности. Внешняя среда определяет потенциальных потребителей, конкурентов, инфраструктуру. Регион, в котором функционирует то или иное предприятие, представляет собой открытую систему. Региональная политика в сфере экономического развития сосредоточена на достижении оптимальной отраслевой структуры, которая могла бы обеспечить устойчивость региона, рост его ВВП, обеспечивала бы сохранность природных и человеческих ресурсов [1; 2].

На сегодняшний день оценивать устойчивое развитие региона и экономического субъекта стало возможно через призму ESG-развития. Стратегия ESG является категорией, которая способна обеспечить при ее соблюдении как региону, так и экономическому субъекту долгосрочную финансовую устойчивость и инвестиционную привлекательность. Концепция ESG позволяет комплексно учитывать факторы развития и формировать совокупное мнение об устойчивом росте объекта оценки. Индикаторами оценки могут служить финансовые показатели, показатели экологического развития, социальные показатели, показатели качества управления.

Материалы и методы

При изучении данной темы были использованы методы: конструктивный анализ, синтез, обобщение, логические, а также графические приемы обработки информации и др. Информационной базой для данного исследования служили материалы научных экономических журналов, научные статьи, статистические данные интернет-ресурсов.

Результаты и их обсуждение

Предприятия находятся в прямой взаимозависимости с регионами, в которых они функционируют. Эта взаимозависимость выражается в различных аспектах. Со стороны региона на предприятие оказывают влияние такие факторы, как демографические, пространственно-территориальные, ресурсные, инновационные, инвестиционные. В то же время успешное развитие предприятия повышает производственный потенциал региона, обеспечивает приток внешнего капитала, влияет на экономическую безопасность региона и экологическую ситуацию региона.

Представим взаимосвязь региона и предприятия в контексте устойчивого развития (рис. 1).

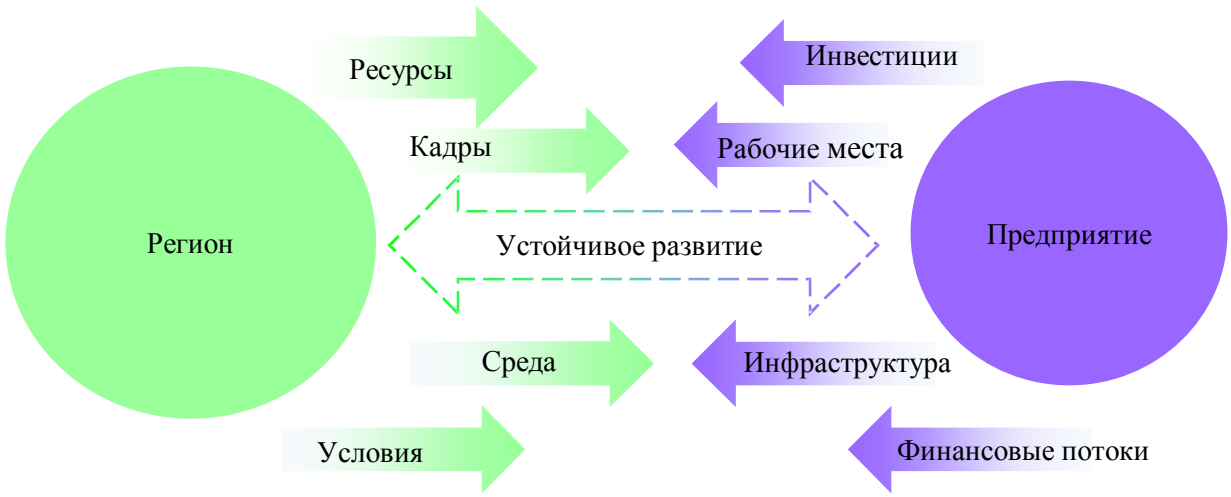

Рис. 1. Взаимосвязь региона и предприятия в контексте устойчивого развития

Поскольку предприятие развивается одновременно с регионом, то стоит рассмотреть, в чем заключается «устойчивое развитие» для региона и предприятия (табл.).

Так обзор подходов, представленных в таблице, показал, что устойчивое развитие предприятия не представляет собой одноэлементный процесс. Это сложная система этапов, включающая в себя такие аспекты социальной и экономической составляющей функционирования предприятия, которые с течением времени усложняются и расширяются такой категорией, как экологическая безопасность. Можно заметить, что практически все вышеперечисленные подходы отвечают принципам ESG, которые получили распространение в России в последние несколько лет [8; 9]. Данные принципы включают три составляющие (рис. 2).

Таблица. Подходы к понятию «устойчивое развитие» предприятия и региона

Автор	Понятие
Устойчивое развитие предприятия	
А. Б. Вишнякова [3]	Социальные, экономические, политические и иные мероприятия и решения, которые обеспечивают современным промышленным предприятиям возможность противостоять имеющимся условиям, а также создают основу для прогнозирования и планирования экономической деятельности, опираясь на внутренний потенциал развития
Д. Н. Клепиков [4]	Организационная система средств предприятия, обеспечивающая конкурентоспособность создаваемой продукции, эффективность производства, способствует быстрому реагированию на постоянно изменяющуюся конъюнктуру рынка, создает основу для развития инновационно-инвестиционной деятельности, а также позволяет обеспечить экологичное производство
М. Н. Нечепуренко [5]	Устойчивое развитие предприятие понимается как процесс такого развития, при котором достигается устойчивость экономической деятельность в краткосрочном и долгосрочном периодах. Одним из показателей является соответствие темпов роста развития предприятия и рынка
Н. А. Хомяченкова [6]	Устойчивое развитие предприятия достигается модернизацией внутренней среды с гармоничным взаимоотношением с внешней средой. В процессе устойчивого развития сохраняются и воспроизводятся социально-экономические процессы в жизнедеятельности предприятия
Устойчивое развитие региона	
В. И. Гурман [1]	Устойчивое развитие региона – достижение связанных между собой целей в социальной, экономической и экологической сферах в краткосрочной и долгосрочной перспективе
Р. И. Шнипер, М. В. Глазырин [7]	Устойчивое развитие в данном случае определяется как надежная экономическая структура региональных систем, способная адаптироваться в изменяющихся условиях, обеспечивать воспроизводственный процесс, поддержание стабильного уровня спроса и стабильные социально-экономические показатели
А. О. Скопин, О. В. Скопин [1]	Устойчивое развитие как способность экономической системы региона в случае возникновения кризисных явлений быстро возвращаться к исходному состоянию или достигать новой, более высокой точки в рамках траектории ее развития
Б. Л. Кучин, Е. В. Якушева [7]	Устойчивое развитие как производную способности системы сохранять, эффективно использовать и самостоятельно видоизменять ресурсы своего развития, непрерывно увеличивая показатели позитивной динамики, не увеличивая или минимизируя затраты базовых ресурсов

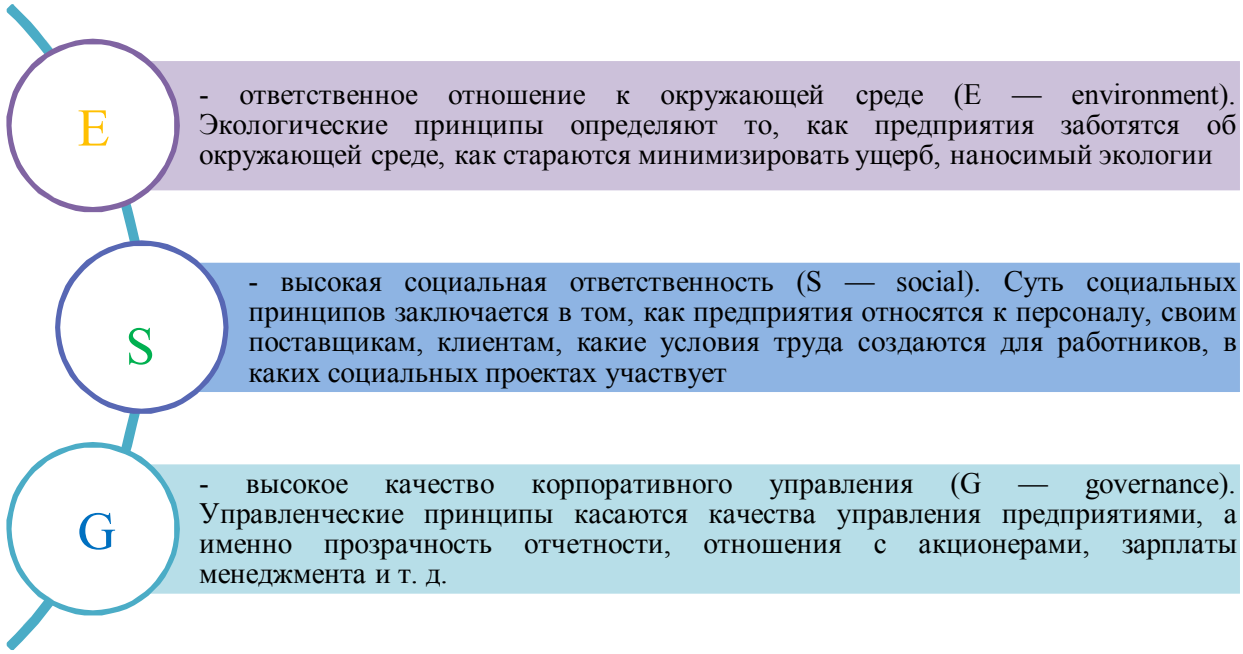

Рис. 2. Принципы устойчивого развития (ESG) [8]

Соблюдение данных принципов в финансово-хозяйственной деятельности предприятия способствует его устойчивому развитию и финансовой стабильности. Особенностью современных организаций является то, что акцент может быть сосредоточен на одном или сразу на нескольких принципах ESG. Например, на промышленных предприятиях руководство озадачено соблюдением экологических принципов, в сфере услуг – социальной ответственностью, в финансовых организациях – корпоративным управлением.

Сегодня происходит масштабная трансформация финансовых потоков, что в свою очередь вызвано активным проявлениям ESG-принципов на рынке. Следование этим принципам задает новые направления бизнеса и способствует развитию экономической сферы. Предприятия, которые успешно внедрили в свою деятельность ESG-формат, будут успешнее как во внутреннем, так и внешнем рынках. Кроме того, стоимость таких компаний будет сравнительно выше, чем у конкурентов, не прибегающих к данным принципам. Заинтересованность во внедрении ESG-принципов в большей мере в Российской Федерации сформирована государством и крупными компаниями, так как 80% предприятий реального сектора экономики считают данную трансформацию бесполезной [10].

Устойчивое развитие региона может быть определено как процесс непрерывного накопления внутри экономической системы позитивных изменений, позволяющих ей подниматься на качественно новые уровни развития, одновременно нивелируя и быстро компенсируя воздействие внешних и внутренних кризисов, а также сохраняя равновесие подсистем в ходе структурных преобразований.

Таким образом, устойчивое развитие экономики региона состоит из трех основных элементов:

1. Экономическая независимость – высокая степень экономической (в первую очередь финансовой) безопасности, необходимое количество ресурсов для самостоятельной экономической политики, совершенствование форм управления и методов устойчивого развития региональной экономической сферы [11; 12].

2. Стабильное и устойчивое развитие региональной экономики. Данный элемент выражается в способности региональной экономики сопротивляться

внешним негативным воздействиям и возвращаться в исходное стабильное состояние, следовать повышательной тенденции в экономическом развитии, совершенствовать территориально-хозяйственное пространство и улучшать качество жизни [13].

3. Научно-технический прогресс, инновационные процессы, генерирование более совершенствованных методов и способов организации труда. Привлечения инвестиций выступают основным условием устойчивого развития региона и непрерывного экономического роста.

Не менее важна взаимосвязь между устойчивым развитием региональной экономики и экономической устойчивости ее систем. Устойчивое развитие экономики региона зависит от экономической устойчивости предприятий, которые образуют региональную экономическую систему. Экономическая стабильность предприятия – это способность экономики сопротивляться и предотвратить воздействие, которое может привести к снижению производства [14; 15].

Таким образом, устойчивое развитие предприятия – это ее долгосрочная успешность, эффективность, перспективность, это результат воздействия множества разнообразных факторов, грамотно учтенных при стратегическом планировании развития. Устойчивость развития предприятий находится под воздействием различных факторов, среди которых стоит уделять внимание региональному развитию, поскольку регион и предприятия образуют тесную взаимосвязь социально-экономического развития.

Современные компании функционируют в специфическом пространственно-временном вакууме, т. е. представляют собой обособленную экономическую единицу. Эффективность любой организации как экономического субъекта достигается с учетом влияния внешней и внутренней среды, а также внедрения более совершенных форм хозяйствования в целях повышения производительности и непрерывности устойчивого развития [16; 17].

В то же время устойчивое развитие региона находится в прямой зависимости от бизнес-структур. На рисунке 3 можно наблюдать, какие меры может оказывать государство и региональная власть на поддержу предприятий, функционирующих в рамках ESG-стратегии.

Предприятие также может отслеживать процесс своего устойчивого развития на внутреннем уровне.

Итак, представим, каким образом выглядит устойчивое развитие предприятия через призму финансово-экономических показателей (рис. 4).

Рис. 3. Меры государственной поддержки предприятий в рамках ESG-стратегии [18;19]

Производственный потенциал	Трудовые ресурсы	Финансы
- Коэффициент износа - Материалоемкость - Средняя доля прироста - продукции за счет интенсификации оборудования - Коэффициент закрепления оборотных средств - Коэффициент использования производственных мощностей	- Темп роста производительности труда (выработка на 1 работника). - Коэффициент опережения, взятый с противоположным знаком - Коэффициент трудоемкости продукции - Коэффициент текучести кадров, взятый с противоположным знаком	- Коэффициент абсолютной ликвидности - Коэффициент критической ликвидности - Коэффициент текущей ликвидности - Коэффициент автономии - Коэффициент финансового риска, - взятый с противоположным знаком
Маркетинг	**Инновационная деятельность**	**Экологические факторы**
- Рентабельность продаж - Темпы роста объемов реализованной продукции - Коэффициент стимулирования сбыта	- Объем инвестиций в производство к общему объему продаж - Удельный вес новой инновационной продукции в общем объеме произведенной продукции - Рентабельность продаж производства новых видов продукции	- Индекс энергоемкости Выбросы парниковых газов - Прямые выбросы парниковых газов - Выбросы CO2 - Индекс воздействия на окружающую среду

Рис. 4. Матрица показателей оценки эффективности деятельности предприятия в контексте устойчивого развития [9; 10; 16; 20]

Оценка эффективности деятельности предприятия по частным показателям позволяет комплексно определить степень производственного потенциала.

Выводы

В завершение данной научной статьи можно сделать следующие вывод: поскольку предприятие не может развиваться и совершенствоваться опосредованно от внешней среды, то при оценке эффективности деятельности и определении уровня протекания процесса устойчивого развития необходимо учитывать:

1) пригодность внешней среды для осуществления производственной деятельности (доступность материальных ресурсов в регионе, доступность трудовых ресурсов, стратегически важное расположение региона, инвестиционная привлекательность региона, направленность региональной политики на партнерские отношения с бизнесом, конкурентная среда в регионе);

2) эффективность экономической деятельности предприятия в условиях совместимости с потенциалом региона (соблюдается положительная динамика показателей эффективности, сформирована своя ниша на рынке, взаимодействие с регионом).

Устойчивое развитие компаний и регионов, в которых они функционируют, имеет тесную взаимосвязь. Для каждого предприятия необходимо не просто оставаться в стабильном состоянии, но и быть конкурентоспособным. Основой для этого выступает возможности производ-

ственной системы, ресурсная и финансовая отдача, анализ факторов внешней среды, влияющих на эффективность деятельности организации.

Список литературы

1. ESG-рейтинг как фактор повышения конкурентоспособности компании / Е. К. Грошева, Н. Б. Грошева, И. А. Болтенков, К. В. Евстифейкин // Бизнес-образование в экономике знаний. 2021. № 3(20). С. 29–32.

2. Волков А. Р., Афанасенкова А. В. Устойчивое развитие социально-экономических систем: региональный аспект // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. 2022. № 3. С. 13–23. https://doi.org/10.17586/2310-1172-2022-17-3-13-23.

3. Суслов С. Н. Понятие и факторы устойчивого развития организации // Символ науки: международный научный журнал. 2019. № 1. С. 60–67.

4. Габидуллина Ч. Ф. Устойчивое развитие региона: понятийно-категориальный аппарат // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2020. Т. 10, № 4-1. С. 413–424. https://doi.org/10.34670/AR.2020.90.23.049.

5. Кунченко А. В. Факторы устойчивого роста социально-экономического развития предприятий в условиях внешних ограничений // Экономический вестник Донбасского государственного технического института. 2021. № 10. С. 5–11.

6. Тачмурадов С. Б., Генералова А. В. Особенности управления устойчивым развитием предприятия легкой промышленности в России // Дизайн и технологии. 2020. № 79(121). С. 83–88.

7. Ноздрин А. А. Анализ применения ESG-критериев в деятельности российских компаний // Современные научные исследования и инновации. 2022. № 4(132). URL: https://www.web.snauka>issues/2022/04/97979 (дата обращения: 05.10.2022).

8. Астафьева О. Е., Шемякина Т. Ю. Ресурсный потенциал предприятия как фактор устойчивого развития промышленности в современных экономических условиях // Вестник Воронежского государственного университета инженерных технологий. 2021. Т. 83, № 4(90). С. 326–329. https://doi.org/10.20914/2310-1202-2021-4-326-329.

9. Замятина М. Ф., Тишков С. В. ESG-факторы в стратегиях компаний и регионов России и их роль в региональном инновационном развитии // Вопросы инновационной экономики. 2022. Т. 12, № 1. С. 501–518. https://doi.org/10.18334/ vinec.12.1.114369.

10. Князева Е. В., Шаповал Е. В. Эффективность деятельности предприятия и факторы, влияющие на нее // Вестник университета. 2018. № 2. С. 112–115. https://doi.org/10.26425/1816-4277-2018-2-112-115.

11. Тасуева Т. С., Цуцулаева Б. Р. Индикаторы устойчивого развития экономики региона // Вестник ГГНТУ. Гуманитарные и социально-экономические науки. 2021. Т. 17, № 4(26). С. 23–28. https://doi.org/10.34708/GSTOU.2021.50.48.004.

12. Имамвердиева М. И. Применение метода мультипликатора при оценке экологического компонента устойчивого развития организации // Фундаментальные исследования. 2022. № 2. С. 16–22. https://doi.org/10.17513/fr.43196.

13. Руденко И. Р., Бессонова Е. А. Механизм взаимодействия власти и бизнес-структур в развитии инновационного потенциала региона // Вопросы региональной экономики. 2018. № 4(37). С. 90–95.

14. Полтораднева Н. Л., Завьялова Д. А. Развитие региональной финансовой системы как фактора устойчивого социально-экономического развития региона // Инновационная экономика и общество. 2019. № 2(24). С. 80–85.

15. Воронов А. С. Направления трансформации региональной инновационной системы территорий // Государственное управление. Электронный вестник. 2022. № 92. С. 101–115. https://doi.org/10.24412/2070-1381-2022-92-101-115.

16. Марфицина М. С., Халевинская А. Б., Юрьева Л. В. Проблемы оценки эффективности деятельности предприятия в условиях пространственного развития территорий // Экономика и управление: проблемы, решения. 2018. Т. 5, № 1. С. 89–93.

17. Умнова М. Г. Современное понимание концепции устойчивого развития организаций // Экономика, предпринимательство и право. 2021. Т. 11, № 12. С. 2637–2658. https://doi.org/10.18334/epp.11.12.113854.

18. Спицына Т. А. Использование ESG-трансформации системы государственного управления для обеспечения устойчивого развития региона // Экономические системы. 2022. Т. 15, № 3. С. 197–205. https://doi.org/10.29030/2309-2076-2022-15-3-197-205.

19. Кабир Л. С., Яковлев И. А., Раков И. Д. Устойчивое развитие и «зеленая» экономика: глобальные тренды и региональные решения // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2022. № 1(68). С. 81–91. https://doi.org/10.52897/2411-4588-2022-1-81-91.

20. Ахмадеев Д. Р. Российская экономика в контексте перехода к устойчивому развитию: возможности и риски // Теоретическая экономика. 2021. № 6(78). С. 38–51. https://doi.org/10.52957/22213260_2021_6_38.

References

1. Grosheva Ye. K., Grosheva N. B., Boltenkov I. A., Yevstifeykin K. V. ESG-reyting kak faktor povysheniya konkurentosposobnosti kompanii [ESG-rating as a factor of increasing the competitiveness of a company]. *Biznes-obrazovaniye v ekonomike znaniy = Business Education in the Knowledge Economy*, 2021, no. 3(20), pp. 29–32.

2. Volkov A. R., Afanasenkova A. V. Ustoychivoye razvitiye sotsial'no-ekonomicheskikh sistem: regional'nyy aspekt [Sustainable development of socio-economic systems: a regional aspect]. *Nauchnyy zhurnal NIU ITMO. Seriya: Ekonomika i ekologicheskiy menedzhment = Scientific Journal of NIU ITMO. Series: Economics and Environmental Management*, 2022, no. 3, pp. 13–23. https://doi.org/10.17586/2310-1172-2022-17-3-13-23

3. Suslov S. N. Ponyatiye i faktory ustoychivogo razvitiya organizatsii [The concept and factors of sustainable development of the organization]. *Simvol nauki: mezhdunarodnyy nauchnyy zhurnal = Symbol of Science: International Scientific Journal*, 2019, no. 1, pp. 60–67.

4. Gabidullina Ch. F. Ustoychivoye razvitiye regiona: ponyatiyno-kategorial'nyy apparat [Sustainable development of the region: conceptual and categorical apparatus]. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra = Economy: Yesterday, Today, Tomorrow*, 2020, vol. 10, no. 4-1, pp. 413–424. https://doi.org/10.34670/AR.2020.90.23.049

5. Kunchenko A. V. Faktory ustoychivogo rosta sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya predpriyatiy v usloviyakh vneshnikh ogranicheniy [Factors of sustainable growth of socio-economic development of enterprises under external constraints]. *Ekonomicheskiy vestnik Donbasskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo instituta = Economic Bulletin of the Donbass State Technical Institute*, 2021, no. 10, pp. 5–11.

6. Tachmuradov S. B., Generalova A. V. Osobennosti upravleniya ustoychivym razvitiyem predpriyatiya legkoy promyshlennosti v Rossii [Features of sustainable development management of light industry enterprises in Russia]. *Dizayn i tekhnologii = Design and Technology*, 2020, no. 79(121), pp. 83–88.

7. Nozdrin A. A. Analiz primeneniya ESG-kriteriyev v deyatel'nosti rossiyskikh kompaniy [Analysis of the application of ESG criteria in the activities of Russian companies]. *Sovremennyye nauchnyye issledovaniya i innovatsii = Modern Scientific Research and Innovation*, 2022, no. 4(132). Available at: https://www.web.snauka >issnes/2022/04/97979. (accessed 05.10.2022)

8. Astaf'yeva O. Ye., Shemyakina T. Yu. Resursnyy potentsial predpriyatiya kak faktor ustoychivogo razvitiya promyshlennosti v sovremennykh ekonomicheskikh usloviyakh [Resource potential of an enterprise as a factor of sustainable development of industry in modern economic conditions]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta inzhenernykh tekhnologiy = Bulletin of the Voronezh State University of Engineering Technologies*, 2021, vol. 83, no. 4(90), pp. 326–329. https://doi.org/10.20914/2310-1202-2021-4-326-329

9. Zamyatina M. F., Tishkov S. V. ESG-faktory v strategiyakh kompaniy i regionov Rossii i ikh rol' v regional'nom innovatsionnom razvitii [ESG factors in the strategies of companies and regions of Russia and their role in regional innovative development]. *Voprosy innovatsionnoy ekonomiki = Issues of Innovative Economy*, 2022, vol. 12, no. 1, pp. 501–518. https://doi.org/10.18334/vinec.12.1.114369

10. Knyazeva Ye. V., Shapoval Ye. V. Effektivnost' deyatel'nosti predpriyatiya i faktory, vliyayushchiye na neye [Efficiency of enterprise activity and factors influencing it]. *Vestnik universiteta = Bulletin of the University*, 2018, no. 2, pp. 112–115. https://doi.org/ 10.26425/1816-4277-2018-2-112-115

11. Tasuyeva T. S., Tsutsulayeva B. R. Indikatory ustoychivogo razvitiya ekonomiki regiona [Indicators of sustainable development of the region's economy]. *Vestnik GGNTU. Gumanitarnyye i sotsial'no-ekonomicheskiye nauki = Bulletin of GGNTU. Humanities and Socio-Economic Sciences*, 2021, vol. 17, no. 4(26), pp. 23–28. https://doi.org/10.34708/ GSTOU.2021.50.48.004

12. Imamverdiyeva M. I. Primeneniye metoda mul'tiplikatora pri otsenke ekologicheskogo komponenta ustoychivogo razvitiya organizatsii [Application of the multiplier method in assessing the environmental component of sustainable development of the organization]. *Fundamental'nyye issledovaniya = Fundamental Research*, 2022, no. 2, pp. 16–22. https://doi.org/ 10.17513/fr.43196

13. Rudenko I. R., Bessonova Ye. A. Mekhanizm vzaimodeystviya vlasti i biznes-struktur v razvitii innovatsionnogo potentsiala regiona [The mechanism of interaction between government and business structures in the development of innovative potential of the region]. *Voprosy regional'noy ekonomiki = Issues of Regional Economics*, 2018, no. 4(37), pp. 90–95.

14. Poltoradneva N. L., Zav'yalova D. A. Razvitiye regional'noy finansovoy sistemy kak faktora ustoychivogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya regiona [Development of the regional financial system as a factor of sustainable socio-economic development of the region]. *Innovatsionnaya ekonomika i obshchestvo = Innovative Economy and Society*, 2019, no. 2(24), pp. 80–85.

15. Voronov A. S. Napravleniya transformatsii regional'noy innovatsionnoy sistemy territoriy [Directions of transformation of the regional innovation system of territories]. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik = State Administration. Electronic Bulletin*, 2022, no. 92, pp. 101-115. https://doi.org/10.24412/2070-1381-2022-92-101-115

16. Marfitsina M. S., Khalevinskaya A. B., Yur'yeva L. V. Problemy otsenki effektivnosti deyatel'nosti predpriyatiya v usloviyakh prostranstvennogo razvitiya territoriy [Problems of assessing the effectiveness of an enterprise in the conditions of spatial development of territories]. *Ekonomika i upravleniye: problemy, resheniya = Economics and Management: Problems, Solutions*, 2018, vol. 5, no. 1, pp. 89–93.

17. Umnova M. G. Sovremennoye ponimaniye kontseptsii ustoychivogo razvitiya organizatsiy [Modern understanding of the concept of sustainable development of organizations]. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i parvo = Economics, Entrepreneurship and Law*, 2021, vol. 11, no. 12, pp. 2637–2658. https://doi.org/10.18334/epp.11.12.113854

18. Spitsyna T. A. Ispol'zovaniye ESG-transformatsii sistemy gosudarstvennogo upravleniya dlya obespecheniya ustoychivogo razvitiya regiona [Using ESG-transformation of the public administration system to ensure sustainable development of the region]. *Ekonomicheskiye sistemy = Economic Systems*, 2022, vol. 15, no. 3, pp. 197–205. https://doi.org/10.29030/2309-2076-2022-15-3-197-205

19. Kabir L. S., Yakovlev I. A., Rakov I. D. Ustoychivoye razvitiye i "zelenaya" ekonomika: global'nyye trendy i regional'nyye resheniya [Sustainable development and the "green" economy: global trends and regional solutions]. *Ekonomika Severo-Zapada: problemy i perspektivy razvitiya = The Economy of the North-West: Problems and Prospects of Development*, 2022, no. 1(68), pp. 81–91. https://doi.org/10.52897/2411-4588-2022-1-81-91

20. Akhmadeyev D. R. Rossiyskaya ekonomika v kontekste perekhoda k ustoychivomu razvitiyu: vozmozhnosti i riski [The Russian economy in the context of transition to sustainable development: opportunities and risks]. *Teoreticheskaya ekonomika = Theoretical Economics*, 2021, no. 6(78), pp. 38–51. https://doi.org/10.52957/22213260_2021_6_38

Информация об авторах / Information about the Authors

Бессонова Елена Анатольевна, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики, управления и аудита, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: Bessonowa_new@mail.ru

Elena A. Bessonova, Dr. of Sci. (Economics), Professor of the Department of Economics, Management and Audit, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: Bessonowa_new@mail.ru

Харченко Екатерина Владимировна, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики, управления и аудита, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: swsu_buaia@mail.ru

Ekaterina V. Kharchenko, Dr. of Sci. (Economics), Professor of the Department of Economics, Management and Audit, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: swsu_buaia@mail.ru

Свеженцева Карина Игоревна, студентка кафедры экономики управления и аудита, Юго-Западный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: svezhentseva_k@mail.ru

Karina I. Svezhentseva, Student of the Department of Economics, Management and Audit, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: svezhentseva_k@mail.ru

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-1-83-101

CC BY 4.0

Модель управления инвестиционным развитием региона: концептуальные и методические аспекты

Г. В. Голикова[1] ✉, Н. В. Голикова[1], Д. С. Мануковский[2], Али Сарбаз Азиз Али[1]

[1] Воронежский государственный университет
Университетская пл., д. 1, г. Воронеж 394018, Российская Федерация

[2] Воронежский филиал Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова
ул. Карла Маркса, д. 67а, г. Воронеж 394030, Российская Федерация

✉ e-mail: ggalina123@yandex.ru

Резюме

Актуальность. *В настоящих сложных макроэкономических условиях для обеспечения эффективного экономического роста регионов необходимо грамотное управление инвестиционным развитием территорий с использованием новейших технологий и подходов. Эффективное управление инвестиционным развитием в регионе позволяет ускорять процессы воспроизводства, повышает конкурентоспособность и качество производимой продукции, развивает сырьевую базу, оказывает положительное воздействие на региональную экономику в целом.*

Цель *исследования состоит в систематизации методов и инструментов, а также определения последовательности их использования для выбора и реализации портфеля проектов инвестиционного развития региональной экономики.*

Задачи: *обосновать актуальность управления инвестиционным развитием региона на основе проектного подхода, обобщить элементный состав портфеля региональных проектов; разработать модель управления инвестиционным развитием региона на основе формирования портфеля региональных проектов; сформулировать концептуальные основы работы проектных офисов при управлении инвестиционным развитием региона.*

Методология. *В процессе исследования были использованы общенаучные методы логического и статистического анализа, качественный и количественный анализ, метод систематизации, описательный метод.*

Результаты. *Предложена модель управления инвестиционным развитием региона на основе разработанного авторами алгоритма управления портфелем региональных проектов для целей социально-экономического развития региона.*

Выводы. *Практическое применение модели управления инвестиционным развитием региона на основе проектного подхода позволяет ранжировать регионы ЦФО по уровню результативности проектного управления, а также оценить эффективность системы проектного управления в исполнительных органах государственной власти в регионе.*

Ключевые слова: *инвестиционное развитие региона; управление портфелем региональных проектов; региональный проектный офис.*

Конфликт интересов: *В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.*

Для цитирования: Модель управления инвестиционным развитием региона: концептуальные и методические аспекты / Г. В. Голикова, Н. В. Голикова, Д. С. Мануковский, Али Сарбаз Азиз Али // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2023. Т. 13, № 1. С. 83–101. https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-1-83-101.

Поступила в редакцию 18.12.2022 Принята к публикации 14.01.2023 Опубликована 28.02.2023

© Голикова Г. В., Голикова Н. В., Мануковский Д. С., Али Сарбаз Азиз Али, 2023

Regional Investment Development Management Model: Conceptual and Methodological Aspects

Galina V. Golikova[1] ✉, Natalia V. Golikova[1], Dmitry S. Manukovsky[2], Ali Sarbaz Aziz Ali[1]

[1] Voronezh State University
1 University sq., Voronezh 394018, Russian Federation

[2] Voronezh Branch of the Plekhanov Russian University of Economics
67a Karl Marks Str., Voronezh 394030, Russian Federation

✉ e-mail: ggalina123@yandex.ru

Abstract

Relevance. *In the current difficult macroeconomic conditions, in order to ensure effective economic growth of regions, competent management of investment development of territories using the latest technologies and approaches is necessary. The investment development of the region entails the attraction of funds to various industrial and other enterprises, allows the formation of infrastructure sufficient for the development of human capital, creates a favorable business climate for the development of entrepreneurial activity. The role of the executive power of the subject of the Russian Federation in managing the investment development of the region is twofold: on the one hand, the regional government is the main investor and a major owner of property, on the other hand, it organizes the management of investment development in the region. Effective management of investment development in the region makes it possible to accelerate the processes of reproduction, increases the competitiveness and quality of products, develops the raw material base, has a positive impact on the regional economy as a whole.*

The purpose *of the study is to systematize methods and tools, as well as to determine the sequence of their use for the selection and implementation of a portfolio of projects for the investment development of the regional economy.*

Objectives: *to substantiate the relevance of managing the investment development of the region based on the project approach, to generalize the elemental composition of the portfolio of regional projects; to develop a model for managing the investment development of the region based on the formation of a portfolio of regional projects; to formulate the conceptual foundations of the work of project offices in managing the investment development of the region; to assess the effectiveness of the project management system in the regions of the Central Federal District and identify existing problems.*

Methodology. *In the course of the research, general scientific methods of logical and statistical analysis, qualitative and quantitative analysis, systematization method, descriptive method were used.*

Results. *The model for managing the investment development of the region is proposed based on the algorithm developed by the authors for managing the portfolio of regional projects for the purposes of socio-economic development of the region; a comparative analysis of the structures of project management bodies in the regions of the Central Federal District and an assessment of the effectiveness of the project management system in these regions*

Conclusions. *The practical application of the regional investment development management model based on the project approach makes it possible to rank the regions of the Central Federal District by the level of project management effectiveness, as well as to evaluate the effectiveness of the project management system in the executive bodies of state power in the region.*

Keywords*: investment development of the region; portfolio management of regional projects; regional project office.*

Conflict of interest*: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.*

For citation: Golikova G. V., Golikova N. V., Manukovsky D. S., Ali Sarbaz Aziz Ali. Regional Investment Development Management Model: Conceptual and Methodological Aspects. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management.* 2023; 13(1): 83–101. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-1-83-101.

Received 18.12.2022 Accepted 14.01.2023 Published 28.02.2023

Введение

Применение методов проектного управления на региональном уровне способно улучшить механизм управления инвестиционным развитием региона. В практике управления инвестиционным развитием российских регионов отлично зарекомендовал себя проектный подход, который является относительно новым механизмом, имеющим ряд неоспоримых преимуществ перед традиционным программно-целевым подходом: он позволяет рационально использовать имеющиеся в регионе ресурсы, достаточно адаптивен и гибок – подстраивается под текущую ситуацию, позволяет оперативно реализовывать важные для развития региона проекты, позволяет проводить сквозное интегрированное планирование, ориентирован на результат, обладает управляемостью и прогнозируемостью, обеспечивает достаточную прозрачность действий власти, дает четкое понимание ответственных за реализацию проекта.

Материалы и методы

Для понимания механизма использования проектного подхода в управлении инвестиционным развитием региона необходимо четко обозначить дефиницию понятия «инвестиционный проект».

Существует законодательно закрепленное определение понятия «инвестиционный проект» в ФЗ «Об инвестиционной деятельности в РФ, осуществляемой в форме капитальных вложений»: инвестиционный проект является обоснованием экономической целесообразности, а также объема и сроков осуществления капитальных вложений, включает необходимую проектную документацию, разработанную в соответствии с законодательством Российской Федерации, а также описание практических действий по осуществлению инвестиций или бизнес-план [1]. Как видно, в законодательной трактовке инвестиционного проекта прописаны следующие признаки инвестиционного проекта: ресурсные ограничения, наличие сроков, экономическая обоснованность.

В научной литературе присутствуют трактовки понятия «инвестиционный проект», дополняющие законодательное определение (табл. 1).

Как видно из таблицы 1, в трактовке понятия «региональный инвестиционный проект» присутствует ориентация на цели развития региона, на его социально-экономическое развитие, привязка к самой территории, также большинство авторов считают, что региональный инвестиционный проект представляет из себя комплекс мероприятий. Изучение представленных в литературе определений позволяет уточнить трактовку понятия «региональный инвестиционный проект». По нашему мнению, это обоснование социальной и экономической целесообразности комплекса мероприятий, а также создание плана действий с определением сроков, ресурсов, бюджета по развитию различных объектов регионального значения, имеющих социальный, коммерческий, экономический и бюджетный эффект.

Анализ сущности регионального инвестиционного проекта раскрывается через его признаки, цели, особенности, виды эффектов (табл. 2).

В качестве цели реализации регионального инвестиционного проекта, с нашей точки зрения, должно выступать создание условий для устойчивого развития экономики, социальной сферы, защиты экологии, повышение бюджетной эффективности и развитие инвестиционной среды. Такая цель является наиболее объёмной, учитывает не только экономический рост, но и влияние регионального инвестиционного проекта на общество и экологию, создает основу для дальнейшего привлечения инвестиций в регион.

Таблица 1. Контент-анализ определения сущности понятия «региональный инвестиционный проект»

Авторы	Комплекс мероприятий	Инвестиции	Территория	Цели развития региона	Документы	Государственная собственность	Объекты капитального строительства	Социально-экономическое развитие региона	Экономическая политика	Объекты инфраструктуры
Законодательное определение	+	+	+	+				+		
В. В. Хоменко	+			+	+	+	+	+		
Н. В. Седова, А. С. Филатов		+		+				+		
Е. Н. Парфенова		+	+	+			+			
А. В. Мовисян			+	+				+	+	
Д. П. Малышев	+		+	+				+		+

Таблица 2. Элементный состав регионального инвестиционного проекта

Авторы	Объекты	Цель	Особенности	Виды эффектов
Законодательное определение	Действующие производства, объекты капитального строительства	Устойчивое развитие экономики региона	Территориальная принадлежность, государственная поддержка в реализации, комплексность, новизна	Социальный, экономический, бюджетный
В. В. Хоменко	Объекты капитального строительства государственной (муниципальной) собственности	Создание условий для экономического роста, инвестиционной привлекательности конкурентоспособности территорий	Территориальная принадлежность, соответствие приоритетам развития территории, использование механизмов ГЧП	Экономический, социальный, бюджетный
Е. Н. Парфенова	Объекты, имеющие экономическое или социальное значение для развития территории	Создание условий для экономического роста	Межведомственная координация; масштабность	Максимизация результата или минимизация затраченных ресурсов
Н. В. Седова, А. С. Филатов	Активы на балансе организаций	Акселерация социально-экономического развития региона	Влияние на социально-экономические параметры территории	Коммерческий, социальный, прямой и косвенный экономический
А. В. Мовисян	Инфраструктурные (в том числе инновационные) объекты	Решение проблем социально-экономического развития территорий	Комплексность, объединение ресурсов общества, бизнеса и государства, общественная значимость	Экономический, социальный
Д. П. Малышев	Объекты инфраструктуры, бизнеса, социальной сферы	Социально-экономическое развитие региона	Согласованность с целями развития региона, региональное значение проекта	Экономический, социальный

Формирование и реализация портфеля региональных инвестиционных проектов в инвестиционном развитии региона целесообразны и эффективны. Общий портфель инвестиционных проектов региона необходимо разделить на три типа:

– портфель первого типа, в котором находятся проекты, финансируемые из региональных бюджетов, регион в этом случае выступает как инвестор;

– портфель второго типа, в котором находятся проекты государственно-частного партнерства, а регион выступает в качестве соинвестора;

– портфель третьего типа, в котором реализуются проекты частного бизнеса. В этом случае регион выступает как реципиент, как создатель условий для инвестирования или инвестиционного предложения [2; 3].

Управление портфелем проектов позволяет достичь синергетического эффекта, повысить соответствие стратегическим целям развития региона, более эффективно распоряжаться ресурсами региона.

Результаты и их обсуждение

Нами разработана модель управления инвестиционным развитием региона на основе применения сбалансированного портфеля региональных проектов, позволяющая происходить отбор проектов, которые могут не иметь между собой общей цели и реализуются в разных отраслях, но являются взаимозависимыми и имеют общие ограничения по ресурсам. Все вместе эти проекты представляют собой портфель, на основе которого происходит дальнейшее социально-экономическое и инвестиционное развитие региона (рис. 1).

Представленная на рисунке 1 модель позволяет через формирование портфеля проектов получать эффекты от инвестиций разного рода – социальный, экономический, экологический, производственный, бюджетный, синергетический на основе целенаправленного формирования портфеля проектов регионального развития. Часть этих проектов финансируются из бюджета региона, часть предполагает софинансирование, а часть проектов формируется за счет средств частных инвесторов. Для формирования такого портфеля должна проводиться грамотная инвестиционная политика на основе принципов соответствия социально-экономическим целям развития региона, максимизации доходности, минимизации рисков, соответствия имеющимся в регионе ресурсам, ориентации на результат.

Предложенная модель может быть адаптирована для использования в различных регионах РФ с помощью разработанного алгоритма, представленного ниже (рис. 2).

Как видно из рисунка 2, процесс управления инвестиционным развитием региона на основе проектного подхода предполагает реализацию следующих действий:

1) анализ внутренней и внешней среды региона и определение перспектив его развития;

2) оценка имеющихся ресурсов;

3) выбор направлений развития региона и приоритетных объектов инвестирования;

4) разработка портфеля проектов регионального развития, цели которых совпадают с целями социально-экономического развития региона;

6) формирование планов реализации портфеля региональных проектов и способы мобилизации ресурсов для их реализации;

7) определение индикаторов для оценки эффективности портфеля региональных проектов, а также сроки реализации проектов;

8) в случае недостижения целей проектов необходимо рассмотреть причины отклонений, в случае необходимости – принять решение о наложении санкций на инвестора и скорректировать портфель проектов.

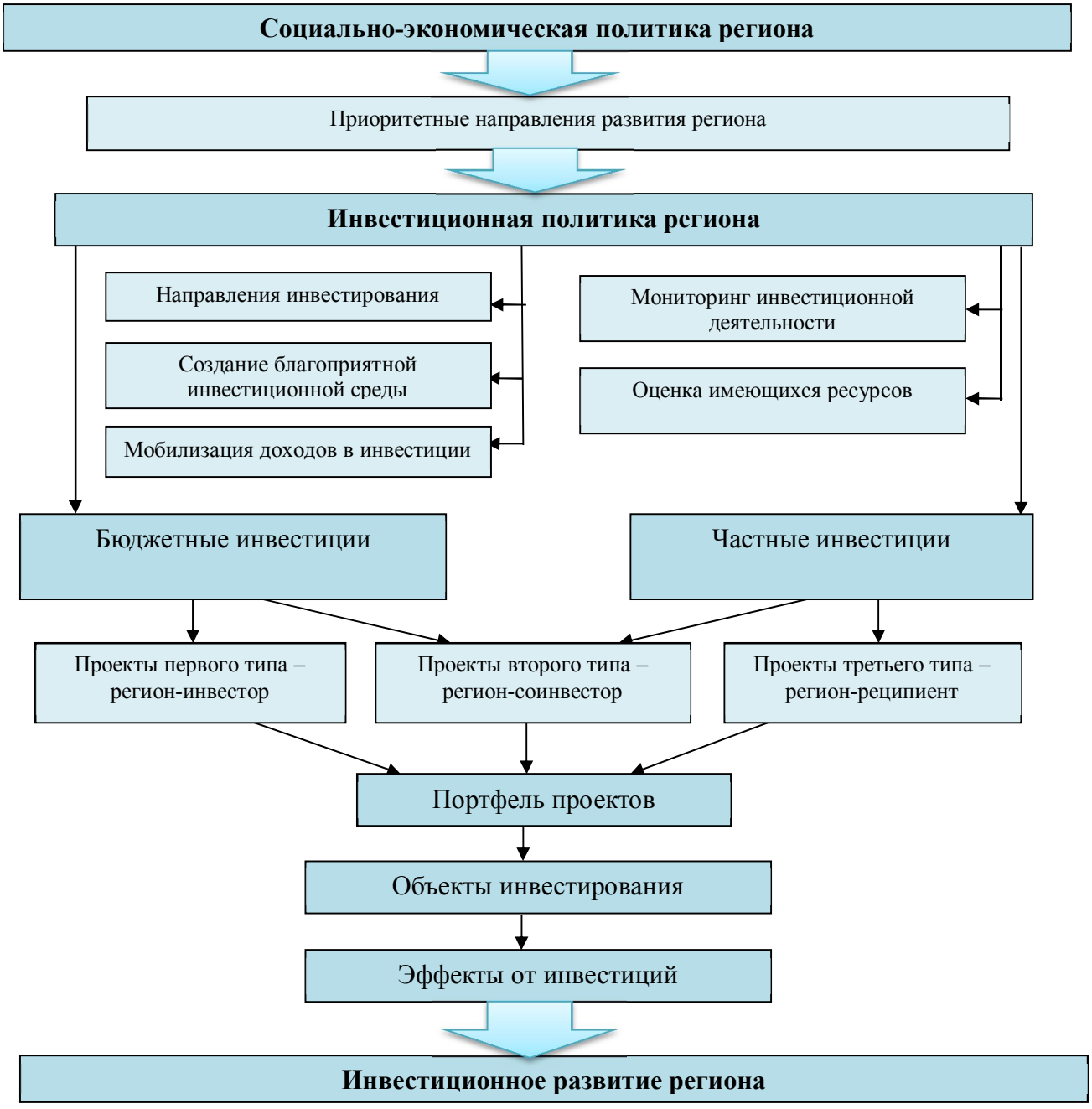

Рис. 1. Модель управления инвестиционным развитием региона на основе проектного подхода

Разработанный алгоритм предполагает достижение эффектов как для государства, так и для инвестора в результате достижения целей реализации портфеля региональных проектов. Органы государственной власти за счет управления инвестиционным развитием на основе проектного подхода и формирования сбалансированного портфеля проектов достигают социально-экономического развития региона. Инвесторы, принимающие участие в реализации проектов, получают государственную поддержку и достигают собственных целей развития, формируют вокруг себя благоприятную деловую и инвестиционную среду, которая выступает стимулом для дальнейшего развития.

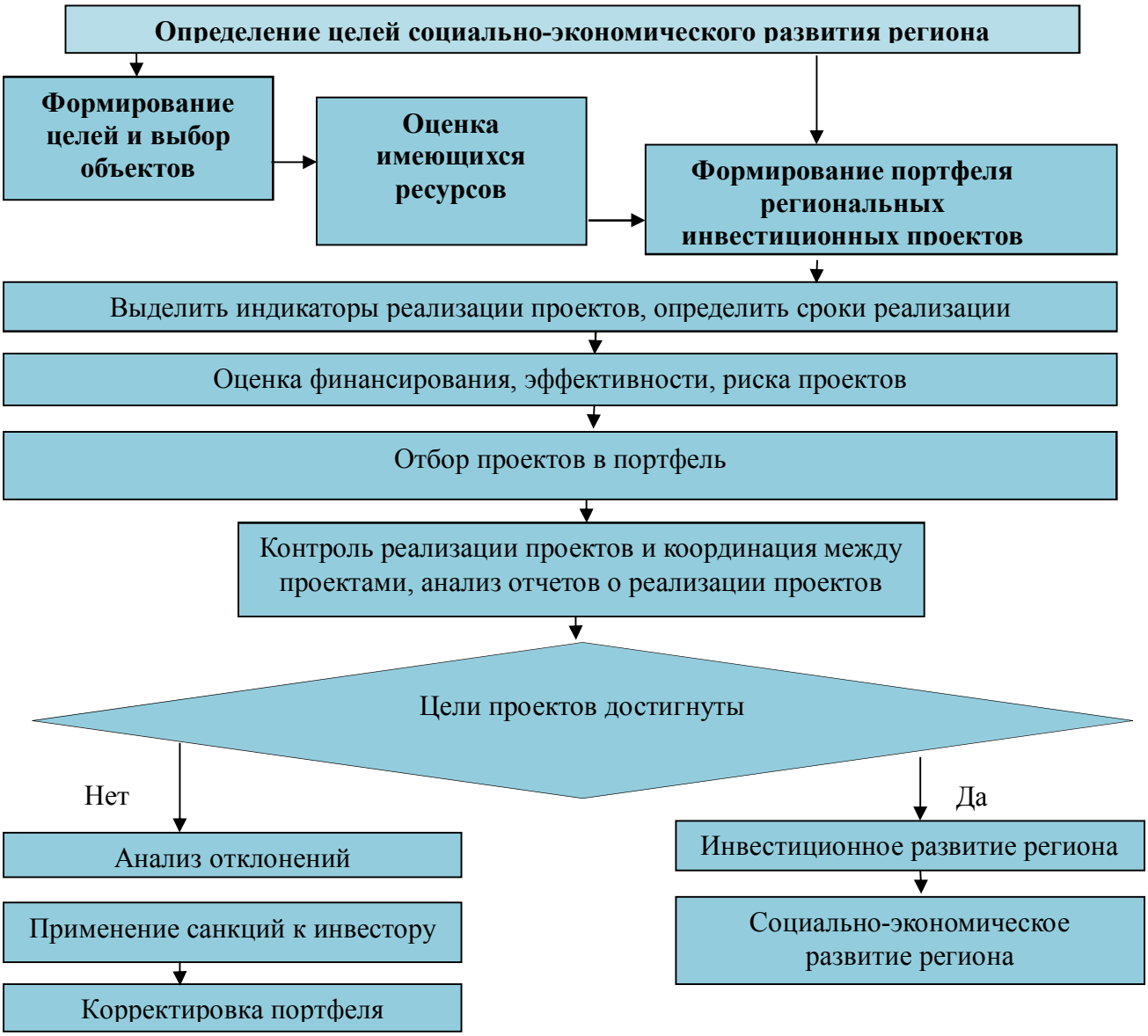

Рис. 2. Алгоритм управления портфелем проектов для достижения целей социально-экономического развития региона

Предложенный алгоритм позволяет управлять инвестиционным развитием на основе проектного подхода с учетом специфики каждого региона. По необходимости можно добавлять различные дополнительные программы формирования инвестиционной среды в регионе для стимулирования его инвестиционной активности. Функции по координации между проектами внутри портфеля, их контролю и координации между ними необходимо возложить на региональные проектные офисы.

Обобщая информацию в научной литературе о понятии проектного офиса, можно сделать вывод, что проектный офис – это специально созданное на постоянной основе подразделение органа исполнительной власти, которое занимается полным циклом реализации проектной деятельности в регионе в условиях ограниченных ресурсов. Целью работы проектных офисов является создание условий для максимально результативной реализации портфеля региональных проектов. Задачами, веду-

щими к достижению поставленной цели, являются: достижение результативности реализуемых проектов; балансировка ресурсного обеспечения региональных проектов; отбор проектов, наиболее соответствующих целям развития региона.

К функциям проектных офисов можно отнести отбор, планирование, координацию участников проектов, информационное и аналитическое обеспечение, контроль реализации региональных проектов, оценку эффективности результатов проектов, консолидацию ресурсов, привлечение инвесторов.

Рассмотрим концептуальные основы работы проектных офисов при управлении инвестиционным развитием региона (рис. 3).

Для оценки текущего состояния системы проектного управления в органах исполнительной власти регионов ЦФО нами проведено исследование, направленное на оценку проектной деятельности регионов, а затем были изучены функции и задачи проектных офисов в регионах.

В первую очередь была исследована структура органов проектного управления по областям ЦФО (табл. 3).

Рис. 3. Концептуальные основы работы проектных офисов при управлении инвестиционным развитием региона

Таблица 3. Сравнительный анализ структуры органов проектного управления в областях ЦФО [4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12]

Субъект РФ	Описание структуры управления проектной деятельности в регионе
Белгородская область	Правительство Белгородской области, Департамент внутренней и кадровой политики области, ОАУ «Институт региональной кадровой политики», региональные органы власти, органы местного самоуправления, областной, региональный, муниципальный проектный офисы, межведомственная комиссия, экспертная комиссия. В структуре присутствуют постоянные, временные и вспомогательные органы управления проектной деятельностью
Воронежская область	Комитет управления проектами при правительстве Воронежской области, региональный проектный офис, ведомственные координационные органы ИОГВ правительства, общественно-деловые советы, проектные офисы ИОГВ, Воронежский филиал РАНХиГС, кураторы, проектные комитеты. В структуре имеются обеспечивающие, вспомогательные и временные органы управления проектной деятельностью
Брянская область	Региональный проектный офис, Совет по проектной деятельности, постоянные и временные рабочие группы и комиссии совета, ведомственные проектные офисы. В структуре представлены постоянные, временные и экспертные органы управления
Владимирская область	Наблюдательный совет, общественно-экспертный совет, комитет проектной деятельности, ведомственные проектные офисы, областной проектный офис, муниципальные проектные офисы, команды проекта. В структуре управления представлены органы принятия решений, органы сопровождения проектной деятельности и временные органы (команды проекта)
Ивановская область	Совет при губернаторе, аппарат ситуационного центра, коллегиальный орган, временные проектные группы. В структуре есть постоянные и временные органы управления проектной деятельностью
Калужская область	Глава и правительство региона, Совет по проектной деятельности, Проектный комитет, куратор СУПД, региональный проектный офис, функциональные проектные офисы, функциональные координаторы, команды проектов. В структуре есть постоянные и временные органы управления проектной деятельностью
Костромская область	Совет при губернаторе, региональный проектный офис, проектный комитет, ведомственный проектный офис, общественно-экспертный совет. В структуре постоянные, временные и консультативные органы
Курская область	Совет по стратегическому развитию, рабочая группа регионального проекта, общественный совет, центр компетенций проектного управления. В структуре есть постоянные, временные и консультативные органы
Липецкая область	Координационный совет, ведомственные проектные офисы, Областной проектный офис, координационный совет, команда проекта. Присутствуют постоянные и временные органы управления
Орловская область	Региональный проектный комитет, проектный офис, общественно-деловой совет по проектной деятельности, могут создаваться отдельные проектные офисы органов власти. Присутствуют постоянные и временные органы в структуре
Рязанская область	Совет по проектной деятельности, региональный проектный офис, экспертный совет, общественно-экспертные группы, рабочие группы. Присутствуют временные, постоянные и консультативные органы
Смоленская область	Ответственный за проектную деятельность по области, региональный проектный офис, команды проектов, ведомственный проектный офис. Присутствуют постоянные и временные органы управления
Тамбовская область	Организационный штаб, проектный офис, рабочие группы. Присутствуют постоянные и временные органы управления

Окончание табл. 3

Субъект РФ	Описание структуры управления проектной деятельности в регионе
Тверская область	Совет по стратегическому развитию, региональный проектный офис, региональные проектные комитеты, ведомственные проектные офисы, общественно-экспертные советы; центр компетенций проектной деятельности. Присутствуют постоянные, временные и вспомогательные органы управления проектной деятельностью
Тульская область	Координационный совет, президиум Совета, проектный офис, ведомственный проектный офис, команда проекта, общественно-деловые советы. Имеются постоянные, временные, обеспечивающие и вспомогательные органы управления проектной деятельностью
Ярославская область	Региональный проектный офис, региональный комитет, ведомственный проектный офис, региональный центр компетенции проектной деятельности. Имеются постоянные, временные и экспертные органы управления проектной деятельностью

Анализ таблицы 3 позволяет сделать выводы о том, что в большинстве регионов ЦФО структура управления проектной деятельностью содержит три основные вида органов управления проектной деятельностью – постоянные, временные и экспертные (консультативные органы), что соответствует Положению об организации проектной деятельности в РФ [1; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14]. Однако в некоторых областях – Владимирской, Ивановской, Калужской, Липецкой, Орловской, Смоленской, Тамбовской областях – структура проектного управления ограничивается лишь постоянными и временными органами управления проектной деятельностью [5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12]. В некоторых областях состав органов проектного управления слишком рассосредоточен по различным комитетам, ведомствам, советам, что может вызывать проблемы, связанные с коммуникациями между органами управления, подрывать централизованное управление отдельными проектами, а также портфелями проектов на территории региона.

В ходе исследования была проведена оценка эффективности системы проектного управления в регионах ЦФО на основе существующих методик: рейтинг АСИ, НРА, ESG-рэнкинг (табл. 4).

Как видно из таблицы 4, по различным методикам оценка регионов по качеству проектного управления, которое влечет за собой инвестиционное развитие региона, значительно различается. Можно сказать, что информация относительно оценки эффективности проектной деятельности не систематизирована и требует комплексной доработки, она не дает возможности получить целостную характеристику эффективности работы региональных проектных офисов.

Таблица 4. Оценка эффективности проектного управления в регионах ЦФО на основе существующих методик [15; 16; 17; 18; 19; 20; 21]

Субъект РФ	Рейтинг АСИ (2022)	НРА (2021)	ESG-рэнкинг (2021)
Белгородская область	7	IC2 (высокий)	21
Брянская область	–	IC7 (умеренный)	57
Воронежская область	11	IC3 (высокий)	16
Владимирская область	–	IC5 (средний)	36
Ивановская область	9	IC7 (умеренный)	54
Калужская область	7	IC3 (высокий)	11

Окончание табл. 4

Субъект РФ	Рейтинг АСИ (2022)	НРА (2021)	ESG-рэнкинг (2021)
Костромская область	–	IC7 (умеренный)	58
Курская область	–	IC3 (высокий)	7
Липецкая область	9	IC3 (высокий)	6
Орловская область	–	IC6 (средний)	32
Рязанская область	–	IC5 (средний)	17
Смоленская область	11	IC6 (средний)	43
Тамбовская область	10	IC5 (средний)	71
Тверская область	–	IC6 (средний)	13
Тульская область	4	IC3 (высокий)	19
Ярославская область	10	IC5 (средний)	38

Примечание. «–» не вошли в рейтинг.

Поэтому была предпринята попытка ранжирования регионов ЦФО по уровню развития системы проектного управления на три группы: регионы-лидеры, регионы со средним уровнем развития проектного управления и отстающие регионы (табл. 5).

Анализ уровня развития проектного управления в регионах ЦФО, а также оценка эффективности системы регионального проектного управления на региональном уровне позволили выявить ряд проблем, существующих на данный момент в проектном управлении регионов ЦФО:

– множество проблем связано с формированием портфеля проектов: таким образом, чтобы, с одной стороны, были минимизированы риски, с другой – максимизированы полезные эффекты, а также чтобы цели портфеля в целом совпадали со стратегическими целями развития региона;

– несмотря на то, что в большинстве областей ЦФО существуют нормативно-правовые акты и методические указания по управлению проектами, оформление самих проектов происходит с нарушениями этих документов, что говорит о формальности имеющихся процедур. Кроме того, документация по проектной деятельности часто расположены хаотично, что ведет к тому, что не все нормативные документы учитываются при управлении проектами;

– одной из главных проблем проектного управления является постановка целей проектов таким образом, чтобы она полностью отражала результат проекта, а также чтобы она служила достижению стратегических целей региона. Для этого необходимо, чтобы все государственные служащие, работающие с проектами, имели соответствующий набор компетенций, а также были мотивированы на эффективную и продуктивную работу;

– существует проблема планирования рисков по региональным проектам: даже если проект эффективно разработан и поставлена корректная цель, соответствующая стратегическому развитию региона, слабо прописаны риски, а также способы их преодоления или минимизации;

– присутствуют сложности в оценивании результатов региональных проектов, а также результатов работы государственных служащих, работающих с проектом;

– в подавляющем количестве областей цели региональных проектов не декомпозируются до муниципального уровня, что создает сложности при детальной реализации проектов, не присутствуют сводные муниципальные планы мероприятий для достижения целей.

Таблица 5. Ранжирование регионов ЦФО на группы по уровню развития системы проектного управления [22; 23; 24; 25; 26]

Название группы	Регионы, входящие в группу	Описание
Регионы-лидеры	Белгородская, Воронежская области	Имеется основная методологическая база; регион осознанно управляет компетенциями персонала, связанного с проектным управлением; цели проектов коррелируют со стратегическими целями региона; налажена четкая регламентация формирования портфеля проектов, проектных команд и система мотивации участников проектной деятельности в регионе, успешно работает автоматизированная информационная система проектной деятельности, эффективно проводится оценка рисков проектной деятельности (есть методики расчета рисков и отчеты об уровне рисков на контрольных точках проекта)
Регионы со средним уровнем развития проектного управления	Брянская, Рязанская, Смоленская, Владимирская, Ивановская, Курская, Тульская	В регионах имеется успешный опыт развития некоторых элементов системы проектного управления: разрабатываются и уже частично разработаны нормативно-правовые акты и методические рекомендации по проектному управлению, однако отсутствуют сведения о результативности этих документов, возможен формальный характер данных документов. В большинстве этих регионов внедрены автоматизированные информационные системы для проектной деятельности. В данных регионах персонал может быть мотивирован на проектную деятельность, но нет полноценной системы обучения проектной деятельности, критериев оценки знаний государственных служащих и оценки их компетенций. Также не до конца разработан инструментарий, позволяющий формировать эффективные портфели проектов, которые бы позволяли достигать стратегических целей развития региона
Отстающие регионы	Орловская, Тверская, Калужская, Липецкая, Костромская, Ярославская	К этой группе относятся те регионы, в которых присутствует недостаточный уровень зрелости проектного управления, например, не разработаны методические рекомендации и правовые акты, необходимые для проектной деятельности, либо они являются формальными, не проводится достаточная работа по мотивации государственных служащих на проектную деятельность и обучение сотрудников, связанных с проектным управлением, не налажена оценка рисков, нет регламентов по формированию эффективного портфеля региональных проектов

Решение перечисленных проблем видится нам в следующих направлениях:

– реализация практики заключения соглашений между органами государственной власти субъектов РФ и муниципалитетами для совместной реализации региональных и национальных проектов. Например, такие соглашения заключались в Республике Татарстан [14];

– организация обучения специалистов, работающих с проектами, разработка набора компетенций, которому должны соответствовать государственные служащие в работе с проектами, а также разработка системы мотивации, стимулирующей как на развитие компетенций по управлению проектами, так и на эффективную работу с проектами [27; 28]. Примером эффективной системы мотивации могут служить распоряжение Правительства Республика Саха о мотивации, а также распоряжение Мурманской области, в которых разработаны эффективные системы мотивации, состоящие из материальных и нематериальных стимулов, а также утвержден набор ключевых показателей эффективности госслужащих, работающих с проектами [5; 6];

– применение современных информационно-коммуникационных технологий и единых информационных систем для упорядочивания взаимодействия по проектам, упрощению расчета рисков и эффективности проектов, упрощает планирование и контроль реализации региональных проектов [29; 30]. Как пример эффективной единой автоматизированной системы управления проектами можно привести АИС «Проектное управление» Белгородской области, которая позволяет обеспечивать эффективное взаимодействие между участниками проекта, хранит и структурирует всю информацию по проекту, позволяет создавать и контролировать план выполнения проекта, управлять доступом к информации [8];

– следует уделять внимание формулированию эффективных регламентов и алгоритмов работы по всем процессам, связанным с проектной деятельностью: от формирования команды проекта до управления коммуникациями между участниками проекта, его бюджетом, сроками, рисками, эффективностью. Отдельно необходимо подчеркнуть необходимость наличия регламентов по управлению портфелями проектов – такой регламент, например, присутствует в Ханты-Мансийском АО Югры [13].

Отметим, что существующие проблемы могут быть решены также с помощью налаживания эффективной работы проектных офисов в регионах.

Выводы

Управление портфелем региональных проектов как основы инвестиционного развития региона позволяет достичь синергетического эффекта, повысить соответствие стратегическим целям развития региона, более эффективно распоряжаться ресурсами региона, получать эффекты разного рода от региональных инвестиций – социальный, экономический, экологический, производственный, бюджетный, синергетический – на основе целенаправленного формирования портфеля проектов.

Состояние проектной деятельности в регионах ЦФО находится не на высшем уровне. Проведенное исследование позволило разделить регионы ЦФО по уровням развития проектной деятельности: регионы-лидеры (Белгородская, Воронежская области), регионы со средним уровнем проектного управления (Брянская, Рязанская, Смоленская, Владимирская, Ивановская, Курская, Тульская области), а также отстающие регионы (Орловская, Тверская, Калужская, Липецкая, Костромская, Ярославская области).

Функции по координации между проектами, их контролю и координации между ними необходимо возложить на региональные проектные офисы, которые представляют из себя специально созданное на постоянной основе подразделение органа исполнительной власти, которое занимается полным циклом реализации проектной деятельности в регионе в условиях ограниченных ресурсов.

В большинстве субъектов ЦФО функции регионального проектного офиса выполняет подразделение исполнительной власти, связанное с экономическим развитием области, однако наиболее эффективной нами видится практика формирования проектных офисов при аппарате администрации губернатора или правительства региона, что позволяет повысить значимость этой структуры и сделает более эффективной реализацию взаимодействия по проектам. Сейчас проектные офисы выполняют в основном функции сопровождения проектов, но для повышения эффективности инвестиционного развития регионов предложена идея координировать в региональных проектных офисах функцию формирования инвестиционных предложений проектов второго и первого типа, т. е. проектов, в которых регион выступает как соинвестор и реципиент – большинство таких проектов реализуются через механизмы ГЧП.

Выявлен ряд проблем, существующих на данный момент в проектном управлении регионов ЦФО: недостатки в формировании портфеля проектов, формальность имеющихся процедур по управлению проектами, несоответствие целей проектов стратегическим целям развития региона, недостатки в расчете рисков и способов их минимизации, отсутствие декомпозиции задач и целей проекта до муниципального уровня. Для решения этих проблем предложены направления: реализация практики заключения соглашений между органами государственной власти субъектов РФ и муниципалитетами; организация повышения квалификации специалистов, занимающихся проектной деятельностью; использование современных информационно-коммуникационных технологий и единых информационных систем для проектирования и контроля реализации проектов; налаживание эффективной работы проектных офисов в регионах.

Список литературы

1. Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений: Федеральный закон от 25.02.1999 г. № 39-ФЗ: [ред. от 14.03.2022 г.]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22142/bb9e97fad9d14ac66df4b6e67c453d1be3b77b4c/ (дата обращения: 10.09.2022).

2. Голикова Г. В., Проскурин А. В., Савина С. С. Управление инвестиционным развитием региона: проектный подход // Современная экономика: проблемы и решения. 2020. № 3 (123). С. 162–170.

3. Голикова Н. В., Голикова Г. В. Изменение инвестиционного поведения: модели и методы. Воронеж: Научная книга, 2008. 169 с.

4. Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 31 октября 2018 г. № 1288. URL: https://docs.cntd.ru/document/551541664 (дата обращения: 10.09.2022).

5. Об утверждении Положения о мотивации участников проектной деятельности и Методических указаний по материальному стимулированию участников проектной деятельности: Распоряжение от 25 декабря 2020 г. № 1246-р. URL: https://docs.cntd.ru/document/571092458 (дата обращения: 10.09.2022).

6. Положение об управлении мотивацией участников проектной деятельности в исполнительных органах государственной власти Мурманской области: [принято 28.04.2017 г. № 228-ПП/4]. URL: https://openregion.gov-murman.ru/upload/iblock/e5c/Polozhenie-ob-upravlenii-motivatsiey-18.04.17.pdf (дата обращения: 10.09.2022).

7. Об организации проектной деятельности в правительстве Воронежской области и исполнительных органах государственной власти Воронежской области: постановление правительства Воронежской области от 29 марта 2019 г. № 301. URL: https://docs.cntd.ru/document/553223544 (дата обращения: 10.09.2022).

8. Об утверждении Положения об управлении проектами в органах исполнительной власти и государственных органах Белгородской области, а также подведомственных им учреждениях и организациях: постановление правительства Белгородской области от 31 мая 2010 года № 202-пп. URL: https://docs.cntd.ru/document/424080691 (дата обращения: 10.09.2022).

9. Об организации проектной деятельности в правительстве Брянской области: постановление правительства Брянской области от 11 декабря 2018 г. № 637-п. URL: https://docs.cntd.ru/document/974052908 (дата обращения: 10.09.2022).

10. Об организации проектной деятельности во Владимирской области: постановление администрации Владимирской области от 27 июля 2021 г. № 451. URL: https://docs.cntd.ru/document/574830244 (дата обращения: 10.09.2022).

11. Об организации проектной деятельности при реализации региональных проектов в Курской области: постановление администрации Курской области от 5 августа 2020 г. № 798-па. URL: https://docs.cntd.ru/document/570897761 (дата обращения: 10.09.2022).

12. О создании регионального ведомственного проектного офиса: приказ управления образования и науки Липецкой области от 01.03.2019 г. URL: http://uschool3.narod.ru/files/prikaz_uoin_203_2019.pdf (дата обращения: 10.09.2022).

13. О Регламенте управления портфелем проектов: приказ от 11 августа 2016 г. № 6-нп. URL: https://docs.cntd.ru/document/429066318 (дата обращения: 10.09.2022).

14. Порядок заключения соглашений между органами исполнительной власти РТ и муниципальными районами (городскими округами) о достижении планируемых значений показателей, индикаторов оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления РТ // Министерство экономики Республики Татарстан. URL: https://mert.tatarstan.ru/ poryadok-zaklyucheniya-soglasheniy-mezhdu.htm (дата обращения: 10.09.2022).

15. Батов Г. Х., Комков Н. И., Шардан С. К. Перспективы регионального развития (на примере Северо-Кавказского федерального округа) // Проблемы прогнозирования. 2019. № 2. С. 131–140.

16. Келеш Ю. В., Бессонова Е. А. Направления совершенствования проектного управления // Вопросы региональной экономики. 2019. № 1 (38). С. 59–63.

17. Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата // АСИ. URL: https://asi.ru/government_officials/rating/ (дата обращения: 10.09.2022).

18. VIII ежегодная оценка инвестиционной привлекательности регионов России // НРА. URL: https://www.ra-national.ru/sites/default/files/analitic_article/NRA_IPR_2020_fin.pdf (дата обращения: 10.09.2022).

19. Ежегодный ESG-рейтинг субъектов РФ (2018–2021 гг.) // RAEX. URL: https://raex-rr.com/pro/ESG/ESG_regions/ESG_rating_regions/2021/methods/ (дата обращения: 10.09.2022).

20. Современные управленческие технологии в деятельности бизнес-структур и органов государственной власти / под общей редакцией профессора А. В. Полянина. Орел: Издательство Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС, 2022. 360 с.

21. Руководство к Своду знаний по управлении проектом. URL: http://www.biconsult.ru>files/datavault/PMBOK-6th-Edition… (дата обращения: 10.09.2022).

22. Глазьев С. Ю. Какая политика обеспечит опережающее развитие российской экономики? // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2018. № 2. С. 12–16.

23. Разработка методики анализа поселений на основе комплексного использования баз данных региональной и муниципальной статистики / Т. Н. Гоголева, И. Н. Петрыкина, М. И. Солосина, И. Н. Щепина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2016. № 4. С. 166–177.

24. Крыжановская О. А. Стратегический анализ: место и роль в разработке стратегии развития муниципального образования // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2022. Т. 12, № 2. С. 74–87.

25. Прусова В. И., Князева А. А. Цифровизация экономики и управление проектами // Ученые записки Российской Академии предпринимательства. 2020. Т. 19, № 3. С. 49–61.

26. Gogoleva T. N., Golikova G. V., Kanapukhin P. A. Economic analysis of investments as a source of economic changes // Russia and the European Union, Development and Perspectives / ed. by E. G. Popkova. Springer International Publishing AG, 2017. P. 107–122.

27. Голикова Г. В., Голикова Н. В. Методология исследования стратегии управления организации на основе воспроизводства инвестиционного капитала и роста индивидуального благосостояния // Вестник Воронежского государственного технического университета. 2009. Т. 5, № 12. С. 257–259.

28. Маркетинг: от образования к профессиональной деятельности: монография / Г. Л. Азоев [и др.]; под ред. Г. Л. Азоева. М.: Издательский дом ГУУ, 2017. 249 с.

29. Голикова Г. В. Формирование инвестиционной стратегии организации: теория и методология: монография. Воронеж: Научная книга, 2008. 173 с.

30. Formation of cluster policy in the it sector / N. V. Golikova, T. L. Bezrukova, N. A. Safonova, V. A. Titareva, I. V. Komov // Perspectives on the Use of New Information and Communication Technology (ICT) in the Modern Economy. ISC: Perspectives on the use of New Information and Communication Technology (ICT) in the Modern Economy. Cham, 2019. P. 546–553.

References

1. Ob investitsionnoi deyatel'nosti v Rossiiskoi Federatsii, osushchestvlyaemoi v forme kapital'nykh vlozhenii [On investment activities in the Russian Federation carried out in the form of capital investments]. Federal Law of February 25, 1999 № 39-FZ (as amended on March 14, 2022). Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22142/bb9e97fad9d14ac66df4b6e67c453d1be3b77b4c/. (accessed 10.09.2022)

2. Golikova G. V., Proskurin A. V., Savina S. S. Upravlenie investitsionnym razvitiem regiona: proektnyi podkhod [Management of investment development of the region: project approach]. *Sovremennaya ekonomika: problemy i resheniya = Modern Economy: Problems and Solutions*, 2020, no. 3 (123), pp. 162–170.

3. Golikova N. V., Golikova G. V. Izmenenie investitsionnogo povedeniya: modeli i metody [Changing investment behavior: models and methods]. Voronezh, Nauchnaya kniga Publ., 2008. 169 p.

4. Ob organizatsii proektnoi deyatel'nosti v Pravitel'stve Rossiiskoi Federatsii [On the organization of project activities in the Government of the Russian Federation]. Decree of the Government of the Russian Federation of October 31, 2018 № 1288. Available at: https://docs.cntd.ru/document/551541664. (accessed 10.09.2022)

5. Ob utverzhdenii Polozheniya o motivatsii uchastnikov proektnoi deyatel'nosti i Metodicheskikh ukazanii po material'nomu stimulirovaniyu uchastnikov proektnoi deya-tel'nosti [On approval of the Regulations on Motivation of Project Activity Participants and Methodological Guidelines on Financial Incentives for Project Activity Participants]. Order of December 25, 2020 № 1246-r. Available at: https://docs.cntd.ru/document/571092458. (accessed 10.09.2022)

6. Polozhenie ob upravlenii motivatsiei uchastnikov proektnoi deyatel'nosti v ispolnitel'nykh organakh gosudarstvennoi vlasti Murmanskoi oblasti [Regulation on the management of motivation of project activity participants in the executive bodies of state power of the Murmansk Region]. Adopted on April 28, 2017 № 228-PP/4. Available at: https://openregion.gov-murman.ru/upload/iblock/e5c/Polozhenie-ob-upravlenii-motivatsiey-18.04.17.pdf. (accessed 10.09.2022)

7. Ob organizatsii proektnoi deyatel'nosti v pravitel'stve Voronezhskoi oblasti i ispolnitel'nykh organakh gosudarstvennoi vlasti Voronezhskoi oblasti [On the organization of project activities in the Government of the Voronezh Region and executive bodies of state power of the Voronezh Region]. Decree of the Government of the Voronezh Region of March 29, 2019 № 301. Available at: https://docs.cntd.ru/document/553223544. (accessed 10.09.2022)

8. Ob utverzhdenii Polozheniya ob upravlenii proektami v organakh ispolnitel'noi vlasti i gosudarstvennykh organakh Belgorodskoi oblasti, a takzhe podvedomstvennykh im uchrezhdeniyakh i organizatsiyakh [On approval of the Regulations on Project Management in Executive authorities and state Bodies of the Belgorod Region, as well as institutions and organizations subordinate to them]. Resolution of the Government of the Belgorod Region of May 31, 2010 № 202-pp. Available at: https://docs.cntd.ru/document/424080691. (accessed 10.09.2022)

9. Ob organizatsii proektnoi deyatel'nosti v Pravitel'stve Bryanskoi oblasti [On the organization of project activities in the Government of the Bryansk region]. Resolution of the Government of the Bryansk region of December 11, 2018 № 637-p. Available at: https://docs.cntd.ru/document/974052908. (accessed 10.09.2022)

10. Ob organizatsii proektnoi deyatel'nosti vo Vladimirskoi oblasti [On the organization of project activities in the Vladimir region]. Resolution of the Administration of the Vladimir region of July 27, 2021 № 451. Available at: https://docs.cntd.ru/document/574830244. (accessed 10.09.2022)

11. Ob organizatsii proektnoi deyatel'nosti pri realizatsii regional'nykh proektov v Kurskoi oblasti [On the organization of project activities in the implementation of regional projects in the Kursk region]. Resolution of the Administration of the Kursk region of August 5, 2020 № 798-pa. Available at: https://docs.cntd.ru/document/570897761. (accessed 10.09.2022)

12. O sozdanii regional'nogo vedomstvennogo proektnogo ofisa: prikaz upravleniya obrazovaniya i nauki Lipetskoi oblasti ot 01.03.2019 g. [On the establishment of a regional departmental project office. Order of the Department of Education and Science of the Lipetsk region of March 1, 2019]. Available at: http://uschool3.narod.ru/files/prikaz_uoin_203_2019.pdf. (accessed 10.09.2022)

13. O Reglamente upravleniya portfelem proektov [On the Project Portfolio Management Regulations]. Order of August 11, 2016 № 6-np. Available at: https://docs.cntd.ru/document/429066318. (accessed 10.09.2022)

14. Poryadok zaklyucheniya soglashenii mezhdu organami ispolnitel'noi vlasti RT i munitsipal'nymi raionami (gorodskimi okrugami) o dostizhenii planiruemykh znachenii pokazatelei, indikatorov otsenki effektivnosti deyatel'nosti organov mestnogo samoupravleniya RT [The procedure for concluding agreements between the executive authorities of the Republic of Tatarstan and municipal districts (urban districts) on achieving the planned values of indicators, indicators for evaluating the effectiveness of the activities of local self-government bodies of the Republic of Tatarstan]. Ministerstvo ekonomiki Respubliki Tatarstan [Ministry of Economy of the Republic of Tatarstan]. Available at: https://mert.tatarstan.ru/poryadok-zaklyucheniya-soglasheniy-mezhdu.htm. (accessed 10.09.2022)

15. Batov G. H., Komkov N. I., Shardan S. K. Perspektivy regional'nogo razvitiya (na primere Severo-Kavkazskogo federal'nogo okruga) [Prospects of regional development (on the example of the North Caucasus Federal District)]. *Problemy prognozirovaniya = Problems of Forecasting*, 2019, no. 2, pp. 131–140.

16. Kelesh Yu. V., Bessonova E. A. Napravleniya sovershenstvovaniya proektnogo upravleniya [Directions for improving project management]. *Voprosy regional'noi ekonomiki = Regional Economic Issues*, 2019, no. 1 (38), pp. 59–63.

17. Natsional'nyi reiting sostoyaniya investitsionnogo klimata [National rating of the investment climate]. ASI [ASI]. Available at: https://asi.ru/government_officials/rating/. (accessed 10.09.2022)

18. VIII ezhegodnaya otsenka investitsionnoi privlekatel'nosti regionov Rossii [VIII annual assessment of investment attractiveness of Russian regions]. NRA [NRA]. Available at: https://www.ra-national.ru/sites/default/files/analitic_article/NRA_IPR_2020_fin.pdf. (accessed 10.09.2022)

19. Ezhegodnyi ESG-reiting sub"ektov RF (2018–2021 gg.) [Annual ESG rating of the subjects of the Russian Federation (2018–2021)]. RAEX [RAEX]. Available at: https://raex-rr.com/pro/ESG/ESG_regions/ESG_rating_regions/2021/methods/. (accessed 10.09.2022)

20. Sovremennye upravlencheskie tekhnologii v deyatel'nosti biznes-struktur i orga-nov gosudarstvennoi vlasti [Modern management technologies in the activities of business structures and public authorities]; ed. by A. V. Polyanin. Orel, Publishing House of the Central Russian Institute of Management – branch of RANEPA, 2022. 360 p.

21. Rukovodstvo k Svodu znanii po upravlenii proektom [Guide to the Body of Knowledge on Project Management]. Available at: http://www.biconsult.ru >files/data vault/PMBOK-6th-Edition... (accessed 10.09.2022)

22. Glazyev S. Yu. Kakaya politika obespechit operezhayushchee razvitie rossiiskoi ekonomiki? [What policy will ensure the advanced development of the Russian economy?]. *Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika = Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*, 2018, no. 2, pp. 12–16.

23. Gogoleva T. N., Petrykina I. N., Solosina M. I., Shchepina I. N. Razrabotka metodiki analiza poselenii na osnove kompleksnogo ispol'zovaniya baz dannykh regional'noi i munitsipal'noi statistiki [Development of a methodology for analyzing settlements based on the integrated use of databases of regional and municipal statistics]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravlenie = Bulletin of the Voronezh State University. Series: Economics and Management*, 2016, no. 4, pp. 166–177.

24. Kryzhanovskaya O. A. Strategicheskii analiz: mesto i rol' v razrabotke strategii razvitiya munitsipal'nogo obrazovaniya [Strategic analysis: the place and role in the development of a strategy for the development of municipal education]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo uni-versiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2022, vol. 12, no. 2, pp. 74–87.

25. Prusova V. I., Knyazeva A. A. Tsifrovizatsiya ekonomiki i upravlenie proektami [Digitalization of economy and project management]. *Uchenye zapiski Rossiiskoi Akademii predprinimatel'stva = Scientific Notes of the Russian Academy of Entrepreneurship*, 2020, vol. 19, no. 3, pp. 49–61.

26. Gogoleva T. N., Golikova G. V., Kanapukhin P. A. Economic analysis of investments as a source of economic changes. Russia and the European Union, Development and Perspectives; ed. by E. G. Popkova. Springer International Publishing AG, 2017, pp. 107–122.

27. Golikova G. V., Golikova N. V. Metodologiya issledovaniya strategii upravleniya organizatsii na osnove vosproizvodstva investitsionnogo kapitala i rosta individual'nogo blagosostoyaniya [Methodology of research of management strategy of the organization on the basis of reproduction of investment capital and growth of individual welfare]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta = Bulletin of the Voronezh State Technical University*, 2009, vol. 5, no. 12, pp. 257–259.

28. Azoev G. L., eds. Marketing: ot obrazovaniya k professional'noi deyatel'nosti [Marketing: from education to professional activity]; ed. by G. L. Azoev. Moscow, GUU Publishing House, 2017. 249 p.

29. Golikova G. V. Formirovanie investitsionnoi strategii organizatsii: teoriya i metodologiya [Formation of an organization's investment strategy: theory and methodology]. Voronezh, Nauchnaya kniga Publ., 2008. 173 p.

30. Golikova N. V., Bezrukova T. L., Safonova N. A., Titareva V. A., Komov I. V. Formation of cluster policy in the it sector. Perspectives on the Use of New Information and Communication Technology (ICT) in the Modern Economy. ISC: Perspectives on the use of New In-

formation and Communication Technology (ICT) in the Modern Economy. Cham, 2019, pp. 546–553.

Информация об авторах / Information about the Authors

Голикова Галина Викторовна, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики и управления организациями, Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Российская Федерация,
e-mail: ggalina123@yandex.ru,
Researcher ID: B-7117-2019,
ORCID: 0000-0003-1627-1203

Galina V. Golikova, Dr. of Sci. (Economics), Assistant Professor, Professor of the Department of Economics and Management of Organizations Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation,
e-mail: ggalina123@yandex.ru,
Researcher ID: B-7117-2019,
ORCID: 0000-0003-1627-1203

Голикова Наталья Владимировна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики и управления организациями, Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Российская Федерация,
e-mail: snv-vrn@mail.ru,
Researcher ID: ABH-6292-2020,
ORCID: 0000-0001-5984-6412

Natalia V. Golikova, Cand. of Sci. (Economics), Assistant Professor, Associate Professor of the Department of Economics and Management of Organizations Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation,
e-mail: snv-vrn@mail.ru,
Researcher ID: ABH-6292-2020,
ORCID: 0000-0001-5984-6412

Мануковский Дмитрий Серегеевич, аспирант кафедры управления социально-экономическими системами и бизнес-процессами, Воронежский филиал Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, г. Воронеж, Российская Федерация,
e-mail: manukovskyds@yandex.ru,
Researcher ID: ABH-6392-2020,
ORCID: 0000-0002-8583-9942

Dmitry S. Manukovsky, Post-Graduate Student of the Department of Management of Socio-Economic Systems and Business Processes, Voronezh Branch of the Plekhanov Russian University of Economics, Voronezh, Russian Federation,
e-mail: manukovskyds@yandex.ru,
Researcher ID: ABH-6392-2020,
ORCID: 0000-0002-8583-9942

Али Сарбаз Азиз Али, аспирант кафедры экономики и управления организациями, Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Российская Федерация,
e-mail: 92045938@mail.ru,
Researcher ID: AGE-3939-2022,
ORCID: 0000-0003-3352-0849

Ali Sarbaz Aziz Ali, Post-Graduate Student of the of the Department of Economics and Management of Organizations Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation,
e-mail: 92045938@mail.ru,
Researcher ID: AGE-3939-2022,
ORCID: 0000-0003-3352-0849

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

INSTITUTIONAL FACTORS OF ECONOMIC SYSTEMS DEVELOPMENT

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-1-102-115

CC BY 4.0

Новые векторы и ограничения в развитии предпринимательских структур в новых экономических реалиях

О. Ф. Алехина[1], А. Ю. Артюшкова[2],Т. В. Корякина[3], Ю. В. Иода[3] ✉

[1] Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
пр-т Гагарина, д. 23, г. Нижний Новгород 603022, Российская Федерация

[2] Краснодарский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
ул. Шоссе нефтяников, д. 32, г. Краснодар 350051, Российская Федерация

[3] Липецкий филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
ул. Интернациональная, д. 12Б, г. Липецк 398050, Российская Федерация

✉ e-mail: 9204770299@mail.ru

Резюме

Актуальность *исследования обусловлена необходимостью поиска направлений стимулирования активности малых и средних предпринимательских структур в точке наложения двух турбулентных периодов – пандемии и санкционных ограничений.*

Цель *исследования состоит в проведении анализа ограничений в развитии малых и средних предпринимательских структур в России в новых экономических реалиях, включающих пандемию и санкции, вводимые странами ЕС и США, а также в обосновании мер по стимулированию активности российских предпринимательских структур в сложившихся условиях.*

Задачи*: изучение условий и факторов функционирования российских предпринимательских структур в активной стадии пандемии, а также на этапе постковидного восстановления; выявление секторов предпринимательской деятельности, наиболее подверженных влиянию санкционных ограничений; обоснование комплекса мер, направленных на стимулирование активности российских предпринимательских структур в условиях новых экономических реалий.*

Методология. *Для проведения исследования авторы использовали методы анализа и синтеза, систематизации, сравнительного анализа, графический метод, приемы экономического анализа для исследования динамики социально-экономических показателей, а также системный подход для представления авторских заключений.*

Результаты*. Авторы проанализировали факторы, определяющие деятельность российских предпринимательских структур в активной стадии пандемии и на этапе постковидного восстановления. В статье выявлены направления деятельности малых и средних предпринимательских структур, наиболее подверженные влиянию санкционных ограничений, введенных странами ЕС и США.*

Выводы. *Сделан вывод о попадании российских предпринимательских структур малого и среднего бизнеса в ловушку двух турбулентных периодов – пандемии и санкционных ограничений. Обосновано, что в 2022 г. в секторе малого и среднего предпринимательства появились первые признаки оживления после пандемии, после чего последовало развитие новых вызовов неопределенности. Предложена двухуровневая модель стимулирования предпринимательской деятельности в условиях санкционных ограничений, включающая комплекс мер государственной политики, а также инструменты адаптации компаний в форме амбивалентной стратегии развития.*

© Алехина О. Ф., Артюшкова А. Ю., Корякина Т. В., Иода Ю. В., 2023

Ключевые слова: *предпринимательство; предпринимательская структура; малый и средний бизнес; пандемия; санкционные ограничения; меры поддержки; стимулирование; предпринимательская активность.*

Конфликт интересов: *В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.*

Для цитирования: Новые векторы и ограничения в развитии предпринимательских структур в новых экономических реалиях / О. Ф. Алехина, А. Ю. Артюшкова, Т. В. Корякина, Ю. В. Иода // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2023. Т. 13, № 1. С. 102–115. https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-1-102-115.

Поступила в редакцию 07.12.2022 Принята к публикации 10.01.2023 Опубликована 28.02.2023

New Vectors and Limitations in the Development of Entrepreneurial Structures in the New Economic Realities

Olga F. Alekhina[1], Alexandra Yu. Artyushkova[2], Tatiana V. Koryakina[3], Yulia V. Ioda[3] ✉

[1] National Research University of Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachev
23 Gagarina Ave., Nizhniy Novgorod 603022, Russian Federation

[2] Krasnodar Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation
32 Neftyanikov Shosse Str., Krasnodar 350051, Russian Federation

[3] Lipetsk Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation
12B Internatsionalnaya Str., Lipetsk 398050, Russian Federation

✉ e-mail: 9204770299@mail.ru

Abstract

The relevance *of the study is due to the need to find ways to stimulate the activity of small and medium-sized entrepreneurial structures at the point of overlap of two turbulent periods - pandemic and sanctions restrictions.*

The purpose *of the study is to analyze the limitations in the development of small and medium-sized entrepreneurial structures in Russia in the new economic realities, including pandemic and sanctions imposed by EU countries and the USA, as well as to substantiate measures to stimulate the activity of Russian entrepreneurial structures in the current conditions.*

Objectives: *to study the conditions and factors of functioning of Russian entrepreneurial structures in the active stage of the pandemic and at the stage of post-sanctions recovery; to identify sectors of entrepreneurial activity most affected by sanctions restrictions; to substantiate a set of measures aimed at stimulating the activity of Russian entrepreneurial structures in the conditions of new economic realities.*

Methodology. *The authors used methods of analysis and synthesis, systematization, comparative analysis, graphical method, methods of economic analysis to study the dynamics of socio-economic indicators, as well as a systematic approach to present the authors' conclusions.*

Results. *The authors have analyzed the factors determining the activity of Russian entrepreneurial structures in the active stage of the pandemic and at the stage of post-covarian recovery. The article identifies the areas of activity of small and medium-sized entrepreneurial structures that are most affected by the sanctions restrictions imposed by the EU countries and the United States.*

Conclusions. *It is concluded that Russian entrepreneurial structures of small and medium-sized businesses are trapped in two turbulent periods - pandemic and sanctions restrictions. It is substantiated that in 2022 the SME sector showed the first signs of recovery after the pandemic, followed by the development of new challenges of uncertainty. A two-level model for stimulating entrepreneurial activity in conditions of sanctions restrictions, which includes a set of state policy measures, as well as tools for adapting companies in the form of ambivalent development strategy, is proposed.*

***Keywords**: entrepreneurship; entrepreneurial structure; small and medium business; pandemic; sanctions restrictions; support measures; stimulation; entrepreneurial activity.*

***Conflict of interest**: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.*

For citation: Alekhina O. F., Artyushkova A. Yu., Koryakina T. V., Ioda Yu. V. New Vectors and Limitations in the Development of Entrepreneurial Structures in the New Economic Realities. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2023; 13(1): 102–115. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-1-102-115.

Received 07.12.2022 Accepted 10.01.2023 Published 28.02.2023

***

Введение

Условия новых экономических реалий сформировала пандемия коронавируса, разразившаяся в 2020 г. В этот период произошли кардинальные изменения условий хозяйствования, спровоцированные эпидемиологическими угрозами, санитарными ограничениями и приостановкой привычного хода внутринациональных и международных взаимодействий. Негативные проявления пандемии проявились в глобальном масштабе: в форме роста заболеваемости и смертности, снижения уровня благосостояния населения и роста социальной напряженности; в виде снижения предпринимательской активности и глобального спада производства; в формате нарастания внутринациональных и международных политических конфликтов [1]. Политические и военные конфликты всегда подрывали устойчивое развитие экономик участвующих в них стран. Однако в условиях глобализации такие конфликты стали приобретать новые характерные черты. В частности, это касается объединения усилий группы стран в отношении предполагаемого инициатора военных действий путем оказания экономического санкционного воздействия. Так, в феврале 2022 г. США, а затем и страны Европейского союза ввели целый пакет санкционных ограничений в отношении отдельных лиц и хозяйствующих субъектов российской экономики. Позже было реализовано еще восемь подобных пакетов экономических санкций, которые потребовали от предпринимательских структур оперативных изменений бизнес-процессов, пересмотра реализуемых проектов и перенаправления их в другие секторы экономики, поиска новых направлений деятельности, доступных поставщиков и альтернативных рынков сбыта. Реализованные на практике риски трансформировали привычную среду для реализации предпринимательской деятельности, в очередной раз высветив проблемные зоны российского малого и среднего бизнеса. Поскольку малые и средние предпринимательские структуры являются более уязвимыми в контексте воздействия внешних шоков, чем крупные, в условиях турбулентности им требуется непрерывное отслеживание происходящих изменений и пошаговое подстраивание стратегии и тактики действий [2]. На перепутье нескольких турбулентных периодов государство должно переосмыслить значимость предпринимательского сектора в обеспечении регионального развития, поддержания занятости, предоставления потребителям доступа к широкому спектру товаров и услуг и соответственно предпринять меры расширенной поддержки для стимулирования предпринимательской активности в российской экономике.

Материалы и методы

Теоретические основы исследования отражены в трех научных плоскостях. Первая плоскость сформирована трудами российских и зарубежных ученых, сфо-

кусировавших свое исследовательское внимание на оценке влияния пандемии на предпринимательские структуры. В данном контексте следует отметить работы С. В. Пономарева и др., Е. К. Карпуниной и др., З. Гукасян и др. [3; 4; 5; 6], которые изучили особенности деятельности предпринимательских структур малого и среднего бизнеса в России в период пандемии, систематизировав обострившиеся проблемы развития предпринимательского сектора. Вторая плоскость научного знания лежит в области исследования влияния санкционных ограничений США и стран Европейского союза на российскую экономику (в частности, на функционирование малого и среднего бизнеса) [7; 8; 9; 10]. Третья плоскость научного интереса связана с поиском эффективных инструментов адаптации предпринимательских структур к новым экономическим реалиям и включает как инструменты развития самой организации и наращивания их внутреннего потенциала, так и меры поддержки со стороны государства, способные выступить стимулом к росту предпринимательской активности [11; 12; 13].

Цель исследования – провести анализ ограничений в развитии малых и средних предпринимательских структур в России в новых экономических реалиях, включая оценку влияния пандемии и санкционных ограничений, вводимых странами ЕС и США в отношении российской экономики, а также обосновать комплекс эффективных мер по стимулированию активности российских предпринимательских структур в сложившихся условиях.

Задачи исследования: 1) охарактеризовать условия и факторы функционирования российских предпринимательских структур в активной стадии пандемии, а также на этапе постковидного восстановления; 2) проанализировать санкционные ограничения, введенные странами ЕС и США в отношении субъектов хозяйствования в России, а также выявить секторы предпринимательской деятельности, наиболее подверженные влиянию санкционных ограничений; 3) предложить комплекс мер, направленных на стимулирование активности российских предпринимательских структур в условиях новых экономических реалий.

Методы исследования: анализ и синтез, систематизация, сравнение, экономический анализ, системный подход.

Результаты и их обсуждение

Обстоятельства пандемийного 2020 г. стали проверкой на прочность для российских бизнес-структур. Наибольшее негативное влияние пандемии вследствие сжатия спроса в связи с сильным падением доходов населения и карантинными ограничениями испытали на себе малые и средние предпринимательские структуры сферы авиа- и автоперевозок, досуга и развлечений, физкультурно-оздоровительной деятельности и спорта, туристской деятельности, гостиничного бизнеса и общественного питания, дополнительного образования и сферы бытовых услуг населению, жилищного строительства, производства и торговли автотранспортными средствами [14]. В результате актуализировались многочисленные проблемы малого и среднего бизнеса, существовавшие ранее. В частности, проблема выполнения предпринимательскими структурами долговых обязательств по банковским кредитам. Так, количество выданных кредитов предприятиям малого и среднего бизнеса в 2020 г. сократилось только на 2% относительно 2019 г. и составило 7,6 трлн руб. Однако рост их совокупной задолженности по банковским кредитам по итогам 2020 г. составил 23,4% (рис. 1).

Наиболее сложная ситуация создалась в предпринимательском секторе непродуктовой торговли, развлекательных

услуг, кафе и ресторанов [16]. В 2020 г. малый и средний бизнес столкнулся с проблемой оплаты арендных платежей за использование торговых, складских и офисных помещений, а также выполнением обязательств по коммунальным платежам в период вынужденных простоев. Это увеличило финансовую нагрузку на предпринимательский сектор, за исключением тех структур, которые воспользовались предоставленной государством отсрочкой уплаты арендной платы с погашением задолженности в последующие годы [3].

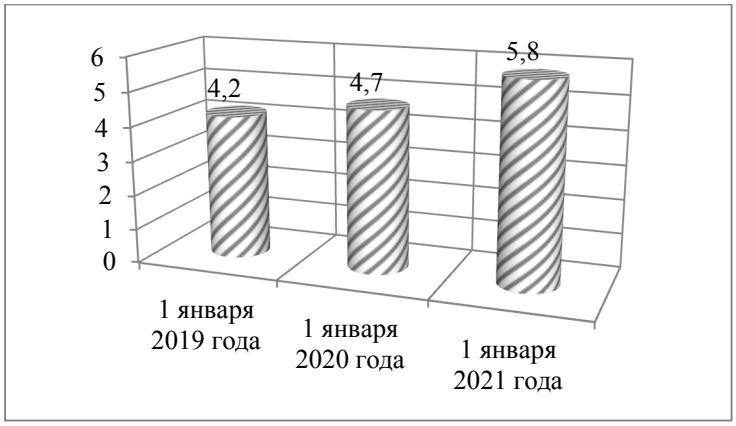

Рис. 1. Динамика задолженности малых и средних предпринимательских структур по банковским кредитам в 2019–2021 гг., трлн руб. [15]

Еще одним вызовом пандемии для предпринимательского сектора стало увеличение задолженности по оплате труда [17]. Здесь образовалась институциональная ловушка, вызванная публикацией пояснений Министерства труда России об оплате работодателем нерабочих дней в период введенных санитарных ограничений и интересами предпринимателей [3]. В результате предприниматели оказались перед проблемой экономии фонда оплаты труда любым доступным способом (перевода сотрудников на неполный рабочий день, неполную рабочую неделю, внеплановые отпуска и т. д.) и созданием условий для организации удаленного формата работы сотрудников.

В отраслевой структуре оборота малых и средних предпринимательских структур давно намечалась тенденция сокращения доли торговли и ремонта за счет роста интернет-сервисов [18]. Ведущими отраслями сектора остаются оптовая и розничная торговля (60,4% общего оборота), обрабатывающие производства (10,4%) и строительство (7,5%). В пандемийном 2020 г. произошел значительный рост доли интернет-услуг, услуг доставки, интернет-сервисов дистанционного образования, спровоцированный мерами социального дистанцирования и невозможностью осуществления покупок в магазинах и торговых сетях, а также посещения образовательных учреждений и организаций сферы досуга. Изменение потребительских потребностей подтолкнуло малые и средние предпринимательские структуры к быстрой адаптации к новым условиям и переходу на онлайн-формат предоставления товаров и услуг.

По итогам 2020 г. оборот малых предприятий (без учета микропредприятий) снизился на 3,1 трлн руб. [19]. В целом указанные проблемы подорвали финансовое благополучие многих предпринимательских структур и привели к заметному сокращению их численности: в целом по итогам 2020 г. количество предпринимательских структур сократилось на 3,9% (рис. 2).

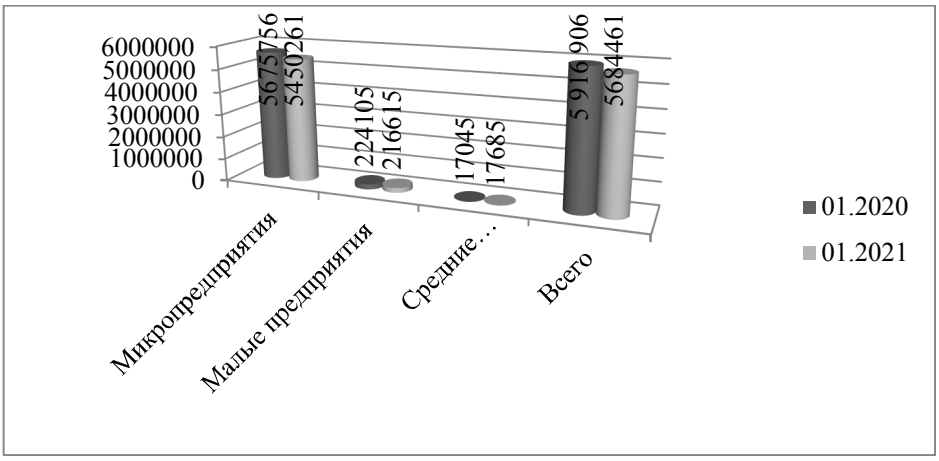

Рис. 2. Численность малых и средних предпринимательских структур в России в 2020–2021 гг. [20]

Отметим, что сокращение коснулось в большей степени микропредприятий (-4% по итогам 2020 г.), а также малых предпринимательских структур (-3,3%). Численность средних предприятий в этот период увеличилась на 3,8%, что может быть объяснено внесением в государственный реестр тех предпринимательских структур, которые ошибочно не были в него включены в прошлые периоды, или добавлением сведений о социальных предприятиях, а также выходом предпринимательских структур «из тени» в связи с повышением прозрачности финансовой деятельности вследствие цифровизации в период пандемии [2]. Наибольшее сокращение произошло в Санкт-Петербурге, Тульской области, Кабардино-Балкарии и Москве. С учетом того, что наибольшая доля малых предпринимательских структур зарегистрирована в Центральном федеральном округе (31,8%), а также в Северо-Западном федеральном округе (11,6%), указанное сокращение является весьма значимым в масштабах страны [20]. Наиболее уязвимыми оказались предпринимательские структуры сферы торговли и услуг. На сферу торговли пришлось 47% ушедших с рынка предпринимательских структур. Еще 20% убыли компаний в стране пришлось на сферу услуг, включая ремонт, салоны красоты, подбор персонала, туристические агентства, строительство, финансовая и страховая деятельность [21]. Государство предприняло меры поддержки малых и средних предпринимательских структур в период активной фазы пандемии, прежде всего, в наиболее пострадавших отраслях экономики. Были реализованы меры налогового, финансового и административного характера. Например, налоговые меры включали налоговую реструктуризацию или снижение налоговой нагрузки [22]. В качестве финансовых мер предпринимательским структурам были предложены: освобождение арендаторов федерального имущества от уплаты арендных платежей во II квартале 2020 г., безвозмездное субсидирование субъектов малого и среднего предпринимательства, беспроцентное кредитование; реструктуризация кредитов [3]. Кроме того, были отменены плановые проверки предпринимательских структур малого и среднего бизнеса, а также введен мораторий на взыскание долгов и штрафов и на банкротство как форма административной поддержки бизнеса. В 2020 г. государственную поддержку получили 42% субъектов малого и среднего предпринимательства [19].

2021 г. характеризовался разнородной динамикой развития предпринимательской деятельности. Многие показатели в первом квартале 2021 г. продолжили развиваться в рамках негативного тренда, что связано с прекращением государ-

ственной поддержки населения и бизнеса, а также наступлением сроков выполнения отложенных обязательств. Показатели выручки от продаж не продемонстрировали роста. Между тем возникли опасения относительно возможного снижения занятости в секторе малых и средних предпринимательских структур из-за отсутствия необходимости поддерживать число занятых по условиям программ поддержки [19]. Данное опасение проявилось в виде отложенного эффекта пандемии как сокращение численности занятых в малых и средних предпринимательских структурах. Если по итогам 2020 г. общая численность занятых показала рост на 1,1%, то в течение 2021 г. значение данного показателя сократилось на 5,4% относительно 2020 г. [20]. В 2021 г. объем кредитования малых и средних предпринимательских структур увеличился на 39% относительно 2020 г. и составил 10,6 трлн руб. При этом задолженность бизнеса по кредитам возросла 27,6% и достигла отметки 7,4 трлн руб. [23]. Между тем позитивные сдвиги следует отметить в качестве кредитного портфеля малых и средних предпринимательских структур: просроченная задолженность по кредитам в 2021 г. уменьшилась на 5%, а ее доля в общей сумме задолженности снизилась до 8,2% (для сравнения в 2020 г. – 11%). Заметим, что по итогам 2021 г. появилась позитивная динамика увеличения общего количества малых и средних предпринимательских структур (+3,2% в сравнении с 2020 г.): численность микропредприятий в течение года увеличилась на 3,4%, из них 18% составляют вновь созданные; количество средних предпринимательских структур увеличилось на 1,7%. Сокращение касается только количества малых предприятий (-1,9%). Таким образом, к февралю 2022 г. в секторе малого и среднего предпринимательства появились первые признаки оживления после пандемии.

Однако 2022 г. показал, как работают экономические механизмы глобальных рестрикций. США, страны Европейского союза и некоторые другие страны, не входящие в ЕС (в т. ч. Великобритания, Япония, Норвегия, Исландия, Канада и др.), после событий февраля 2022 г. реализовали несколько пакетов экономических санкций в отношении России. Ключевыми пакетами санкций были предусмотрены: ограничение деятельности торговых и банковских операций, ограничение операций по обслуживанию внешнего долга РФ, физических и юридических лиц; рестрикции для крупных российских компаний и блокирование банковских счетов России в зарубежных странах, а также ограничения на импорт высокотехнологичных товаров; заморозка международных резервов ЦБ РФ в финансовых организациях стран G7, отключение банков России от SWIFT, ограничение объема криптовалютных операций для граждан России; исключение России из Совета Европы; запрет импорта алкоголя, семян, древесины, морепродуктов из РФ; ограничение импорта удобрений; введение эмбарго на энергоносители из РФ в страны ЕС, частичного эмбарго на российскую нефть [24]. Наибольший эффект санкции оказали на развитие малых и средних предпринимательских структур сферы сельского хозяйства, гостиничного и ресторанного бизнеса, индустрии спорта и развлечений, сектора информационных технологий (в т. ч. производство компьютеров и разработка ПО), сферы услуг, оптовой и розничной торговли. Повышение цен у поставщиков и введенные санкции способствовали формированию дополнительной нагрузки для предприятий обрабатывающих производств, в т. ч. производства лекарств, продуктов питания, одежды, мебели, бытовой химии, резиновых и пластмассовых изделий, электрического оборудования. Во всех указанных отраслях большая доля отводится малому и среднему бизнесу [25]. Риски для малых и средних пред-

принимательских структур фармацевтической отрасли связаны с высоким уровнем их зависимости от импорта лекарств из стран, которые ввели ограничения (55,5%). Также высокий уровень зависимости от импорта имеют предпринимательские структуры, функционирующие в автомобилестроении (27%), изготовлении резиновых и пластмассовых изделий (26,8%), производства бумаги (19,9%) и электрического оборудования (19,4%) [25]. Второй раз за двухлетний период туристические организации столкнулись с вызовами. Введенные санкции сократили туристический поток из зарубежных стран (по сравнению с мартом 2021 г. он сократился в два раза), разорвали сложившиеся туристические маршруты, осложнили возможности организации международных трансферов, а отключение предпринимательских структур туристской индустрии от международных сервисов Airbnb и Booking.com только усугубили и без того тяжелое положение в отрасли. Введенные санкции усложнили ситуацию в сфере торговли, которая едва начала стабилизироваться после пандемии. Международные торговые сети приостановили свою работу на территории Российской Федерации, закрыв свои магазины, представительства и прекратив онлайн-продажи. Снижение платежеспособного спроса испытали на себе малые и средние предпринимательские структуры сферы производства строительных материалов. Несмотря на уход из России многих зарубежных компаний и приостановку поставок импортных составляющих для организации деятельности российских компаний, динамика развития сектора малого и среднего предпринимательства в первой половине 2022 г. оставалась позитивной. В частности, коэффициент прироста числа предпринимательских структур составил -0,8 (для сравнения: -4,9 – в 2021 г., - 8,6 – в 2020 г.). Однако и здесь может сказаться отложенный эффект санкций. Поэтому, используя опыт ответа на санкции, начиная с 2014 г., считаем необходимым обратиться к политике контрсанкций, включающей серию законопроектов, направленных на создание инфраструктуры для бесперебойной работы российских интернет-ресурсов в случае их отключения от зарубежных серверов [26], а также реализации комплекса антисанкционных мер в отношении предпринимательского сектора, в т. ч.: 1) антикризисных программ льготного кредитования, фиксированные ставки по которым находятся в диапазоне от 8,5% до 15% годовых, с размером кредита от 500 тыс. до 500 млн руб. на пополнение оборота и до 2 млрд руб. на инвестиции; 2) мер по быстрому возврату НДС за налоговые периоды 2022 и 2023 гг. для быстрого пополнения оборотных средств; 3) введения моратория на плановые проверки МСП до конца 2022 г. и до конца 2024 г. для ИТ-компаний [27]. Несмотря на государственную поддержку, можно сделать вывод о существовании серьезных вызовов для малых и средних предпринимательских структур в России в точке наложения двух турбулентных периодов.

Для использования потенциала перспективного развития малых и средних предпринимательских структур на практике необходимо реализовать двухуровневую модель стимулирования предпринимательской деятельности в условиях санкционных ограничений. Данная модель предполагает реализацию органами государственной власти мер, направленных на создание институциональных условий для развития предпринимательской деятельности и стимулирования предпринимательской активности в условиях санкционных ограничений. В частности, это касается создания условий, касающихся изменения отраслевой структуры малого и среднего предпринимательства, стимулирования роста производительности труда в секторе малых и средних предприятий, стимулирования долгосрочного развития путем активи-

зации роста на каждом этапе его жизненного цикла. Требуется также повышение заинтересованности органов управления регионом в развитии малых и средних предпринимательских структур, в т. ч. налогового характера. Важно создание механизмов обратной связи между предпринимательскими структурами и органами регионального управления в части обсуждения новых законов, снижения бюрократических барьеров и удовлетворения запросов бизнеса. Однако и сами предпринимательские структуры не должны занимать пассивную позицию, а приступить к реализации амбивалентной стратегии развития в условиях неопределенности [6]. Реализация такой стратегии обеспечивает гибкость в принятии решений о перестройке направлений деятельности с учетом сигналов рынка, которыми служат изменение вектора государственной политики, внесение изменений в законодательство, принятие послаблений в налогообложении, изменение потребительских предпочтений. За счет отслеживания сигналов рынка снимается зависимость организации от турбулентности внешней среды.

Выводы

В статье представлен авторский подход к анализу состояния малых и средних предпринимательских структур в России в новых экономических реалиях, обусловленных влиянием пандемии и санкционных ограничений, вводимых странами ЕС и США. Авторы проанализировали факторы, определяющие деятельность российских предпринимательских структур в активной стадии пандемии и также на этапе постковидного восстановления. В статье проанализированы санкционные ограничения, введенные странами ЕС и США в отношении субъектов хозяйствования в России, а также выявлены направления деятельности малых и средних предпринимательских структур, наиболее подверженные влиянию санкционных ограничений. Предложена двухуровневую модель стимулирования предпринимательской деятельности в условиях санкционных ограничений, включающая комплекс мер государственной политики, направленных на стимулирование активности российских предпринимательских структур в условиях новых экономических реалий, а также инструменты адаптации компаний в форме амбивалентной стратегии развития.

Список литературы

1. Карпунина Е. К., Моисеев С. С., Бакалова Т. В. Инструменты укрепления экономической безопасности государства в период социально-экономической и геополитической нестабильности // Друкеровский вестник. 2022. № 5. С. 24–34.

2. Земцов С. П., Царева Ю. В. Тенденции развития сектора малых и средних предприятий в условиях пандемии и кризиса // Мониторинг экономической ситуации в России. Тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2020. № 10(112). С. 155–156.

3. Пономарев С. В., Алехина О. Ф., Акименко В. А. Влияние пандемии на предпринимательский сектор российской экономики: выводы для экономической политики постковидного восстановления // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2022. № 12(4). С. 143–156.

4. Современные подходы к обеспечению экономической безопасности государства и регионов в эру неопределенности: монография / Е. К. Карпунина [и др.]; под общ. ред. Е. К. Карпуниной. М.: Русайнс, 2022. 306 с.

5. Карпунина Е. К., Галиева Г. Ф., Федотова Е. В. Что день грядущий нам готовит: о новых вызовах экономической безопасности в эпоху нестабильности // Вестник Тверского

государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2022. № 1 (57). С. 86–103.

6. Strategies for adapting companies to the turbulence caused by the covid-19 pandemic / Z. O. Gukasyan, Z. K. Tavbulatova, Z. A. Aksenova, N. M. Gasanova, E. K. Karpunina // Business 4.0 as a Subject of the Digital Economy. Springer Cham, 2022. P. 639–645.

7. Гончарова О. Ю. Развитие малого предпринимательства в условиях антироссийских санкций // Российское предпринимательство. 2015. Т. 16, № 5. С. 679–690.

8. Гелета И. В., Коваленко В. С. Функционирование и развитие предпринимательства в условиях санкционного режима // Экономика и менеджмент инновационных технологий. 2016. № 4. URL: https://ekonomika.snauka.ru/2016/04/11328 (дата обращения: 25.09.2022).

9. Тимофеев И. Н. Санкции против России: взгляд в 2021 г.: доклад 65/2021 / Российский совет по международным делам. М.: НП РСМД, 2021. 24 с.

10. Заернюк В. М., Черникова Л. И., Голина С. И. К вопросу оценки уязвимости стран, к которым применялись ранее и действуют санкции в настоящее время // Экономика и предпринимательство. 2016. № 1, ч. 2 (66–2). С. 465–470.

11. Козлова А. А., Омилянчук А. А., Боркова Е. А. Инновационное предпринимательство в России в период санкций // Креативная экономика. 2022. Т. 16, № 6. С. 2135–2146.

12. Киселева О. Н. Диффузия организационно-управленческих инноваций как фактор интенсификации процессов экономического развития предприятий России // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. 2020. № 2. С. 307–323.

13. Литвиненко И. Л. Цифровая экономика, инновации и коронакризис: новые условия развития России и мира // Экономика устойчивого развития. 2021. № 2(46). С. 248-255.

14. Об утверждении перечня отраслей российской экономики, в наибольшей степени пострадавших в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции: Постановление Правительства РФ от 03.04.2020 г. № 434. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202004080046 (дата обращения: 25.09.2022).

15. Эксперты предсказали просрочку почти 20% кредитов малому бизнесу // РБК. URL: https://www.rbc.ru/finances/02/04/2020/5e8452a99a794743698def2 (дата обращения: 14.09.2022).

16. Прогноз кредитования малого и среднего бизнеса в России на 2021 год: выжившие // RAexpert. URL: https://raexpert.ru/researches/banks/msb_2021/#:~:text=Задолженность%20субъектов%20малого%20и%20среднего,%25%20и%2014%20%25%20 (дата обращения: 14.09.2022).

17. Проблемы в бизнесе в период пандемии: выгоднее продать его или стать банкротом? // Гарант. URL: https://www.garant.ru/ia/opinion/author/postanyuk/1401376/ (дата обращения: 14.09.2022).

18. Развитие малого и среднего предпринимательства в России в контексте реализации национального проекта: монография / М. П. Антонова [и др.]. М.: Дело, 2020. 86 с.

19. МСП/Постковид. Время для системных решений. URL: http://doklad.ombudsmanbiz.ru/2021/7.pdf (дата обращения: 14.09.2022).

20. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства // Федеральная налоговая служба. URL: https://ofd.nalog.ru/statistics.html (дата обращения: 14.09.2022).

21. В РФ впервые за шесть лет растет число созданных компаний // AuditI. URL: https://www.audit-it.ru/news/finance/1064533.html (дата обращения: 14.09.2022).

22. Прогнозы социально-экономического развития // Министерство экономического развития РФ. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/makroec/prognozy_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya/prognoz_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_rf_na_2021_god_i_na_planovyy_period_2022_i_2023_godov.html (дата обращения: 14.09.2022).

23. Кредитование субъектов малого и среднего предпринимательства. Статистический бюллетень. URL: https://asros.ru/upload/iblock/250/mm8f2q8a2dj84s5hzswtmdcgsamaz2om/stat_bulletin_lending_2202_12.pdf (дата обращения: 14.09.2022).

24. Горбунова М. Все санкции против РФ 2022: какие страны ввели, полный список, ответные меры. URL: https://www.puteshestvuy.com/sankcii-protiv-rf (дата обращения: 14.09.2022).

25. Статистика и показатели предпринимательства в России в 2022 году – исследование по отраслям // Fpartnerkin. URL: https://f.partnerkin.com/blog/allinfo/izmenenie_v_biznes_sfere (дата обращения: 14.09.2022).

26. Эксперты назвали самые изменившиеся из-за санкций отрасли // РБК. URL: https://www.rbc.ru/economics/28/10/2019/5db1a76a9a794744a5d6e13a (дата обращения: 14.09.2022).

27. Поддержка МСП в условиях санкций 2022 года. URL: https://lipetsk.abt.ru/blog/podderzhka-msp-v-usloviyakh-sanktsiy-2022-goda-/ (дата обращения: 14.09.2022).

References

1. Karpunina E. K., Moiseev S. S., Bakalova T. V. Instrumenty ukrepleniya ekonomicheskoj bezopasnosti gosudarstva v period social'no-ekonomicheskoj i geopoliticheskoj nestabil'nosti [Tools to strengthen the economic security of the state in a period of socio-economic and geopolitical instability]. *Drukerovskij vestnik = Drucker's Bulletin*, 2022, no. 5, pp. 24–34.

2. Zemcov S. P., Careva Yu. V. Tendencii razvitiya sektora malyh i srednih predpriyatij v usloviyah pandemii i krizisa [Trends in the development of the small and medium-sized enterprise sector under pandemic and crisis conditions]. *Monitoring ekonomicheskoj situacii v Rossii. Tendencii i vyzovy social'no-ekonomicheskogo razvitiya = Monitoring the Economic Situation in Russia. Trends and Challenges of Socio-Economic Development*, 2020, no. 10(112), pp. 155–156.

3. Ponomarev S. V., Alekhina O. F., Akimenko V. A. Vliyanie pandemii na predprinimatel'skij sektor rossijskoj ekonomiki: vyvody dlya ekonomicheskoj politiki postkovidnogo vosstanovleniya [The Impact of the Pandemic on the Entrepreneurial Sector of the Russian Economy: Implications for Economic Policy in the Post-Soviet Recovery]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sociologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2022, no. 12(4), pp. 143–156.

4. Karpunina E. K., eds. Sovremennye podhody k obespecheniyu ekonomicheskoj bezopasnosti gosudarstva i regionov v eru neopredelennosti [Modern approaches to economic security of the state and regions in an era of uncertainty]; ed. by E. K. Karpuninoj. Moscow, Rusajns Publ., 2022. 306 p.

5. Karpunina E. K., Galieva G. F., Fedotova E. V. Chto den' gryadushchij nam gotovit: o novyh vyzovah ekonomicheskoj bezopasnosti v epohu nestabil'nosti [What's in store for us in the coming day: new challenges to economic security in an era of instability]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravlenie = Bulletin of Tver State University. Series: Economics and Management*, 2022, no. 1 (57), pp. 86–103.

6. Gukasyan Z. O., Tavbulatova Z. K., Aksenova Z. A., Gasanova N. M., Karpunina E.K. Strategies for adapting companies to the turbulence caused by the covid-19 pandemic. Business 4.0 as a Subject of the Digital Economy. Springer Cham, 2022, pp. 639–645.

7. Goncharova O. Yu. Razvitie malogo predprinimatel'stva v usloviyah antirossijskih sankcij [Development of small business in the context of anti-Russian sanctions]. *Rossijskoe predprinimatel'stvo = Russian Entrepreneurship*, 2015, vol. 16, no. 5, pp. 679–690.

8. Geleta I. V., Kovalenko V. S. Funkcionirovanie i razvitie predprinimatel'stva v usloviyah sankcionnogo rezhima [Functioning and development of entrepreneurship under the sanctions regime]. *Ekonomika i menedzhment innovacionnyh tekhnologij = Economics and Management of Innovative Technologies*, 2016, no. 4. Available at: https://ekonomika.snauka.ru/2016/04/11328. (assessed 25.09.2022)

9. Timofeev I. N. Sankcii protiv Rossii: vzglyad v 2021 g. Doklad 65/2021 [Sanctions Against Russia: A Look Back to 2021. Report 65/2021]. Moscow, Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam, 2021. 24 p.

10. Zaernyuk V. M., Chernikova L. I., Golina S. I. K voprosu ocenki uyazvimosti stran, k kotorym primenyalis' ranee i dejstvuyut sankcii v nastoyashchee vremya [On the issue of assessing the vulnerability of previous and current sanctioned countries]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Economy and Entrepreneurship*, 2016, no. 1, pt. 2 (66–2), pp. 465–470.

11. Kozlova A. A., Omilyanchuk A. A., Borkova E. A. Innovacionnoe predprinimatel'stvo v Rossii v period sankcij [Innovative entrepreneurship in Russia in the period of sanctions]. *Kreativnaya ekonomika = Creative Economy*, 2022, vol. 16, no. 6, pp. 2135–2146.

12. Kiseleva O. N. Diffuziya organizacionno-upravlencheskih innovacij kak faktor intensifikacii processov ekonomicheskogo razvitiya predpriyatij Rossii [Diffusion of organizational and managerial innovations as a factor to intensify the processes of economic development of enterprises in Russia]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Ekonomika = Bulletin of Perm University. Series: Economics*, 2020, no. 2. pp. 307–323.

13. Litvinenko I. L. Cifrovaya ekonomika, innovacii i koronakrizis: novye usloviya razvitiya Rossii i mira [Digital Economy, Innovation and Coronacrisis: The New Conditions for Russia's and the World's Development]. *Ekonomika ustojchivogo razvitiya = Economics of Sustainable Development*, 2021, no. 2(46), pp. 248–255.

14. Ob utverzhdenii perechnya otraslej rossijskoj ekonomiki, v naibol'shej stepeni postradavshih v usloviyah uhudsheniya situacii v rezul'tate rasprostraneniya novoj koronavirusnoj infekcii [On approval of the list of sectors of the Russian economy most severely affected by the worsening situation resulting from the spread of a new coronavirus infection]. Decree of the Government of the Russian Federation of April 3, 2020 № 434. Available at: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202004080046. (accessed 25.09.2022)

15. Eksperty predskazali prosrochku pochti 20% kreditov malomu biznesu [Experts predict that almost 20% of loans to small businesses are overdue]. RBK [RBC]. Available at: https://www.rbc.ru/finances/02/04/2020/5e8452a99a794743698def2. (accessed 14.09.2022)

16. Prognoz kreditovaniya malogo i srednego biznesa v Rossii na 2021 god: vyzhivshie [SME lending forecast in Russia for 2021: Survivors]. RAexpert [RAexpert]. Available at: https://raexpert.ru/researches/banks/msb_2021/#:~:text=Zadolzhennost'%20sub"ektov%20malogo%20i%20srednego,%25%20i%2014%20%25%20. (accessed 14.09.2022)

17. Problemy v biznese v period pandemii: vygodnee prodat' ego ili stat' bankrotom? [Problems in business during a pandemic: Is it more profitable to sell it or go bankrupt?]. Garant [Garant]. Available at: https://www.garant.ru/ia/opinion/author/postanyuk/1401376/. (accessed 14.09.2022)

18. Antonova M. P., eds. Razvitie malogo i srednego predprinimatel'stva v Rossii v kontekste realizacii nacional'nogo proekta [Development of Small and Medium Entrepreneurship in Russia in the Context of the National Project]. Moscow, Delo Publ., 2020. 86 p.

19. MSP/Postkovid. Vremya dlya sistemnyh reshenij [SME/Postkovid. Time for Systemic Solutions]. Available at: http://doklad.ombudsmanbiz.ru/2021/7.pdf. (accessed 14.09.2022)

20. Edinyj reestr sub"ektov malogo i srednego predprinimatel'stva [Unified register of small and medium-sized businesses]. Federal'naya nalogovaya sluzhba [Federal Tax Service]. Available at: https://ofd.nalog.ru/statistics.html. (accessed 14.09.2022)

21. V RF vpervye za shest' let rastet chislo sozdannyh kompanij [For the first time in six years, the number of established companies is growing in Russia]. AuditIT. Available at: https://www.audit-it.ru/news/finance/1064533.html. (accessed 14.09.2022)

22. Prognozy social'no-ekonomicheskogo razvitiya [Forecasts of socio-economic development]. Ministerstvo ekonomicheskogo razvitiya RF [Ministry of Economic Development of the Russian Federation]. Available at: https://www.economy.gov.ru/material/directions/makroec/prognozy_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya/prognoz_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_rf_na_2021_god_i_na_planovyy_period_2022_i_2023_godov.html. (accessed 14.09.2022)

23. Kreditovanie sub"ektov malogo i srednego predprinimatel'stva. Statisticheskij byulleten' [Lending to small and medium-sized businesses. Statistical Bulletin]. Available at: https://asros.ru/upload/iblock/250/mm8f2q8a2dj84s5hzswtmdcgsamaz2om/stat_bulletin_lending_2202_12.pdf. (accessed 14.09.2022)

24. Gorbunova M. Vse sankcii protiv RF 2022: kakie strany vveli, polnyj spisok, otvetnye mery [All sanctions against Russia 2022: what countries have imposed, complete list, response measures]. Available at: https://www.puteshestvuy.com/sankcii-protiv-rf. (accessed 14.09.2022)

25. Statistika i pokazateli predprinimatel'stva v Rossii v 2022 godu – issledovanie po otraslyam [Statistics and indicators of entrepreneurship in Russia in 2022 – research by industry]. Fpartnerkin. Available at: https://f.partnerkin.com/blog/allinfo/izmenenie_v_biznes_sfere. (accessed 14.09.2022)

26. Eksperty nazvali samye izmenivshiesya iz-za sankcij otrasli [Experts have named the industries that have changed the most because of the sanctions]. RBK [RBC]. Available at: https://www.rbc.ru/economics/28/10/2019/5db1a76a9a794744a5d6e13a. (accessed 14.09.2022)

27. Podderzhka MSP v usloviyah sankcij 2022 goda [Support for SMEs under sanctions in 2022]. Available at: https://lipetsk.abt.ru/blog/podderzhka-msp-v-usloviyakh-sanktsiy-2022-goda-/. (accessed 14.09.2022)

Информация об авторах / Information about the Authors

Алехина Ольга Федоровна, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры менеджмента и государственного управления, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Российская Федерация,
e-mail: oly-ale@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-8757-8993

Olga F. Alyokhina, Dr. of Sci. (Economics), Associate Professor, Professor of the Department of Management and Public Administration, Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod, Russian Federation,
e-mail: oly-ale@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-8757-8993

Артюшкова Александра Юрьевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры менеджмента и маркетинга, Краснодарский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Краснодар, Российская Федерация,
e-mail: AYUArtyushkova@fa.ru,
SPIN: 2404-2400,
ORCID: 0000-0001-6423-8243

Alexandra Yu. Artyushkova, Cand. of Sci. (Pedagogy), Associate Professor of Management and Marketing Department, Krasnodar Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Krasnodar, Russian Federation,
e-mail: AYUArtyushkova@fa.ru,
SPIN: 2404-2400,
ORCID: 0000-0001-6423-8243

Корякина Татьяна Валерьевна, кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой менеджмента и общегуманитарных дисциплин, Липецкий филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации,
e-mail: tvkoryakina@fa.ru,
SPIN: 2931-2261,
ORCID: 0000-0001-8922-8973

Tatiana V. Koryakina, Cand. of Sci. (Economics), Associate Professor, Head of the Department of Management and General Humanitarian Disciplines, Lipetsk Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation,
e-mail: tvkoryakina@fa.ru,
SPIN: 2931-2261,
ORCID: 0000-0001-8922-8973

Иода Юлия Владимировна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики и финансов, Липецкий филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Липецк, Российская Федерация,
e-mail: 9204770299@mail.ru,
SPIN: 8423-0962,
ORCID: 0000-0002-7320-0666

Yulia V. Ioda, Cand. of Sci. (Economics), Associate Professor, Associate Professor of Economics and Finance Department, Lipetsk Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Lipetsk, Russian Federation,
e-mail: 9204770299@mail.ru,
SPIN: 8423-0962,
ORCID: 0000-0002-7320-0666

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-1-116-131

CC BY 4.0

Инфляция как форма проявления макроэкономической нестабильности: теория и российская практика

Е. М. Самородова[1] ✉

[1] Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
ул. Октябрьская, д. 12, г. Орел 302028, Российская Федерация

✉ e-mail: samorodova733096@mail.ru

Резюме

Актуальность. *Показатели инфляции в национальной экономике являются одними из ключевых индикаторов макроэкономического состояния и оказывают значительное влияние на ее структурные пропорции, величину доходов, структуру и объем потребления, другие параметры социально-экономического развития. Происходящие в последние несколько лет в мире кризисы неэкономической и экономической природы ведут к очевидным инфляционным последствиям. В национальной экономике эти процессы усугубляются под действием санкционного давления и значительной нагрузки на бюджет вследствие ведения специальной военной операции.*

Цель *– изучение особенностей инфляции как формы проявления макроэкономической нестабильности в условиях современной российской экономики.*

Задачи: *рассматриваются теоретические основы управления инфляцией как проявлением макроэкономической нестабильности; определяются факторы, влияющие на инфляцию в российской экономике; формируются математические модели зависимости индекса цен на товары и услуги от отдельных факторов; на официальных статистических данных с использованием инструментария корреляционно-регрессионного анализа.*

Методология. *Основными методами являются статистический анализ рядов данных, методы математического моделирования в экономике, в т. ч. метод корреляционно-регрессионного анализа для построения моделей линейной регрессии с одной и несколькими переменными.*

Результаты. *Причины инфляции и методы управления ею в России соответствуют как кейнсианской, так и монетарной теориям экономической мысли. Предложенная модель множественной линейной регрессии отражает зависимость индекса цен на товары и услуги от ключевой ставки и валютного курса доллара США к российскому рублю, объясняет более 80% вариабельности данного индекса и может использоваться для прогнозирования уровня инфляции и оценки эффективности мер государственного регулирования инфляционных процессов, основанных на валютных ограничениях и управлении ключевой ставкой.*

Выводы. *Теоретические воззрения как кейнсианцев, так и монетаристов находят свое эмпирическое подтверждение в российской экономике. Использование механизмов корреляционно-регрессионного анализа позволяет разрабатывать макроэкономические модели множественной регрессии, на основании которых можно осуществлять эффективное управление инфляционными процессами.*

Ключевые слова: *инфляция; антиинфляционная политика; кейнсианство; монетаризм; ключевая ставка; валютный курс.*

Конфликт интересов: *В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных автором публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.*

Для цитирования: Самородова Е. М. Инфляция как форма проявления макроэкономической нестабильности: теория и российская практика // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2023. Т. 13, № 1. С. 116–131. https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-1-116-131.

Поступила в редакцию 07.12.2022 Принята к публикации 10.01.2023 Опубликована 28.02.2023

© Самородова Е. М., 2023

Inflation as a Manifestation of Macroeconomic Instability: Theory and Russian Practice

Elena M. Samorodova[1] ✉

[1] Central Russian Institute of Management – Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation
12 Oktyabrskaya Str., Orel 302028, Russian Federation

✉ e-mail: samorodova733096@mail.ru

Abstract

Relevance. *Inflation indicators in the national economy are one of the key indicators of the macroeconomic state and have a significant impact on its structural proportions, the amount of income, the structure and volume of consumption, and other parameters of socio-economic development. The crises of non-economic and economic nature that have been taking place in the world over the past few years lead to obvious inflationary consequences. In the national economy, these processes are aggravated under the influence of sanctions pressure and a significant burden on the budget due to the conduct of a special military operation.*

The *purpose is to study the features of inflation as a form of manifestation of macroeconomic instability in the conditions of the modern Russian economy.*

Objectives: *the theoretical foundations of inflation management as a manifestation of macroeconomic instability are considered; factors affecting inflation in the Russian economy are determined; mathematical models of the dependence of the price index for goods and services on individual factors are formed; on official statistical data using the tools of correlation and regression analysis.*

Methodology. *The main methods are statistical analysis of data series, methods of mathematical modeling in economics, including the method of correlation and regression analysis for constructing linear regression models with one and several variables.*

Results. *The causes of inflation and its management methods in Russia correspond to both Keynesian and monetary theories of economic thought. The proposed model of multiple linear regression reflects the dependence of the index of prices for goods and services on the key rate and the exchange rate of the US dollar to the Russian ruble, explains more than 80% of the variability of this index and can be used to predict the level of inflation and assess the effectiveness of measures of state regulation of inflationary processes based on currency restrictions and key rate management.*

Conclusions. *The theoretical views of both Keynesians and monetarists find their empirical confirmation in the Russian economy. The use of correlation and regression analysis mechanisms makes it possible to develop macroeconomic models of multiple regression, on the basis of which it is possible to effectively manage inflationary processes.*

Keywords*: inflation; anti-inflationary policy; Keynesianism; monetarism; key rate; exchange rate.*

Conflict of interest*: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the author of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The author declares no conflict of interest related to the publication of this article.*

For citation: Samorodova E. M. Inflation as a Manifestation of Macroeconomic Instability: Theory and Russian Practice. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2023; 13(1): 116–131. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-1-116-131.

Received 07.12.2022 Accepted 10.01.2023 Published 28.02.2023

***

Введение

В современной хозяйственной жизни инфляция перестала быть проявлением макроэкономической нестабильности, интересующим только правительства развивающихся стран. Во втором квартале 2020 г., на который пришелся пик локдаунов и ограничений на работы различных организаций для борьбы с пандемией COVID-19, рост потребительских цен в США составил 0,7%, в Еврозоне –

0,3%, в России – 3,1% [1], что объяснялось эффектом базы и находилось в привычном диапазоне динамики цен для рассматриваемых стран и региона. При этом в России в марте-апреле наблюдалось ускорение инфляции, обусловленное всплеском цен на продовольственные и непродовольственные товары, некоторые из которых стали дефицитными в результате резко возросшего спроса со стороны населения, и снижением валютного курса рубля.

Правительства развитых государств приняли ряд мер по поддержке населения в виде различных единовременных выплат и временных пособий, что привело к поступлению в экономику дополнительной ликвидности. Карантинные экстраординарные меры, в свою очередь, не только привели к ограничению предложения, но и не позволяли в полной мере реализовать спрос, превращая его из реального в отложенный, потенциальный. Поэтому ускорение инфляционных процессов в 2021 г., когда мировая и национальные экономики постепенно восстанавливали свой рост, было предсказуемым.

Изменение геополитической ситуации в 2022 г. еще больше способствовало разгону инфляции в разных странах мира. Россия в этих условиях приняла беспрецедентные меры по увеличению ключевой ставки Банка России и ряд ограничительных мер на валютном рынке.

С 2020 г. наблюдается возрастающий научный интерес к изучению процессов инфляции. Рассматриваемая проблематика входит в круг научных интересов М. А. Абрамовой, С. Е. Дубовой [2], А. Андреева [3], С. А. Андрюшина [4], В. А. Банниковой [5], Е. Р. Борисовой [6], И. Б. Илюхиной, С. А. Ильминской [7], А. М. Калинина [8], Ф. С. Картаева [9], О. А. Клачковой [10], Г.В. Колодко [11], А. С. Лукьяновой [10], А. А. Пестовой, Н. А. Ростовой [12], С. Б. Тюрина [13] и других исследователей.

Теоретические основы инфляции как формы проявления макроэкономической нестабильности традиционно рассматриваются в рамках двух школ экономической мысли, по-разному определяющих причины и методы управления инфляционными процессами, – кейнсианства и монетаризма.

В рамках кейнсианской теории рассматривается три источника инфляции в национальной экономике, объединенные Р. Гордоном в «модель треугольника»:

1) *инфляция спроса*. Возникает вследствие повышения совокупного спроса в экономике при росте государственных и частных расходов и способствует экономическому росту, так как благоприятные условия и высокий спрос способствуют росту инвестиций и производства. Например, предоставление родителям пособий для сбора ребенка в школу ведет к росту цен на школьные товары;

2) *инфляция затрат* (инфляция шока предложения). Возникает в результате снижения совокупного предложения вследствие чрезвычайных обстоятельств (природные и техногенные катастрофы, рост цен на сырье и материалы, военные действия и т. п.). Такая инфляция часто ведет к очередному витку спирали заработной платы и порождет дальнейшую инфляцию: из-за роста цен работники требуют более высокую, зависящую от инфляционных ожиданий заработную плату, что еще больше увеличивает спрос, издержки производителей и сокращает их производственные возможности. Например, при росте цен на энергоресурсы увеличивается цена на различные виды товаров;

3) *встроенная инфляция*. Усилия работников всегда направлены на рост благосостояния и поддержание темпов роста заработной платы выше уровня инфляции. Компании-работодатели, несущие дополнительные издержки, закладывают их в цену товаров, перекладывая таким образом их на потребителя, что вновь провоцирует рост цен и т. д. [14].

Таким образом, кейнсианская школа рассматривает инфляцию как результат соотношения спроса и предложения (не только реальных, но и потенциальных), а любой увеличивающий спрос и уменьшающий предложение фактор рассматривается как фактор инфляции. Государственное регулирование инфляции в кейнсианстве осуществлется, таким образом, с использованием налогово-бюджетной и фискальной политики, воздействующей на совокупный спрос и предложение.

Оппонентами кейнсианского понимания причин инфляции являются монетаристы, которые рассматривают инфляцию как монетарное явление, зависящее от роста и сокращения денежной массы. Данное утверждение обосновано сторонниками монетаризма эмпирически на основании анализа монетарной истории США. Размер денежной массы влияет на уровень цен в соответствии с уравнением денежного обмена, согласно которому произведение денежной массы и скорости обращения денег равно произведению средней цены на товары и услуги на объем производства. Основным фактором, определяющим уровень инфляции, таким образом, в монетарной теории является количество денег в обращении, а управление ключевой ставкой является основным инструментом денежно-кредитной политики органов государственного регулирования [15].

В современных развитых экономиках управление инфляцией осуществляется на основе принципов монетарной макроэкономической теории. Классические монетаристы исходят из предпосылки о том, что инфляция порождается ситуацией в национальной экономике, когда темп роста количества денег выше, чем темп экономического роста. В обычных условиях каждое повышение цен воспринимается потребителями как временное, а инфляционные ожидания минимальны, в связи с чем на обеспечение привычного уровня потребления расходуется только часть доходов, а их излишки сберегаются или инвестируются (например, на вкладах в банке, в ценных бумагах и т. п.). При устойчивом и значительном продолжающемся росте цен инфляционные ожидания населения возрастают. Снижение покупательной способности денег в таких условиях стимулирует население быстрее их потратить, что ведет к избыточному спросу и, в свою очередь, только способствует повышению цен. По мере роста инфляции повышается уровень заработной платы и величина номинальных доходов, что приводит к повышению издержек при производстве и реализации товаров и услуг. Также снижаются денежные остатки, а цены увеличиваются быстрее, чем количество денег. В случае, когда темп рост денежной массы постепенно стабилизируется, то и ценовая динамика постепенно стабилизируется. При высокой инфляции цены на товары растут быстрее денежного обращения, что приводит к снижению реальных доходов населения. При умеренной инфляции цены на товары и количество денег увеличиваются синхронными темпами [15]. Монетаристы критикуют представителей кейнсианства, которые призывают в условиях экономического кризиса прибегать к государственному вмешательству в экономику [16].

Монетарное регулирование и реализация денежно-кредитной, в т. ч. и антиинфляционной, политики сегодня осуществляется центральными банками государств. Еще несколько десятилетий назад эти органы были структурными подразделениями национальных финансовых министерств, а организация их деятельности была направлена на использование возможностей для достижения собственных задач в контексте общих целей макроэкономического развития – высокого уровня экономического роста и занятости, предоставления средств правительства для финансирования государ-

ственных расходов и устранение проблем платежного баланса [17].

Некоторые исследования, посвященные инфляционным процессам, свидетельствуют о том, что монетарные методы не являются универсальными и в странах с транзитивной и развивающейся экономикой их эффекты ниже по сравнению с аналогичными мерами, принимаемыми правительствами развитых государств. Для обеспечения макроэкономической и ценовой стабильности политику инфляционного таргетирования целесообразно сочетать с мерами макропруденциальной политики [18].

В данной статье мы рассмотрим на примере индекса цен на товары и услуги влияние на инфляцию изменений ключевой ставки и валютного курса доллара США по отношению к рублю. Выбор переменных обусловлен следующими обстоятельствами. Ключевая ставка в рамках монетарной теории является одним из основных инструментов таргетирования инфляции. Влияние валютного курса на рост внутренних цен многократно подтверждено на эмпирических данных, характеризующих экономику разных стран, и получило в литературе название «эффекта переноса». Аксиоматичным считается утверждение о том, что изменение валютного курса приводит к сонаправленному, но меньшему по относительному росту изменению цен на товары и услуги, а количественные оценки «эффекта переноса» непостоянны во времени даже в экономике одного государства и зависят от структуры внешней торговли, макроэкономических условий и особенностей национальной денежно-кредитной политики [19]. Ограничения на валютном рынке, принятые в России в 2022 г., были направлены на сокращение спроса на иностранную валюту (ограничение на вывод валюты со счетов в банках и за рубеж) при расширении ее предложения (обязательная продажа валютной выручки экспортерами). Представляется, что такое государственное вмешательство в большей степени соответствует кейнсианским представлениям о достижении макроэкономической стабильности и противоречит монетаризму в части принципа саморегулируемости рыночной экономики. Таким образом, основная тестируемая гипотеза может быть сформулирована следующим образом: индекс цен на товары и услуги в России зависит от величины ключевой ставки и валютного курса доллара США к рублю.

Материалы и методы

Выбор оптимального исследовательского материала и методов анализа в статье предопределен ранее конкретизированной целью, заключающейся в определении особенностей инфляционных процессов и государственной антиинфляционной политики в российской экономике. Помимо традиционных для экономической теории общенаучных методов – анализа и синтеза, индукции и дедукции, научной абстракции, сравнения и обобщения информации и др., в исследовании применялись:

– метод анализа рядов динамики, позволяющий изучать развитие изучаемых макроэкономических процессов во времени, в сочетании с графическим методом представления данных;

– метод экономического моделирования как представление в обобщенном, формализованном виде макроэкономических явлений и их взаимосвязей;

– метод корреляционно-регрессионного анализа, заключающийся в формировании и анализе экономико-математических моделей в виде уравнения регрессии, которое характеризует корреляционную связь, зависимость результативного признака от определяющих его значение факторов.

При проведении расчетов использовались возможности прикладного программного обеспечения MS Excel, пакет

«Анализ данных». Эмпирические данные представлены данными официальной статистики, на сайтах Федеральной службы государственной статистики России и Банка России.

Результаты и их обсуждение

Причины инфляции в российской экономике

Исследование характера и природы влияния разных факторов на ценовую динамику важно для разработки денежно-кредитной политики государства, направленной на поддержание небольшого уровня инфляции, соответствующего целям и стадии экономического развития государства. Рассмотрение причин инфляции в экономике Российской Федерации целесообразно совместить с изучением тенденций и особенностей протекания инфляционных процессов.

Рассмотрим долгосрочные тенденции российской инфляции (рис. 1). Таким образом, индекс потребительских цен в России колеблется неравномерно в диапазоне 3-18% в исследуемый период.

Рис. 1. Динамика индекса потребительских цен в Российской Федерации в 2014–2022 гг., % к аналогичному периоду прошлого года [20]

С приходом пандемии коронавирусной инфекции в Россию и введением ограничительных мер в марте-апреле 2020 г. на графике наблюдается кратковременный всплеск инфляции, который объясняется ажиотажным спросом населения на продовольственные товары и товары первой необходимости в условиях неопределенности будущего и ожиданий дефицита ряда товаров. В ноябре 2020 г. темпы инфляции вновь ускорились, что можно связать с отложенным эффектом переноса влияния снижения обменного курса рубля весной, с одной стороны, и реализацией отложенного спроса по мере снятия ограничительных карантинных мер – с другой. Следует согласиться с мнением исследователей НИУ «Высшая школа экономики» о том, что в 2020 г. роль «якоря», как и в других периодах ускорения инфляции в России, сыграли тарифы на платные (в первую очередь коммунальные) услуги, которые подвержены государственному регулированию и ежегодно индексируются в июле. Ввиду значительной доли продовольственных товаров в корзине товаров и услуг, используемой для определения индекса потребительских цен, в июле-августе традиционно в России инфляция снижается [1].

При изучении графика динамики индекса потребительских цен можно также обратить внимание на резкий скачок цен в сентябре-октябре 2021 г., сопоставимый с инфляционной динамикой во время ажиотажного спроса весной 2020 г. Здесь мы можем наглядно наблюдать демонстрацию действия «кейнсианских» причин инфляции: единовременная выплата пособий пенсионерам и семьям с детьми в сентябре 2021 г. перед сентябрьскими выборами в российский парламент привела к росту спроса на различные виды товаров и услуг, что вызвало повышение потребительских цен. Очевидно, что при подобных выплатах денежная масса в обращении возрастает, в связи с чем и монетарная теория не обнаруживает противоречий в такой ценовой динамике. К началу 2022 г. ситуация стабилизировалась, а годовой прирост индекса потребительских цен находился в типичном для ранее наблюдаемых периодов выхода из кризиса коридоре 8-10%.

В конце февраля 2022 г. в связи с событиями на Украине ситуация изменилась: инфляция в России вновь стала набирать обороты на фоне ожиданий экономической неопределенности и нестабильности со стороны российских потребителей. Опыт управления инфляцией Центральным банком России в 2022 г. полностью соответствует монетарным принципам государственного регулирования экономики.

На динамику цен в российской экономике оказывают влияние внешние и внутренние факторы. Такое деление целесообразно с точки зрения государственного управления инфляционными процессами, так как внутренние факторы являются более управляемыми, в то время как внешние факторы требуют иных решений.

В 2020 г. инфляция была обусловлена преимущественно внутренними причинами. Введенные ограничения обусловили снижение потребляемых услуг и перераспределение внутреннего спроса в пользу внутреннего российского рынка: туристы перестали ездить в другие страны, из-за разрыва цепочек поставок сократился импорт товаров и услуг, снизились продажи многих видов товаров и услуг. Сократились также расходы наемных работников, связанные с перемещением до места работы и обратно, питанием вне дома, приобретением одежды, услугами в индустрии красоты и т. п., что привело к формированию у части населения «вынужденных сбережений». Постепенное нарастание величины такого денежного избытка привело к росту спроса на товары длительного пользования, жилье, мебель, строительные материалы и т. п. Условия социально-экономической неопределенности 2020 г. способствовали не сбережению, а инвестированию и направлению накопленных средств в потребление. Стимулированию внутреннего спроса способствовали и меры государственной поддержки в форме выплат и пособий населению, субсидий для бизнеса, что внесло дополнительный вклад в разгон инфляции.

По мере ослабления коронавирусных ограничений, открытия границ, восстановления цепей импортных поставок все большее влияние на динамику цен стали оказывать внешние факторы. В развитых странах меры поддержки предпринимателей и населения были несопоставимо выше, что привело к росту цен на различные товары и услуги на мировом рынке. Следует отметить, что такая динамика была обусловлена причинами преимущественно неэкономической природы. В России ситуация усугубилась проблемами с привлечением трудовых мигрантов из стран ближнего зарубежья, что привело к росту издержек в ряде отраслей народного хозяйства, а также к накоплению избыточной ликвидности ввиду невозможности выезда оставшихся в России мигрантов на родину.

Одним из наиболее значимых инфляционных факторов в российской экономике является обменный курс рубля по отношению к доллару США и евро (рис. 2). Рисунки 1 и 2 позволяют сделать вывод о том, что точки максимумов графиков индекса потребительских цен и среднего номинального курса рубля к рассматриваемым валютам приходятся на одно и то же время: вторая половина 2014 г. и вплоть до конца 2015 г. февраль 2022 г. Наличие экстремума – максимума валютного курса в период начала карантинных ограничений весной 2020 г. не совпадает с наличием экстремума на графике индекса потребительских цен по причине формирования отложенного спроса, который после ослабления ограничительных мер привел к стабильному повышению цен в 2020–2022 г.

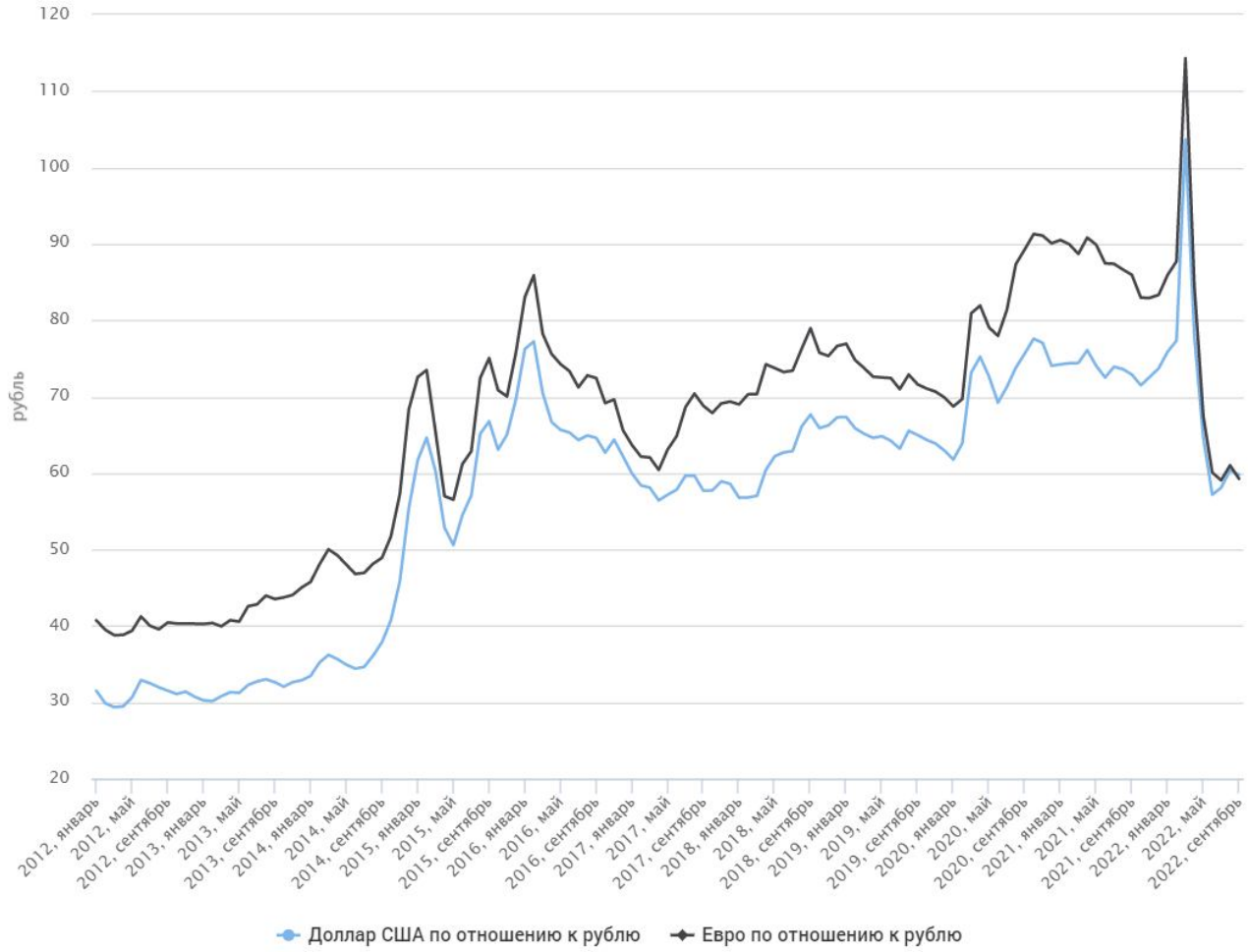

Рис. 2. Средний номинальный курс рубля к доллару США и евро в 2012–2022 гг. [20]

Совпадение формы рассматриваемых графиков иллюстрирует зависимость инфляции в России в 2012-2022 гг. от колебаний валютного курса. Изменение валютного курса рубля оказывает влияние на внутренние цены товаров, импортируемые в Россию из других стран, а также на внешний спрос на экспортируемые товары, что приводит к изменению показателей инфляции. Влияние «эффекта переноса» на динамику цен в российской экономике наглядно проявлялось вплоть до февраля 2022 г., когда Центральным банком России был принят ряд беспрецедентных мер валютного регулирования для стабилизации курса рубля и снижения уровня инфляции, а некоторое «сглаживание» этого влияния наблюда-

лось и ранее и было обусловлено рядом мер в сфере государственного регулирования для повышения устойчивости российской экономики к внешним воздействиям (диверсификация экспорта, импортозамещение и т. п.).

Результаты исследования, проведенного А. Андреевым, показывают, что эффект переноса обменного курса рубля в цены на товары и услуги в России в краткосрочном периоде является ассиметричным и испытывает влияние стабилизирующих мер, принимаемых Правительством и Центральным банком России для стабилизации кризисных явлений в экономике, однако, в долгосрочном периоде он проявляется очевидно [3].

Причины инфляции можно классифицировать с точки зрения их влияния на спрос и предложение. К факторам предложения можно отнести ограничения в период локдауна и карантинных мер, связанные с пандемией коронавирусной инфекции, неспособностью производства восстановить догнать стремительно возрастающий спрос после отмены ограничений. Это привело к избытку накопления у населения «вынужденных» сбережений. Факторы спроса представлены антикризисными мерами государственной поддержки, адресованными как гражданам, так и юридическим лицам. Третью группу факторов составляют факторы дезорганизации, вызванные причинами неэкономической природы. Их последствиями стало разрушение логистических цепочек и потоков миграции рабочей силы, обусловившее дефицит предложения, увеличение денежного избытка у населения, а также повышение издержек на труд. Ценовые колебания вследствие ажиотажного спроса в условиях социально-экономической неопределенности свидетельствуют о высоком значении инфляционных ожиданий населения в разгоне инфляции и позволяют устанавливать амплитуду роста цен, которую можно учитывать в краткосрочном управлении макроэкономическими шоками различного генеза. Ввиду значительной зависимости российского бюджета от экспорта энергоносителей в долгосрочном периоде косвенное влияние на ценовую динамику оказывают колебания цен на мировом рынке углеводородов и «зеленая повестка», внедряемая в ряде стран-потребителей российских нефти и газа. Новым фактором влияния на индекс потребительских цен в России является обострение событий на Украине.

Таким образом, совокупность перечисленных факторов способствовала не только ускорению инфляции, но и перераспределению спроса в пользу внутреннего рынка, что сделало инфляцию в России более управляемой. В целом в период пандемии коронавирусной инфекции причины инфляции в России были схожи с факторами ценовой динамики в экономике стран Еврозоны и США и соответствовали как кейнсианской, так и монетарной теориям экономической мысли. Если весной 2020 г. инфляционные процессы предопределялись преимущественно действием внутренних факторов, то по мере снятия ограничений внешние причины все больше влияли на динамику потребительских цен в России.

Экономическое моделирование инфляционных процессов

Для оценки влияния изменения ключевой ставки и валютного курса на показатели инфляции используем метод корреляционно-регрессионного анализа. В качестве признака-результата (Y) будем использовать показатель индекса цен на товары и услуги, определенный по методике «месяц к месяцу», так как именно такие данные позволят сделать вывод о краткосрочном влиянии изменения ключевой ставки на уровень инфляции. В связи с тем, что в процессе расчетов использовались возможности пакета «Анализ данных» MS Excel, а методика расчетов является стандартизированной, мы не будем описывать ее подробно. Проанализируем полученные результаты.

В качестве первого рассматриваемого фактора (X1), который оказывает влияние на уровень инфляции в условиях рыночной экономики, выступает ключевая ставка. На основании официальных статистических данных за период с начала 2020 г. по май 2022 г. получаем, что коэффициент линейной парной корреляции размера ключевой ставки Банка России и индекса потребительских цен (месяц к предыдущему месяцу, %) составляет 0,72, что говорит о существовании между данными показателями прямой сильной связи. Построение уравнения регрессии, которая на 51,87% описывает общую вариабельность индекса цен на товары и услуги, позволяет получить следующее уравнение:

$$Y = 0{,}2513\ X_1 + 99{,}153\ .$$

Графически соответствие расчетных данных об индексе потребительских цен на товары и услуги фактическим представлено ниже (рис. 3).

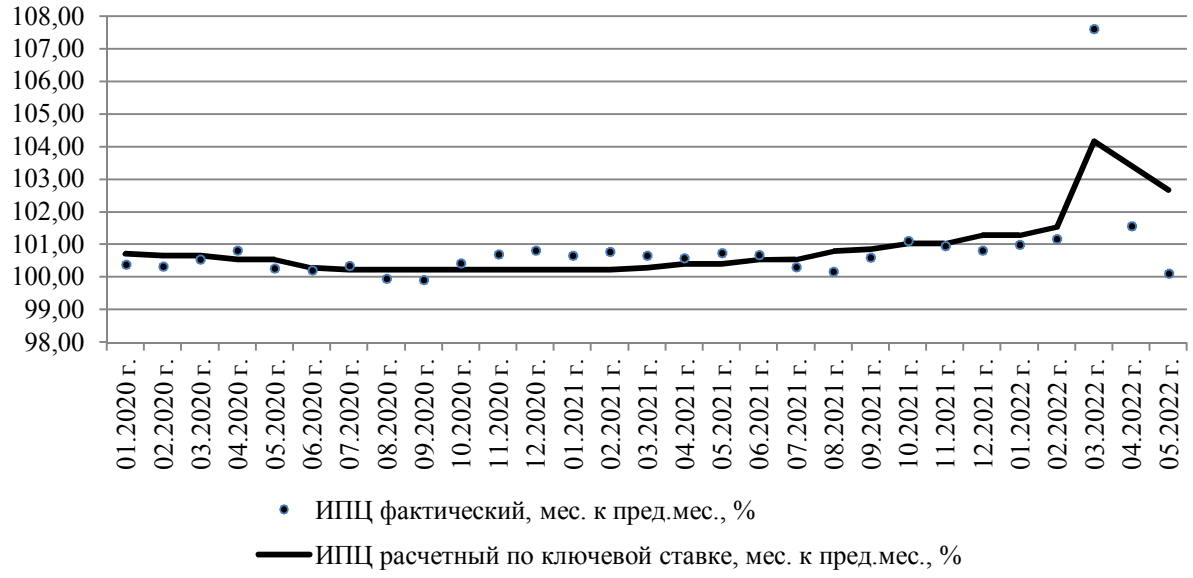

Рис. 3. Сравнение расчетного (по размеру ключевой ставки) и фактического значений индекса цен на товары и услуги в 2020–2022 гг.

Экономическая интерпретация результатов построенной модели позволяет сделать вывод о том, что изменение ключевой ставки на 1% соответствует изменению индекса цен на товары и услуги в расчете 1 мес. к 1 мес. на 0,25%. Полученный результат является в некоторой степени парадоксальным: обнаружена прямая зависимость между изменением цен и динамикой ключевой ставки, в то время как с точки зрения монетарной теории повышение ставки должно приводить к сокращению инфляции. Такие результаты объясняются существованием временного лага между моментами фиксации центральным банком ситуации с разгоном инфляции, принятием решения о повышении ключевой ставки и реакцией на него со стороны рынка товаров и услуг.

Проверка наличия статистической связи между ключевой ставкой и абсолютным приростом значения индекса цен на товары и услуги, определенным по цепному методу (значение индекса за текущий месяц за вычетом значения индекса за предшествующий месяц), говорит о наличии между данными показателями умеренной обратной связи (коэффициент корреляции равен -0,443). В контексте макроэкономического анализа из этого следует вывод о том, что повышение ключевой ставки в предшествующем ме-

сяце ведет к снижению индекса цен в текущем месяце.

Результаты проведенных расчетов позволяют сделать вывод о том, что Банк России своевременно реагирует на колебания индекса цен, однако не всегда принимаемые решения по изменению ключевой ставки оказывает определяющее влияние на рост цен, что объясняет относительно низкую достоверность полученной модели. В периоды разгона инфляции или высоких инфляционных ожиданий величина ставки увеличивается, что снижает привлекательность использования заемных средств как источников наращивания спроса, ведет к его сужению, балансируя таким образом спрос и предложение и сокращая инфляцию. Высокий уровень ставок провоцирует стремление населения к сбережению и ограничению потребления: собственные средства можно выгодно разместить на вкладах, в ценных бумагах и прочих формах размещения на финансовом рынке. При низкой величине ключевой ставки хозяйствующие субъекты, наоборот, склонны к наращиванию потребления, в т. ч. за счет дешевых кредитов, что увеличивает потребительский спрос и создает условия для роста инфляции. Таким образом, политика управления ключевой ставкой Банка России в полной мере соответствует монетарной теории достижения макроэкономической стабильности.

В качестве второго фактора (X2), который оказывает влияние на уровень инфляции в условиях рыночной экономики, рассмотрим валютный курс доллара США к российскому рублю. На основании официальных статистических данных за период с начала 2020 г. по май 2022 г. получаем, что коэффициент линейной парной корреляции валютного курса доллара США к рублю и индекса потребительских цен (месяц к предыдущему месяцу, %) составляет 0,85, что говорит о существовании между данными показателями еще более сильной прямой связи, чем с размером ключевой ставки. Это объясняется двумя обстоятельствами. Во-первых, сильной зависимостью рынка потребительских товаров и услуг от импорта. Во-вторых, население рассматривает доллары США как инвестиционный актив, поэтому в случае всплеска инфляционных ожиданий россияне стремятся приобретать иностранную валюту, в т. ч. и доллары США, на накопления и свободные средства для сохранения денег от обесценения, тем самым еще больше провоцируя инфляцию.

Результаты статистической оценки связи между показателями свидетельствуют о том, что полученное уравнение линейной регрессии вида

$$Y = 0{,}1674\,X_2 + 88{,}4289$$

описывает 72,33% общей вариабельности индекса цен на товары и услуги.

Проиллюстрируем полученные результаты (рис. 4). Валютный курс доллара США к рублю оказывает на инфляционные процессы большее влияние, чем изменение ключевой ставки. Именно поэтому меры антиинфляционного регулирования, предпринятые Банком России в марте 2022 г. и предполагающие резкое повышение ключевой ставки, были усилены ограничительные мерами, направленными на сокращение спроса и расширение предложения на валютном рынке.

Следует отметить, что начало инфляционного процесса и в 2020–2021 гг., и в 2022 г. сопровождалось снижением обменного курса рубля. В первом случае оно было обусловлено влиянием фундаментальных рыночных причин (ухудшение условий для российской внешней торговли), во втором – фундаментальные причины снижения обменного курса были неочевидны.

Если в 2020–2021 гг. курс стабилизировался в результате низкого спроса на валюту по различным причинам (например, в результате сокращения туризма в

зарубежные страны), то в 2022 г. Правительством и Центральным банком России был принят и реализован ряд решений в сфере валютного регулирования, повлекший искусственное сокращение внутреннего спроса на доллар США и евро с одновременным ростом ее предложения.

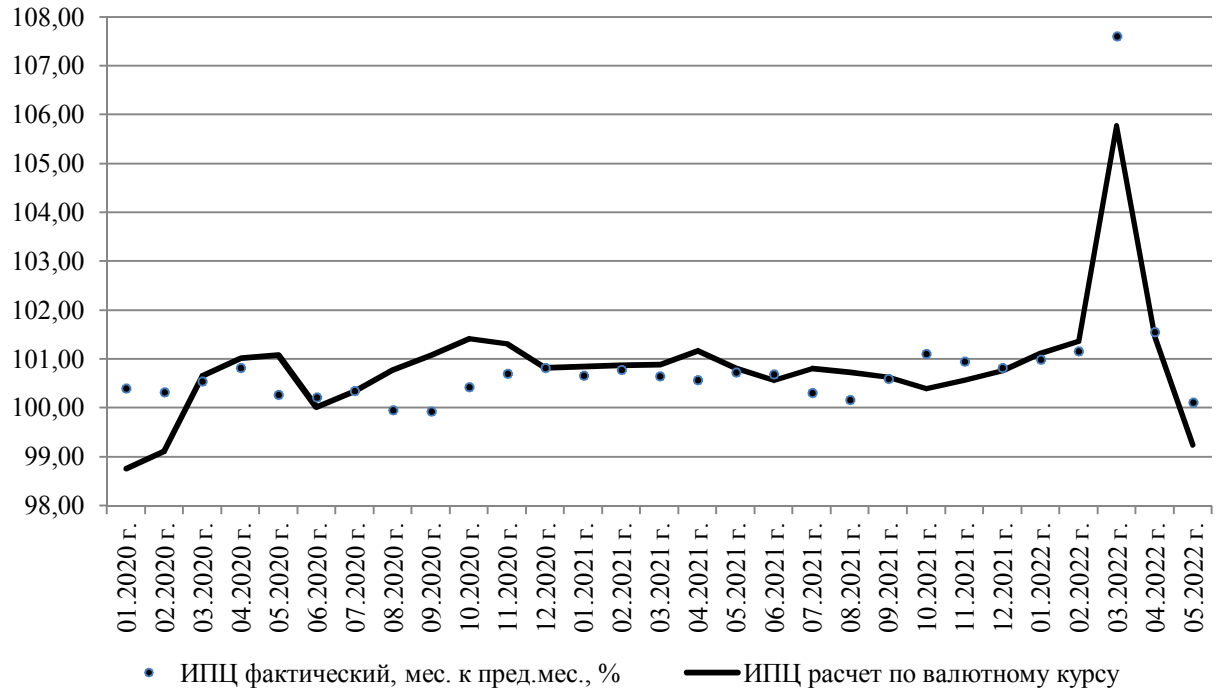

Рис. 4. Сравнение расчетного (по валютному курсу доллара США к рублю) и фактического значений индекса цен на товары и услуги в 2020–2022 гг.

В 2022 г. Банк России оперативно принял меры по обеспечению устойчивости рубля и стабильности функционирования отечественной финансовой системы, повысив ключевую ставку до 20%. Для стабилизации ситуации и смягчения давления внешних факторов и повышенных инфляционных ожиданий эти меры были дополнены ограничениями на совершение операций на валютном и фондовом рынках. В частности, в конце февраля – начале марта 2022 г. был введен запрет на совершение продаж ценных бумаг компаний-нерезидентов, коротких продаж на фондовом рынке, временно приостанавливались торги на Московской бирже. Компании-экспортеры были обязаны продавать на внутреннем валютном рынке всю валютную выручку, обеспечивая высокий уровень предложения для стабилизации обменного курса рубля. Были введены ограничения на снятие наличной валюты с депозитов, продажу валюты банками физическим лицам, введена обязательная комиссия на операции по покупке иностранной валюты и ряд других мер. По мере стабилизации ситуации, снятия неопределенности и стабилизации потребительских и инфляционных ожиданий некоторые ограничения в валютной сфере были ослаблены или сняты. По мнению экспертов Банка России, в начале скачка инфляции в 2022 г. усилия регулятора по введению ограничений на фондовом и валютном рынках оказали на ожидания хозяйствующих субъектов большее влияние, чем изменение ключевой ставки.

Далее построим модель множественной регрессии, включив в нее оба исследуемых признака. Результаты расчетов позволяют получить следующее уравнение зависимости индекса цен на товары и услуги (месяц к предыдущему месяцу) от ключевой ставки и валютного курса доллара США к рублю:

$$Y = 0{,}1286 \cdot X_1 + 0{,}1365 \cdot X_2 + 90{,}3664 .$$

На графике (рис. 5) заметно, что предпринимаемые Банком России меры антиинфляционного регулирования всегда направлены на уровень инфляции, чуть превышающий фактические значения, что позволяет считать их не только соответствующими текущей ситуации, но и в некоторой степени превентивными.

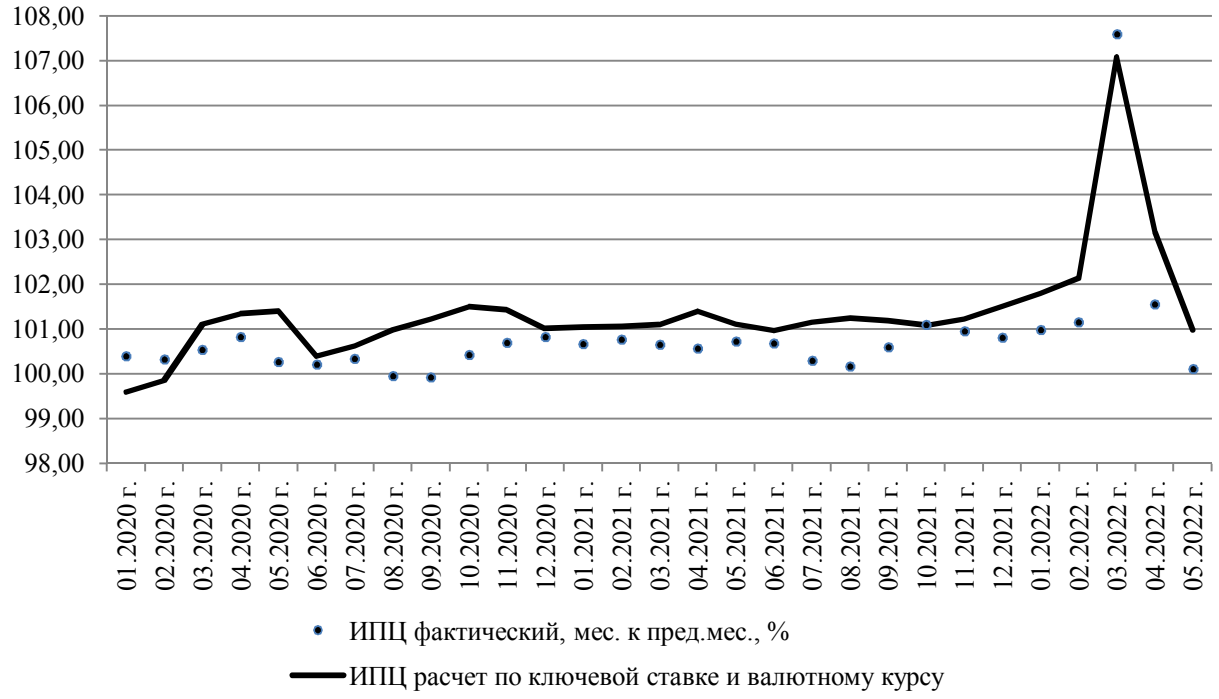

Рис. 5. Сравнение расчетного (по ключевой ставке и валютному курсу доллара США к рублю) и фактического значений индекса цен на товары и услуги в 2020–2022 гг.

По результатам расчетов полученное уравнение статистически надежно, динамика валютного курса и ключевой ставки объясняют 83,76% общей вариабельности индекса цен на товары и услуги в расчете «месяц к предыдущему месяцу». Таким образом, ключевая ставка и валютный курс пары «доллар США / российский рубль» оказывали определяющее влияние на ценовую динамику в 2020 г. – мае 2022 гг.

Выводы

Если определение содержания термина «инфляция» является общераспространенным, то в понимании причин возникновения инфляции существуют различные точки зрения, представленные в первую очередь положениями кейнсианской и монетаристской школ экономической мысли. Теоретические основы управления инфляционными процессами в развитых государствах сформированы положениями монетарной теории и основаны на управлении величиной ключевой процентной ставки и величиной различных агрегатов денежной массы. Полученные экономико-математические модели инфляционных процессов в российской экономике позволяют сделать вывод

об обоснованности и эффективности антиинфляционной политики Банка России в кризисных условиях, свидетельствуют о целесообразности сочетания монетарных и макропруденциальных методов управления инфляционными процессами для достижения макроэкономической стабильности.

Список литературы

1. Инфляционные вызовы периода пандемии и уроки для будущего: доклады к XXIII Ясинской (Апрельской) Международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества / Н. В. Акиндинова, В. А. Бессонов [и др.]. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2022. 90 с.

2. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2022 г. и на период 2023 и 2024 гг.: мнение экспертов Финансового университета / М. А. Абрамова, С. Е. Дубова [и др.] // Экономика. Налоги. Право. 2022. № 1. С. 6–22.

3. Андреев А. Исследование асимметрии и нелинейности переноса динамики обменного курса в инфляцию. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/79935/wp_45.pdf (дата обращения: 10.09.2022).

4. Андрюшин С. А. Денежно-кредитная политика центральных банков в условиях после COVID-19 // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. Т. 14, № 2. С. 223–234.

5. Банникова В. А., Пестова А. А. Моделирование воздействия монетарных шоков на инфляцию с помощью высокочастотного подхода // Вопросы экономики. 2021. № 6. С. 47–76.

6. Борисова Е. Р. Антиинфляционная политика: опыт России // Вестник Российского университета кооперации. 2021. № 2. С. 74–77.

7. Илюхина И. Б., Ильминская С. А., Самородова Е. М. Эволюция взглядов на меры денежно-кредитного регулирования в период экономических кризисов // Вестник ОрелГУЭТ. 2021. № 4. С. 76–81.

8. Калинин А. М. О возложении на центральный банк задач по стимулированию экономического роста // Вопросы экономики. 2021. № 7. С. 142–151.

9. Картаев Ф. С., Тубденов В. Г. Прозрачность монетарной политики и эффект переноса валютного курса // Вопросы экономики. 2021. № 6. С. 32–46.

10. Картаев Ф. С., Клачкова О. А., Лукьянова А. С. Как инфляция влияет на неравенство доходов в России? // Вопросы экономики. 2020. № 4. С. 54–66.

11. Колодко Г. В. «Дефицитфляция» 3.0: экономика военного времени – государственный социализм – кризис на фоне пандемии // Вопросы экономики. 2021. № 10. С. 5–26.

12. Пестова А. А., Ростова Н. А. Экономические эффекты монетарной политики в России: о чем говорят большие массивы данных? // Вопросы экономики. 2020. № 4. С. 31–53.

13. Тюрин С. Б. Совершенствование механизма регулирования инфляционных процессов в экономике России. Ярославль: Канцлер, 2022. 162 с.

14. Gordon R. J. The Theory of Domestic Inflation // Journal of Economic Review. 1977. N 67 (1). P. 128–34.

15. Уолш К. Монетарная теория. М.: Дело, 2014. 632 с.

16. Макроэкономика / под ред. С. Ф. Серегиной. М.: Юрайт, 2022. 477 с.

17. Hayo B., Voigt S. Inflation, Central Bank Independence, and the Legal System // Journal of Institutional and Theoretical Economics. 2008. N 4. P.751–777.

18. Ахметов Р. Р., Мамонов М. Е., Панкова В. А. Монетарная и макропруденциальная политика в условиях глобального финансового цикла: опыт малых открытых экономик // Вопросы экономики. 2021. № 6. С. 5–31.

19. Корнейченко Е. Н., Новопашина А. Н., Пыхтеев Ю. Н. Потребительские цены в России: влияние шоков валютного курса // Известия Саратовского университета. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 4–15.

20. Единая межведомственная информационно-статистическая система. URL: https:// www.fedstat.ru (дата обращения: 12.09.2022).

References

1. Akindinova N. V., Bessonov V. A., eds. Inflyatsionnye vyzovy perioda pandemii i uroki dlya budushchego. Doklady k XXIII Yasinskoi (Aprel'skoi) Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva [Inflationary challenges of the pandemic period and lessons for the future. Reports to the XXIII Yasinskaya (April) International Scientific Conference on Problems of Economic and Social Development]. Moscow, Publishing House of the Higher School of Economics, 2022. 90 p. (In Russ.)

2. Abramova M. A., eds. Osnovnye napravleniya edinoi gosudarstvennoi denezhno-kreditnoi politiki na 2022 g. i na period 2023 i 2024 gg.: mnenie ekspertov Finansovogo universiteta [The main directions of the unified state monetary policy for 2022 and for the period of 2023 and 2024: the opinion of experts from the Financial University]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics. Taxes. Right*, 2022, no. 1, pp. 6–22.

3. Andreev A. Issledovanie asimmetrii i nelineinosti perenosa dinamiki obmennogo kursa v inflyatsiyu [Study of the asymmetry and nonlinearity of the transfer of exchange rate dynamics to inflation]. Available at: https://cbr.ru/Content/Document/File/79935/wp_45.pdf. (accessed 10.09.2022)

4. Andryushin S. A. Denezhno-kreditnaya politika tsentral'nykh bankov v usloviyakh posle COVID-19 [Monetary Policy of Central Banks in the Post-COVID-19 Conditions]. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava = Actual Problems of Economics and Law*, 2020, vol. 14, no. 2, pp. 223–234.

5. Bannikova V. A., Pestova A. A. Modelirovanie vozdeistviya monetarnykh shokov na inflyatsiyu s pomoshch'yu vysokochastotnogo podkhoda [Modeling the Impact of Monetary Shocks on Inflation Using the High-Frequency Approach]. *Voprosy ekonomiki = Questions of Economics*, 2021, no. 6, pp. 47–76.

6. Borisova E. R. Antiinflyatsionnaya politika: opyt Rossii [Anti-inflationary policy: the experience of Russia]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta kooperatsii = Bulletin of the Russian University of Cooperation*, 2021, no. 2, pp. 74–77.

7. Ilyukhina I. B., Ilmenskaya S. A., Samorodova E. M. Evolyutsiya vzglyadov na mery denezhno-kreditnogo regulirovaniya v period ekonomicheskikh krizisov [Evolution of views on monetary regulation measures during economic crises]. *Vestnik OrelGUET = Bulletin of OrelGIET*, 2021, no. 4, pp. 76–81.

8. Kalinin A. M. O vozlozhenii na tsentral'nyi bank zadach po stimulirovaniyu ekonomicheskogo rosta [On the task of stimulating economic growth on the central bank]. *Voprosy ekonomiki = Economic Issues*, 2021, no. 7, pp. 142–151.

9. Kartaev F. S., Tubdenov V. G. Prozrachnost' monetarnoi politiki i effekt perenosa valyutnogo kursa [Transparency of monetary policy and the pass-through effect of the exchange rate]. *Voprosy ekonomiki = Economic Issues*, 2021, no. 6, pp. 32–46.

10. Kartaev F. S., Klachkova O. A., Lukyanova A. S. Kak inflyatsiya vliyaet na neravenstvo dokhodov v Rossii? [How does inflation affect income inequality in Russia?]. *Voprosy ekonomiki = Issues of Economics*, 2020, no. 4, pp. 54–66.

11. Kolodko G. V. "Defitsitflyatsiya" 3.0: ekonomika voennogo vremeni – gosudar-stvennyi sotsializm – krizis na fone pandemii ["Deficitflation" 3.0: wartime economy – state socialism – crisis against the backdrop of a pandemic]. *Voprosy ekonomiki = Issues of Economics*, 2021, no. 10, pp. 5–26.

12. Pestova A. A., Rostova N. A. Ekonomicheskie effekty monetarnoi politiki v Rossii: o chem govoryat bol'shie massivy dannykh? [Economic Effects of Monetary Policy in Russia: What Does Big Data Say?]. *Voprosy ekonomiki = Issues of Economics*, 2020, no. 4, pp. 31–53.

13. Tyurin S. B. Sovershenstvovanie mekhanizma regulirovaniya inflyatsionnykh protsessov v ekonomike Rossii [Improving the mechanism of regulation of inflationary processes in the Russian economy]. Yaroslavl, Chancellor Publ., 2022. 162 p.

14. Gordon R. J. The Theory of Domestic Inflation. *Journal of Economic Review*, 1977, no. 67 (1), pp. 128–34.

15. Walsh K. Monetarnaya teoriya [Monetary theory]. Moscow, Delo Publ., 2014. 632 p.

16. Makroekonomika [Macroeconomics]; ed. by S. F. Seregina. Moscow, Yurait Publishing House, 2022. 477 p.

17. Hayo B., Voigt S. Inflation, Central Bank Independence, and the Legal System. *Journal of Institutional and Theoretical Economics*, 2008, no. 4, pp. 751–777.

18. Akhmetov R. R., Mamonov M. E., Pankova V. A. Monetarnaya i makroprudentsial'naya politika v usloviyakh global'nogo finansovogo tsikla: opyt malykh otkrytykh ekonomik [Monetary and macroprudential policy in the context of the global financial cycle: the experience of small open economies]. *Voprosy ekonomiki = Economic Issues*, 2021, no. 6, pp. 5–31.

19. Korneichenko E. N., Novopashina A. N., Pykhteev Yu. N. Potrebitel'skie tseny v Rossii: vliyanie shokov valyutnogo kursa [Consumer prices in Russia: the impact of exchange rate shocks]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta = Bulletin of the Saratov University*, 2020, vol. 20, is. 1, pp. 4–15.

20. Edinaya mezhvedomstvennaya informatsionno-statisticheskaya sistema [Unified interdepartmental information and statistical system]. Available at: https://www.fedstat.ru. (accessed 12.09.2022)

Информация об авторе / Information about the Author

Самородова Елена Михайловна, кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и управления персоналом, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Орел, Российская Федерация,
e-mail: samorodova733096@mail.ru,
SPIN: 3235-0820,
Researcher ID: GXN-0497-2022,
ORCID: 0000-0002-5034-3015

Elena M. Samorodova, Cand. of Sci. (Economics), Associate Professor of the Department of Management and Human Resources Management, Central Russian Institute of Management – Branch of the Federal State Educational Institution of Higher Education Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Orel, the Russian Federation,
e-mail: samorodova733096@mail.ru,
SPIN: 3235-0820,
Researcher ID: GXN-0497-2022,
ORCID: 0000-0002-5034-3015

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ФИНАНСОВОГО СЕКТОРА

PROBLEMS AND PROSPECTS OF THE FINANCIAL SECTOR DEVELOPMENT

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-1-132-145

CC BY 4.0

Использование механизмов финансового анализа как инструментов повышения эффективности деятельности предприятия

О. Л. Маслова[1], Н. В. Артёмова[1], Е. А. Кирпиченко[1] ✉

[1] Орловский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
ул. Гостиная, д. 2, г. Орел 302001, Российская Федерация

✉ e-mail: tuhova1310@mail.ru

Резюме

Актуальность. *В последние годы российский бизнес испытал ряд существенных внешних потрясений, а менеджеры были вынуждены принимать решения в нетипичных условиях развития национальной экономики.*

Одним из подходов, востребованных в кризисные периоды, является формирование моделей деятельности компании, функционирующей стабильно и изолированно в статичных условиях внешней среды. Несмотря на заранее определенные ограничения, предлагаемая балансовая модель дает возможность не только определять минимально приемлемый уровень торговой наценки на реализуемые товары, но и осуществлять планирование основных индикаторов финансовых результатов как ключевых показателей эффективности.

Цель *исследования задана его тематикой и заключается в использовании механизмов финансового анализа как инструментов повышения эффективности деятельности предприятия.*

Задачи. *Для достижения поставленной цели предлагается и обосновывается методика формирования управленческой финансовой модели торговой деятельности, уточняются параметры, обеспечивающие баланс модели, на конкретных эмпирических данных осуществляется тестирование модели для разработки прогноза показателей финансовых результатов.*

Методология. *Материалами для проведения исследования послужили результаты работ современных ученых в области использования финансового анализа для управления эффективностью деятельности организации и учетно-аналитические данные хозяйствующего субъекта малого по масштабам бизнеса – торговой фирмы «N». В качестве исследовательских методов использовались метод моделирования, балансовый метод и метод прогнозирования.*

Результаты *исследования обосновывают целесообразность предложенной модели баланса независимой финансовой системы в финансовом менеджменте и ее использование как инструмента для повышения эффективности деятельности современного торгового предприятия, определения оптимального уровня торговой наценки на реализуемые товары, формирования финансовых планов и прогнозов, управления политикой ценообразования.*

Выводы. *Использование механизмов финансового анализа позволяет разрабатывать финансовые модели деятельности предприятия как независимой финансовой системы, на основании которых можно осуществлять планирование финансовых результатов и принимать обоснованные управленческие решения, направленные на повышение эффективности деятельности компании.*

Ключевые слова: *балансовая модель независимой финансовой системы предприятия; финансовый анализ; управление эффективностью.*

© Маслова О. Л., Артёмова Н. В., Кирпиченко Е. А., 2023

Конфликт интересов: *В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.*

Для цитирования: Маслова О. Л., Артёмова Н. В., Кирпиченко Е. А. Использование механизмов финансового анализа как инструментов повышения эффективности деятельности предприятия // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2023. Т. 13, № 1. С. 132–145. https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-1-132-145.

Поступила в редакцию 18.12.2022 Принята к публикации 16.01.2023 Опубликована 28.02.2023

Using Financial Analysis Mechanisms as Tools to Improve the Efficiency of an Enterprise

Olga L. Maslova[1], Natalia V. Artyomova[1], Elena A. Kirpichenko[1] ✉

[1] Orel Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation
2 Gostinaya Str., Orel 302001, Russian Federation

✉ e-mail: tuhova1310@mail.ru

Abstract

Relevance. *In recent years, Russian business has experienced a number of significant external shocks, and managers have been forced to make decisions in atypical conditions for the development of the national economy.*

One of the approaches that are in demand during crisis periods is the formation of business models of a company that functions stably and in isolation in static environmental conditions. Despite the pre-determined limitations, the proposed balance sheet model makes it possible not only to determine the minimum acceptable level of trade margins on the goods sold, but also to plan the main indicators of financial results as key performance indicators.

The purpose *of the study is set by its subject and consists in the use of financial analysis mechanisms as tools to improve the efficiency of the enterprise.*

Objectives. *To achieve this goal, a methodology for the formation of a managerial financial model of trading activity is proposed and justified, the parameters that ensure the balance of the model are specified, the model is tested on specific empirical data to develop a forecast of financial performance indicators.*

Methodology. *The materials for the study were the results of the work of modern scientists in the field of using financial analysis to manage the effectiveness of the organization and accounting and analytical data of a small-scale business entity – trading firm "N". The modeling method, the balance method and the forecasting method were used as research methods.*

The results *of the study substantiate the expediency of the proposed model of the balance of an independent financial system in financial management and its use as a tool for improving the efficiency of a modern trading enterprise, determining the optimal level of trade margins on goods sold, forming financial plans and forecasts, and managing pricing policy.*

Conclusions. *The use of financial analysis mechanisms makes it possible to develop financial models of the company's activities as an independent financial system, on the basis of which it is possible to plan financial results and make informed management decisions aimed at improving the efficiency of the company.*

Keywords*: balance model of the company's independent financial system; financial analysis; performance management.*

Conflict of interest*: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.*

For citation: Maslova O. L., Artyomova N. V., Kirpichenko E. A. Using financial analysis mechanisms as tools to improve the efficiency of an enterprise. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2023; 13(1): 132–145. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-1-132-145.

Received 18.12.2022 Accepted 16.01.2023 Published 28.02.2023

***

Введение

Финансовый анализ эффективности деятельности предприятия не имеет универсальных алгоритмов, так как конкретных пользователей аналитической информации интересуют совершенно разные оценочные критерии. Так, учредители компании, вклад в функционирование которой представлен взносами в уставный, складочный капитал, заинтересованы в максимизации дивидендов и отдачи от инвестированных средств. Кредиторов фирмы интересуют в первую очередь показатели ее ликвидности и платежеспособности. Однако непосредственное управление компанией, предопределяющее ее эффективность в самом широком смысле слова, в контексте удовлетворения потребностей и целей максимального числа стейкхолдеров, осуществляют менеджеры различного уровня, в связи с чем использование ими механизмов финансового анализа в поиске путей оптимизации деятельности организации представляет наибольший интерес.

Само понятие эффективности не имеет сегодня однозначной трактовки. Обзор современной литературы по данной проблематике позволил Е. А. Штеле и О. Б. Вечерковской определить и охарактеризовать три основных подхода к содержательному определению данного термина:

1) уровень достижения заранее запланированного результата, эффекта деятельности предприятия;

2) показатель соотношения между понесенными издержками, затратами и достигнутым результатом деятельности предприятия;

3) степень реализации целей деятельности при приемлемом соотношении показателей, характеризующих величину понесенных затрат и достигнутых результатов [1, с. 936].

В настоящем исследовании мы будем придерживаться наиболее распространенного понимания эффективности деятельности предприятия, предполагающего оценку показателей финансовых результатов на основе показателей прибыли.

Несмотря на то, что различные методики финансового анализа деятельности предприятия в конечном счете преследуют цель – сформировать объективную информационную основу для принятия управленческих решений по повышению эффективности тех или иных аспектов деятельности предприятия, до сих пор аналитические процедуры остаются прерогативой достаточно крупных компаний и интегрированных коммерческих структур. В российском предпринимательском сообществе управленческий персонал малых или средних фирм крайне редко выходит за рамки официальных требований к формированию финансовой отчетности и проведению финансового анализа, считая инициирование дополнительных аналитических исследований неоправданным направлением расходования ресурсов, не приводящим к росту эффективности деятельности организации. В контексте настоящего исследования представляются интересными результаты опроса топ-менеджеров, проведенные С. В. Антоновым. Так, 98,5% респондентов полагают, что формирование бухгалтерской отчетности осуществляется исключительно по причине обязательных требований к предоставлению данных о деятельности организации в налоговые и иные контролирующие органы.

Две трети опрошенных не используют аналитические или отчетные данные для принятия управленческих решений, в том числе по причине отсутствия квалифицированных специалистов по финансовому анализу (13,9%), несоответствия отчетных данных информационным потребностям системы управления (75,4%), несовершенства методик финансового анализа для целей управления (38,5%). Чаще всего результаты финансового анализа используются в системе управления предприятием для анализа показателей выручки и финансовых результатов компании (24,6%), определения показателей рентабельности и прочих коэффициентов, характеризующих эффективность деятельности хозяйствующего субъекта (18,5%), оценки платежеспособности (16,9%) и ликвидности (13,9%) деятельности предприятия. Показательно, что каждый третий опрошенный чаще использует данные не финансовой отчетности, а первичного учета и учетных регистров для проведения финансового анализа и принятия управленческих решений [2, с. 49–53].

Игнорирование российскими организациями возможностей использования механизмов финансового анализа как инструментов повышения эффективности их деятельности способствует сохранению негативных трендов в масштабах национальной экономики. Так, в период с 2011–2021 гг. положительный финансовый результат по итогам отчетного года имели только 67–70% предприятий. При этом их совокупная прибыль росла в среднем на 18% ежегодно (рис. 1), а совокупный убыток нерентабельных предприятий увеличивался в среднем на 28,5% в исследуемый период.

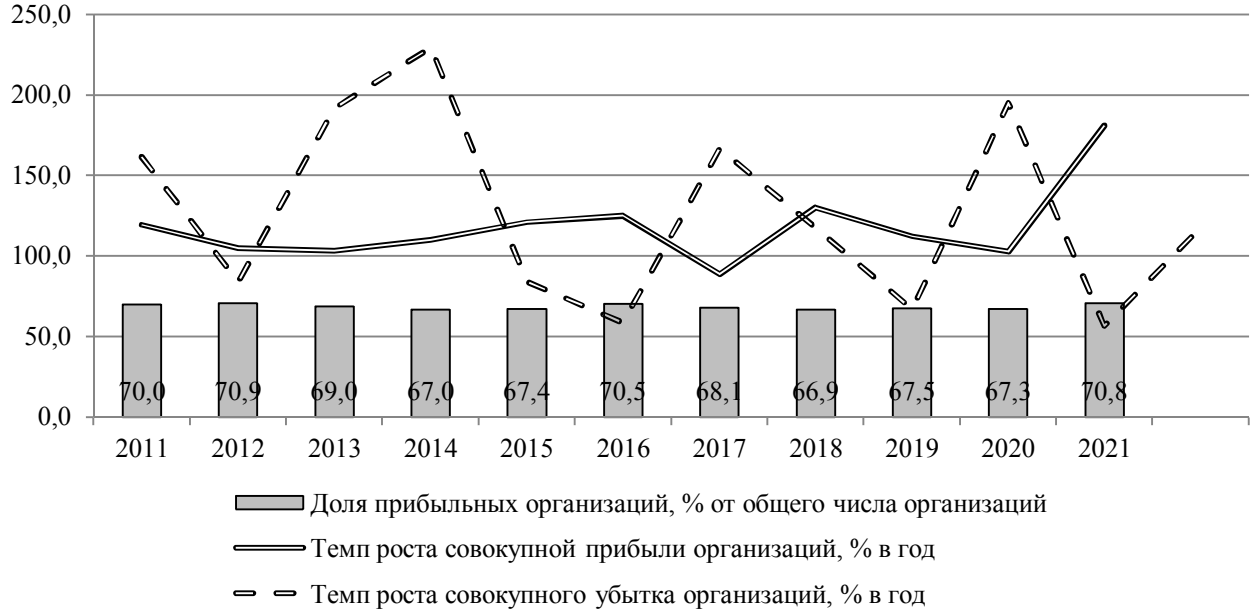

Рис. 1. Динамика макроэкономических показателей финансовой результативности российских предприятий (без субъектов малого предпринимательства) в 2011–2021 гг. [3]

Согласимся с мнением Т. В. Тепловой о том, что одной из наиболее популярных ошибок, присущих зарубежным компаниям в конце XX в. и актуальная для российского менеджмента в веке XXI, на пути к использованию механизма финансового анализа для поиска направлений оптимизации деятельности фирмы является трудоемкий расчет множества не связанных друг с другом финансовых

показателей [4, с. 63]. Очевидно, что идеалом управленческой аналитики как инструмента обоснования тех или иных решений в финансовом менеджменте является формирование системы сбалансированных, взаимосвязанных, необходимых и достаточных индикаторов эффективности деятельности фирмы. Отслеживание их значений в динамике должно не только формировать объективное представление об успешности компании, но и способствовать повышению ее эффективности, в т. ч. на основе реализации возможностей управления значением данных показателей, формирования и достижения адекватных прогнозов. Это особенно актуально для малых и средних по масштабам осуществляемой деятельности организаций, не готовых тратить значительные ресурсы на подробную финансовую аналитику.

Одной из задач финансового анализа является поиск рассогласований в значениях финансовых показателей, которые не позволяют фирме достигнуть финансовой независимости и ставят стабильность ее деятельности под угрозу. В современной литературе по финансовому менеджменту существует несколько подходов к пониманию, а следовательно, и обеспечению финансового равновесия, сбалансированности показателей деятельности предприятия. В числе исследователей, активно занимающихся разработкой указанной проблематики, – С. Н. Бесхмельницына [5], А. А. Дербичева [6], В. Н. Дорман [7], С. А. Житяева [8], С. В. Кесян, И. И. Манастырская [9], И. Я Лукасевич [10; 11], И. В. Липсиц [12], Е. М. Мазница [13], Е. В. Негашев [14; 15], Б. И. Смагин [16], Г. В. Шадрина [17] и ряд других ученых.

В работе Коуз Р. финансовое равновесие компании понимается в двух контекстах: как способность компании покрыть собственные долговые обязательства собственными ликвидными средствами и как функциональное равновесие между источниками финансовых ресурсов и их соответствующим использованием в различных видах деятельности (операционной, инвестиционной, финансовой) [18, с. 38–41].

Равновесное состояние финансовой системы характеризуется Т. Унковской как такое состояние, в котором обеспечивается стабильность формирования и использования финансовых ресурсов компании без значительной зависимости от внешних источников финансирования. Обратное состояние называется неравновесным, а период перехода из неравновесного в равновесное состояния называется состоянием релаксации. На основании закона Вальраса, действующего в децентрализованной экономике [19], финансовое равновесие достижимо в условиях, когда нулевой избыточный спрос на финансирование обеспечивается оптимальным распределением и использованием финансовых ресурсов в компании. В финансовой отчетности такое состояние отражается в нулевом показателе разницы между используемыми для выполнения обязательств финансовыми ресурсами и финансовыми ресурсами, которые имеются в распоряжении предприятия. Т. Унковская поддерживает указанную точку зрения, отмечая, что в состоянии финансового равновесия спрос и предложение предприятия на денежные средства независимо от нужд, на которые они направляются, равны между собой непрерывно, в любой момент времени функционирования фирмы [20, с. 98]. Если в будущем прогнозируется уменьшение финансовых ресурсов из определенных источников вследствие снижения эффективности деятельности, то в настоящем компания устанавливает ограничения по использованию уже полученных в настоящем за счет эффективной хозяйственной деятельности средств. Таким образом, финансовое равновесие – это как одномоментное состояние эффективной компании, так и результат реализации его стратегии в долгосрочном периоде.

Ввиду чрезвычайной изменчивости внешних условий функционирования российских предприятий в последние годы, связанных с вводимыми ограничениями для предотвращения пандемии коронавирусной инфекции COVID-19, международными санкциями и прочими провоцирующими нестабильность макроэкономических условий факторами, особое значение в финансовом анализе приобретает проекция текущей эффективности, оцениваемой на основе содержащихся в бухгалтерской финансовой отчетности показателей финансовых результатов. Обеспечение эффективности финансового моделирования в рамках данной проекции обеспечивается использованием актуальных данных бухгалтерского финансового учета компании в текущий момент времени.

Настоящее исследование посвящено использованию механизмов финансового анализа как инструментов повышения эффективности деятельности предприятия, в частности, развивает представления о возможностях применения финансового моделирования в практике управления размеров торговой наценки в торговой организации на основании данных бухгалтерского финансового учета. Предлагаемая модель позволяет максимально оперативно принимать управленческие решения в изменяющихся условиях внешней среды, прогнозировать показатели финансовых результатов в зависимости от величины торговой наценки.

Материалы и методы

Выбор оптимального исследовательского материала и методов финансового анализа в статье предопределен ранее конкретизированной целью, заключающейся в поиске возможностей использования механизмов финансового анализа как инструментов повышения эффективности деятельности предприятия. В качестве методов исследования использовались следующие:

– метод финансового моделирования как процесс формирования на основе фактических данных и определенных допущений абстрактного представления о финансовой ситуации для обоснования принятия управленческих решений торговой организации;

– балансовый метод как процесс сопоставления взаимосвязанных финансовых показателей, характеризующих текущую деятельность фирмы, в условиях равновесия ее финансовой системы. В настоящем исследовании для повышения эффективности деятельности торговой организации определяется оптимальная величина показателя торговой наценки на реализуемые товары с использованием балансового равенства и объективно существующих математических связей между различными учетно-аналитическими показателями;

– прогнозный метод, предполагающий применение двух охарактеризованных выше методов для разработки обоснованных прогнозов показателей эффективности деятельности торговой организации.

Эмпирические данные представлены данными бухгалтерского финансового учета по синтетическим счетам малого по масштабам осуществляемой торговой деятельности предприятия N за календарный месяц.

Результаты и их обсуждение

Процесс финансового моделирования целесообразно основывать на логических моделях формирования тех или иных финансовых показателей. Так как основным критерием эффективности деятельности коммерческой организации является его финансовая результативность, оцениваемая по показателям выручки и прибыли, их динамике и их различным соотношениям, основу использо-

вания механизмов финансового анализа в практике финансового менеджмента представляет логическая модель формирования финансового результата. В общем виде она отражена в форме № 2 бухгалтерской финансовой отчетности организаций «Отчет о финансовых результатах». Однако управленческий анализ может оперировать не только данными отчетности, но и углублять их с использованием данных бухгалтерского финансового учета, в т. ч. учетных регистров по счетам синтетического учета, журналов хозяйственных операций, аналитики по счетам за различные отчетные периоды. Так как на большинстве предприятий сегодня широко применяются возможности автоматизированных систем учета и анализа деятельности, формирование необходимой для финансового анализа информационной базы необходимой детализации не влечет дополнительных издержек и осуществляется в оперативные сроки.

В целях моделирования будем исходить из допущения, что финансовая система предприятия представляет собой независимую финансовую систему, а управленческую модель формирования финансовых результатов сформируем на основе данных журнала хозяйственных операций и оборотов по синтетическим счетам. Для оптимизации и упрощения модели и приведения ее к независимому виду, наиболее приемлемому в управленческом учете, дополним журнал хозяйственных операций дополнительными финансово обоснованными действиями по погашению обязательств компании перед кредиторами, продаже активов и т. п., влекущими за собой ряд трансформационных проводок.

Для практической демонстрации возможностей использования предлагаемого механизма финансового анализа будем использовать данные торговой организации N, небольшой по масштабам осуществляемой деятельности. Малые предприятия, как правило, первыми испытывают на себе негативное влияние кризисных явлений в экономике. В их штате бухгалтер часто является единственным специалистом не только в сфере учетной работы, но и в области финансового менеджмента. В этих обстоятельствах разработка и практическое применение управленческой модели финансовых результатов способствует решению задач по финансовому управлению показателями прибыли как индикаторами эффективности деятельности торговой организации. По результатам 2021 г. компания N получила убыток, в связи с чем для повышения его финансовой отдачи разработаем финансовую модель его деятельности и впоследствии приведем ее к виду независимой финансовой системы.

На основании бухгалтерских проводок за сентябрь 2022 г. сформируем сводный журнал осуществленных в данном периоде организацией N хозяйственных операций, объединив серию однотипных операций в единую бухгалтерскую проводку с суммарными показателями движения финансовых ресурсов. Результаты представим ниже (табл. 1).

Далее в процессе моделирования целесообразно рассчитать баланс управленческой модели деятельности торгового предприятия N для проверки ее зависимости или независимости по денежному обороту в исследуемый период. Рассмотрим результаты формирования баланса (табл. 2).

Сформированный баланс управленческой финансовой модели исследуемой торговой организации в представленной форме не является независимым по финансовому критерию, так как в нем присутствуют остатки по счетам учета материалов, товаров, обязательства перед кредиторами, дебиторами и прочими контрагентами, остатки денег в кассе.

Таблица 1. Сводный журнал бухгалтерских проводок и хозяйственных операций организации N за сентябрь 2022 г.

Экономическое содержание хозяйственной операции	Бухгалтерская проводка		Сумма, тыс. руб.
	Дт	Кт	
1. Поступление материалов от поставщиков по учетной стоимости (без НДС)	10	60	10
2. Отражение НДС по товарам и материалам	19	60	5640
3. Поступление товаров от поставщиков по учетной стоимости (без НДС)	41	60	1010
4. Списание транспортных и сервисных расходов	44	60	14
5. Списание транспортных расходов, арендных платежей, платы за страховку и т. п.	44	76	424
6. Списана стоимость израсходованных материалов	44	10	2
7. Начисление заработной плата сотрудникам	44	70	310
8. Начисление НДФЛ	70	68	38
9. Начисление взносов в ВБФ	44	69	81
10. Отражение расходов будущих периодов	44	97	8
11. Погашение задолженности перед поставщиками	60	51	5989
12. Отражение выручки от продажи товаров	57,62	90,1	9817
13. Отражение суммы расчетов по претензиям	76	90,1	-153
14. Списание себестоимости реализованных товаров	90,2	41	4642
15. Начисление НДС	90,3	68	1017
16. Списание расходов на продажу	90,7	44	837
17. Отражение финансового результата от реализации товара	90,9	99,1	169
18. Зачет с бюджетом по НДС	68	19	1010
19. Поступление выручки в кассу	50	57	5903
20. Отражена передача в банк денег из кассы	51	50	6234
21. Поступление выручки от покупателей на счет в банке	51	62	243
22. Выдача заработной платы работникам магазина	70	50	227
23. Поступление денег в кассу от подотчетных лиц	50	71	1044
24. Выдача денежных средств из кассы подотчетным лицам	71	50	322
25. Проведение расчетов с разными дебиторами и кредиторами	76	51	472
26. Отражение товарных излишков	91	41	15

Таблица 2. Баланс управленческой финансовой модели торговой деятельности и финансового результата организации N за сентябрь 2022 г.

Актив баланса		Пассив баланса	
Счет бухгалтерского учета	тыс. руб.	Счет бухгалтерского учета	тыс. руб.
10 «Материалы»	9	51 «Расчетные счета»	165
41 «Товары»	1013	60 «Расчеты с поставщиками и подрядчиками»	691
50 «Касса»	10	68 «Расчеты по налогам и сборам»	50
62 «Расчеты с покупателями и заказчиками»	669	69 «Расчеты по социальному страхованию и обеспечению»	81
76 «Расчеты с разными дебиторами и кредиторами»	48	70 «Расчеты с персоналом по оплате труда»	45
99 «Прибыли и убытки»	5	71 «Расчеты с подотчетными лицами»	722
Баланс	1754	Баланс	1754

Показательно, что для балансировки модели активный счет 51 «Расчетный счет» расположен в пассиве, что для убыточной торговой организации допустимо при условии формирования баланса без учета начальных сальдо по счетам. Размещение средств на расчетном счете в пассиве может быть приравнено к овердрафту как форме краткосрочного кредита, допускающего образование на расчетном счете компании кредитового сальдо. Такая ситуация свидетельствует о недостатке финансовых средств для обеспечения стабильной торговой деятельности организации «N»: деятельность компании в сентябре 2022 г. является неэффективной, финансовое равновесие нарушено. При этом в учете по счету 51 «Расчетный счет» фактически такого кредита не было, а все расчетные операции с контрагентами проводились за счет ранее накопленных организацией денежных средств.

Следующая задача финансового моделирования – определить, при каких условиях сальдо по счету 51 в управленческой модели будет дебетовым, а у предприятия в рассматриваемый период будет достаточно средств для осуществления стабильной независимой деятельности. Для дальнейшего упрощения модели и приведения ее к виду независимой финансовой системы следует осуществить ряд трансформационных проводок, в т. ч. реализовать остатки материалов, перевести остатки денег в кассе на расчетный счет, взыскать дебиторскую задолженность с контрагентов. Полученные средства пойдут на пополнение расчетного счета. За счет средств расчетного счета организации следует погасить задолженность перед поставщиками, бюджетом и внебюджетными фондами, персоналом и прочими контрагентами. В результате трансформационных проводок баланс управленческой модели придет к упрощенному виду (табл. 3).

Таблица 3. Баланс управленческой финансовой модели торговой деятельности и финансового результата организации N за сентябрь 2022 г. после проведения трансформационных проводок

Актив баланса		Пассив баланса	
Счет бухгалтерского учета	тыс. руб.	Счет бухгалтерского учета	тыс. руб.
41 «Товары»	1013	51 «Расчетные счета»	1018
99 «Прибыли и убытки»	5		
Баланс	1018	Баланс	1018

Таким образом, даже после трансформационных проводок счет 51 «Расчетный счет» по-прежнему располагается в пассиве и отражает уровень убыточности деятельности организации в сентябре 2022 г. Для достижения независимости финансовой модели и обеспечения финансового равновесия фирмы N следует определить уровень минимальной торговой наценки (ТН), по которой целесообразно реализовывать товары для покрытия недостатка денежных средств и достижения финансового равновесия системы.

При реализации товарных остатков в учете организации будут осуществлены следующие бухгалтерские проводки:

Дт 57 «Переводы в пути»
Кт 90.1 «Выручка от продаж», тыс. руб. $1013 \cdot (ТН+1)$
Дт 90.2 «Себестоимость продаж»
Кт 41 «Товары», тыс. руб. 1013
Дт 90.3 «НДС»
Кт 68 «Расчеты с бюджетом по налогам и сборам», тыс.руб. $(1013 \cdot (ТН+1)) \cdot 20\%$

При формировании балансового уравнения независимой финансовой системы будет исходить из предположения, что по итогам продажи товарных остатков организация не получит ни прибыли, ни убытка. Таким образом, основное балансовое уравнения деятельности торговой организации N в сентябре 2022 г. будет иметь следующий вид:

$$1013 \cdot (ТН+1) + 5 = 1018 + 0{,}2 \cdot 1013\ (ТН+1),$$
$$1013 \cdot ТН + 1018 = 1018 + 202{,}6 + 202{,}6 \cdot ТН,$$
$$810{,}4 \cdot ТН = 202{,}6,$$
$$ТН = 0{,}25 = 25\%.$$

Таким образом, деятельность организации будет самоокупаемой, а сама организация – финансово независимой при уровне торговой наценки на товары в размере 25%. Реализация товарных остатков при найденном уровне торговой наценки позволит компании N покрыть недостаток средств на расчетном счете.

Сформированная в результате финансового анализа финансовая модель и итоговое балансовое уравнение могут быть использованы для планирования финансовых результатов торговой организации. Планирование финансовых результатов продажи товарных остатков при управлении размером торговой наценки для исследуемой компании N представлено ниже (рис. 2). Таким образом, при росте торговой наценки пропорционально будет увеличиваться и прибыль от реализации товаров.

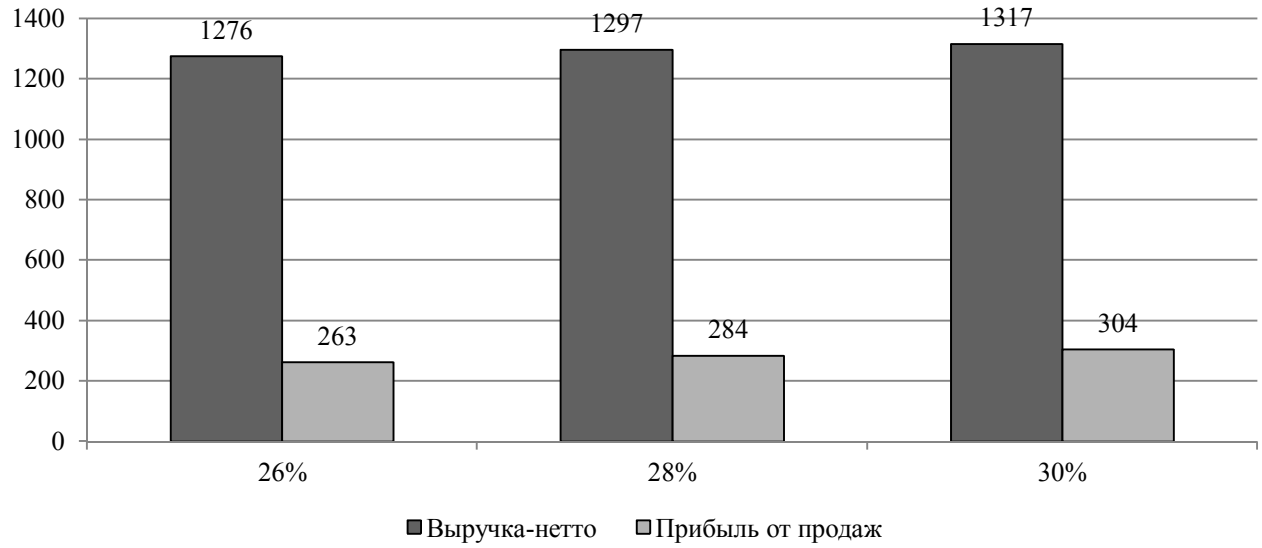

Рис. 2. Прогнозные значения финансовых результатов деятельности торговой организации N при управлении торговой наценкой по финансовой модели

Таким образом, сформированная по данным журнала регистрации хозяйственных операций и движения по счетам бухгалтерского финансового учета управленческая финансовая модель торговой деятельности и финансового результата организации N была последовательно преобразована с помощью трансформационных проводок в модель независимой финансовой системы. В сочетании с балансовым методом это позволило выявить недостаток финансовых ресурсов для финансирования деятельности и найти минимальный уровень торговой наценки, позволяющий покрыть его. Найденное балансовое уравнение также можно использовать для кратко- и среднесрочного планирования финансового результата деятельности торговой организации и принятия соответствующих управленческих решений.

Выводы

В заключение следует отметить, что финансовое моделирование осуществлялось с учетом определенных допущений: торговая организация работает стабильно и устойчиво, финансовый результат каждого нового отчетного периода (в рассмотренном случае – месяца) не зависит от результатов предшествующих периодов, предприятие осуществляет только текущие расходы и получает текущие доходы в соответствии с данными бухгалтерского финансового учета, активы организации являются ликвидными и могут быть быстро реализованы по цене, соответствующей стоимости в бухгалтерском учете. Характеризующаяся такими признаками модель при полной реализации товарных остатков представляет собой независимый финансовый механизм, автономную систему, что предполагает ее финансовое равновесие, стабильность и предсказуемость показателей эффективности ее функционирования.

Результаты финансового моделирования позволяют определить минимальный уровень торговой наценки для реализации имеющихся у организации товаров для погашения обязательств перед контрагентами без привлечения сторонних финансовых ресурсов, что обеспечит финансовое равновесие организации. Сравнение полученного значения минимального уровня торговой наценки с применяющейся в торговой организации политикой ценообразования позволяет сделать вывод о ее эффективности.

Список литературы

1. Штеле Е. А., Вечерковской О. Б. К вопросу о понятии «эффективность» // Экономический анализ: теория и практика. 2017. № 5. С. 935–947.

2. Антонов С. В. Анализ финансовой отчетности как информационное обеспечение системы управления: результаты анкетирования топ-менеджеров // Экономический анализ: теория и практика. 2007. № 23. С. 48–55.

3. Росстат – Финансы. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/finance (дата обращения: 12.09.2021).

4. Теплова Т. В. Корпоративные финансы. М.: Юрайт, 2013. 655 с.

5. Бесхмельницына С. Н. Формирование сбалансированных показателей деятельности предприятия в системе управленческого учета и отчетности: дис. ... канд. экон. наук. Орел, 2014. 169 с.

6. Дербичева А. А. Формирование модели анализа финансового результата деятельности организации // Учет, анализ, аудит. 2018. № 2. С. 60-72.

7. Дорман Н. В. Коммерческая организация: доходы, расходы, финансовый результат / под ред. Н. Л. Кельчевской. М.: Юрайт, 2022. 107 с.

8. Жутяева С. А., Дедюхина Н. В. Финансово-аналитические инструменты правового обеспечения бизнес-структур промышленно-транспортного комплекса. СПб.: Петербургский государственный университет путей сообщения императора Александра I, 2018. 51 с.

9. Кесян С. В., Манастырская И. И. Система учета, анализа и контроля финансовых результатов предприятия: оценка взаимосвязей // Вестник Академии знаний. 2019. № 30. С. 268–276.

10. Лукасевич И. Я. Финансовое моделирование в фирме. М.: Юрайт, 2022. 356 с.

11. Принятие финансовых решений в условиях нестабильности / под ред. И. Я. Лукасевича. М.: Прометей, 2021. 520 с.

12. Липсиц И. В. Ценообразование. М.: Юрайт, 2023. 334 с.

13. Мазница Е. М. Анализ и диагностика финансово-хозяйственной деятельности предприятия. Волгоград: Волгоградский государственный технический университет, 2021. 98 с.

14. Негашев Е. В. Аналитическое моделирование финансового состояния компании. М.: Инфра-М, 2022. 186 с.

15. Негашев Е. В. Построение методики прогнозного анализа возможности восстановления финансового равновесия коммерческой организации с помощью современных методов решения систем линейных неравенств. М.: Кнорус, 2020. 110 с.

16. Смагин Б. И. Экономико-математические методы. М.: Юрайт, 2023. 272 с.

17. Шадрина Г. В. Управленческий и финансовый анализ. М.: Юрайт, 2022. 316 с.

18. Коуз Р. Природа фирмы / под ред. О. Уильямсона и С. Уинтера. М.: Дело, 2017. С. 33–52.

19. Теория статистики / под ред. В. В. Ковалева. М.: Юрайт, 2022. 454 с.

20. Унковская Т. Е. Финансовое равновесие предприятия. Киев: Генеза, 2017. 328 с.

References

1. Shtele E. A., Vecherkovskoy O. B. K voprosu o ponyatii "effektivnost'" [On the issue of the concept of "efficiency"]. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika = Economic Analysis: Theory and Practice*, 2017, no. 5, pp. 935–947.

2. Antonov S. V. Analiz finansovoi otchetnosti kak informatsionnoe obespechenie sistemy upravleniya: rezul'taty anketirovaniya top-menedzherov [Analysis of financial statements as information support for the management system: the results of a survey of top managers]. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika = Economic Analysis: Theory and Practice*, 2007, no. 23, pp. 48–55.

3. Rosstat – Finansy [Rosstat – Finance]. Available at: https://rosstat.gov.ru/statistics/finance. (accessed 12.09.2021)

4. Teplova T. V. Korporativnye finansy [Corporate Finance]. Moscow, Yurayt Publ., 2013. 655 p.

5. Beskhmelnitsyna S. N. Formirovanie sbalansirovannykh pokazatelei deyatel'nosti predpriyatiya v sisteme upravlencheskogo ucheta i otchetnosti. Diss. kand. ekon. nauk [Formation of balanced indicators of enterprise activity in the system of management accounting and reporting. Cand. econ. sci. diss.]. Orel, 2014. 169 p.

6. Derbicheva A. A. Formirovanie modeli analiza finansovogo rezul'tata deyatel'nosti organizatsii [Formation of a model for analyzing the financial result of the organization's activities]. *Uchet, analiz, audit = Accounting, Analysis, Audit*, 2018, no. 2, pp. 60–72.

7. Dorman N. V. Kommercheskaya organizatsiya: dokhody, raskhody, finansovyi rezul'tat [Commercial organization: income, expenses, financial result]; ed. by N. L. Kelchevskaya. Moscow, Yurayt Publ., 2022. 107 p.

8. Speryaeva S. A., Dedyukhina N. V. Finansovo-analiticheskie instrumenty pravovogo obespecheniya biznes-struktur promyshlenno-transportnogo kompleksa [Financial and analytical

tools for legal support of business structures of the industrial and transport complex]. St. Petersburg, St. Petersburg State University of Railways of Emperor Alexander I Publ., 2018. 51 p.

9. Kesyan S. V., Manastyrskaya I. I. Sistema ucheta, analiza i kontrolya finansovykh rezul'tatov predpriyatiya: otsenka vzaimosvyazei [System of accounting, analysis and control of the financial results of the enterprise: assessment of relationships]. *Vestnik Akademii znanii = Bulletin of the Academy of Knowledge*, 2019, no. 30, pp. 268–276.

10. Lukasevich I. Y. Finansovoe modelirovanie v firme [Financial modeling in the company]. Moscow, Yurayt Publ., 2022. 356 p.

11. Prinyatie finansovykh reshenii v usloviyakh nestabil'nosti [Making financial decisions in conditions of instability]; ed. by I. Lukasevich. Moscow, Prometheus Publ., 2021. 520 p.

12. Lipsits I. V. Tsenoobrazovanie [Pricing]. Moscow, Yurayt Publ., 2023. 334 p.

13. Maznitsa E. M. Analiz i diagnostika finansovo-khozyaistvennoi deyatel'nosti predpriyatiya [Analysis and diagnostics of financial and economic activity of the enterprise]. Volgograd, Volgograd State Technical University Publ., 2021. 98 p.

14. Negashev E. V. Analiticheskoe modelirovanie finansovogo sostoyaniya kompanii [Analytical modeling of the financial condition of the company]. Moscow, Infra-M Publ., 2022. 186 p.

15. Negashev E. V. Postroenie metodiki prognoznogo analiza vozmozhnosti vosstanovleniya finansovogo ravnovesiya kommercheskoi organizatsii s pomoshch'yu sovremennykh metodov resheniya sistem lineinykh neravenstv [Building a methodology for predictive analysis of the possibility of restoring the financial balance of a commercial organization using modern methods for solving systems of linear inequalities]. Moscow, Knorus Publ., 2020. 110 p.

16. Smagin B. I. Ekonomiko-matematicheskie metody [Economic and mathematical methods]. Moscow, Yurayt Publ., 2023. 272 p.

17. Shadrina G. V. Upravlencheskii i finansovyi analiz [Management and financial analysis]. Moscow, Yurayt Publ., 2022. 316 p.

18. Coase R. Priroda firmy [The nature of the firm]; ed. by O. Williamson and S. Winter. Moscow, Delo Publ., 2017, pp. 33–52.

19. Teoriya statistiki [Theory of Statistics]; ed. by V. V. Kovalev. Moscow, Yurayt Publ., 2022. 454 p.

20. Unkovskaya T. E. Finansovoe ravnovesie predpriyatiya [The financial balance of the enterprise]. Kiev, Geneza Publ., 2017. 328 p.

Информация об авторах / Information about the Authors

Маслова Ольга Леонидовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и менеджмента, Орловский филиал Финансового университет при Правительстве Российской Федерации, г. Орел, Российская Федерация,
e-mail: mechta-orel@yandex.ru,
Researcher ID: F-6499-2018,
ORCID: 0000-0002-7328-7941

Olga L. Maslova, Cand. of Sci. (Economics), Associate Professor of the Department of Economics and Management, Orel Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Orel, Russian Federation,
e-mail: mechta-orel@yandex.ru,
Researcher ID: F-6499-2018,
ORCID: 0000-0002-7328-7941

Артёмова Наталья Вячеславовна, кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры экономики и менеджмента, Орловский филиал Финансового университет при Правительстве Российской Федерации, г. Орел, Российская Федерация,
e-mail: artyomova_n@mail.ru,
Researcher ID: GXG-3617-2022,
ORCID: 0000-0002-8934-0030

Natalia V. Artyomova, Cand. of Sci. (Economics), Senior Lecturer of the Department of Economics and Management, Orel Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Orel, Russian Federation,
e-mail: artyomova_n@mail.ru,
Researcher ID: GXG-3617-2022,
ORCID: 0000-0002-8934-0030

Кирпиченко Елена Анатольевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и менеджмента, Орловский филиал Финансового университет при Правительстве Российской Федерации, г. Орел, Российская Федерация,
e-mail: tuhova1310@mail.ru,
Researcher ID: GXG-5704-2022,
ORCID: 0000-0002-6038-2026

Elena A. Kirpichenko, Cand. of Sci. (Economics), Associate Professor of the Department of Economics and Management, Orel Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Orel, Russian Federation,
Researcher ID: GXG-5704-2022,
ORCID: 0000-0002-6038-2026

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-1-146-157

CC BY 4.0

Исследование современных проявлений криминализации в сфере финансово-экономических отношений

Т. С. Колмыкова[1] ✉, А. Э. Колмыкова[1]

[1] Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: t_kolmykova@mail.ru

Резюме

Актуальность *темы исследования определяется изменением средовых условий хозяйствования, развитием цифровых сервисов и технологий, продуцирующих новые форматы преступных злодеяний экономической направленности. Криминогенные проявления в сфере финансово-экономических отношений наносят чувствительный материальный ущерб государственному бюджету за счет сокращения налоговых и таможенных поступлений, растрат, хищений, мошенничества, коррупции, а также деструктивным образом воздействуют на социальную среду общества, нарушая моральные и ценностные устои.*

Цель *исследования заключается в изучении динамики криминогенных проявлений в экономической среде и выявлении причин, способствующих росту криминализации.*

Задачи *исследования представлены: разработкой алгоритма анализа криминогенных проявлений в экономической среде, исследованием динамики преступлений экономической направленности и выявлением тенденций.*

Методология *включает исследование структуры и динамики преступности в России и регионах, анализ динамики экономических преступлений и результатов их расследования, анализ динамики выявленных лиц, совершивших преступления экономической направленности, а также сведений о возмещении причиненного материального ущерба.*

Результаты *исследования показывают, что число преступлений в экономической сфере в последние годы демонстрирует существенный рост, который можно связать с распространением цифровых технологий и дистанционных способов совершения экономических злодеяний, а также с ростом эффективности деятельности правоохранительных органов по выявлению подобных преступлений.*

Выводы *по результатам исследования свидетельствуют о том, что последствия криминализации в сфере финансово-экономических отношений проявляются в целом комплексе экономических, правовых, социальных аспектов, что требует всестороннего изучения и вовлечения в эти процессы государства и общества.*

Ключевые слова: *экономические преступления; криминализация в экономической среде; коррупция; мошенничество.*

Конфликт интересов: *В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.*

Для цитирования: Колмыкова Т. С., Колмыкова А. Э. Исследование современных проявлений криминализации в сфере финансово-экономических отношений // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2023. Т. 13, № 1. С. 146–157. https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-1-146-157.

Поступила в редакцию 10.12.2022 Принята к публикации 09.01.2023 Опубликована 28.02.2023

© Колмыкова Т. С., Колмыкова А. Э., 2023

Research of Modern Manifestations of Criminalization in the Financial and Economic Environment

Tatyana S. Kolmykova[1] ✉, Anastasia E. Kolmykova[1]

[1] Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: t_kolmykova@mail.ru

Abstract

The relevance *of the research topic is determined by the changing environmental conditions of economic management, the development of digital services and technologies that produce new formats of criminal atrocities of an economic orientation. Criminogenic manifestations in the sphere of financial and economic relations cause sensitive material damage to the state budget by reducing tax and customs revenues, embezzlement, embezzlement, fraud, corruption, and also have a destructive effect on the social environment of society, violating moral and value foundations.*

The purpose *of the study is to study the dynamics of criminogenic manifestations in the economic environment and identify the causes contributing to the growth of criminalization.*

The objectives *of the study are presented: the development of an algorithm for the analysis of criminogenic manifestations in the economic environment, the study of the dynamics of economic crimes and the identification of trends.*

The methodology *includes a study of the structure and dynamics of crime in Russia and the regions, an analysis of the dynamics of economic crimes and the results of their investigation, an analysis of the dynamics of identified persons who committed economic crimes, as well as information on compensation for material damage.*

The results *of the study show that the number of crimes in the economic sphere in recent years has shown a significant increase, which can be associated with the spread of digital technologies and remote methods of committing economic atrocities, as well as with the increase in the effectiveness of law enforcement agencies in detecting such crimes.*

The conclusions *of the study indicate that the consequences of criminalization in the sphere of financial and economic relations are manifested in a whole complex of economic, legal, and social aspects, which requires a comprehensive study and involvement of the state and society in these processes.*

Keywords*: economic crimes; criminalization in the economic environment; corruption; fraud.*

Conflict of interest*: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.*

For citation: Kolmykova T. S., Kolmykova A. E. Research of Modern Manifestations of Criminalization in the Financial and Economic Environment. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2023; 13(1): 146–157. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-1-146-157.

Received 10.12.2023 Accepted 09.01.2023 Published 28.02.2023

***

Введение

В исторической ретроспективе осуществление финансово-хозяйственной деятельности на всех этапах развития общества сопровождалось криминальными проявлениями. Всплески криминала характерны для периодов экономического упадка, кризиса, когда ухудшается благополучие граждан, выражающееся в падении уровня доходов, снижении числа занятых, росте социальной напряженности, деструктивных социально-политических событиях. Традиционно в структуре преступности значительную долю занимают преступления корыстной и корыстно-насильственной направленности.

Проблематика экономической преступности и возможности ее минимизации привлекают внимание зарубежных [1; 2] и отечественных [3; 4; 5; 6; 7; 8; 9] ученых. Исследование проблем криминализации

финансово-экономических отношений позволяет определить возможности их нейтрализации на макро- и микроэкономическом уровнях [10; 11; 12; 13].

Материалы и методы

Методология исследования представлена анализом структуры и динамики преступности в России и регионах, в т. ч. анализом динамики экономических преступлений и результатов их расследования, мониторингом официальных данных с целью изучения современных аспектов криминализации сферы финансово-эко-номических отношений.

Результаты и их обсуждение

Анализ криминогенных проявлений в экономической среде предлагается осуществлять с использованием следующего алгоритма:

1) исследовать структуру и динамику преступности в России и регионах;

2) осуществить анализ динамики экономических преступлений и результатов их расследования;

3) проанализировать сведения о возмещении причиненного материального ущерба;

4) выявить основные причинно-следственные связи, указывающие на современные аспекты криминализации сферы финансово-экономических отношений.

Исследование криминальной статистики приводит к выводу о стабильной криминогенной ситуации в стране: в 2021 г. в России зарегистрировано порядка 2 млн преступлений, что на 1,9% меньше по сравнению с 2020 г. За пятилетний отрезок времени уровень преступности снизился с 1474 до 1371 преступления в расчете на 100 тыс. населения. Из общего числа преступлений:

– на долю преступлений экономической направленности приходится 5,87%;

– на долю преступлений террористического характера – 0,106%;

– экстремистской направленности – 0,05%;

– связанных с незаконным оборотом наркотиков – 8,97%;

– связанных с незаконным оборотом оружия – 1,17%.

Более половины всех выявленных преступлений связаны с противоправными деяниями против собственности, где самым распространенным преступлением является кража (выявлено 733,1 тыс. преступлений за год) (рис. 1).

За 2021 г. зарегистрировано 155,4 тыс. краж с банковских карт, а в 2020 г. – на 14,1 тыс. больше (169,5 тыс.). Также правоохранители отмечают замедление темпов роста мошеннических деяний: в 2021 г. темпы прироста по ним не превысили 1,2 % (339,9 тыс.).

Следует отметить в целом положительную динамику, связанную с ростом числа преступлений по экономическим статьям, что отражает актуальность проблематики исследования причин, способствующих росту криминализации в сфере финансово-экономических отношений и выявления возможностей минимизации ущерба и пресечения противоправной деятельности.

В большинстве регионов России отмечается снижение преступности. Наиболее высокие темпы ее сокращения в Новосибирской области (на 46,5 тыс. преступлений, или на 14%), в Республике Коме (спад на 15 тыс. преступлений, или на 12,7%), в Ивановской области (спад на 12,1 тыс. преступлений, или на 12,3%). Большинство преступлений (свыше 80%) совершены в городах и поселках городского типа. На сельскую местность приходится 371,7 тыс. преступлений, т. е. каждое пятое уголовное дело.

Анализ регионального распределения преступности выявил, что среди регионов Центрального федерального округа, исключая г. Москву, лидерами являются Московская область, где зарегистрировано 73780 преступлений в 2021 г., а также Воронежская и Тверская области – с 29552 и 20583 преступлений соответственно (рис. 2).

Рис. 1. Структура преступности в 2021 г., % [14]

Динамика экономических преступлений демонстрирует их рост в 2020 г. на 0,5% по сравнению с предыдущим годом (с 104927 зарегистрированных преступлений в 2019 г. до 105480 в 2020 г.), а также рост на 11,6% в 2021 г. (117707 преступлений) (рис. 3).

Число преступлений в экономической сфере в 2021 г. является максимальным за восьмилетней отрезок времени. Каждое четвертое преступление экономической направленности совершено в крупном и особо крупном размерах: это 31,7 тыс. противоправных деяний. Годовой прирост по ним составил 6,6 %.

Каждое седьмое преступление экономической направленности связано с изготовлением, хранением, перевозкой или сбытом поддельных денег или ценных бумаг. Выявлено свыше 17 тыс. фактов фальшивомонетничества.

Рост показателей преступности по экономическим статьям в 2021 г. можно связать с распространением цифровых технологий и дистанционных способов совершения злодеяний, а также с ростом эффективности деятельности правоохранительных органов по выявлению подобных преступлений. Следует учитывать, что экономической преступности присуща высокая латентность и информация о совершенных деяниях не всегда выходит в правовое поле, даже зафиксированные преступления не всегда раскрываются. Поэтому рост показателей преступности может определяться тем обстоятельством, что граждане активнее проявляют правовую со-

знательность и заявляют о подобных преступлениях. В свою очередь правоохранительные органы чаще регистрируют факты правонарушений и, соответственно, раскрывают большее число дел.

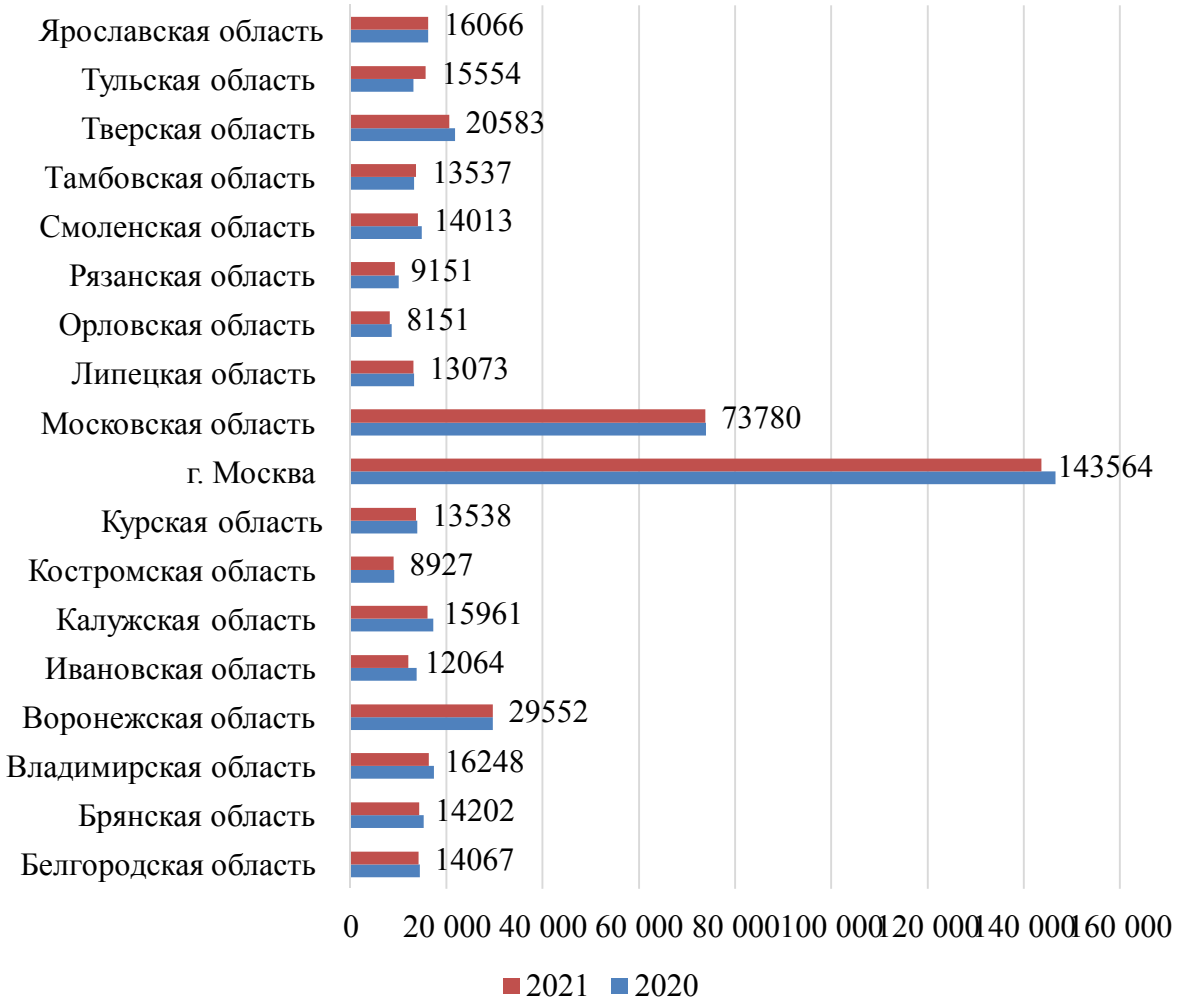

Рис. 2. Динамика зарегистрированных преступлений в регионах Центрального федерального округа, ед. [14]

Помимо наиболее распространенных в экономической среде злодеяний, связанных с изготовлением, хранением и сбытом поддельных денег и ценных бумаг, фиксируются случаи по отмыванию денег, коррупции, незаконному предпринимательству, налоговым преступлениям, неправомерным действиям при банкротстве.

Рассмотрим статистику по числу лиц, совершивших экономические преступления (рис. 4).

Данный показатель отражает количество человек, зарегистрированных правоохранительными органами, как совершившие преступление экономической направленности в течение отчётного периода. Отмечается рост числа выявленных лиц в 2020 г., по сравнению с 2019 г., на 14645 чел., или на 21,9%. В 2021 г., по сравнению с 2020 г., снижение показателя составило 13819 чел., или 11,8%.

Экономическая преступность в Курской области демонстрирует прогрессирующую динамику. В 2021 г. было совершено на 196 преступлений больше по сравнению с 2020 г. Годовой прирост составил 33% (рис. 5).

Рис. 3. Динамика экономических преступлений в России [14]

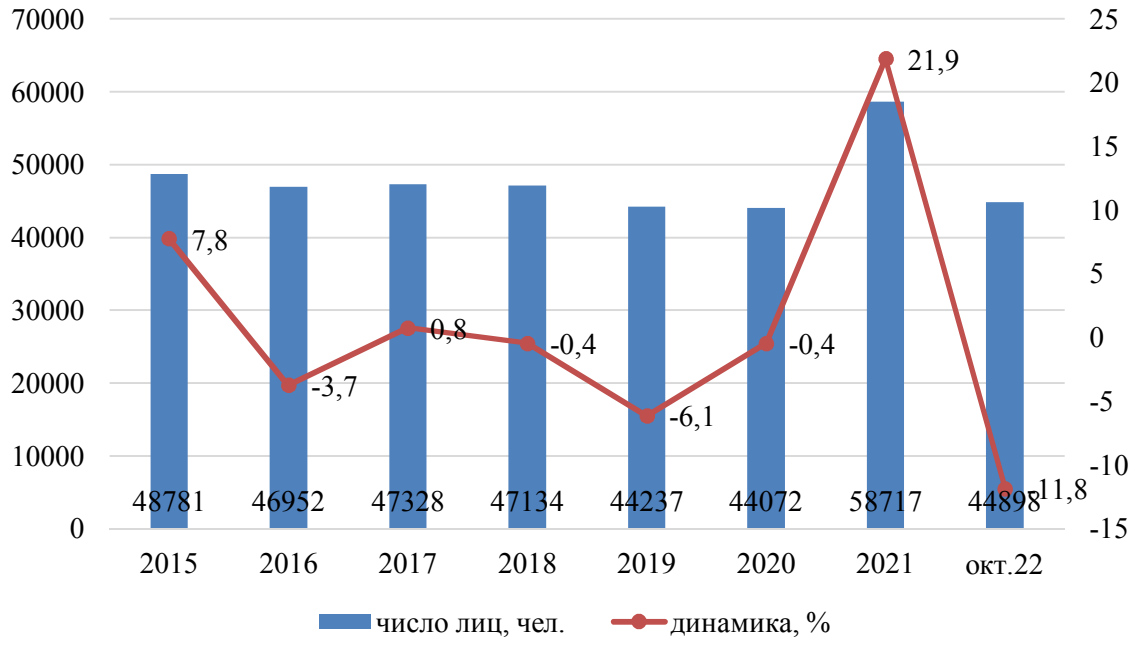

Рис. 4. Исследование численности лиц, причастных к совершению преступлений экономической направленности [14]

В отношении результатов расследования преступлений экономической направленности имеет место довольно высокая их раскрываемость (рис. 6). На долю предварительно расследованных преступлений в отчетном периоде приходится 46,1%, а количество дел, оставшихся в производстве, составляет 37%.

Преступные деяния в области экономики наносят значительный материальный ущерб, в возмещении которого заинтересовано государство и прочие потерпевшие стороны (рис. 7).

Рис. 5. Динамика экономических преступлений по Курской области [14]

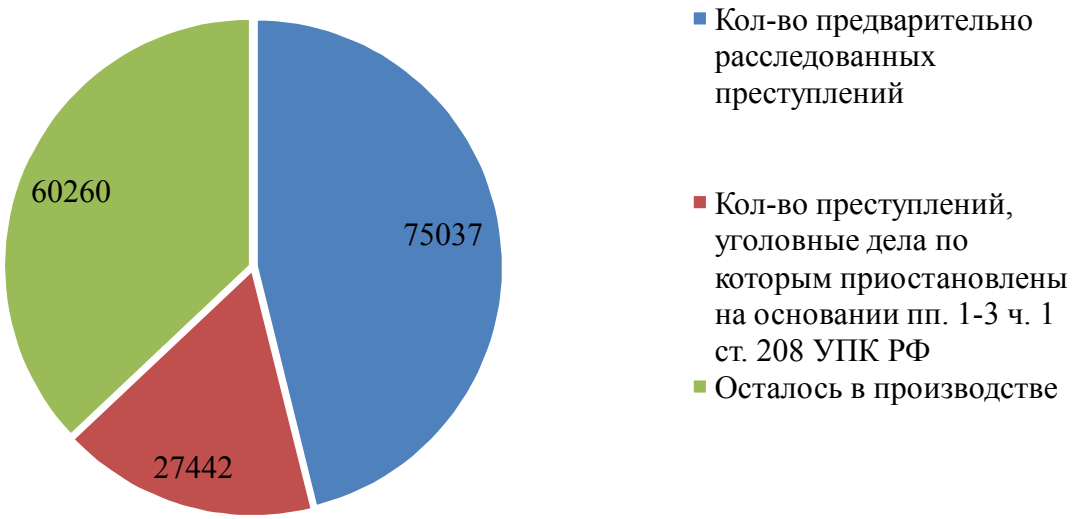

Рис. 6. Результаты расследования преступлений экономической направленности в 2021 г., ед. [14]

Материальный ущерб, нанесённый экономическими преступлениями в 2021 г., составил более 640 млрд руб. Это значение является максимальным с 2009 г., когда криминальными действиями в сфере экономики было нанесено ущерба более, чем на триллион рублей. Наряду с этим обстоятельством, размер материального ущерба, выявленного в 2021 г., практически в два раза превышает аналогичный показатель 2020 г., когда был зафиксирован ущерб на 339,5 млрд руб.

Согласно аналитическим данным, в 2021 г. путем добровольного погашения, а также изъятия имущества, ценностей и денег возмещен материальный ущерб на

сумму свыше 327 млрд руб., что составляет практически половину (51%) от общего объема материального ущерба. Доля имущества, в т. ч. денежных средств, на которые наложен арест составила в 2021 г. 21%. Не обеспечено возмещение материального ущерба в долевом соотношении, составившее 28,1%.

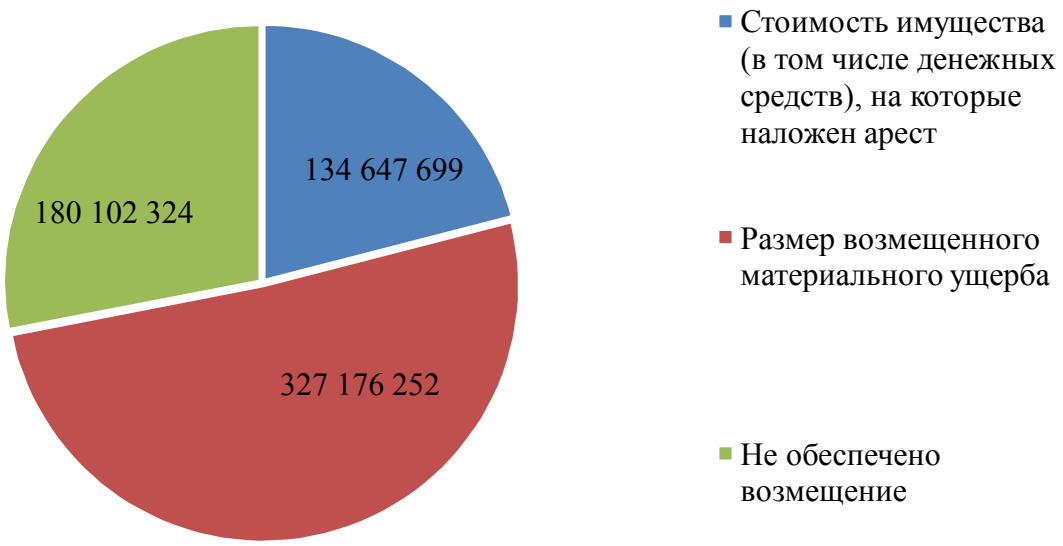

Рис. 7. Сведения о возмещении материального ущерба, причиненного преступлениями экономической направленности в 2021 г., тыс. руб. [14]

Регионы, обеспечившие наибольшее возмещение материального ущерба в 2021 г.:

– Республика Алтай – 66,8%;
– Республика Тыва – 61,1%;
– г. Москва – 55,1%;
– Волгоградская область – 48,2%;
– Чукотский АО – 47,2%.

Анализ данных по уровню криминогенности в экономической среде отражает ее значительный рост в 2021 г., что можно объяснить следующими причинами. Как отмечает генеральный директор цифровой платформы «ЗаБизнес.РФ» Э. Л. Сидоренко, во-первых, резко увеличилось количество правонарушений, совершенных дистанционно. Во-вторых, правоохранительные органы стали уделять особое внимание раскрытию экономических преступлений [15].

А. Иноядов, руководитель уголовной практики BMS Law Firm, отмечает, что «в последние годы отмечается существенный рост числа доследственных проверок и возбужденных уголовных дел в сфере налоговых преступлений. В связи с этим возросла фискальная нагрузка не только на компании, но и на их бенефициаров. Кроме того, принимаются активные меры по пресечению схем по обналичиванию средств, выводимых из легального оборота. Впрочем, достоверность расчетов, обоснованность требований в отношении субъектов ответственности по-прежнему остаются проблемными вопросами» [15].

В качестве важного обстоятельства, способствующего появлению новых форм преступлений экономической направленности, следует отметить активное внедрение цифровых технологий в архитектуру экономического пространства [16; 17; 18; 19]. Эксперты обращают внимание на то, что последние годы характеризуются всплеском криминальных действий, направленных на получение

электронной цифровой подписи и подделку с ее помощью документов. В правоохранительных органах фиксируются правонарушения, когда целые компании переоформляются с использованием поддельных документов [20]. Мошенники используют цифровые сервисы и технологии удаленного доступа для совершения целого массива противоправных действий, начиная от сделок с недвижимостью до финансовых пирамид, вывода денежных средств и получения кредитов.

Выводы

Последствия криминализации в сфере финансово-экономических отношений проявляются в целом комплексе экономических, правовых, социальных аспектов. Наиболее существенные из них:

– нанесение экономических последствий, материального ущерба государству и обществу;

– необходимость осуществления затрат на организацию деятельности по обеспечению криминологической безопасности;

– деструктивные проявления в социальной среде, социальная дезорганизация;

– общественная опасность криминальных деяний.

Исследование статистических данных позволяет констатировать, что число преступлений в экономической сфере в 2021 г. является максимальным за восьмилетней отрезок времени. Рост показателей преступности в 2021 г. можно связать с распространением цифровых технологий и дистанционных способов совершения экономических злодеяний, а также с ростом эффективности деятельности правоохранительных органов по выявлению подобных преступлений. В этой связи проблематика упреждения и минимизации социально-экономических потерь от процессов криминализации в сфере финансово-экономических отношений требует всестороннего изучения и вовлечения в эти процессы государства и общества.

Список литературы

1. Becker G. S. Crime and Punishment: An Economic Approach // The Journal of Political Economy. 1968. Vol. 76, N 2. P. 169–217.

2. Seggie Steven H., Griffith David A., Sandy D. Jap Passive and Active Opportunism in Interorganizational // Exchange Journal of Marketing. 2013. Vol. 77. P. 73–90.

3. Волженкин Б. В. Экономические преступления. СПБ.: Юридический центр Пресс, 1999. С. 49.

4. Генрих Н. В. Экономика и криминализация: взаимообусловленность и взаимовлияние // Государство и право. 2021. № 2. С. 74–82.

5. Дронов Р. В. Коррупция – угроза национальной безопасности России: монография. СПб.: Астерион, 2010. 142 с.

6. Еркеев И. Х. Преступность в сфере экономической деятельности и криминализация отношений как деструктивный фактор экономической безопасности // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2018. № 4 (82). С. 58–60.

7. Иванов Д. А., Филатова И. В. Преступления, совершаемые в финансово-кредитной сфере при выдаче кредитов, как угроза экономической безопасности // Безопасность дорожного движения. 2021. № 3. С. 91–94.

8. Козбанов А. И. Тенденции и перспективы защиты предпринимателей от незаконного уголовного преследования в современной России // Евразийская адвокатура. 2018. № 1 (32). С. 30–33.

9. Курбанова З. З. Факторы и явления, влияющие на преступления в сфере экономической деятельности // Актуальные вопросы современной экономики. 2022. № 5. С. 14–20.

10. Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономической деятельности (глава 22 УК РФ): в 2 ч. М.: Юрлитинформ, 2022.

11. Полонкоева Ф. Я., Ваделова Х. И. Проблема борьбы с преступлениями, совершенными в экономической сфере // Заметки ученого. 2020. № 11. С. 224–228.

12. Пудовочкин Ю. Е., Русанов Г. А. Отмывание денег в контексте организованной преступной деятельности (на примере России) // Государство и право. 2019. № 10. С. 104–111.

13. Расторопова О. В., Нечаев А. Д. Преступления экономической направленности: понятие, признаки, система // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 2. С. 121–124.

14. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 02.09.2022).

15. Виноградова Е. Крутой пик: ущерб от экономических преступлений побил рекорд за 12 лет // Известия. 2022. 29 января. URL: https://iz.ru/ (дата обращения: 02.09.2022).

16. Сергеев А. Б. Перспективы противодействия преступности в экономической сфере цифрового пространства с учетом реализации положений федерального закона о цифровых финансовых активах, цифровой валюте (№ 259-ФЗ от 31.07.2020 г.) // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 2 (33). С. 99–105.

17. Колмыкова Т. С., Ковалев П. П. Цифровая трансформация бизнеса в контексте стратегии непрерывного совершенствования // Управленческий учет. 2022. № 7-2. С. 250–256.

18. Колмыкова Т. С., Садоян Д. С., Грибов Р. В. Цифровые технологии в трансформации архитектуры экономического пространства: перспективы и угрозы // Управленческий учет. 2021. № 8-2. С. 266–272.

19. Колмыкова Т. С., Астапенко Е. О., Грибов Р. В. Распространение инновационных сервисов и технологий как фактор роста конкуренции на финансовом рынке // Экономика и управление: проблемы, решения. 2022. Т. 2, № 1 (121). С. 76–81.

20. Четверикова И. В., Титаев К. Д. Социологический анализ оптимального правоприменения: типичные случаи избыточной криминализации экономической деятельности в России // Вопросы экономики. 2019. № 3. С. 142–158.

References

1. Becker G. S. Crime and Punishment: An Economic Approach. *The Journal of Political Economy*, 1968, vol. 76, no. 2, pp. 169–217.

2. Seggie Steven H., Griffith David A., Sandy D. Jap Passive and Active Opportunism in Interorganizational. *Exchange Journal of Marketing*, 2013, vol. 77, pp. 73–90.

3. Volzhenkin B. V. Ekonomicheskiye prestupleniya [Economic crimes]. St. Petersburg, Law Center Press Publ., 1999. 49 p.

4. Heinrich N.V. Ekonomika i kriminalizatsiya: vzaimoobuslovlennost' i vzaimovliyaniye [Economics and criminalization: interdependence and mutual influence]. *Gosudarstvo i parvo = State and Law*, 2021, no. 2, pp. 74–82.

5. Dronov R.V. Korruptsiya – ugroza natsional'noy bezopasnosti Rossii [Corruption is a threat to Russia's national security]. St. Petersburg, Asterion Publ., 2010. 142 p.

6. Erkeev I. Kh. Prestupnost' v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti, i kriminalizatsiya otnosheniy kak destruktivnyy faktor ekonomicheskoy bezopasnosti [Crime in the sphere of economic activity, and criminalization of relations as a destructive factor of economic security]. *Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2018, no. 4 (82), pp. 58–60.

7. Ivanov D. A., Filatova I. V. Prestupleniya, sovershayemyye v finansovo-kreditnoy sfere pri vydache kreditov, kak ugroza ekonomicheskoy bezopasnosti [Crimes committed in the financial and credit sphere when issuing loans as a threat to economic security]. *Bezopasnost' dorozhnogo dvizheniya = Traffic Safety*, 2021, no. 3, pp. 91–94.

8. Kozbanov A. I. Tendentsii i perspektivy zashchity predprinimateley ot nezakonnogo ugolovnogo presledovaniya v sovremennoy Rossii [Trends and prospects for the protection of entrepreneurs from illegal criminal prosecution in modern Russia]. *Yevraziyskaya advokatura = Eurasian Advocacy*, 2018, no. 1 (32), pp. 30–33.

9. Kurbanova Z. Z. Faktory i yavleniya, vliyayushchiye na prestupleniya v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti [Factors and phenomena influencing crimes in the sphere of economic activity]. *Aktual'nyye voprosy sovremennoy ekonomiki = Actual Issues of Modern Economics*, 2022, no. 5, pp. 14–20.

10. Lopashenko N. A. Prestupleniya v sfere ekonomicheskoy deyatel'no-sti (glava 22 UK RF) [Crimes in the sphere of economic activity (Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation)]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2022.

11. Polonkoeva F.Ya., Vadelova Kh.I. Problema bor'by s prestupleniyami, sovershennymi v ekonomicheskoy sfere [The problem of combating crimes committed in the economic sphere]. *Zametki uchenogo = Notes of a Scientist*, 2020, no. 11, pp. 224–228.

12. Pudovochkin Yu. E., Rusanov G. A. Otmyvaniye deneg v kontekste orga-nizovannoy prestupnoy deyatel'nosti (Na primere Rossii) [Money laundering in the context of organized criminal activity (On the example of Russia)]. *Gosudarstvo i parvo = State and Law*, 2019, no. 10, pp. 104–111.

13. Rastoropova O. V., Nechaev A. D. Prestupleniya ekonomicheskoy napravlennosti: ponyatiye, priznaki, sistema [Crimes of an economic orientation: concept, signs, system]. *Probely v rossiyskom zakono-datel'stve = Gaps in Russian Legislation*, 2017, no. 2, pp. 121–124.

14. Portal pravovoy statistiki General'noy prokuratury Rossiyskoy Federatsii [Portal of legal statistics of the General prosecutor's Office of the Russian Federation]. Available at: http://crimestat.ru/offenses_chart. (accessed 02.12.2022)

15. Vinogradova E. Krutoy pik: ushcherb ot ekonomicheskikh prestupleniy pobil rekord za 12 let [Steep peak: the damage from economic crimes broke the record for 12 years]. *Izvestiya = Proceedings*, 2022, January 29. Available at: https://iz.ru/. (accessed 02.12.2022)

16. Sergeev A. B. Perspektivy protivodeystviya prestupnosti v ekonomicheskoy sfere tsifrovogo prostranstva s uchetom realizatsii polozheniy federal'nogo zakona o tsifrovykh finansovykh aktivakh, tsifrovoy valyute (№ 259-FZ ot 31.07.2020 g.) [Prospects for combating crime in the economic sphere of the digital space, taking into account the implementation of the provisions of the federal law on digital financial assets, digital currency (no. 259-FZ of July 31, 2020)]. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika = Law and Order: History, Theory, Practice*, 2022, no. 2 (33), pp. 99–105.

17. Kolmykova T. S., Kovalev P. P. Tsifrovaya transformatsiya biznesa v kontekste strategii nepreryvnogo sovershenstvovaniya [Digital transformation of business in the context of the strategy of continuous improvement]. *Upravlencheskiy uchet = Management Accounting*, 2022, no. 7-2, pp. 250–256.

18. Kolmykova T. S., Sadoyan D. S., Gribov R. V. Tsifrovyye tekhnologii v transformatsii arkhitektury ekonomicheskogo prostranstva: perspektivy i ugrozy [Digital technologies in the transformation of the architecture of the economic space: prospects and threats]. *Upravlencheskiy uchet = Management Accounting*, 2021, no. 8-2, pp. 266–272.

19. Kolmykova T. S., Astapenko E. O., Gribov R. V. Rasprostraneniye innovatsionnykh servisov i tekhnologiy kak faktor rosta konkurentsii na finansovom rynke [Distribution of innovative services and technologies as a factor in the growth of competition in the financial market].

Ekonomika i upravleniye: problemy, resheniya = Economics and Management: Problems, Solutions, 2022, vol. 2, no. 1 (121), pp. 76–81.

20. Chetverikova I. V., Titaev K. D. Sotsiologicheskiy analiz optimal'nogo pravoprimeneniya: tipichnyye sluchai izbytochnoy kriminalizatsii ekonomicheskoy deyatel'nosti v Rossii [Sociological analysis of optimal law enforcement: typical cases of excessive criminalization of economic activity in Russia]. *Voprosy ekonomiki = Questions of Economics*, 2019, no. 3, pp. 142–158.

Информация об авторах / Information about the Authors

Колмыкова Татьяна Сергеевна, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой финансов и кредита, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: t_kolmykova@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-5633-4283

Tatyana S. Kolmykova, Dr. of Sci. (Economics), Professor, Head of the Department of Finance and Credit, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: t_kolmykova@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-5633-4283

Колмыкова Анастасия Эдуардовна, студент, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: kgtu_fk@list.ru,
ORCID: 0000-0003-3685-7092

Anastasia E. Kolmykova, Student, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: kgtu_fk@list.ru,
ORCID: 0000-0003-3685-7092

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

SOCIOLOGICAL ASPECTS OF SOCIAL DEVELOPMENT

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-1-158-168

CC BY 4.0

Влияние цифровизации на профессиональную и учебную деятельность субъектов образовательного пространства современного вуза

Т. Н. Каменева[1] ✉, Е. В. Конищева[2], И. Н. Васильева[3]

[1] Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Ленинградский пр-т, д. 49/2, г. Москва 125167, Российская Федерация

[2] Курский государственный медицинский университет Минздрава России
ул. К. Маркса, д. 3, г. Курск 305004, Российская Федерация

[3] Академия управления МВД России
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8, г. Москва 125993, Российская Федерация

✉ e-mail: kalibri0304@yandex.ru

Резюме

Актуальность. *Процессы цифровизации в полной мере охватили институт образования. В настоящее время цифровизация рассматривается как тренд института образования. Внедрение цифровых технологий в образовательное пространство вуза оказывает существенное влияние на взаимодействия его субъектов – педагогических работников, студентов, администрацию вузов.*

Цель *– исследование влияния цифровизации на субъекты образовательного пространства современного вуза. В качестве субъектов были определены ведущие акторы образовательного пространства – педагогические и административные работники, студенты.*

Задачи *заключались в диагностике отношения субъектов образовательного пространства современного вуза к процессам цифровизации, изучении их мнения о влиянии цифровых технологий на учебный процесс, выявлении проблем, с которыми столкнулись акторы в процессе своей профессиональной и учебной деятельности, а также обосновании необходимости совершенствования регулирования процессов цифрового развития вузов.*

Методология. *Теоретической основой исследования стали работы М. Кастельса, Э. Тоффлера, М. Альетта, А. Липиц, Д. Харви, Э. Гидденса, Ю. Хабермаса, В. Ф. Ницевича, Н. В. Носковой, М. С. Якушкиной. Эмпирическую основу составили результаты исследования трудностей образовательного процесса (рук. Е. В. Конищева), проведенного в 2020 г. в высших учебных заведениях г. Курска, г. Белгорода, г. Москвы в период 1-й и 2-й волны пандемии коронавирусной инфекции (N = 1229).*

Результаты. *В ходе исследования было установлено, что отношение субъектов образовательного пространства к внедрению цифровых технологий в учебный процесс противоречиво: респонденты считали, что цифровые технологии являются источником затруднений, а другие – ресурсом инновационного развития.*

Выводы. *Процесс развития цифровых технологий в системе образования требует комплексного регулирования, учета интересов всех акторов образовательного пространства и требований, предъявляемых к организации учебного процесса.*

Ключевые слова: *цифровизация; цифровые технологии; образовательное пространство; субъекты образовательного пространства.*

© Каменева Т. Н., Конищева Е. В., Васильева И. Н., 2023

Конфликт интересов: *В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.*

Для цитирования: Каменева Т. Н., Конищева Е. В., Васильева И. Н. Влияние цифровизации на профессиональную и учебную деятельность субъектов образовательного пространства современного вуза // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2023. Т. 13, № 1. С. 158–168. https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-1-158-168.

Поступила в редакцию 10.12.2022 Принята к публикации 15.01.2023 Опубликована 28.02.2023

The Impact of Digitalization on the Professional and Educational Activities of the Subjects of the Educational Space of a Modern University

Tatyana N. Kameneva[1] ✉, Evgeniya V. Konishcheva[2], Irina N. Vasilyeva[3]

[1] Financial University under the Government of the Russian Federation
49/2 Leningradsky Ave., Moscow 125167, Russian Federation

[2] Kursk State Medical University of the Ministry of Health of Russia
3 K. Marx Str., Kursk 305004, Russian Federation

[3] Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia
8 Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh Str., Moscow 125993, Russian Federation

✉ e-mail: kalibri0304@yandex.ru

Abstract

Relevance. *Digitalization processes have fully embraced the Institute of Education. Currently, digitalization is considered as a trend of the Institute of Education. The introduction of digital technologies into the educational space of the university has a significant impact on the interaction of its subjects – teaching staff, students, university administration.*

The purpose *is study the impact of digitalization on the subjects of the educational space of a modern university. The leading actors of the educational space were identified as subjects – pedagogical and administrative workers, students.*

The objectives *of the study were to diagnose the attitude of the subjects of the educational space of a modern university to the processes of digitalization, to study their opinions on the impact of digital technologies on the educational process, to identify the problems faced by actors in the course of their professional and educational activities, as well as to substantiate the need to improve the regulation of the processes of digital development of universities.*

Methodology. *The theoretical basis of the research was the work of M. Castells, E. Toffler, M. Aletta, A. Lipitz, D. Harvey, E. Giddens, Y. Habermas, V. F. Nitsevich, N. V. Noskova, M. S. Yakushkina. The empirical basis was the results of a study of the difficulties of the educational process (by E. V. Konishchev) conducted in 2020 in higher educational institutions of Kursk, Belgorod, Moscow, during the 1st and 2nd waves of the coronavirus pandemic, (N = 1229).*

Results. *The study found that the attitude of the subjects of the educational space to the introduction of digital technologies in the educational process is contradictory: respondents believed that digital technologies are a source of difficulties, while others are a resource for innovative development.*

Conclusions. *The process of development of digital technologies in the education system requires comprehensive regulation, taking into account the interests of all actors of the educational space and the requirements for the organization of the educational process.*

Keywords*: digitalization; digital technologies; educational space; subjects of educational space.*

***Conflict of interest**: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.*

For citation: Kameneva T. N., Konishcheva E. V., Vasilyeva I. N. *The Impact of Digitalization on the Professional and Educational Activities of the Subjects of the Educational Space of a Modern University. Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2023; 13(1): 158–168. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-1-158-168.

Received 10.12.2022 Accepted 15.01.2023 Published 28.02.2023

***

Введение

Цифровизация института высшего образования неизбежно подразумевает изменения в образовательном пространстве вузов, его управлении, а также трансформацию повседневных социальных практик основных субъектов – педагогов, студентов, административных работников. Несмотря на то, что практически все вузы восприняли идею цифровизации как ведущую в совершенствовании своей деятельности, они столкнулись с рядом трудностей, связанных с внедрением цифровых технологий в учебный процесс. Как правило, это были вопросы, связанные с возможностями самих высших учебных заведений по оснащению соответствующим цифровым оборудованием, специфичностью организации учебного процесса в новых условиях. Трудности, с которыми столкнулись вузы, обусловлены отношением педагогов и студентов к необходимости перевода отдельных видов обучения (а в некоторых случаях и всех занятий) в цифровую среду, недостаточным наличием у них соответствующих компетенций, расширением профессиональных обязанностей педагогов, увеличением нагрузки, сомнениями в качестве подобного обучения и сложностями контроля результатов работы студентов. Также необходимо отметить, что специалисты в сфере IT, ставшие своего рода посредниками между педагогами и цифровыми средствами обучения, зачастую не понимали специфики организации учебного процесса. Следует упомянуть и техническую сторону цифровизации. Так, например, в период пандемии не все студенты в полной мере имели доступ к сети Интернет.

Тем не менее процессы цифровизации высшего образования будут только ускорятся, что в свою очередь требует от вузов существенной перестройки учебного процесса, выражающейся в изменении организации, методологии и методики преподавания. Подобные тенденции повлияют на деятельность педагогов, управленческих работников, студентов – очевидно, что им потребуются знания в сфере цифровых технологий, необходимые для обучения. Специфичность организации учебного процесса с применением цифровых технологий актуализирует проблему ответственного отношения к учебному процессу, как со стороны преподавателей, так и студентов, что в определенной степени может относиться к сфере саморегуляции, самоконтроля и составлять зону личной ответственности. Контроль хода учебного процесса в вузе осуществляется, как правило, административными работниками, представителями кадровой службы, учебным отделом и управлением качеством деятельности университета. В условиях повышенной нагрузки на педагогических работников необходим рациональный подход к регулированию их деятельности со стороны контролирующих служб.

Обозначенные вызовы обусловливают актуальность анализа влияния цифровизации на профессиональную и учебную деятельность субъектов образовательного пространства современного вуза.

Материалы и методы

В качестве теоретико-методологической основы исследования были использованы идеи М. Кастельса [1] о роли информации в развитии общества, Э. Тоффлера [2], описавшего образ жизни человека в информационном обществе.

Развитие цифровых технологий в обществе, их влияние на все сферы жизнедеятельности и конкретно самого человека рассмотрены в трудах М. Альетта и А. Липиц [3], Д. Харви, Э. Гидденса, Ю. Хабермаса [4; 5; 6] и ряда других исследователей.

В рамках социологического подхода к цифровизации общественной жизни В. Ф. Ницевич отмечает, что «современная парадигма информационного общества может быть представлена как глобальный процесс производства, а также использования информации как общественного ресурса, который основывается на массовом внедрении методов и средств сбора, обработки, передачи и хранения информации и приводит к сущностным изменениям всех структур общества, в том числе и социально-экономических, политических и социокультурных, а также цифровизация существенным способом меняет уровень и качество жизни» [7]. Кроме того, все подобные изменения приводят к определенной степени поляризации и социального неравенства [8].

Сегодня применительно к высшему образованию, как отмечает Н. В. Носкова [9; 10], цифровизация предоставляет вузам новые возможности при поиске решений таких проблем, как неоднородный контингент студентов, делает их конкурентоспособными [11], также функционирование цифровой среды в сфере образования обеспечивает доступность обучения лиц с ОВЗ, предоставляя дополнительные возможности для их образования и в дальнейшем трудоустройства [12]. Безусловно, цифровая трансформация образования призвана обеспечить максимальную результативность обучения для каждого студента [13]. По мнению В. Н. Мининой, освоение материала посредством применения цифровых технологий дает возможность студентам в большей степени проявлять свою заинтересованность, выступать активными участниками процесса познания, более ярко проявлять свою субъективную позицию [14]. Развитие цифровизации приводит к формированию цифровой образовательной среды, одной из задач которой является обеспечение бесперебойной работы учебных заведений в любых кризисных ситуациях.

В то же время Б. Ридингс отмечает, что необходимо учитывать тот факт, что нет однозначно положительного эффекта от внедрения цифровых технологий в образовательное пространство вуза, вместе с безусловным прогрессом они несут существенные риски для качества учебного процесса [15]. В работах А. А. Бровкиной подтверждается, что «цифровизация и информатизация воспринимаются двояко». Выделяя негативные явления, автор констатирует и положительные трансформации в жизни и сознании людей [16].

Анализ самого понятия «образовательное пространство» позволяет трактовать его как место для существования и развития … задающее возможности для самореализации субъекта [17]. Образовательное пространство – это отражение бытийности, разворачивающейся по от-

ношению к любому субъекту во времени и пространстве [18].

По мнению М. С. Якушкиной [19], образовательное пространство анализируется в отношении действующих субъектов, среди которых выделяются индивидуальные (обучающиеся, преподаватели, административные работники и т. д.) и групповые (студенческая группа, команда, советы и др.).

Образовательное пространство современного вуза представляет собой единство действий всех субъектов образования и всех связанных с образованием сфер, в частности культуры, экологии, медицины и др.

Важную роль в исследовании образовательного пространства современного вуза играют непосредственные его участники – субъекты, реализующие субъективную составляющую взаимодействий. Развитие личности как субъекта деятельности, общения и саморазвития рассматривалось в работах таких исследователей, как А. Г. Асмолов, А. А. Бодалев, И. С. Кон, Б. Ф. Ломов, А. В. Петровский, Д. И. Фельдштейн [20] и др.

Под субъектом образовательного пространства вуза понимается актор как источник целенаправленной деятельности по освоению, переработке, преобразованию профессионально и личностно значимой информации посредством коммуникации в образовательном процессе вуза.

Таким образом, осуществленный теоретический анализ показал, что специфика образовательного пространства, особенности деятельности его субъектов не позволяют однозначно оценить осуществляемый в настоящее время процесс активного внедрения цифровых технологий в образование.

Для изучения влияния цифровых технологий на профессиональную и учебную деятельность субъектов образовательного пространства и поиска способов регулирования этого процесса было проведено социологическое исследование.

Эмпирическую основу изучения влияния цифровизации на профессиональную и учебную деятельность субъектов образовательного пространства вуза составили результаты исследования «Трудности образовательного процесса» (рук. Е. В. Конищева), проведенного в 2020 г. в высших учебных заведениях г. Курска, г. Белгорода, г. Москвы, в период 1-й и 2-й волны пандемии коронавирусной инфекции (N = 1229).

В ходе статистической обработки был применен программный пакет для статистического анализа Statistica 10 с функциями анализа и визуализации данных.

Результаты и их обсуждение

Ускоренному внедрению цифровых технологий в образовательное пространство вузов в существенной степени способствовала пандемия COVID-19. Высшие учебные заведения в кратчайшие сроки перешли на формат обучения с применением дистанционных технологий, причем большинство вузов обеспечили соблюдение фактически всех основных требований к образовательному процессу.

Анализ результатов исследования показал противоречивость отношения субъектов образовательного пространства вузов к происходящим изменениям, что подтверждает выводы, полученные в ходе теоретического анализа.

Так, педагогические работники фактически в равной степени оценили внедрение цифровых технологий в образовательное пространство в качестве «ресурса инновационных преобразований» и «источника затруднений». По мнению административных работников, цифровизация, прежде всего, стала «ресурсом инновационных преобразований», а для студентов – «источником затруднений». По-

добное отношение обусловлено тем, что педагогическое сообщество и студенчество в сложившихся обстоятельствах оперативно овладевали разнообразными техническими умениями в области компьютерной грамотности, которые при прежних обстоятельствах не были востребованы. Причем подавляющему большинству участников образовательного процесса пришлось формировать эти умения практически с нуля, а не активизировать когда-то сформированные. Это требовало дополнительных расходов, напряжения сил, высокого уровня самоорганизации. Также респонденты из числа педагогов и студентов отмечали, что цифровые технологии, дистанционное обучение изменили устоявшиеся стили взаимодействия. Анализ результатов исследований, проведённых в первую и вторую волну COVID-19, показал, что педагоги в начале пандемии в большей степени отмечали увеличение нагрузки при организации общения со студентами (76% и 63% соответственно), а последние, наоборот, считали, что постепенно требования педагогов становились более жесткими, а объем заданий от преподавателей к периоду конца 2020 г. (2-я волна) стал больше (54% и 66% соответственно).

Педагогические работники в начале пандемии негативно оценивали вклад «посредника» – специалистов IT в ситуации педагогического взаимодействия преподаватель – студент (41%). В то же время в дальнейшем оценки роли IT-сектора в организации образовательного процесса стали повышаться и характеризовались как «оказывают помощь» (30%). В период второй волны COVID-19 педагоги более опасались, что их могут вытеснить из системы педагогического взаимодействия этим посредником (32%).

В целом академическое сообщество хотя и вынуждено, но адаптировало содержание преподаваемых учебных дисциплин, методик контроля результативности их освоения под технические характеристики доступных компьютерных программ. Педагоги, принявшие участие в исследовании, отмечали повышенное чувство ответственности за результат научения при внедрении цифровых технологий (31%), в то время как студенты полагали, что бесконтрольный доступ в Интернет снижает чувство ответственности при изучении материала (27%).

Важной особенностью реализации образовательной функции в условиях цифровизации, находящейся в прямой зависимости от самоорганизации педагогов и студентов, выступает отсроченный ответ и оценка освоения содержания учебного материала. Студенты заявляли о невозможности связаться с педагогом для дополнительных уточнений и консультаций [21]. Повышенная конфликтность во взаимодействиях была отмечена всеми категориями субъектов образовательного пространства – педагогами (39%), студентами (41%), административными работниками (62%).

Представителей администрации вузов в период первой волны COVID-19 волновали сложности, связанные с контролем трудовой дисциплины в вузе, перешедшем на дистанционное обучение (43%), несоответствием требованиям тех форм работы, которые использовались в учебном процессе (27%), увеличением финансовых затрат вузов (27%), непониманием педагогическим сообществом и студенчеством условий цифрового взаимодействия (31%).

Среди педагогов, считавших, что внедрение цифровых технологий в образовательное пространство является ресурсом инновационного развития, прошли дополнительное обучение по программам повышения квалификации

(21%), активно занимались научной работой (21%), записали видеокурсы (19%), усовершенствовали методическое обеспечение дисциплин (14%).

Административные работники считали, что цифровизация способствовала совершенствованию организационных технологий (34%), «прозрачности» информационной профессиональной деятельности (29%), возможности сосредоточиться на непосредственных задачах (11%).

Студентов, считавших, что цифровизация образовательного пространства вуза – ресурс инноваций, было меньше всего. Однако те, кто придерживался такого мнения, освоили дополнительные учебные онлайн-курсы (35%), углубили знания в сфере информационных технологий (30%), нашли подработку (14%)

Представители всех категорий субъектов образовательного пространства, принявшие участие в исследовании, полагали, что эффективность внедрения цифровых технологий определяется цифровой инфраструктурой образовательной среды (обеспеченностью соответствующими ресурсами и технологиями) и цифровой культурой, знаниями и умениями, а также общей готовностью следовать выработанным правилам и нормам.

В общих оценках педагогические работники в своем большинстве полагали, что процессу внедрения цифровых технологий в образование нужен системный подход, учитывающий мнение всех акторов образовательного пространства, а также повышение доступности технических средств, без которых реализация цифровизации невозможна. Административные работники высказали мнение о важности унифицирования используемых в учебном процессе цифровых платформ и необходимости четкого нормативного регулирования цифровизации в образовании. Студенты отметили актуальность вопросов повышения качества учебных материалов, сопровождающих образовательный процесс.

Выводы

Таким образом, анализ влияния цифровизации на профессиональную и учебную деятельность субъектов образовательного пространства современного вуза выявил определенные противоречия.

Цифровизация привела к одновременному расширению возможностей, увеличению профессиональных и учебных обязанностей, усложнению деятельности педагогов, студентов, административных работников. Взаимодействия в образовательном пространстве, по их мнению, приобрели черты нестабильности, недопонимания, невозможности использования опыта, но в то же время цифровизация воспринимается как ресурс инновационного развития.

Полученные в ходе исследования результаты свидетельствуют о необходимости комплексного регулирования вопросов развития цифровых технологий на уровне вузов, в основе которого должен быть положен системный подход, учитывающий интересы всех акторов образовательного пространства и требования, предъявляемые к образованию.

Список литературы

1. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: Высшая школа экономики, 2000. 608 с.

2. Тоффлер Э. Третья волна. М.: Издатетьство АСТ, 2004. С. 6–261.

3. Aglietta M. A theory of Capitalist Regulation. London: New Left Books, 1979. 390 p.

4. Harvey D. The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change. Oxford: Blackwell Publishers, 1989. 378 p.

5. Giddens A. Social Theory and Modern Sociology. Cambridge: Polity Press, 1987. 310 p.

6. Habermas J. Structural transformation of the public sphere. Cambridge: MiT Press, 1989. 301 p.

7. Ницевич В. Ф. Цифровая социология: теоретико-методологические истоки и основания // Цифровая социология. 2018. № 1. С. 18–27.

8. Сапронов А. В., Абрамов А. П. Социальная поляризация российского общества: динамика неравенства // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2017. Т. 7, № 3 (24). С. 185–192.

9. Носкова А. В. Поворот к цифровому образованию: как пандемия изменила высшую школу // Человек и его социальная жизнь в ожидании конца пандемии: к 30-летию факультета социологии РГСУ: материалы XXVI социологических чтений, Москва, 08 апреля 2021 года. М.: Российский государственный социальный университет, 2021. С. 51–54. EDN YATTNU.

10. Цифровые компетенции преподавателей в системе академического развития высшей школы: опыт эмпирического исследования / А. В. Носкова, Д. В. Голоухова, Е. И. Кузьмина, Д. В. Галицкая // Высшее образование в России. 2022. Т. 31, № 1. С. 159–168. https://doi.org/10.31992/0869-3617-2022-31-1-159-168. EDN EAKBIR.

11. Eichhorn M. Fit für die digitale Hochschule? Modellierung und Erfassung digitaler Kompetenzen von Hochschullehren // MedienPädagogik: Zeitschrift für Theorie Und Praxis der Medienbildung. 2019. N 36. P. 63 –80. https://doi.org/10.21240/mpaed/36/2019.11.13.X.

12. Бухтиярова И. Н. Информационные технологии как фактор развития современного инклюзивного общества // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 6 –1. С. 122–125.

13. Проблемы и перспективы цифровой трансформации образования в России и Китае. II Российско-китайская конференция исследователей образования «Цифровая трансформация образования и искусственный интеллект». Москва, Россия, 26–27 сентября 2019 г. / А. Ю. Уваров, С. Ван, Ц. Кан [и др.]; отв. ред. И. В. Дворецкая. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. 155 с.

14. Минина В. Н. Цифровизация высшего образования и ее социальный результаты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2020. Т. 13, вып. 1. С. 84–101.

15. Ридингс Б. Университет в руинах. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2021. 304 с.

16. Бровкина А. А. Специфика субъекта образовательного процесса в условиях цифровизации общества // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 7-2. С. 68–72.

17. Шендрик И. Г. Теоретические основы проектирования образовательного пространства субъекта. Екатеринбург: Издательство Российского государственного профессионально-педагогического университета, 2006. 197 с.

18. Колесникова И. А. Педагогическая реальность: опыт межпарадигмальной рефлексии. СПб.: Детство-пресс, 2001. 288 с.

19. Якушкина М. С. Образовательная среда и образовательное пространство как понятия современной педагогической науки // Человек и образование. 2013. № 2 (35). С. 66–69.

20. Вавилова И. Н. Теоретическое обоснование развития личности // Наука и школа. 2013. № 3. С. 148–149.

21. Каменева Т. Н., Конищева Е. В. Трудности профессиональной деятельности молодых преподавателей вузов // Государственная молодежная политика: национальные проекты 2019–2024 гг. в социальном развитии молодежи: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 20–21 апреля 2020 года) / отв. ред. Т. К. Ростовская. М.: Перспектива, 2020. 531 с.

References

1. Kastel's M. Informatsionnaya ehpokha: ehkonomika, obshchestvo i kul'tura [Information epoch: economy, society and culture]; ed. by O. I. Shkaratana. Moscow, Higher School of Economics Publ., 2000. 608 p.

2. Toffler Eh. Tret'ya volna [The Third wave]. Moscow, ACT Publ., 2004, pp. 6–261.

3. Aglietta M. A theory of Capitalist Regulation. London, New Left Books Publ., 1979. 390 p.

4. Harvey D. The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change. Oxford, Blackwell Publishers, 1989. 378 p.

5. Giddens A. Social Theory and Modern Sociology. Cambridge, Polity Press, 1987. 310 p.

6. Habermas J. Structural Transformation of the Public Sphere. Cambridge, MiT Press, 1989. 301 p.

7. Nitsevich V. F. Tsifrovaya sotsiologiya: teoretiko-metodologicheskie istoki i osnovaniya [Digital sociology: theoretical and methodological origins and foundations]. *Tsifrovaya sotsiologiya = Digital Sociology*, 2018, no. 1, pp. 18–27.

8. Sapronov A. V., Abramov A. P. Sotsial'naya polyarizatsiya rossiyskogo obshchestva: dinamika neravenstva [Social polarization of russian society: the dynamics of inequality]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika, Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Managment*, 2017, vol. 7, no. 3(24), pp. 185–192.

9. Noskova A. V. [The turn to digital education: how the pandemic changed the high school]. *Chelovek i ego sotsial'naya zhizn' v ozhidanii kontsa pandemii: k 30-letiyu fakul'teta sotsiologii RGSU. Materialy XXVI sotsiologicheskikh chtenii, Moskva, 08 aprelya 2021 goda* [Man and his social life in anticipation of the end of the pandemic: to the 30th anniversary of the Faculty of Sociology of the Russian State Pedagogical University. Materials of XXVI Sociological readings, Moscow, April 08, 2021]. Moscow, Russian State Social University Publ., 2021, pp. 51–54. (In Russ.) EDN YATTNU

10. Noskova A. V., Goloukhova D. V., Kuz'mina E. I., Galitskaya D. V. Tsifrovye kompetentsii prepodavatelei v sisteme akademicheskogo razvitiya vysshei shkoly: opyt ehmpiricheskogo issledovaniya [Digital competencies of teachers in the system of academic development of higher schools: the experience of empirical research]. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*, 2022, vol. 31, no. 1, pp. 159–168. https://doi.org/10.31992/0869-3617-2022-31-1-159-168. EDN EAKBIR

11. Eichhorn M. Fit für die digitale Hochschule? Modellierung und Erfassung digitaler Kompetenzen von Hochschullehren. *MedienPädagogik: Zeitschrift für Theorie Und Praxis der Medienbildung*, 2019, no. 36, pp. 63 –80. https://doi.org/10.21240/mpaed/36/2019.11.13.X

12. Bukhtiyarova I. N. Informatsionnye tekhnologii kak faktor razvitiya sovremennogo inklyuzivnogo obshchestva [Information technologies as a factor in the development of a modern inclusive society]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ehkonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanities, Socio-Economic and Social Sciences*, 2015, no. 6–1, pp. 122–125.

13. Uvarov A. Yu., Van S., Kan Ts., eds. Problemy i perspektivy tsifrovoi transformatsii obrazovaniya v Rossii i Kitae. II Rossiisko-kitaiskaya konferentsiya issledovatelei obrazovaniya "Tsifrovaya trans-formatsiya obrazovaniya i iskusstvennyi intellekt". Moskva, Rossiya, 26–27 sentyabrya 2019 g. [Problems and prospects of digital transformation of education in Russia and China. II Russian-Chinese Conference of Educational Researchers "Digital Transformation of Education and Artificial Intelligence". Moscow, Russia, September 26-27, 2019]; ed. by I. V. Dvoretskaya. Moscow, Publishing House of the Higher School of Economics, 2019. 155 p.

14. Minina V. N. Tsifrovizatsiya vysshego obrazovaniya i ee sotsial'nyi rezul'taty [Digitalization of higher education and its social results]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya = Bulletin of St. Petersburg University. Sociology*, 2020, vol. 13, is. 1, pp. 84–101.

15. Ridings B. Universitet v ruinakh [University in Ruins]. Moscow, Publishing House of the Higher School of Economics, 2021. 304 p.

16. Brovkina A. A. Spetsifika sub"ekta obrazovatel'nogo protsessa v usloviyakh tsifrovizatsii obshchestva [The specifics of the subject of the educational process in the conditions of the digitalization of society]. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2020, no. 7-2, pp. 68–72.

17. Shendrik I. G. Teoreticheskie osnovy proektirovaniya obrazovatel'nogo prostranstva sub"ekta [Theoretical foundations of designing the educational space of the subject]. Ekaterinburg, Publishing House of the Russian State Professional Pedagogical University, 2006. 197 p.

18. Kolesnikova I. A. Pedagogicheskaya real'nost': opyt mezhparadigmal'noi refleksii [Pedagogical reality: the experience of inter-paradigm reflection]. St. Petersburg, Detstvo-press Publ., 2001. 288 p.

19. Yakushkina M. S. Obrazovatel'naya sreda i obrazovatel'noe prostranstvo kak ponyatiya sovremennoi pedagogicheskoi nauki [Educational environment and educational space as a concept of modern pedagogical science]. *Chelovek i obrazovanie = Man and Education*, 2013, no. 2 (35), pp. 66–69.

20. Vavilova I. N. Teoreticheskoe obosnovanie razvitiya lichnosti [Theoretical substantiation of personality development]. *Nauka i shkola = Science and School*, 2013, no. 3, pp. 148–149.

21. Kameneva T. N., Konishcheva E. V. [Difficulties of professional activity of young university teachers]. *Gosudarstvennaya molodezhnaya politika: natsional'nye proekty 2019 – 2024 gg. v sotsial'nom razvitii molodezhi. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Moskva, 20–21 aprelya 2020 goda)* [State youth policy: national projects 2019-2024 in the social development of youth. Materials of the All-Russian Scientific and practical conference (Moscow, April 20-21, 2020)]; ed. by T. K. Rostovskaya. Moscow, Perspektiva Publ., 2020. 531 p. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the Authors

Каменева Татьяна Николаевна, доктор социологических наук, профессор, Департамент социологии, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: kalibri0304@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-0250-2421

Tatyana N. Kameneva, Dr. of Sci. (Sociology), Professor, Department of Sociology, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation,
e-mail: kalibri0304@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-0250-2421

Конищева Евгения Васильевна, старший преподаватель кафедры педагогики, Курский государственный медицинский университет Минздрава России, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: ekonik77@yandex.ru,
ORCID: 0000-0001-8358-2381

Васильева Ирина Николаевна, кандидат социологических наук, заместитель начальника кафедры организации деятельности органов внутренних дел, Центр командно-штабных учений, Академия управления МВД России, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: dinikoll@mail.ru

Evgeniya V. Konishcheva, Senior Lecturer of the Department of Pedagogy, Kursk State Medical University of the Ministry of Health of Russia, Kursk, Russian Federation,
e-mail: ekonik77@yandex.ru,
ORCID: 0000-0001-8358-2381

Irina N. Vasilyeva, Cand. of Sci. (Sociology), Deputy Head of the Department of Organization of Internal Affairs Bodies, Center for Command and Staff Exercises, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation,
e-mail: dinikoll@mail.ru

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-1-169-186

CC BY 4.0

Социально-политическое взаимодействие местных сообществ с властью по вопросам благоустройства городской среды (на примере г. Кемерово)

Е. А. Кранзеева[1], А. Л. Бурмакина[1], Я. А. Брандт[1] ✉, Н. Н. Григорик[1]

[1] Кемеровский государственный университет
ул. Красная, д. 6, г. Кемерово 650000, Российская Федерация

✉ e-mail: yan.brand@mail.ru

Резюме

Актуальность. *В настоящее время формируются проекты городского развития различного уровня, в том числе с привлечением к соучастию местных сообществ. Местные сообщества и органы власти, взаимодействующие по вопросам улучшения городского пространства, образуют новые поля и формы коммуникации для решения социальных проблем территории. Включение сообществ в коммуникацию и взаимодействие с властью может осуществляться в нескольких вариантах, зависящих от возрастных и профессиональных характеристик участников, опыта участия в городской жизни.*

Цель *данной статьи – охарактеризовать формы социально-политического взаимодействия местных сообществ с властью по вопросам благоустройства городской среды.*

Задачи: *описать местные сообщества как участников социально-политического взаимодействия с властью; обосновать преобладающие формы взаимодействия сообществ г. Кемерово с местной властью по вопросам городского развития и благоустройства городской среды.*

Методология. *Методологической основой исследования являются работы Ж. Т. Тощенко, Л. Л. Шпак и др., раскрывающие вопросы социально-политического взаимодействия, концепции городского развития А. Лефевра, Д. Харви, Г. Саноффа. Для анализа практик взаимодействия авторами статьи использовались методы фокус-группового интервью, анкетного опроса.*

Результаты. *Проведенный анализ позволил описать формы взаимодействия, построенные в соответствии с характеристиками социальных групп, интересами, целями и используемыми инструментами, методами их достижения, расположенностью к взаимодействию с другими сообществами территории.*

Выводы. *Сделан вывод о том, что выделенные формы взаимодействия (противодействие, воздействие и бездействие) учитывают особенности группового участия в проектах развития территории, способствуют накоплению опыта и в будущем могут использоваться в практиках благоустройства территорий и привлечения к ним населения города.*

Ключевые слова: *социально-политическое взаимодействие; местные сообщества; город; власть; социальные группы; активизм.*

Конфликт интересов: *В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.*

Для цитирования: Социально-политическое взаимодействие местных сообществ с властью по вопросам благоустройства городской среды (на примере г. Кемерово) / Е. А. Кранзеева, А. Л. Бурмакина, Я. А. Брандт, Н. Н. Григорик // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2023. Т. 13, № 1. С. 169–186. https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-1-169-186.

Поступила в редакцию 18.12.2022 Принята к публикации 25.01.2023 Опубликована 28.02.2023

© Кранзеева Е. А., Бурмакина А. Л., Брандт Я. А., Григорик Н. Н., 2023

Socio-Political Interaction of Local Communities with the Authorities on the Improvement of the Urban Environment (on the Example of the City of Kemerovo)

Elena A. Kranzeeva[1], Anna L. Burmakina[1], Yana A. Brandt[1] ✉, Nikita N. Grigorik[1]

[1] Kemerovo State University
6 Krasnaya Str., Kemerovo 650000, Russian Federation

✉ e-mail: yan.brand@mail.ru

Abstract

Relevance. *At present urban development projects of various levels are being formed, including with the participation of local communities. Local communities and authorities that interact to improve the urban space form new fields and forms of communication to solve the social problems of the territory. The inclusion of communities in communication and interaction with the authorities is carried out in several ways, which depend on the age and professional characteristics of the participants, the experience of participating in urban life.*

The purpose *of this article is to characterize the forms of socio-political interaction of local communities with the authorities on the improvement of the urban environment.*

Objectives: *to describe local communities as participants in socio-political interaction with the authorities; to substantiate the prevailing forms of interaction between the communities of Kemerovo and local authorities on issues of urban development and improvement of the urban environment.*

Methodology. *The methodological basis of the study is the work of Zh. T. Toshchenko, L. L. Shpak and others, revealing the issues of socio-political interaction, the concept of urban development by A. Lefebvre, D. Harvey, G. Sanoff. To analyze the interaction practices, the authors of the article used the methods of focus group interviews and questionnaires.*

Results. *The analysis made it possible to describe the forms of interaction built in accordance with the characteristics of social groups, interests, goals and tools used, methods for achieving them, disposition to interact with other communities of the territory.*

Conclusions. *The selected forms of interaction (resistance, impact and inaction) take into account the peculiarities of group participation in projects for the development of the territory, contribute to the accumulation of experience and in the future can be used in the practice of improving territories and attracting the city's population to them.*

Keywords*: social and political interaction; local communities; city; authorities; social groups; activism.*

Conflict of interest*: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.*

For citation: Kranzeeva E. A., Burmakina A. L., Brandt Y. A., Grigorik N. N. Socio-Political Interaction of Local Communities with the Authorities on the Improvement of the Urban Environment (on the Example of the City of Kemerovo). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2023; 13(1): 169–186. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-1-169-186.

Received 18.12.2022 Accepted 25.01.2023 Published 28.02.2023

***

Введение

Благоустройство городской среды представляет собой сложный и комплексный процесс привлечения гражданских инициатив и мобилизации социальных, экономических, административных и других ресурсов, трансляции интересов различных социальных групп, оптимизации отношений между местными сообществами и институтами власти, что способствует развитию территории, в рамках которой они вступают в различные формы социально-политического взаимодействия. Взаимодействие становится инструментом взаимовыгодного диалога, способствующего достижению социально

значимых целей, определяя качество достигаемого результата. Во многом это способствует отбору наиболее важных проектов, программ и достижению прогнозируемых целей преобразования городской среды [1, с. 12–15].

Особенности социально-политического взаимодействия (в том числе на местном уровне) подробно анализируются в работах таких современных зарубежных и отечественных авторов, как О. А. Воронкова [2], Н. В. Зубаревич [3], Н. В. Медведева, Е. В. Фролова, В. Г. Немировский, Е. В. Реутов [4; 5; 6], А. В. Тихонов, А. А. Мерзляков [7], Р. Кормак, Т. Ф. Танни и др. [8; 9; 10]. В обобщенном варианте оно трактуется как «последовательность социальных действий участников, взаимообусловленных их интересами и влияющих на власть и принятие решений [3, с. 81–90].

Для описания практик взаимодействия власти и местных сообществ зарубежные авторы предлагают концепции «права на город» (А. Лефевр и Д. Харви), «соучаствующего проектирования» (Г. Саноффа) и др. [11]. Право на изменение города – это не что-то абстрактное, а то, что укоренено в повседневных практиках жителей, независимо от того, знают они о его наличии или нет [12]. Изменения городской среды должны быть основаны на объединении профессионалов, которые способны на сложную проектную работу и взаимодействие с властями, и жителей-активистов, которые полны энтузиазма и лучше понимают особенности и потребности местного сообщества [13]. Человеческий ум, мотивы, творческие способности представляют стратегический резерв развития городов, который вытесняет на задний план такие традиционно выделяемые достоинства, как местоположение, природные ресурсы и доступ к рынку. Потенциал жителей городов и их управляющих предопределяет будущее успешное развитие городов [14, с. 53–78].

В работах отечественных исследователей большое внимание уделяется взаимодействию власти и сообществ на местном уровне [15; 16]. Именно на местном уровне осуществляется становление соучастия и самоорганизации сообществ в решении локальных проблем в виде реальных практик, складывающихся в местном сообществе [17, с. 22–31]. Наличие проблемных точек на территории может стать триггером к сплочению и солидаризации местных жителей, формированию сообщества, способного самостоятельно или во взаимодействии с властями решать проблемы местного значения.

А. А. Желнина, Е. В. Тыканова рассматривают локальный активизм как коллективные действия и самоорганизацию сообществ для участия в городском управлении. Жители общаются, создают сообщества, при этом в случае попыток донести свои предложения по изменению городских территорий на площадки, где местные власти должны к ним прислушаться, взаимодействие не всегда удается [18, с. 170–178].

Взаимодействие на территории может осуществляться в разных формах: противодействия, воздействия и бездействия. По мнению Л. Л. Шпак, в основе любой из форм присутствуют ответные реакции, пространственная и временная ориентация на взаимные интересы участников, относительная «одновременность» реакций сторон друг на друга, наличие социальных связей и отношений [19, с. 12].

Реализуя территориальные интересы, в социально-политическом взаимодействии могут принимать участие следующие субъекты: 1) местные сообщества, составляющие городское и региональное сообщество; 2) власть в лице представительных и исполнительных органов городского и регионального управления; 3) бизнес, представленный в регионе хо-

зяйствующими субъектами; 4) институты гражданского общества (некоммерческие организации, общественные организации, молодежные организации и др.), представляющие конкретные интересы определенных местных сообществ [20, с. 82–87].

Л. Л. Шпак определяет местные сообщества как «исторически укоренившуюся общность жителей, сформировавших определенный уклад и образ жизни, специфические коммуникации и тесные, непосредственные социальные связи и отношения на локализованной территории» [21, с. 28–33].

В территориальных (местных) сообществах формируется система устойчивых экономических, социальных, политических, культурных и духовно-идеологических связей и отношений. Это обусловлено единством географического пространства, общей культурой и общими ценностями. Также в сообществе присутствует устойчивое социальное взаимодействие, которое выражается во взаимной поддержке, взаимопомощи, взаимопонимании, взаимном доверии, формирует способность к объединению с целью влияния на различные аспекты местного социального порядка. Граждане территориального сообщества взаимодействуют по различным вопросам социальной жизни, начиная от простых интеракций соседского характера и заканчивая активным участием в управлении территорией [22; 23].

Местные сообщества, члены которых объединяются для удовлетворения потребностей, реализуют инициативный способ решения местных проблем, касающихся улучшения качества жизни на определенной локальной территории, а также ее благоустройства. Возникшие как способ удовлетворения интереса в чем-либо, территориальные объединения несут в себе положительный социальный потенциал. Однако в процессах самоорганизации сообществ большую роль играет местная власть.

Устоявшиеся традиционные формы взаимодействия местных сообществ с органами власти сочетаются с новыми, такими как: самоорганизующиеся коммуникативные сообщества, сетевые формы, формирующиеся вокруг различных площадок, в т. ч. и на платформах интернет-коммуникации, гибридные формы, формирующиеся на основании информационных коммуникативных технологий и т. д [24; 25, с. 87–100]. Примером включения местных сообществ в развитие городской среды является федеральный проект «Формирование комфортной городской среды» национального проекта «Жилье и городская среда», который направлен на развитие муниципалитетов на всей территории страны, а также на обеспечение участия жителей в решении вопросов создания комфортной городской среды [26]. В рамках реализуемого в настоящее время национального проекта «Жилье и городская среда» разработан стандарт вовлечения населения в решение вопросов развития городской среды, в котором описаны формы соучастия в проектах (интервью, фокус-группы, онлайн-опросы, экскурсии, публичные слушания и пр.) [27].

А. Глухова, А. Кольба, А. Соколов в своей работе отмечают, что местные сообщества во взаимодействии с органами власти имеют недостаточное количество опыта и ресурсов для привлечения к себе внимания. При этом у них зачастую отсутствует желание взаимодействовать с органами власти, поскольку они не верят в результативность совместной работы. Авторы указывают на существование разрыва между желанием сообществ влиять на развитие городской среды и отстаивать свои интересы в нем и необходимой для этого ресурсной базой [28, с. 241–250].

Важным фактором выстраивания отношений между местными сообществами и властью становится аспект реактивности, возникающий в результате развития, усложнения и расширения доступного информационно-коммуникативного пространства, постоянно меняющихся условий взаимодействия и коммуникации, нарастания политизации взаимодействия, что определяет как новые поля и возможности для взаимодействия, так и новые угрозы и вызовы для систем управления и самоуправления территорией [29, с. 24–30; 30; 31].

Таким образом, местные сообщества являются неоднородными, включают в себя граждан с разным уровнем опыта и желания участия в решении местных проблем, что провоцирует отсутствие согласованности в действиях населения. Тем не менее их объединяет общее пространство жизни, культура и ценности, которые становятся основой для апеллирования власти своих интересов. В таких условиях власти необходимо выстраивать взаимодействие с населением по поводу благоустройства городского пространства с учетом потребностей групп местных сообществ. Противоречивость ситуации заключается, с одной стороны, в использовании властью неперсонализированных, формализованных методов работы с сообществами, что затрудняет формирование двустороннего характера взаимодействия населения и власти, а с другой – отсутствием у населения необходимых знаний и опыта в артикуляции своих интересов и потребностей.

Материалы и методы

Для анализа практик взаимодействия власти и населения по вопросам благоустройства городской среды нами в мае 2021 г. были проведены 4 фокус-группы, в состав которых вошли представители 4 групп местных сообществ, и анкетный опрос жителей г. Кемерово (n=665 чел., выборка репрезентативная, квотированная по полу и возрасту). Выбор групп был обусловлен основными сообществами жителей г. Кемерово. Разнородный состав групп (в т. ч. по полу, возрасту, профессиональным характеристикам) делает возможным всесторонний анализ вовлеченности жителей в практики благоустройства городской среды и определение направленности во взаимодействиях с органами власти.

В исследовании принимали участие представители следующих местных сообществ:

1. Школьники как представители подрастающего поколения, от заинтересованности которых зависит развитие города. Сообщество можно описать как неоднородное, представители которого не имеют тесных социальных связей друг с другом. Основными признаками групповой идентификации можно назвать возраст, а также целевой интерес, связанный в первую очередь с определением маршрута собственного развития (место / город обучения, направление / специальность, приоритетное учебное заведение). Смысловым или идейным центром объединения для них становится желание покинуть Кемерово, поскольку не считают город местом для своего профессионального развития. Отношение молодых людей к городской среде зачастую связано с тем, какие возможности для самореализации она открывает (группа «Школьники»).

2. Сообщество ветеранов города – «сторожилы», играющие важную роль в восприятии города, имеющие связь с городским сообществом на основе длительности проживания. Все приглашенные участники дискуссии являлись членами Совета ветеранов угольной промышленности г. Кемерово. Общее профессиональное прошлое становится основой налаживания межличностных свя-

зей и группового взаимодействия по поводу реализации разделяемой цели – инфраструктурного развития и повышения качества жизни в регионе и городе (группа «Ветераны»).

3. Сообщество представителей культурно-образовательной сферы города – работники музеев, театров, центров творчества, а также ученые-историки, которые занимаются изучением города Кемерово. Их мнение важно для раскрытия культурно-исторического потенциала города, его уникальности, традиций и ценностей. Вместе с тем данное сообщество более глубоко погружено в историю города, особенности его становления. Интересы представителей этой группы сосредоточены вокруг развития культурных учреждений города, сохранения истории города. Профессионализм, научно-практический интерес, ценности выражают экспертность данной социальной группы в вопросах культурного потенциала города и возможности проектирования изменений городского пространства (группа «Культурологи и краеведы»).

4. Сообщество городских активистов – жители города Кемерово, реализующие проекты и инициативы по его развитию в разных направлениях. Они объединены сетью социальных взаимодействий, имеют опыт участия в совершенствовании городского пространства, пытаются как привлечь внимание к проблемам города, так и объединить неравнодушных граждан для решения этих проблем (группа «Активисты»).

Структура гайда была представлена следующими блоками вопросов:

– блок «Город», связанный с представлениями жителей о своем городе, идентификацией с ним и определением доминантных ассоциаций с городской средой;

– блок «Городские сообщества», направленный на определение потенциала местных сообществ для развития города;

– блок «Тактики реализации городских проектов», раскрывающий степень вовлеченности жителей в проекты по изменению городской среды, возможности и барьеры на пути их реализации.

Результаты и их обсуждение

Для оценки потенциала в решении городских проблем ключевыми были ответы на следующие вопросы: «Как вы считаете, горожане могут самостоятельно решить некоторые проблемы своего города, если объединятся друг с другом? Зачем людям нужно объединяться?». По мнению большинства участников группы «Школьники», людям необходимо объединяться в сообщества для решения различных проблем (*«Так ведь и происходит. Один человек не сможет организовать какое-то масштабное событие. И людям нужно объединяться для того-чтобы наш город развивался»; «Мне кажется ... чем больше объединяются для решения, тем лучше становится город»* (здесь и далее орфография, грамматика высказываний респондентов сохранена. – *Авт.*)).

Представители группы «Культурологи и краеведы» в целом знакомы с некоторыми городскими местными сообществами, реализуемыми проектами (*«Ну и О. В., которая известна с фондом «Рыба шагала». Ну и кстати, «прогулки с Сухацким» – это тоже ее проект»*). Однако уровень информированности об их деятельности нельзя назвать высоким, при этом существует неоднозначное отношение к ним (*«На чем формировался Кузбасс, как регион, как он возник, не как возник, а как история конечно, вот именно на чем он стоит этого вообще нет. Ни сообществ, ничего»*).

Ключевым побудительным мотивом к созданию сообществ участники группы «Активисты» назвали наличие острых социальных проблем, для решения которых люди способны объединиться (*«Лю-*

дей нас может объединить и заставить что-то делать только какая-то общая проблема или беда»; «Вот культурные проекты и общие проблемы – это то, что стянет в одну кучку»).

«Ветераны» отмечают необходимость объединения, сплочения вокруг решения городских проблем (*«Мы жили одной огромной семьей, семьей Советского Союза, семьей своего коллектива. И это нас двигало на новые подвиги, на достижение наивысшей производительности труда»*). При этом они чувствуют свою ответственность и радеют не только за городские проблемы, но и за развитие региона в целом. Одной из основных целей, озвученной ими во время интервью, было возрождение промышленной мощности региона. Представители сообщества описали практики, опыт взаимодействия с городской властью для решения проблем, популярной формой участия являлись личные встречи и переговоры с мэром города, губернатором. При этом для «ветеранов» характерен высокий уровень одобрения намеченного властями курса (*«Большое спасибо сегодня нашему губернатору – Сергею Евгеньевичу. До него ни один руководитель области не смог обеспечить такой огромный финансовый приток»; «Да, спасибо ему, что строится спортивный кластер. Сегодня идет помощь, социальная поддержке»; «Спасибо Илья Владимирович, конечно, привлек много, правильно, поправили, Проспект Ленина, и вот его именно участие, брака много допустили, он ездил сам проверял»*).

«Ветераны» чаще рассуждают не о проблемах конкретного города, а о проблемах региона в целом. Примеры, к которым они апеллировали в ходе дискуссии, их трудовая деятельность и восприятие сосредоточены на области. В процессе фокус-группового интервью можно было проследить желание исправить причиненный экологии региона вред, который был нанесен бурным промышленным развитием, в котором они как представители профессионального сообщества принимали активное участие (*«В связи с этим проявляется стойкий запрос на сохранение природы. Вот, ну, и дальше. Дальше – по лесопосадкам. Ну, я был один из тех, кто за Бор наш воевал, когда там думали строительство ввести в Бору. Вот, мы вроде бы его отстояли, но тем не менее, почистить его надо»*).

По мнению большинства участников фокус-групп, людям необходимо объединяться в сообщества для решения различных проблем. Они способны существенно влиять на решение местных социально-экономических проблем, на повышение качества управленческих решений в различных сферах жизнедеятельности территории. Однако на сегодняшний день данная форма гражданской активности не всегда вызывает однозначные оценки в обществе, что подтвердилось и по результатам анкетного опроса.

Участники анкетного опроса (анкетный опрос, г. Кемерово, 2021 г., репрезентативная выборка, n = 665 чел.) довольно неоднозначно отнеслись к необходимости создания сообществ в городе. Значительная часть жителей высказывались, что «сообществ и так хватает», либо они вообще в них не заинтересованы. Присутствовали и более резкие высказывания, связанные с недостаточной практической эффективностью существующих сообществ в городе (*«Думаю, что сообществ много – пользы мало»; «Их и так много, но толку мало: только друг другу и жалуются, а толку нет»; «Сообщества есть. Эффективности нет», «сообщества?? разве – это важно???»*). В общественном мнении нет единого представления о том, что такое сообщества, чем они занимаются, где начинается деятельность сообществ, а где – разовые акции.

Для группы «Школьники» основным препятствием для участия в общественно-полезной деятельности является отсутствие уверенности в том, что их действия могут привести к серьезным, значимым изменениям. При оценке значимости собственных усилий школьники заявляли о том, что они мало на что могут повлиять (*«То есть это люди, во-первых. То есть я могу, предположим, сортировать мусор, ... не мусорить… Но из-за заводов, на которые я никак не могу оказать своё влияние, мне кажется я не могу сильно так повлиять»; «А смысл в этом участии? От нас это особо сильно не зависит, это же зависит всё…»*). Таким образом, выделяя определенный комплекс проблем, учащиеся не хотят брать на себя инициативу в их решении, хотя при этом высоко оценивают потенциальные возможности объединения жителей. Групповая дискуссия с подрастающим поколением показала отсутствие самоидентификации с городскими сообществами, что выступает как барьер для значимых действий, проявления активности и участия в процессах взаимодействия с властью и благоустройства городского пространства.

Если «Школьники» слабо оценивают свою возможность повлиять на происходящее в городе, то «Ветераны» демонстрируют как готовность участвовать во взаимодействии с властью, так и реальные практики («*Я начал было говорить, но попал в больницу, и вместо того, чтобы я начал с Середюком* (глава города Кемерово. – *Авт*.) *разговаривать*». Городские проблемы занимают в их сознании не меньшее (а может быть, даже большее) место. Дороги, больницы, школы, экология, общественный порядок, отсутствие инфраструктуры, отток молодежи – все это перечисляется большинством респондентов (*«Но и по Кемерово, хвалится нам нечем. Ничего хорошего нет, в прошлом году асфальт, который везде положили, везде колея, и кругом колея. ... Вот тут всё это разносится, вот, знаете, только сейчас у нас есть такая возможность и по экологии, и по этим заводом – по всему сделать с этим губернатором*»). Каждый из участников данной фокус-группы в своей вступительной речи (и далее – по ходу обсуждения) затронул проблемные стороны города. Несмотря на их должность и приближенность к основным институтам административно-политической деятельности, опрашиваемые занимаются общественно полезной деятельностью, потому что беспокоятся за настоящее и будущее города и связывают свою жизнь с ним (*«Все болезни этого города, они очень серьезно отражаются на мне, потому что я настоящий как бы, как говорится, абориген и житель этого города и мне все бросается в глаза»*).

Представители группы «Активисты» подчеркивают отсутствие развитого чувства ответственности за происходящее в городе, стремление жителей к патернализму и перекладыванию ответственности за решение городских проблем (*«Многие люди до сих пор не могут понять именно то, что общественное – это их общее… И если какая-то проблема возникает, они часто, например, либо отстраняются от решения этой проблемы, либо пускай это решают власти, хотя власти не хотят и не будут это решать, потому что не видят именно заинтересованности самих людей. Потому что люди не воспринимают, ещё раз говорю, как именно своё»*).

Они также отметили сложность реализации инициативных проектов в городе (*«Много было примеров, когда были яркие, классные идеи, но это сопротивление выстраивает вот эту середину и посредственность»; «Если ты что-то хочешь в Кемерово сделать необычное, не-*

стандартное, то у тебя всё равно ничего не получится, потому что тебе не дадут возможность и вообще это никому не надо»; «В Кемерово сделать что-то прикольное не получится. Потому что: а) не надо людям; б) не надо властям и с) если хочешь чего-то добиться – едь отсюда»). По их мнению, достигая своих целей, городские сообщества либо распадаются, либо их активность существенно снижается после решения проблемы.

Представители культурно-образовательного сообщества видят в городе не только промышленный потенциал, но и внутренний стимул к саморазвитию у местных сообществ за счет соседских отношений, способных перерастать в межрайонные связи. В ходе фокус-группы была продемонстрирована включенность в жизнь города через профессиональную компетенцию (*«Летишь на самолете, а влетаешь в черное облако, поэтому город особых чувств не вызывал… И у меня отношение к городу изменилось только после того, как я перешла работать в музей "Красная горка", то есть мы стали изучать историю более такую глубокую, какие-то страницы, и вот тут у меня стало меняться отношение»*). Они позиционируют себя как «идейных вдохновителей», подтверждая это своей профессиональной компетентностью и опытом работы в культурной или научной сфере, но не готовы активно участвовать в процессах территориальной самоорганизации, а также в изменении городской среды.

Результаты анкетного опроса подтверждают неготовность жителей выступать инициаторами и организаторами городских изменений. Респонденты чаще всего видят себя в роли участников и волонтеров, причем показатели выбора данных вариантов выше в полярных возрастных группах: 18-29 лет и старше 55 лет (рис.). Данная тенденция прослеживается и в остальных вариантах, где наибольшее количество выборов показывают представители молодежи и старшей возрастной группы. Это может быть связано с большими амбициями молодых людей и наличием большего количества свободного времени и желания поделиться своим опытом у представителей старшего поколения. Тем не менее высок процент респондентов, не готовых принимать личное участие в каких-либо проектах (10,5%). Дополнительной иллюстрацией могут послужить примеры ответов из варианта «другое», где часто упоминаются такие роли, как «наблюдатель», «зритель». Это также подчеркивает пассивность участия многих жителей в проектах развития города.

Мотивация местных сообществ к принятию участия в изменении городской среды находится на низком уровне, для них предпочтительней пассивная роль участника-наблюдателя, чем инициатора-организатора. Находясь в своей повседневной рутине (работа, семья, отсутствие свободного времени и пр.), они не желают брать на себя роль соучастника городского развития, перекладывая ответственность на компетентных, по их мнению, специалистов.

В связи с активным развитием цифровых технологий взаимодействие власти и местных сообществ переходит в онлайн-поле. Одним из таких онлайн-инструментов, который используют органы власти, является прямой эфир в социальных сетях. Однако зачастую он проходит в формате ответов на заготовленные вопросы. Местные власти упрощенно подходят к процессу вовлечения населения в изменения городской среды, ограничиваясь проведением голосований, в то время как соучастие предполагает учет мнения жителей на всех этапах реализации проекта.

РОЛЬ	КОЛИЧЕСТВО ОТВЕТОВ	%
ОРГАНИЗАТОРА	59	6,8%
ПАРТНЕРА	41	4,7%
ПРОФЕССИОНАЛА	71	8,1%
УЧАСТНИКА	200	22,9%
ВОЛОНТЕРА	131	15%
КОММУНИКАТОРА	41	4,7%
НЕ ГОТОВ ПРИНИМАТЬ ЛИЧНОЕ УЧАСТИЕ	92	10,5%
ЗАПУСТИТЬ СВОЙ ПРОЕКТ	40	4,6%
ДРУГОЕ	198	22,7%
ИТОГО	873	100

Рис. Роли, которые респонденты готовы выполнять в проектах развития города (анкетный опрос, г. Кемерово, 2021 г., n=665 чел., допускалось несколько вариантов ответа)

Например, в г. Кемерово в 2021 г. была предпринята попытка организации местных сообществ для разработки технического задания для городской набережной, отобрана инициативная группа жителей, разработано техническое задание, результаты были представлены городским властям, в настоящее время проект еще не завершен и находится на стадии согласований. Однако такие примеры соучастия населения единичны и в основном ограничиваются выбором объекта благоустройства в голосовании [32]. На практике может складываться ситуация дисбаланса влияния, когда сами местные власти занимаются патронажем определенных объектов, продвигая приоритетные инфраструктурные проекты по модернизации или благоустройству, опираясь исключительно на собственные представления, плановые показатели и т. д.

Выводы

На основании проведенного исследования выделенные ранее формы взаимодействия населения с властью (противодействие, воздействие и бездействие) проявились у разных групп местных сообществ.

Форму двустороннего взаимодействия с органами власти города демонстрирует и поддерживает только сообщество «Ветеранов». Сообщество включает в себя, несмотря на возраст подавляющего большинства ее членов, активных и инициативных людей за счет характера, сложившегося в результате многолетнего тяжелого физического труда. Взаимодействие «Ветеранов» с властью реализуется через различные доступные способы – от личных обращений до участия во вспомогательных консультативных и общественных организациях при администрации города.

Разделяемые социальные, культурные, институциональные практики позволяют им за счет самоорганизационных механизмов мобилизоваться для решения повседневных, бытовых, инфраструктурных проблем. Во время проведения дискуссии «Ветераны» продемонстрировали высокий уровень заинтересованности проблемами региона в целом, готовности

участия в их решении совместно с органами власти, а также самостоятельно. В отличие от сообщества «Школьники», для которого актуально развитие, в первую очередь собственное, представители которого готовы уезжать в другие города, старшее поколение пытается вернуть город и Кузбасс в сферу промышленной логики развития.

Чувство трудовой солидарности формирует общую идею возрождения советского прошлого, что сужает возможные практики взаимодействия как с другими городскими сообществами, так и властью. «Ветераны» привыкли решать проблемы за счет имеющегося социального и человеческого капитала внутри группы. Вариантов и форм объединения и совместных усилий по решению каких-либо трудностей с другими городскими и региональными сообществами в ходе фокус-групп и анкетного опроса не было выявлено.

Форма бездействия проявилась в группе «Школьники», что обусловлено демонстрацией высокого уровня недовольства инфраструктурой города, но одновременно низкой степенью готовности к каким-либо действиям по ее улучшению. Их реальная готовность принимать ответственные решения, совершать необходимые действия отстает от социального запроса на такую готовность. У молодых людей это проявляется особенно ярко, поскольку недостаточно сформирована личная устойчивая социальная позиция и отсутствует жизненный опыт. Демонстрируя ярко выраженный слактивизм в отношениях с органами власти, а также внутри своей социальной группы, сообщество придерживается оппозиционно настроенных взглядов относительно возможности развития городской среды, что, по их мнению, выступает формой соучастия в решении городских проблем, однако не является реальными активными действиями или предложениями, создавая иллюзию участия. Взаимодействие данного сообщества с властью сопровождается ощущением беспомощности в решении городских проблем, слабой связью с историческим прошлым территории.

Низкая заинтересованность проблемами города, ориентация на индивидуальные интересы, установка на обучение и дальнейшую жизнь в других городах, недоверие к власти и уверенность в собственном «бессилии» относительно результативности их инициатив обусловливают отсутствие каких-либо практик взаимодействия с местной властью. Кроме того, подкрепляются подобные установки опытом негативного отношения органов власти к инфраструктурным городским объектам: «*...у нас стоял спортивный парк, специально с фигурами, около стадиона Химик, как только был построен этот парк администрация города не следила за ним, следили люди, занимающиеся там разными видами спорта*».

Форма противодействия городским административным структурам свойственна сообществу «Активистов». Представители сообщества неоднократно упоминали о барьерах и препятствиях, возникающих в процессе реализации их проектов или предложений. В результате у них формируется чувство отстраненности власти от проблем города, снижается доверие, а собственная деятельность воспринимается как осуществляемая вопреки позиции городской власти.

Представители сообщества «Активисты» в ходе фокус-групповой дискуссии продемонстрировали, что почти все они были знакомы друг с другом, знакомы с деятельностью, которой занимаются другие участники, но существуют параллельно друг с другом, не формируя тесные взаимосвязи. В отличие от «Ветеранов», взаимодействие которых с органами власти строится исключительно на личной, офлайновой форме, «городские активи-

сты» организуют свои проекты как в онлайн-сфере (блоги, акции), так и в офлайн (выставки, фонды, экскурсии).

Форма воздействия частично проявилась у представителей «Культурологов и краеведов», для которой характерны: глубокое погружение в жизнь города, опыт научной или культурной деятельности, готовность рассуждать о стратегиях его развития – все это определяет реальный экспертный статус и возможность осуществления прогнозных процессов относительно возможных вариантов будущего развития города.

Профессиональное сообщество «Культурологи и краеведы» города хорошо знает исторические корни территории, осознает городские проблемы, но не выражает готовности к объединению с другими сообществами для их решения. Органы власти единично привлекают представителей данного сообщества для участия в экспертных обсуждениях (например, упоминается встреча с мэром города), что показывает ограниченность их воздействия. В ходе дискуссии не было отмечено подтверждений соучастия властей города в научных и/или творческих проектах представителей фокус-группы, а также какой-либо поддержки их предложений.

Основной способ достижения своих целей в процессе изменения городской среды сводится к предложению идей, инициатив органам власти через научные работы и творческие проекты. Сообществом могут разрабатываться различные проекты, однако они носят узконаправленный характер, связанный с собственными профессиональными целями, а не направленный на общее развитие территории, учитывающее интересы населения. Эксперты обладают знаниями и компетенциями, позиционируют себя как консультантов, однако не имеют ресурсов и достаточного уровня мобилизации для самостоятельной реализации предлагаемых прогнозных вариантов развития и благоустройства городской среды, социальной инфраструктуры, организации городского жизненного пространства.

Таким образом, благоустройство территории является одним из насущных вопросов, по поводу решения которого местные сообщества могут участвовать во взаимодействии с властью, так как заинтересованы в улучшении пространства своей жизни. Формы взаимодействия с властью и другими участниками местных сообществ имеют различный характер, зависящий от отличительных признаков группы, ее предпочтений и целевых направленностей, и варьируются от активного включения в городские процессы до созерцательного, стороннего бездействия по различным причинам. Нераскрытый потенциал населения и упущенный ресурс его участия в благоустройстве территории соприкасается с отсутствием вариативных форм организации этого участия со стороны власти. Принимая во внимание формы взаимодействия каждой группы местных сообществ, власть может учитывать возможности их участия в проектах развития территории, накапливать положительный опыт и в будущем использовать в практиках благоустройства территорий и привлечения к ним населения города.

Список литературы

1. Нятина Н. В. Инициативы местного населения в развитии территории: возможности и ограничения использования // Теория и практика общественного развития. 2018. № 10 (128). С. 12–15.

2. Воронкова О. А. Сетевая интериоризация – становление новой мотивационной матрицы социально-политического участия // Социально-политические исследования. 2020. № 1 (6). С. 17–28.

3. Зубаревич Н. В. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. М.: Ленанд, 2016. 264 с.

4. Медведева Н. В., Фролова Е. В., Рогач О. В. Взаимодействие и перспективы партнерства территориального общественного самоуправления с местной властью // Социологические исследования. 2021. № 10. С. 72–82. https://doi.org/10.31857/S013216250015275-5.

5. Немировский В. Г., Новиков А. С. Доверие населения к институтам власти в контексте парасоциальных отношений в современном российском обществе // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2021. Т. 6, № 4. С. 453–462.

6. Самоорганизация в локальных сообществах: практики и механизмы / Е. В. Реутов, М. Н. Реутова, И. В. Шавырина, А. А. Турьянский // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 4. С. 145–164.

7. Тихонов А. В., Мерзляков А. А., Почестнев А. А. Феномен латентного групообразования в регионах с различным уровнем социокультурной модернизации // Социологические исследования. 2021. № 10. С. 139–148. https://doi.org/10.31857/S013216250012270-0.

8. Transformative social innovation and (dis)empowerment / F. Avelino, J. M. Wittmayer, B. Pel, P. Weaver, A. Dumitru, A. Haxeltine, R. Kemp, M. S. Jorgensen, T. Bauler, S. Ruijsink, T. O'Riordan // Technological Forecasting and Social Change. 2019. Vol. 145. P. 195–206.

9. McKnight J., Cormac R. The Four Essential Elements of an Asset-based Community Development Process // Asset-Based Community Development Institute. URL: http://www.academia.edu/37616570/The_Four_Essential_Elements_of_an_Asset-based_Community_Development_ Process_2 (дата обращения: 15.09.2022).

10. Tanny T. F., Al-Hossienie C. A. Trust in government: factors affecting public trust and distrust // Jahangirnagar Journal of Administrative Studies. 2019. N 12. P. 49–63.

11. Санофф Г. Соучаствующее проектирование. Практики общественного участия в формировании среды больших и малых городов. Вологда: Проектная группа 8, 2015. 170 с.

12. Харви Д. Право на город. URL: http://www.intelros.ru/pdf/logos_03_2008/04.pdf (дата обращения: 15.09.2022).

13. Lefebvre H. Le droit à la ville. URL: https://www.persee.fr/doc/homso_0018-4306_1970_num_18_1_1371 (дата обращения: 15.09.2022).

14. Лэндри Ч. Креативный город. М.: Классика-XXI, 2006. 399 с.

15. Чирикова А. Е., Ледяев В. Г. Лидерство в локальных сообществах: в ком сегодня нуждается муниципальная власть в России // Полис. Политические исследования. 2021. № 2. С. 157–170.

16. Чирикова А. Е., Ледяев В. Г. Муниципальная власть: мотивация акторов и практики взаимодействия с регионалами // Власть и элиты / под ред. А. В. Дука. СПб.: Интерсоцис, 2018. Т. 5. С. 263–294.

17. Антипьев К. А. Социальный потенциал самоорганизации местных сообществ // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2015. № 2. С. 22-–31.

18. Желнина А. А., Тыканова Е. В. Формальные и неформальные гражданские инфраструктуры: современные исследования городского локального активизма в России // Жур-

нал социологии и социальной антропологии. 2019. № 22. С. 162–192. https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.1.8.

19. Социальное взаимодействие и политические процессы на территории: материалы республиканской научно-практической конференции: в 2 ч. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. Ч. 2. 200 с.

20. Маркин В. В. Социальное пространство России в региональном измерении: социологический анализ, моделирование, мониторинг // Россия и мир: глобальные вызовы и стратегии социокультурной модернизации: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 12-13 октября 2017 г.) / отв. ред. А. В. Тихонов. М.: Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, 2017. С. 82–87.

21. Шпак Л. Л., Токмашева Ю. В. Мобилизационно-управленческий механизм взаимодействия муниципальной власти с местными сообществами // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 399. С. 28–33.

22. Преликова Е. А. К вопросу социальной активности молодёжи в решении проблем благоустройства среды обитания // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2020. Т. 10, № 3. С. 199–206.

23. Трофимова И. Н. Территориальные сообщества в условиях постсовременности: новые подходы к исследованию // Восьмые байкальские международные социально-гуманитарные чтения: материалы: в 2 т. Иркутск: Иркутский государственный университет, 2015. С. 187–191.

24. Зотов В. В., Боев Е. И., Василенко Л. А. Гражданская активность населения в социально-сетевом пространстве региона // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 2. С. 203–216.

25. Реактивные социальные и политические взаимодействия в инновационных процессах регионов России / Е. А. Кранзеева, Е. В. Головацкий, А. В. Орлова, Н. В. Нятина, А. Л. Бурмакина // Власть и управление на Востоке России. 2021. № 2 (95). С. 86–102.

26. Федеральный проект «Формирование комфортной городской среды». URL: https://42.gorodsreda.ru/page/about (дата обращения: 10.09.2022).

27. Стандарт вовлечения граждан в решение вопросов развития городской среды. URL: https://100gorodov.ru/standart (дата обращения: 10.09.2022).

28. Глухова А., Кольба А., Соколов А. Стратегии взаимодействия территориальных сообществ в ходе городских конфликтов (на материалах экспертного опроса в крупных региональных центрах РФ) // Журнал исследований социальной политики. 2021. № 19(2). С. 239–252.

29. Кранзеева Е. А., Головацкий Е. В., Орлова А. В. Реактивное взаимодействие власти и населения в социальных сетях: транспортная реформа г. Новокузнецк // Виртуальная коммуникация и социальные сети. 2022. Т. 1, № 1. С. 24–30.

30. Кранзеева Е. А., Головацкий Е. В., Орлова А. В. Социальное и политическое взаимодействие местных сообществ региона в условиях реактивных отношений: кейсы благоустройства городского пространства // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 464. С. 81–90. https://doi.org/10.17223/15617793/464/10.

31. Тощенко Ж. Т. Фантомы российского общества. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015. 668 с.

32. Проект «Идентичный Кемерово». URL: https://idkem.ru/about (дата обращения: 17.09.2022).

References

1. Nyatina N. V. Iniciativi mestnogo naseleniya v razvitii territorii: vozmojnosti i ogranicheniya ispolzovaniya [Initiatives of the local population in the development of the territory: opportunities and limitations of usey]. *Teoriya i praktika obschestvennogo razvitiya = Theory and Practice of Social Development*, 2018, no. 10 (128), pp. 12–15.

2. Voronkova O. A. Setevaya interiorizaciya – stanovlenie novoi motivacionnoi matrici socialno-politicheskogo uchastiya [Network internalization – the formation of a new motivational matrix of socio-political participation]. *Socialno-politicheskie issledovaniya = Socio-Political Studies*, 2020, no. 1 (6), pp. 17–28.

3. Zubarevich N. V. Socialnoe razvitie regionov Rossii: problemi i tendencii perehodnogo perioda [Social Development of Russian Regions: Problems and Trends in the Transition Period]. Moscow, Lenand Publ., 2016. 264 p.

4. Medvedeva N. V., Frolova E. V., Rogach O. V. Vzaimodeistvie i perspektivi partnerstva territorialnogo obschestvennogo samoupravleniya s mestnoi vlast [Interaction and prospects for partnership of territorial public self-government with local authorities]. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological Research*, 2021, no. 10, pp. 72–82. https://doi.org/10.31857/S013216250015275-5

5. Nemirovskii V. G., Novikov A. S. Doverie naseleniya k institutam vlasti v kontekste parasocialnih otnoshenii v sovremennom rossiiskom obschestve [Public trust in the institutions of power in the context of parasocial relations in modern Russian society]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sociologicheskie i ekonomicheskie nauki = Bulletin of the Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, 2021, vol. 6, no. 4, pp. 453–462.

6. Reutov E. V., Reutova M. N., Shavirina I. V., Turyanskii A. A. Samoorganizaciya v lokalnih soobschestvah: praktiki i mehanizmi [Self-organization in local communities: practices and mechanisms]. *Monitoring obschestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnie peremeni = Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2017, no. 4, pp. 145–164.

7. Tihonov A. V., Merzlyakov A. A., Pochestnev A. A. Fenomen latentnogo grupoobrazovaniya v regionah s razlichnim urovnem sociokulturnoi modernizacii [The phenomenon of latent group formation in regions with different levels of socio-cultural modernization]. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological Research*, 2021, no. 10, pp. 139–148. https://doi.org/10.31857/S013216250012270-0

8. Avelino F., Wittmayer J. M., Pel B., Weaver P., Dumitru A., Haxeltine A., Kemp R., Jorgensen M. S., Bauler T., Ruijsink S., O'Riordan T. Transformative social innovation and (dis)empowerment. *Technological Forecasting and Social Change*, 2019, vol. 145, pp. 195–206.

9. McKnight J., Cormac R. The Four Essential Elements of an Asset-based Community Development Process. *Asset-Based Community Development Institute*. Available at: http://www.academia.edu/37616570/The_Four_Essential_Elements_of_an_Asset-based_Community_Development_Process_2. (accessed 15.09.2022)

10. Tanny T. F., Al-Hossienie C. A. Trust in government: factors affecting public trust and distrust. *Jahangirnagar Journal of Administrative Studies*, 2019, no. 12, pp. 49–63.

11. Sanoff G. Souchastvuyuschee proektirovanie. Praktiki obschestvennogo uchastiya v formirovanii sredi bolshih i malih gorodov [Participatory design. Practices of public participation in shaping the environment of large and small cities]. Vologda, Project group 8 Publ., 2015. 170 p.

12. Harvi D. Pravo na gorod [Right to the City]. Available at: http://www.intelros.ru/pdf/logos_03_2008/04.pdf. (accessed 15.09.2022)

13. Lefebvre H. Le droit à la ville [The right to the city]. Available at: https://www.persee.fr/doc/homso_0018-4306_1970_num_18_1_1371. (accessed 15.09.2022)

14. Lendri Ch. Kreativnii gorod [Creative city]. Moscow, Classic-XXI Publ., 2006. 399 p.

15. Chirikova A. E., Ledyaev V. Liderstvo v lokalnih soobschestvah: v kom segodnya nujdaetsya municipalnaya vlast v Rossii [Leadership in local communities: who does the municipal government in Russia need today]. *Polis. Politicheskie issledovaniya = Policy. Political Studies*, 2021, no. 2, pp. 157–170.

16. Chirikova A. E., Ledyaev V. G. Munitsipal'naya vlast': motivatsiya aktorov i praktiki vzaimodeistviya s regionalami [Municipal authorities: motivation of actors and practices of interaction with regionals]. Vlast i eliti [Power and elites]; ed. by A. V. Duka. St. Petersburg, Intersocis Publ., 2018, pp. 263–294.

17. Antipiev K. A. Socialnii potencial samoorganizacii mestnih soobschestv [Social potential of self-organization of local communities]. *Vestnik Permskogo nacionalnogo issledovatelskogo politehnicheskogo universiteta. Socialno-ekonomicheskie nauki = Bulletin of the Perm National Research Polytechnic University. Socio-Economic Sciences*, 2015, no. 2, pp. 22–31.

18. Jelnina A. A., Tikanova E. V. Formalnie i neformalnie grajdanskie infrastrukturi: sovremennie issledovaniya gorodskogo lokalnogo aktivizma v Rossii [Formal and Informal Civic Infrastructures: Contemporary Research on Urban Local Activism in Russia]. *Jurnal sociologii i socialnoi antropologii = Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2019, no. 22, pp. 162–192. https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.1.8

19. Socialnoe vzaimodeistvie i politicheskie processi na territorii. Materialy respublikanskoi nauchno-prakticheskoi konferentsi [Social interaction and political processes on the territory. Materials of the republican scientific and practical conference]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 1997, pt. 2. 200 p.

20. Markin V. V. [Social space of Russia in the regional dimension: sociological analysis, modeling, monitoring]. *Rossiya i mir: global'nye vyzovy i strategii sotsiokul'turnoi modernizatsii. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Moskva, 12-13 oktyabrya 2017 g.)* [Russia and the World: Global Challenges and Strategies for Sociocultural Modernization. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (Moscow, October 12–13, 2017)]; ed. by A. V. Tikhonov. Moscow, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences Publ., 2017, pp. 82–87. (In Russ.)

21. Shpak L. L., Tokmasheva Y. V. Mobilizacionno-upravlencheskii mehanizm vzaimodeistviya municipalnoi vlasti s mestnimi soobschestvami [Mobilization and management mechanism of interaction between municipal authorities and local communities]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*, 2015, no. 399, pp. 28–33.

22. Prelikova E. A. K voprosu sotsial'noi aktivnosti molodezhi v reshenii problem blagoustroistva sredy obitaniya [On the Issue of Social Activity of Young People in Solving Problems of Environmental Improvement]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Managment*. 2020, no. 10(3), pp. 199–206.

23. Trofimova I. N. [Territorial communities in postmodern conditions: new approaches to research]. *Vos'mye baikal'skie mezhdunarodnye sotsial'no-gumanitarnye chteniya. Materialy*

[Eighth Baikal International Social and Humanitarian Readings. Materials]. Irkutsk, Irkutsk State University Publ., 2015, pp. 187–191. (In Russ.)

24. Zotov V. V., Boev E. I., Vasilenko L. A. Grazhdanskaya aktivnost' naseleniya v sotsial'no-setevom prostranstve regiona [Civic activity in the region's socio-network space]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2021, no. 11(2), pp. 203–216.

25. Kranzeeva E. A., Golovackii E. V., Orlova A. V., Nyatina N. V., Burmakina A. L. Reaktivnie socialnie i politicheskie vzaimodeistviya v innovacionnih processah regionov Rossii [Reactive social and political interactions in the innovation processes of Russian regions]. *Vlast i upravlenie na Vostoke Rossii = Power and Management in the East of Russia*, 2021, no. 2 (95), pp. 86–102.

26. Federal project "Formation of a comfortable urban environment" [Federal project "Formation of a comfortable urban environment"]. Available at: https://42.gorodsreda.ru/page/about. (accessed 10.09.2022)

27. Standart vovlecheniya grazhdan v reshenie voprosov razvitiya gorodskoi sredy [Standard for Citizen Engagement in Urban Environment Development Issues]. Available at: https://100gorodov.ru/standart. (accessed 10.04.2022)

28. Gluhova A., Kolba A., Sokolov A. Strategii vzaimodeistviya territorialnih soobschestv v hode gorodskih konfliktov (na materialah ekspertnogo oprosa v krupnih regionalnih centrah RF) [Interaction strategies of territorial communities in the course of urban conflicts (on the basis of an expert survey in large regional centers of the Russian Federation)]. *Zhurnal issledovanii sotsial'noi politiki = The Journal of Social Policy Studies*, 2021, no. 19(2), pp. 239–252.

29. Kranzeeva E. A., Golovackii E. V., Orlova A. V. Reaktivnoe vzaimodeistvie vlasti i naseleniya v socialnih setyah: transportnaya reforma g. Novokuzneck [Reactive interaction between the authorities and the population in social networks: transport reform in Novokuznetsk]. *Virtualnaya kommunikaciya i socialnie seti = Virtual Communication and Social Networks*, 2022, no. 1, pp. 24–30.

30. Kranzeeva E. A., Golovackii E. V., Orlova A. V. Socialnoe i politicheskoe vzaimodeistvie mestnih soobschestv regiona v usloviyah reaktivnih otnoshenii: keisi blagoustroistva gorodskogo prostranstva [Social and political interaction of local communities in the region in conditions of reactive relations: cases of improvement of urban space]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*, 2021, no. 464, pp. 81–90. https://doi.org/10.17223/15617793/464/10

31. Toschenko J. T. Fantomi rossiiskogo obschestva [Phantoms of Russian society]. Moscow, Center for Social Forecasting and Marketing Publ., 2015. 668 p.

32. Proekt "Identichnyi Kemerovo" [The project "Identical Kemerovo"]. Available at: https://idkem.ru/about. (accessed 17.09.2022)

Информация об авторах / Information about the Authors

Кранзеева Елена Анатольевна, доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социологических наук, Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Российская Федерация,
e-mail: elkranzeeva@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-2577-9017

Elena A. Kranzeeva, Dr. of Sci. (Sociology), Associate Professor, Head of the Department of Sociological Sciences, Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation,
e-mail: elkranzeeva@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-2577-9017

Бурмакина Анна Леонидовна, старший преподаватель кафедры социологических наук, Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Российская Федерация,
e-mail: anna-sidjakina@rambler.ru,
ORCID: 0000-0003-3087-4393

Anna L. Burmakina, Senior Lecturer of the Department of Sociological Sciences, Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation,
e-mail: anna-sidjakina@rambler.ru,
ORCID: 0000-0003-3087-4393

Брандт Яна Александровна, аспирант кафедры социологических наук, Кемеровский государственный университет,
г. Кемерово, Российская Федерация,
e-mail: yan.brand@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-0194-9683

Yana A. Brandt, Post-Graduate Student of the Department of Sociological Sciences, Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation,
e-mail: yan.brand@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-0194-9683

Григорик Никита Николаевич, аспирант, ассистент кафедры социологических наук, Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Российская Федерация,
e-mail: grigorik_nikita@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-8868-0244

Nikita N. Grigorik, Post-Graduate Student, Assistant of the Department of Sociological Sciences, Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation,
e-mail: grigorik_nikita@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-8868-0244

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-1-187-198

CC BY 4.0

Нормативное и программное обеспечение модели «тройной спирали»

Е. Г. Каменский[1] ✉, А. В. Маякова[1], А. Ю. Огурцова[1], А. С. Плякин[1]

[1] Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: kamensky80@mail.ru

Резюме

Актуальность. *Модель «тройной спирали» (государство – наука – бизнес) успешно реализуется в современном пространстве цифрового (инновационного) бытия все более глобализирующегося мира. Каждый элемент «тройной спирали» нацелен на единую глобальную миссию – генерирование инноваций для улучшения качества жизни человека и общества. Для успешного достижения данной миссии на государственном и локальном уровнях формируются нормативные документы различного уровня и специализированные целевые программы.*

Целью *данного исследования является анализ значения, функций и роли модели «тройной спирали» в глобальных целях и миссиях государств, а также рассмотрение и оценка ее нормативного и программного обеспечения.*

Задачи: *оценить роль и взаимодействие элементов модели «тройной спирали» в целях улучшения качества жизни общества; рассмотреть и проанализировать нормативно-правовую базу на государственном, региональном и местном уровнях, а также способы поддержки взаимодействия «государство – наука – бизнес» со стороны властей.*

Методология. *Исследование выполнено на основании современных подходов к изучению взаимосвязи «государство – наука – бизнес», в частности научно-практического подхода Г. Ицкевича.*

Результаты: *при взаимодействии «государство – наука – бизнес» возникает нужный исключительный механизм по выработке и реализации инновационного продукта в целях улучшения качества жизни общества; нормативно-правовое обеспечение не ограничивается высшим государственным решением, а находит свое отражение и на места; на данный момент в Российской Федерации сформированы и реализуются комплексы программ и инициатив по поддержке и укреплению взаимодействия «государство – наука – бизнес»; взаимодействие элементов модели «тройной спирали» является обязательным условием перехода к университету будущего – университету 4.0.*

Выводы. *Модель «тройной спирали» находит свое применение в глобальных целях и миссиях государств, осуществляя обеспечивающую и поддерживающую функцию приоритетных направлений развития государства. В связи с этим на макроэкономическом уровне нормативно закрепляются и программно реализуются основные задачи взаимодействия «государство – наука – бизнес».*

Ключевые слова: *«тройная спираль»; государство; наука; бизнес; общество; инициатива; программа.*

Финансирование: *Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 22-28-00662, https://rscf.ru/project/22-28-00662/.*

Конфликт интересов: *В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.*

Для цитирования: Нормативное и программное обеспечение модели «тройной спирали» / Е. Г. Каменский, А. В. Маякова, А. Ю. Огурцова, А. С. Плякин // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2022. Т. 13, № 1. С. 187–198. https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-1-187-198.

Поступила в редакцию 06.12.2022 Принята к публикации 10.01.2023 Опубликована 28.02.2023

© Каменский Е. Г., Маякова А. В., Огурцова А. Ю., Плякин А. С., 2023

Regulatory and Software Support of the "Triple Helix" Model

Evgeny G. Kamensky[1] ✉, Anna V. Markova[1], Albina Y. Ogurtsova[1], Anton S. Plyakin[1]

[1] Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: kamensky80@mail.ru

Abstract

Relevance. *The "triple helix" model (state – science – business) is successfully implemented in the modern space of digital (innovative) existence of an increasingly globalizing world. Each element of the "triple helix" is aimed at a single global mission – generating innovations to improve the quality of human life and society. To successfully achieve this mission, regulatory documents of various levels and specialized target programs are being formed at the state and local levels.*

The purpose *of this study is to analyze the meaning, functions and role of the triple helix model in global goals and missions of States, as well as to review and evaluate its regulatory and software.*

Objectives. *To assess the role and interaction of the elements of the "triple helix" model in order to improve the quality of life of society; to consider and analyze the regulatory framework at the state, regional and local levels, as well as ways to support the interaction of "state – science – business" by the authorities; to analyze programs and initiatives to support and strengthen the "triple helix" model".*

Methodology. *The research is based on modern approaches to the study of the relationship "state – science – business", in particular, the scientific and practical approach of G. Itskevich.*

Results: *at interaction "state – science – business" there is the necessary exclusive mechanism on development and realization of an innovative product for improvement of quality of life of society; standard legal support isn't limited to the highest state decision, and finds the reflection and on places; at present in the Russian Federation are created and complexes of programs and initiatives of support and interaction strengthening "the state – science – business" are realized; interaction of elements of model of "a threefold spiral" is an indispensable condition of transition to future university – university 4.0.*

Conclusions. *The "triple helix" model finds its application in global goals and missions of States, providing and supporting the function of priority areas of state development. In this regard, at the macroeconomic level, the main tasks of the interaction "state – science – business" are normatively fixed and programmatically implemented.*

Keywords*: "triple helix"; state; science; business; society; initiative; program.*

Funding: *The research was carried out with the financial support of the RGNF within the framework of the scientific project No. 22-28-00662, https://rscf.ru/project/22-28-00662 /.*

Conflict of interest*: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.*

For citation: Kamensky E. G., Markova A. V., Ogurtsova A. Y., Plyakin A. S. Regulatory and Software Support of the "Triple Helix" Model. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2023; 13(1): 187-198. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-1-187-198.

Received 06.12.2022 Accepted 10.01.2023 Published 28.02.2023

***

Введение

Модель «тройной спирали» (государство – наука – бизнес) успешно реализуется в современном пространстве цифрового (инновационного) бытия все более глобализирующегося мира. «В обществе, функционирование которого строится на знаниях, ключевую роль в инновационном развитии играет модель “тройной спирали”. Она заключается в тесном взаимодействии университетов, власти и бизнеса. По мере продвижения процессов

создания, распространения и использования знаний от периферии к центру промышленного производства и управления само понятие инновации (и как продукта, и как процесса) претерпевает видоизменение. Рождается новое понятие "инновации в инновациях", суть которого состоит в реструктуризации и оптимизации инновационного процесса и создания среды, стимулирующей его продвижение» [1, с. 5].

В понятии «инновации в инновациях» заключается глубочайший смысл модели «тройной спирали». Именно при взаимодействии трех элементов спирали возникает нужный исключительный механизм по выработке и реализации инновационного продукта. Каждый элемент «тройной спирали» нацелен на единую глобальную миссию – генерирование инноваций для улучшения качества жизни человека и общества. Для успешного достижения данной миссии на государственном и локальном уровнях формируются нормативные документы различного уровня и специализированные целевые программы.

В Евросоюзе показательным примером взаимодействия «государство – наука – бизнес» является амбициозная программа Европейского союза *EUROPE 2020. A strategy for smart, sustainable and inclusive growth* [2], в рамках которой были поставлены глобальные цели и генерировались новаторские методы. Вся программа была построена на тезисе «Европа переживает трансформацию». Причем трансформация имелась в виду во всех сферах жизнедеятельности. Однако пандемия внесла свои коррективы и F. Timmermans, J. Katainen с учетом предыдущего опыта и новых знаний представили *Reflection paper towards a sustainable Europe by 2030* [3]. На основании анализа этого нормативного пространства можно определить детерминанты европейского развития по «устойчивому» вектору до горизонта 2030 г.:

1) научно-образовательные институты, инфораструктура кадровой подготовки, технологические инновации и исследования, а также тренды цифровизации;

2) фискальная политика, экономические тренды «финансов», «ценообразования» и развитие определенных моделей конкуренции;

3) принципы «открытости» и «порядка» торговых отношений;

4) менеджмент и «гормоничность» управления;

5) интегративная целостность Евросоюза как глобальный проект и залог успешности мирного устойчивого развития.

Перспективные научные, технические и технологические тренды в «спиральной» парадигме верифицируются в мировой практике конкретными репрезентациями. Это, например, модель *Machine Learning*, технология *TRL* (technology readiness level), платформа *o9 Solutions* и др.

В Российской Федерации 2021 г. был объявлен Годом науки и технологий [4]. Государство нацеливает на разработку и внедрение новых технологий во все сферы экономики и бизнеса. Модель «тройной спирали» начинает работать в прикладном направлении, что является новым шагом в будущее большой науки.

Согласно Указу Президента Российской Федерации от 25.04.2022 г. № 231 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия науки и технологий», в целях усиления роли науки и технологий в решении важнейших задач развития общества и страны, учитывая результаты, достигнутые в ходе проведения в 2021 г. в Российской Федерации Года науки и технологий, 2022–2032 годы объявлены в Российской Федерации Десятилетием науки и технологий [5]. Данный норма-

тивно-правовой документ подчеркивает важность и целесообразность модели «тройной спирали» на самом высоком государственном уровне. В рамках Указа Президента Российской Федерации от 25.04.2022 г. № 231 утверждены Положение и состав Координационного комитета по проведению в Российской Федерации Десятилетия науки и технологий, в состав которого вошли ведущие государственные политические деятели, ученые и специалисты, представители бизнеса [5]. Все вышеперечисленное говорит о том, что усиление роли науки и технологий в решении важнейших задач развития общества и страны – это важнейшая цель и направление развития государства.

Указ Президента Российской Федерации от 25.04.2022 г. № 231 можно назвать базовым нормативно-правовым актом по функционированию и развитию модели «тройной спирали» в России. Основными задачами Десятилетия науки и технологий в Российской Федерации выступают:

1) привлечение талантливой молодежи в сферу исследований и разработок;

2) содействие вовлечению исследователей и разработчиков в решение важнейших задач развития общества и страны;

3) повышение доступности информации о достижениях и перспективах российской науки для граждан Российской Федерации.

Материалы и методы

Исследование выполнено на основании современных подходов к изучению взаимосвязи «государство – наука – бизнес», в частности научно-практического подхода Г. Ицковича, базовый принцип которого заключается в рассмотрении университета как ключевого объекта, создании университета совершенно нового типа, который возьмет на себя активную роль в обществе, который меняет свои ключевые функции и отвечает за внедрение инноваций. В отличие от административно-командной модели в модели «тройной спирали» государство меньше контролирует другие институциональные сферы, чтобы позволить инициативам исходить от участников этих институциональных сфер. С другой стороны, государство начинает играть более активную роль в продвижении инноваций, нежели это происходит в рыночной модели [1; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14]. Для детального анализа программного сопровождения «тройной спирали» применяется нормативно-правовая база Российской Федерации, а также Европейского союза [2; 3; 4; 5].

Результаты и их обсуждение

Исходя из задач Десятилетия науки и технологий в Российской Федерации, можно сделать вывод о том, что взаимодействие «государство – наука – бизнес» в России будет осуществляться по принципу сбалансированной модели «тройной спирали» (рис.), в рамках которой институциональные сферы частично перекрывают друг друга, выполняют свои традиционные роли, но также приобретают новые функции [1].

Рис. Сбалансированная модель «тройной спирали» (Г. Ицкович)

В целях реализации поставленных задач проводятся мероприятия и разрабатываются технологии по консолидации трех элементов модели: научно-технические форумы и площадки, мультимедиапроекты, выставки, турниры, конкурсы и т. д. Наиболее значимые из них: формирование лабораторий мирового уровня, информационно-образовательная платформа «Наука. Территория героев», спецпроект «На острие науки», открытый конкурс для руководителей нового поколения «Лидеры России», программа стратегического академического лидерства «Приоритет 2030» и др. Отдельным блоком поддержки реализации функционала модели «тройной спирали» являются инициативы, которые представляют собой тематические социально значимые направления, которые могут включать в себя несколько проектов, объединенных общей идеей или целью [15]. На данный момент заявлены 18 инициатив [15], в частности:

– инициатива «Наука рядом» (вовлечение школьников в исследовательскую деятельность через знакомство с учеными и изобретениями);

– инициатива «Наука побеждать» (создание новых и совершенствование имеющихся механизмов выявления талантливой молодежи);

– инициатива «Проектирование будущего» (создание условий для долгосрочного планирования и регулярной актуализации приоритетных научных, научно-технических проектов);

– инициатива «Площадки для взаимодействия науки, бизнеса, государства и общества» (совершенствование механизмов взаимодействия исследователей, разработчиков и компаний реального сектора экономики);

– инициатива «Решения и сервисы для профессионального сообщества» (создание привлекательных условий для построения карьеры в сфере науки и технологий);

– инициатива «Наука для всей семьи» (мероприятия для проведения семейного досуга, посвященные науке и технологиям);

– инициатива «Инфраструктура для популяризации науки, создание контента» (создание условий и стимулирующих экосистем для производства и массового распространения произведений, посвященных науке и деятельности ученых) и др.

Основываясь на тематике и целях представленных инициатив, можно говорить о тотальном вовлечении в процесс функционирования модели «тройной спирали» социальных групп и профессиональных сообществ. Более того, степень охвата программ и инициатив позволяет говорить об их распространении на все сферы жизнедеятельности общества: экономическую, политическую, социальную и духовную. И что особенно важно, каждое из мероприятий, проводимых в рамках программ и инициатив, «вплетает» в свое целеполагание запросы общества не одной конкретной сферы жизнедеятельности, а всех четырех и рассматривает их в комплексе.

В качестве иллюстрации программного обеспечения взаимодействия «государство – наука – бизнес» релевантно представить глобальную программу стратегического академического лидерства «Приоритет – 2030», поскольку она является самой масштабной и высоко финансируемой в России [16]. Согласно Постановлению Правительства Российской Федерации от 13.05.2021 г. № 730

«О Совете по поддержке программ развития образовательных организаций высшего образования в рамках реализации программы стратегического академического лидерства “Приоритет – 2030”» и Постановлению Правительства Российской Федерации от 13.05.2021 г. № 729 «О мерах по реализации программы стратегического академического лидерства “Приоритет – 2030”», в 2021 г. начала реализацию глобальная государственная программа «Приоритет – 2030», направленная на поддержку программ развития университетов и ориентированная на содействие увеличению вклада российских университетов в достижение национальных целей развития Российской Федерации на период до 2030 г., сбалансированное пространственное развитие страны, обеспечение доступности качественного высшего образования в субъектах Российской Федерации [17; 18]. Данную программу можно считать одной из базовых программ развития в рамках функционирования сбалансированной модели «тройной спирали».

Основной целью политик вузов в рамках реализации «Приоритет – 2030» является их трансформация в известный российскому и мировому научному сообществу вуз, ориентированный на генерацию и внедрение в производство новых передовых технологий, интегрирующий образовательную, научно-исследовательскую и инновационную деятельность для социально-экономического развития региона и страны с учетом приоритетов и перспектив научно-технологического развития Российской Федерации. Для этих целей в рамках программ развития каждого вуза формируются политики (образовательная, научно-исследовательская, молодежная, экономическая и др.), охватывающие деятельность организации в целом, а также генерируются несколько стратегических проектов, которые должны стать базисом развития и трансформирования вуза. В данном случае модель «тройной спирали» является механизмом и средой для реализации программы стратегического академического лидерства.

Политики и стратегические проекты формируют единую концепцию развития и реализуются с помощью:

1) *новых видов образовательных практик*:

– образовательные программы, адаптированные под запросы ведущих предприятий региона и страны;

– образовательные программы и интенсивы, способствующие подготовке научной и технологической элиты для региона и страны;

– индивидуальные образовательные траектории;

– механизм проведения государственной итоговой аттестации с привлечением внешних экспертов (в том числе работодателей), с использованием механизма демонстрационного экзамена;

– выполнение выпускных квалификационных работ в виде бизнес-проектов (стартапов) и др.;

2) *совершенствования системы НИОКР*:

– приоритет прикладной направленности НИОКР;

– апробирование результатов НИОКР на ведущих предприятиях региона и отрасли с последующим внедрением в производственный и/или иной процесс;

– внутривузовская поддержка молодых ученых и специалистов;

– расширение области научной деятельности вуза и др.;

3) *мероприятий, направленных на акселерацию инновационных проектов, создаваемых в вузах, в том числе совместно с ведущими инновационными и технологическими отечественными и международными компаниями*:

– проектная школа инноваторов *InnovSchool*;

– образовательный интенсив *Startup University*;

– предакселератор *OIST* в рамках подготовки к этапу конкурса инновационных проектов *Open Innovations Startup Tour*;

– образовательные семинары регионального, всероссийского и международного уровней;

– проектно-образовательный интенсив НТИ при поддержке *Университета 2035* и др. [16]

Непосредственное взаимодействие «государство – наука – бизнес» в рамках программы «Приоритет – 2030» осуществляется и нормативно закрепляется путем создания консорциума, в состав которого входят ведущие образовательные организации, предприятия сферы бизнеса и государственный сектор. Например, участник программы «Приоритет – 2030» Юго-Западный государственный университет (г. Курск) для реализации целей заявленной программы развития университета выступил инициатором создания учебного, научно-технологического консорциума и в совместном участии в программе стратегического академического лидерства Минобрнауки России «Приоритет – 2030». В состав консорциума входят: администрация Курской области в лице губернатора Курской области Романа Старовойта, Юго-Западный государственный университет в лице ректора Сергея Емельянова, АО «Авиаавтоматика» им. В. В. Тарасова» в лице генерального директора Александра Попова, группа компаний КЭАЗ в лице председателя совета директоров Сергея Карачевцева, АО «Курские электрические сети» в лице генерального директора Владимира Кривова, Курская академия государственной и муниципальной службы в лице ректора Ольги Ворошиловой, ООО «Мираторг – Курск» в лице представителя Виктории Гребенкиной, Курский федеральный аграрный научный центр в лице и. о. директора Андрея Гостева [19]. Таким образом, на практике в нормативно-правовом, социально-экономическом и научно-образовательном поле была реализована основная цель модели «тройной спирали» – взаимодействие «государство – наука – бизнес» для совершенствования жизнедеятельности общества.

Возвращаясь к концепции программы «Приоритет – 2030» как иллюстрации функционирования модели «тройной спирали», стоит отметить, что стратегические проекты являются одной из базовых форм реализации программы «Приоритет – 2030». По сути, это «программа в программе» или «инновация в инновациях». Стратегический проект, как и вся программа в целом, должен решать все задачи и цели, которые указаны в политиках, но при этом еще и стать основой для дальнейшего развития и трансформации вуза. Другими словами, все мероприятия, программы, нормативные акты и пр. актуальны и для стратегического проекта. При более

детальном рассмотрении и глубоком анализе сбалансированной модели «тройной спирали» и концепции программы «Приоритет – 2030» мы видим не просто схожесть, а аналогичность в подходах. Если в сбалансированной модели «тройной спирали» инновации проявляются на пересечении трех институциональных сред, то в рамках концепции «Приоритет – 2030» на этом пересечении располагаются стратегические проекты, которые выступают в роли преобразователя знаний, умений и навыков, полученных при обучении, в развитие высокотехнологичных отраслей и научно-технологический прорыв государства. А это уже сверхзадача университета будущего – университета 4.0 [20]. Стратегические проекты = инновации при обеспечивающей функции модели «тройной спирали» – это условие успешной реализации программы «Приоритет – 2030» и достижение национальных целей развития Российской Федерации.

Выводы

На основании проведенного исследования нормативного и программного обеспечения модели «тройной спирали» можно сделать следующие выводы.

Во-первых, при взаимодействии «государство – наука – бизнес» возникает нужный исключительный механизм по выработке и реализации инновационного продукта в целях улучшения качества жизни общества.

Во-вторых, международное политическое сообщество едино во мнении поддержания и совершенствования взаимодействия трех основных элементов модели «тройной спирали». Поддержка выражается не только в материальном эквиваленте, но и путем создания стратегических программ, концепций, инициатив и мероприятий, нормативно закрепленных на государственном уровне.

В-третьих, нормативно-правовое обеспечение не ограничивается высшим государственным решением (указы Президента, постановления Правительства и т. д.), а находит свое отражение и на местах: как на региональном уровне, так и на уровне организации.

В-четвертых, на данный момент в Российской Федерации сформированы и реализуются комплексы программ и инициатив по поддержке и укреплению взаимодействия «государство – наука – бизнес». Наиболее масштабным и финансируемым проектом является программа стратегического академического лидерства «Приоритет – 2030».

В-пятых, детальное исследование программы «Приоритет – 2030» при обеспечивающей функции модели «тройной спирали» предоставило возможность отождествить стратегические проекты и инновации, а также заявить, что взаимодействие «государство – наука – бизнес» является обязательным условием перехода к университету будущего – университету 4.0.

Таким образом, модель «тройной спирали» находит свое применение в глобальных целях и миссиях государств, осуществляя обеспечивающую и поддерживающую функцию приоритетных направлений развития государства. В связи с этим на макроэкономическом уровне нормативно закрепляются и программно реализуются основные задачи взаимодействия «государство – наука – бизнес».

Список литературы

1. Ицкович Г. Модель тройной спирали // Инновации. 2011. № 4(150). С. 5–10.

2. A strategy for smart, sustainable and inclusive growth. Brussels // EUROPE 2020. URL: https://ec.europa.eu/eu2020/pdf/COMPLET%20EN%20BARROSO%20%20%20007%20-%20Europe%202020%20-%20EN%20version.pdf (дата обращения: 08.09.2022).

3. Timmermans F., Katainen J. Reflection paper towards a sustainable Europe by 2030 // European Commission COM. 2019. N 22. P. 132.

4. Год науки и технологий. URL: https://годнауки.рф (дата обращения: 16.10.2022).

5. Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия науки и технологий: Указ Президента Российской Федерации от 25.04.2022 г. № 231. URL: https:// base.garant.ru/404536068/ (дата обращения: 16.10.2022).

6. Etzkowitz H., Ranga M. Triple Helix systems: analytical framework for innovation policy and practice in the Knowledge Society // Academia. URL: https://www.academia.edu/4807351/Ranga_M._and_H._Etzkowitz_2013_Triple_Helix_Systems_An_Analytical_Framework_for_Innovation_Policy_and_Practice_in_the_Knowledge_Society_Industry_and_Higher_Education_27_4_237-262 (дата обращения: 16.10.2022).

7. Triple Helix Conference 2020 // Tampere University. URL: https://events.tuni.fi/thc2020/ (дата обращения: 16.10.2022).

8. Conference and Summit Archive // Triple Helix Association. URL: https://www.triplehelixassociation.org/conference-and-summit-archive (дата обращения: 16.10.2022).

9. Гончаров В., Коршунов А. Тройная спираль инноваций: белорусская адаптация модели // Наука и инновации. 2014. № 9. С. 25–29.

10. About THA // Triple Helix Association. URL: https://www. triplehelixassociation.org/about-tha (дата обращения: 16.10.2022).

11. Ицковиц Г. Тройная спираль. Университеты – предприятия – государство. Инновации в действии. URL: http://www.courieredu.ru/cour1110/0007.htm (дата обращения: 16.10.2022).

12. По «тройной спирали» // Forbes Kazakhstan. URL: https://forbes.kz/process/ education/po_troynoy_spirali/ (дата обращения: 16.10.2022).

13. Морозов Р., Герреро М. Формирование университета нового поколения в Беларуси: факторы и перспективы // Центр экономических исследований «БЕРОК». URL: http://www.beroc.by/webroot/delivery/files/pp74_rus.pdf (дата обращения: 16.10.2022).

14. About the ITHI // International Triple Helix Institute (ITHI). URL: http://www. triplehelix.net/home.html (дата обращения: 16.10.2022).

15. Десятилетие науки и технологий. URL: https://наука.рф (дата обращения: 16.10.2022).

16. Приоритет – 2030. URL: https://priority2030.ru (дата обращения: 16.10.2022).

17. О мерах по реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет – 2030»: Постановление Правительства Российской Федерации от 13.05.2021 г. № 729. URL: https://base.garant.ru/400793960/ (дата обращения: 16.10.2022).

18. О Совете по поддержке программ развития образовательных организаций высшего образования в рамках реализации программы стратегического академического лидер-

ства «Приоритет – 2030»: Постановление Правительства Российской Федерации от 13.05.2021 г. № 730. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202105220004 (дата обращения: 16.10.2022).

19. Соловьева С. В ЮЗГУ подписано соглашение о создании консорциума. URL: https://swsu.ru/news/media-studio/v_yuzgu_podpisano_soglashenie_o_sozdanii_konsortsiuma/ (дата обращения: 16.10.2022).

20. Титов С. В. Основные положения и перспективы развития концепции «Университет 4.0» // Международный научно-исследовательский журнал. 2019. № 6 (84). С. 66–70.

References

1. Ickovich G. Model' trojnoj spirali [The Triple helix model]. *Innovacii = Innovations*, 2011, no. 4(150), pp. 5–10.

2. A strategy for smart, sustainable and inclusive growth. Brussels. EUROPE 2020. Available at: https://ec.europa.eu/eu2020/pdf/COMPLET%20EN%20BARROSO%20%20%20007%20-%20Europe%202020%20-%20EN%20version.pdf. (accessed 08.09.2022)

3. Timmermans F., Katainen J. Reflection paper towards a sustainable Europe by 2030. *European Commission COM*, 2019, no. 22, p. 132.

4. God nauki i tekhnologij [The Year of Science and Technology]. Available at: https://godnauki.rf. (accessed 16.10.2022)

5. Ob ob"yavlenii v Rossijskoj Federacii Desyatiletiya nauki i tekhnologij [On the announcement of the Decade of Science and Technology in the Russian Federation]. Decree of the President of the Russian Federation of April 25, 2022 № 231. Available at: https://base.garant.ru/404536068/. (accessed 16.10.2022)

6. Etzkowitz H., Ranga M. Triple Helix systems: analytical framework for innovation policy and practice in the Knowledge Society. Academia. Available at: https://www. academia.edu/4807351/Ranga_M._and_H._Etzkowitz_2013_Triple_Helix_Systems_An_Analytical_Framework_for_Innovation_Policy_and_Practice_in_the_Knowledge_Society_Industry_and_ Higher_Educatio n_27_4_237-262. (accessed 16.10.2022)

7. Triple Helix Conference 2020. Tampere University. Available at: https://events.tuni.fi/thc2020/. (accessed 16.10.2022)

8. Conference and Summit Archive. Triple Helix Association. Available at: https://www.triplehelixassociation.org/conference-and-summit-archive. (accessed 16.10.2022)

9. Goncharov V., Korshunov A. Trojnaya spiral' innovacij: belorusskaya adaptaciya modeli [The triple spiral of innovation: the Belarusian adaptation of the model]. *Nauka i innovacii = Science and Innovation*, 2014, no. 9, pp. 25–29.

10. About THA. Triple Helix Association. Available at: https://www. triplehelixassociation.org/about-tha. (accessed 16.10.2022)

11. Ickovic G. Trojnaya spiral'. Universitety – predpriyatiya – gosudarstvo. Innovacii v dejstvii [Triple helix. Universities – enterprises – the state. Innovations in action]. Available at: http://www.courieredu.ru/cour1110/0007.htm. (accessed 16.10.2022)

12. Po "trojnoj spirali" [On the "triple helix"]. Forbes Kazakhstan. Available at: https://forbes.kz/process/education/po_troynoy_spirali/. (accessed 16.10.2022)

13. Morozov R., Gerrero M. Formirovanie universiteta novogo pokoleniya v Belarusi: faktory i perspektivy [Formation of a new generation University in Belarus: factors and prospects]. Centr ekonomicheskih issledovanij "BEROK" [BEROK Center for Economic Research]. Available at: http://www.beroc.by/webroot/delivery/files/pp74_rus.pdf. (accessed 16.10.2022)

14. About the ITHI. International Triple Helix Institute (ITHI). Available at: http:// www.triplehelix.net/home.html. (accessed 16.10.2022)

15. Desyatiletie nauki i tekhnologij [Decade of Science and Technology]. Available at: https://nauka.rf. (accessed 16.10.2022)

16. Prioritet – 2030 [Priority – 2030]. Available at: https://priority2030.ru. (accessed 16.10.2022)

17. O merah po realizacii programmy strategicheskogo akademicheskogo liderstva "Prioritet – 2030" [On measures to implement the Strategic Academic Leadership program "Priority – 2030"]. Decree of the Government of the Russian Federation of May 13, 2021 № 729. Available at: https://base.garant.ru/400793960/. (accessed 16.10.2022)

18. O Sovete po podderzhke programm razvitiya obrazovatel'nyh organizacij vysshego obrazovaniya v ramkah realizacii programmy strategicheskogo akademicheskogo liderstva "Prioritet – 2030" [On the Council for the Support of Programs for the Development of Higher Education Educational Organizations within the framework of the implementation of the strategic Academic Leadership program "Priority – 2030"]. Decree of the Government of the Russian Federation of May 13, 2021 № 730. Available at: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202105220004. (accessed 16.10.2022)

19. Solovyova S. V YUZGU podpisano soglashenie o sozdanii konsorciuma [An agreement on the creation of a consortium has been signed in Southwestern State University]. Available at: https://swsu.ru/news/media-studio/v_yuzgu_podpisano_soglashenie_o_sozdanii_konsortsiuma/. (accessed 16.10.2022)

20. Titov S. V. Osnovnye polozheniya i perspektivy razvitiya koncepcii "Universitet 4.0" [The main provisions and prospects for the development of the concept "University 4.0"]. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal = International Scientific Research Journal*, 2019, no. 6 (84), pp. 66–70.

Информация об авторах / Information about the Authors

Каменский Евгений Георгиевич, доктор философских наук, доцент кафедры философии и социологии, Юго-Западный государственный университет,
г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: kamensky80@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-1727-7167

Evgeny G. Kamensky, Dr. of Sci. (Philosophy), Associate Professor, Department of Philosophy and Sociology, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: kamensky80@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-1727-7167

Маякова Анна Васильевна, кандидат философских наук, доцент кафедры международных отношений и государственного управления, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация.
e-mail: i@amajakova.ru,
ORCID: 0000-0003-2567-0716

Anna V. Mayakova, Cand. of Sci. (Philosophy), Associate Professor, Department of International Relations and Public Administration, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: i@amajakova.ru,
ORCID: 0000-0003-2567-0716

Огурцова Альбина Юрьевна, аспирант кафедры конституционного права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: ogurtsova_96_96@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-1173-0386

Albina Yu. Ogurtsova, Post-Graduate Student of Department of a Constitutional Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: ogurtsova_96_96@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-1173-0386

Плякин Антон Семенович, аспирант кафедры электроснабжения, Юго-Западный государственный университета,
г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: kamensky80@mail.ru

Plyakin Anton Semenovich, Post-Graduate Student of Department of Power Supply, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: kamensky80@mail.ru

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-1-199-214

CC BY 4.0

Корпоративные ценности в системе ценностей персонала российских организаций

А. А. Раренко[1, 2] ✉

[1] Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук
Нахимовский пр-т, д. 51/21, г. Москва 117418, Российская Федерация

[2] Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Ленинские горы, д. 1, г. Москва 119991,Российская Федерация

✉ e-mail: andrejj97@rambler.ru

Резюме

Актуальность. *Управление по ценностям в начале XXI в. было признано одной из перспективных форм управления организациями, пришедших на смену управлению по правилам и управлению по целям. В статье рассматривается место корпоративных ценностей в ряду других видов ценностей в связи с изменением управленческой парадигмы. Актуальность статьи обусловлена тем, что в ней обсуждается вопрос корпоративных ценностей в сопоставлении с другими.*

Цель *исследования – определить роль корпоративных ценностей в системе ценностей персонала российских организаций, уточнить особенности их влияния на организационное поведение сотрудников и их отношение к выполнению профессиональных задач.*

Задачи: *выявить основные типологии ценностей, принятые сегодня; проанализировать основные виды ценностей; определить набор корпоративных ценностей в современных российских организациях.*

Методология. *Методами исследования послужили сопоставительный и сравнительный методы, а также метод анализа полученных данных.*

Результаты. *В процессе исследования автором статьи были выявлены основные типологии ценностей, признаваемые ведущими специалистами в области аксиологии, социологии, философии, были изучены основные виды ценностей, определено место корпоративных ценностей в системе ценностных ориентиров персонала современных российских организаций.*

Выводы. *Корпоративные ценности занимают значимое место в системе ценностей персонала российских организаций. Они, являясь ядром корпоративной культуры, определяют стратегические и тактические задачи организации. Наиболее актуальными, разделяемыми сотрудниками корпоративными ценностями являются сотрудничество, ответственность, профессионализм, клиентоориентированность, работа в команде, совершенствование, эффективность и лидерство. Автором предложена типология ценностей, основанная на антиномическом принципе. Таким образом, управление по ценностям как концепция управления персоналом может найти широкое применение в российских организациях.*

Ключевые слова: *ценности; традиционные ценности; корпоративные ценности; система ценностей; общественные трансформации; российское общество; традиционное общество; аксиология.*

Конфликт интересов: *В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.*

Для цитирования: Раренко А. А. Корпоративные ценности в системе ценностей персонала российских организаций // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2023. Т. 13, № 1. С. 199–214. https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-1-199-214.

Поступила в редакцию 26.12.2022 Принята к публикации 20.01.2023 Опубликована 28.02.2023

© Раренко А. А., 2023

Corporate Values in the System of Values of the Personnel of Russian Organizations

Andrey A. Rarenko[1,2] ✉

[1] Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences
51/21 Nakhimovsky Ave., Moscow 117418, Russian Federation

[2] Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russian Federation

✉ e-mail: andrejj97@rambler.ru

Abstract

Relevance. *Management by values at the beginning of the XXIst century was recognized as one of the promising forms of management of organizations that replaced management by rules and management by goals. The article examines the place of corporate values among other types of values in connection with the change in the management paradigm. The article discusses the issue of corporate values in comparison with others.*

The purpose *of the study is to determine the role of corporate values in the system of values of the personnel of modern Russian organizations, to clarify the features of their influence on the organizational behavior of the employees and their attitude to the performance of their professional tasks.*

Objectives: *identify the main typologies of values accepted today; to analyze the main types of values; to determine the set of corporate values in modern Russian organizations.*

Methodology. *The research methods were comparative and comparative methods, as well as the method of analyzing the data obtained.*

Results. *In the course of the research, the author of the article identified the main typologies of values recognized by leading experts in the field of axiology, sociology, philosophy, studied the main types of values, determined the place of corporate values in the system of value orientations of personnel of modern Russian organizations.*

Conclusions. *Corporate values occupy a significant place in the system of values of the personnel of modern Russian organizations. They, being the core of the corporate culture, determine the strategic and tactical objectives of the organization. The most relevant corporate values shared by employees are cooperation, responsibility, professionalism, customer orientation, teamwork, improvement, efficiency and leadership. The author proposes a typology of values based on the antinomic principle. Thus, values management as a concept of personnel management can find wide application in Russian organizations.*

Keywords*: values; traditional values; corporate values; value system; social transformations; Russian society; traditional society; axiology.*

Conflict of interest*: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.*

For citation: Rarenko A. A. Corporate Values in the System of Personnel Values of Russian Organizations. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2023; 13(1): 199–214. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-1-199-214.

Received 26.12.2022 Accepted 20.01.2023 Published 28.02.2023

***

Введение

В связи с тем, что в настоящее время обществе происходит изменение управленческой парадигмы, изучение места корпоративных ценностей в ряду других видов ценностей работника в современной организации становится особо актуальным. Несмотря на то, что выделение

корпоративных ценностей в особую категорию произошло относительно недавно, признание наличия определенных правил при совместной трудовой деятельности следует считать очевидным фактом. Даже древние люди в процессе совместной охоты на крупных млекопитающих, по-видимому, придерживались некоторого алгоритма действий во имя достижения общей цели.

В античной философии вопрос ценностей, безусловно, поднимался, однако не как объект отдельного исследования и изучения, а в связи с другими, более насущными на тот момент проблемами. Как следует из анализа научной литературы, понятие «ценность» как философская категория впервые рассматривается в работах немецкого философа И. Канта (1724 - 1804), когда он объясняет сущность нравственного поведения, которое, согласно кантовскому пониманию ценности такого рода поведения, заключается в отсутствии у человека утилитарного отношения к другому члену общества (см. подробнее [1]).

В настоящее время корпоративные ценности признаются ядром корпоративной культуры. От того, насколько сильна корпоративная культура, зависит эффективное развитие предприятия, а также его развитие в целом, в связи с чем изучение корпоративных ценностей становится исключительно актуальным в наше время. Высокая конкуренция практически во всех отраслях экономики и, как следствие, стремление мотивировать сотрудников, привлечь к работе наиболее перспективных сотрудников заставляют работодателей задуматься над необходимостью внедрения концепции управления по ценностям.

Материалы и методы

Для того чтобы выяснить, какое место среди других видов ценностей занимают корпоративные ценности, были изучены наиболее значимые типологии ценностей, отраженные в работах ведущих отечественных и зарубежных специалистов в области аксиологии, социологии, социальной психологии. Для анализа полученных в ходе данных были применены сравнительный и сопоставительный методы исследования.

Результаты и их обсуждение

Понятие «ценность»

В настоящее время существует множество определений понятия «ценность» – как узких, так и широких, используемых в повседневной речевой практике и в специальной литературе. Так, Н. И. Лапин определяет ценности как «обобщенные представления людей относительно целей и норм своего поведения, воплощающие исторический опыт и концентрированно выражающие смысл культуры отдельного этноса и всего человечества» [2, с. 3], А. С. Каминский – как «материальные или идеальные предметы, обладающие значимостью для всех социальных субъектов с позиций удовлетворения потребностей общества» [3, с. 89]. Для Т. Парсонса ценности – это высшие принципы, приводящие к согласию и гармонии, как в малых социальных группах, так и в обществе в целом [4; 5]. В самом общем виде ценность понимается как «предмет некоторого интереса, желания, стремления и т. п., или, короче говоря, объект значимый для человека или группы лиц» [6, с. 67], т. е. в разных социальных группах ценностью могут

выступать довольно разные объекты (более подробно см., например: [7; 8]).

Виды ценностей в современном обществе

В настоящее время проблемами ценностей занимаются представители многих гуманитарных направлений, однако изначально ценности как объект исследования привлекали внимание философов и позднее социологов. Аксиология (от греч. ἀξία – ценность) как отдельное направление внутри философии, изучающее ценности, их иерархию, а также специфику ценностных суждений, получила свой независимый статус только в 1904 г. – так Э. фон Гартман (1846–1906), немецкий философ, обозначил один из разделов философии [9] (сам термин «аксиология» был введен в научный оборот двумя годами ранее французским философом П. Лапи (1869–1927) в работе «Логика воли» [10]).

Одной из первых типологий ценностей можно считать иерархию ценностей, предложенную Э.фон Гартманом: удовольствие – целесообразность – красота – нравственность – религиозность. Низшее положение в этой иерархии ценностей занимает удовольствие, высшее – религиозность [9]. Немецкий философ и социолог М. Шелер (1874–1928) предложил шкалу ценностных модальностей, состоящую из четырёх рядов: 1) «приятное» и «неприятное»; 2) витальные ценности («благополучие», «благосостояние», здоровье и болезнь и т. п.); 3) духовные ценности: «прекрасное» и «безобразное», «справедливое» и «несправедливое», ценности чистого познания истины; 4) высшая модальность «святого» и «несвятого», являющая себя только в «абсолютных предметах», так что все остальные ценности являются её символами [11, с. 323–327]. Другой немецкий философ, психолог и педагог Э. Шпрангер (1882–1963) в основу своей системы ценностей, также представленной в виде рядов, положил принцип, можно ли тот или иной ряд отнести к средствам или целям по отношению к другим (только средством, согласно его представлению, оказываются экономические ценности, а только целью, соответственно, религиозные; между этими двумя рядами философ располагает такие ценности, как теоретические и эстетические, политические и социальные) [12]. Еще один немецкий философ, Г. Риккерт (1863–1936), предложил рассматривать ценности триадами. Так, первую триаду ценностей Г. Риккерта составляют ценности теоретические (научные), эстетические и ценности монистической религии. Триада ценностей, соотносимых с личностями, согласно философу, включает ценности нравственные, ценности личной жизни (первая из которых любовь) и ценности теистической религии. Все рассмотренные выше типологии ценностей относятся к классическому периоду развития аксиологии и были в основе своей умозрительными, вследствие чего в дальнейшем подвергались серьезной критике [13; 14; 15].

Более поздние классификации ценностей, характерные для новейшего этапа развития аксиологии, в т. ч. и предложенные социологами, носят более практический характер. Употребление сегодня существительного «ценность» и прилагательного «ценностный» практически во всех сферах и областях человеческого познания и деятельности (начиная от политики и заканчивая медициной) привело к отождествлению понятия «ценности» с понятиями «потребности» (имеются в

виду «потребности человеческой природы»), «социальные интересы», «поведенческие приоритеты» и пр.

Во второй половине XX в. исследователи предлагали многочисленные классификации ценностей в зависимости от принципа, положенного в их основу. Классификации по своей природе были как одноаспектными (т. е. в их основе был один принцип) или многоаспектными (в основу классификации ставились два и более принципа). Рассмотрим наиболее значимые классификации ценностей.

Одна из наиболее известных, признаваемых сегодня типологий ценностей принадлежит американскому философу Н. Решеру (N. Rescher, род. 1928 г.). Н. Решер выделяет материальные и физические ценности (здоровье, комфорт, физическая безопасность), экономические (экономическая уверенность, производительность, эффективность), моральные (честность, справедливость), социальные (благотворительность, вежливость), политические (свобода, равноправие, законность), эстетические (красота, гармония, симметрия), религиозные (смирение, умиление, просветленность сознания), интеллектуальные (знание, ясность, логичность), профессиональные (признание, успех), сентиментальные (любовь, притягательность, дружба). Решеру принадлежит также многоаспектная классификация ценностей по ряду оснований, в частности, по субъекту, разделяющему данную ценность [16].

В. Э. Франкл (1905–1997), австрийский психолог, психиатр, невролог, социолог и философ, считал, что все ценности можно объединить в три группы: 1) ценности творчества (то есть то, при помощи чего человек дает жизни, – его творческая жизнь); 2) ценности переживания – то, при помощи чего человек берет от жизни, – его переживания); 3) ценности отношения (т. е. то, как человек относится к своей жизни) [17; 18; 19; 20]. В работе «Человек в поисках смысла» исследователь обосновывает смысл бытия человека, объясняя его через анализ разработанной им системы ценностей [20].

Американский социальный психолог М. Рокич (1918–1988) предложил различать ценности-цели и ценности-средства, или, иначе говоря, терминальные ценности и инструментальные ценности. К терминальным ценностям М. Рокич относил: 1) активную, деятельную жизнь; 2) жизненную мудрость (зрелость суждений и здравый смысл, достигаемые жизненным опытом); 3) здоровье (физическое и психическое); 4) интересную работу; 5) красоту природы и искусства (переживание прекрасного в природе и в искусстве; 6) любовь (внутренняя бескорыстная потребность в растущем человеке); 7) материально обеспеченную жизнь (отсутствие материальных затруднений): 8) наличие хороших и верных друзей: 9) общую хорошую обстановку в стране, в обществе, сохранение мира между народами (как условие благополучия каждого); 9) общественное признание (уважение окружающих, коллектива, коллег); 10) познание (возможность расширения своего образования, кругозора, общей культуры, интеллектуальное развитие); 11) продуктивную жизнь (максимально полное использование своих возможностей, сил и способностей); 12) равенство (равные возможности для всех); 13) самостоятельность как независимость в суждениях и оценку; 14) свободу как

независимость в поступках и действиях; 15) счастливую семейную жизнь; 16) творчество (возможность творческой деятельности); 17) уверенность в себе (свободу от внутренних противоречий, сомнений); 18) удовольствия (жизнь, полную удовольствий, развлечений, приятного проведения времени).

К целям-средствам исследователь относил: 1) аккуратность (чистоплотность, умение содержать в порядке свои вещи, порядок в делах); 2) воспитанность (хорошие манеры, вежливость); 3) высокие запросы (высокие притязания); 4) жизнерадостность (чувство юмора); 5) независимость (способность действовать самостоятельно, решительно); 6) непримиримость к недостаткам в себе и других; 7) исполнительность (дисциплинированность); 8) образованность (широту знаний, высокую общую культуру); 9) ответственность (чувство долга, умение держать слово); 10) рационализм (умение здраво и логично мыслить, принимать обдуманные и рациональные решения); 11) самоконтроль (сдержанность, самодисциплину); 12) смелость в отстаивании своего мнения, своих взглядов; 13) твердую волю (умение настоять на своем, не отступать перед трудностями); 14) терпимость к взглядам и мнениям других, умение прощать другим их ошибки и заблуждения; 15) широту взглядов (умение понять чужую точку зрения, уважать иные вкусы, обычаи, привычки); 16) честность (правдивость, искренность); 17) эффективность в делах (трудолюбие, продуктивность в работе); 18) чуткость (заботливость) [21] (см. более подробно работы М. Рокича: [«Убеждения, установки и ценности» (1968 г.), «Природа человеческих ценностей» (1979 г.)]).

Таким образом, М. Рокич различает два класса ценностей: терминальные – убеждения, суть которых состоит в том, что конечная цель индивидуального существования стоит того, чтобы к ней стремиться; инструментальные – убеждения в том, что какой-то образ действий или свойство личности является предпочтительным в любой ситуации [21].

Идеи М. Рокича были развиты отечественными социологами. Так, российский социолог Н. И. Лапин полагает, что различие терминальных и инструментальных ценностей должно рассматриваться в качестве наиболее фундаментального основания для их типологии: «терминальные, или целевые ценности обобщенно выражают важнейшие цели, идеалы, самоценные смыслы жизни людей… В инструментальных ценностях запечатлены нормы, средства, качества людей, позволяющие им достигать те или иные цели…» [2, с. 48].

Ф. М. Бородкин в своих использует понятие «терминальные ценности», однако термин «инструментальные ценности» предлагает заменить термином «достижительные ценности» [22; 23].

Американский социолог Р. Инглхарт (Институт социальных исследований при Университете штата Мичиган, США) подразделяет ценности на материалистические и постматериалистические: материалистические ценности в качестве приоритета выделяют материальное благосостояние, экономический рост, борьбу против преступности, в то время как постматериалистические ориентируются на престиж, самореализацию, взаимопонимание [24; 25; 26; 27; 28; 29; 30].

Следует отметить разработанную отечественным социологом Н. Ф. Наумовой типологию ценностей по месту в ста-

тусно-иерархической структуре ценностного сознания личности. Автор этой теории выделяет четыре группы ценностей [31; 32; 33]: 1) ценности высшего статуса, «ядро» ценностной структуры; 2) ценности среднего статуса, которые могут перемещаться в состав ядра или на периферию, поэтому их можно представить как «структурный резерв»; 3) ценности ниже среднего, но не самого низкого статуса, или «периферия» – они также могут перемещаться в «резерв» или в «хвост»; 4) ценности низшего статуса – «хвост» ценностной структуры.

Однако, несмотря на довольно большое количество известных сегодня типологий ценностей, в целом можно утверждать, что типология ценностей, которой придерживается большинство исследователей, включает в себя: 1) материальные ценности (природные богатства, средства производства, предметы потребления, памятники культуры, книги и пр.); 2) социальные (семью, этнос, государство, права человека, политические свободы и пр.); 3) духовные (знания, совесть, нравственные нормы, произведения искусства, счастье).

Также отметим, что широко обсуждаемые сегодня в научном дискурсе «традиционные ценности», «семейные ценности», «либеральные ценности», «демократические ценности» ни в одну из приведенных типологий не вошли, равно как и «корпоративные ценности».

Корпоративные ценности как самостоятельная группа ценностей

В настоящее время корпоративные ценности приобретают все большую значимость и значение, поскольку осознание организации как живого, развивающегося по своим законам организма требует учета специфики.

До приблизительно последней четверти XX в. в научной литературе понятие «корпоративные ценности» почти не употреблялось. Вместе с тем исследователи указывали на существование определенных ценностных ориентиров, которые необходимо учитывать и которые учитывались руководителями организаций в работе. Помимо понятия «корпоративные ценности» в качестве синонимов подобного рода ценности также использовались «командные ценности» (team values), «организационные ценности» (organizational values), «управление по ценностям» (management by values) и пр. В конце XX в. понятие «корпоративные ценности» (и его варианты) начинает употребляться заметно чаще, при этом авторы часто не поясняют, что они имеют в виду или ограничиваются в целом общими фразами. Так, Я. С. Яхонтова не дает определения корпоративным ценностям, а указывает, где они отражаются: «отражаются в правилах, нормах и традициях, регламентирующих поведение работников по выполнению должностных обязанностей и заданий, осуществлению делового взаимодействия, в рамках межличностного общения работников» [34]. Не менее расплывчато и описание корпоративных ценностей у М. Г. Хасяновой: «Корпоративные ценности разделяются всеми членами организации, и на их основе вырабатываются определенные нормы и формы корпоративного поведения» [35, с. 189]; «… к корпоративной культуре ценности можно определить как целевое и желательное событие, поскольку личность всегда занимает позицию оценки по отношению ко всем элементам

окружающей ее внешней среды. Ценности в данном случае служат стимулом, необходимым условием для любого рода взаимодействия. Каждый член корпорации в рамках общего ценностного образа занимает также индивидуальную ценностную позицию, которая может изменяться в процессе межличностного взаимодействия и обмена ценностями» [35, с. 192 - 193].

Проведенный нами анализ подходов к определению понятия «корпоративные ценности» показал, что их три. Первый подход, который мы предлагаем условно назвать «качественный», носит описательный характер. Следующие этому подходу исследователи отвечают на вопрос, что собой представляют корпоративные ценности, и отвечают на него, используя следующие обороты: «это (универсальная) модель», «это ядро корпоративной культуры», «это часть корпоративной культуры», «это (преобладающие) ориентиры», «это мотивирующая сила», «это стандарты, шаблоны поведения» и пр. Например, П. В. Тихомиров пишет, что корпоративные ценности – «преобладающие ориентиры, установки, которые задают морально-нравственные коллективные нормы и считаются инструментом противодействия влиянию разрушающих процессов внутри коллектива» [36, с. 176]. Второй подход носит инструментальный характер, т. е. корпоративные ценности рассматриваются в этом случае как некий инструмент (путь, способ и пр.) для достижения чего-либо: «помогают определить работнику, что есть верным, а что нет в достижении целей организации», «на их основе вырабатываются определенные нормы и формы корпоративного поведения», «они оказывают основное влияние на выбор стратегии», «они определяют и регламентируют поведение сотрудников в компании» и пр. Примером может стать уже приведенное выше определение М. Г. Хасяновой. Наконец, третий подход, также описательный по способу представления материала, указывает на то, где корпоративные ценности отражаются и реализуются: «они отражаются в правилах, нормах и традициях <организации>», «они просматриваются и закрепляются в элементах корпоративной культуры: миссии, истории, мифах, легендах, ритуалах, традициях и условиях работы» и пр.

Тем не менее следует признать, что корпоративные ценности представляют собой вполне определенный набор ценностных ориентиров, которыми руководствуются в организациях при приеме на работу, в целом при реализации всех функций управления персоналом.

Как следует из обзора научной литературы, нельзя указать точный список корпоративных ценностей, которых должна придерживаться любая организация в своей работе. Поскольку разные организации направлены на достижение разных целей, ставят перед своими сотрудниками разные задачи, имеют разные миссии, то и набор корпоративных ценностей в них будет существенно различаться. В этом состоит главное отличие корпоративных ценностей от других видов ценностей.

Как следует из представленных на официальных сайтах шести успешно зарекомендовавших себя сегодня российских организаций, таких как: корпорации «Российские железные дороги» (РЖД) (https://www.rzd.ru/), одной из крупнейших международных инновационных биотехнологических компаний BIOCAD (https://biocad.ru/), лидера горно-

металлургической промышленности ПАО ГМК «Норильский никель» (https://www.nornickel.ru/), государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» (https://www.rosatom.ru/index.html), российского универсального коммерческого банка с государственным участием «Банк ВТБ» (https://www.vtb.ru/), российской инновационной фармацевтической компании АО «Валента Фарм» (https://www.valentapharm.com/), корпоративные ценности, разделяемые сотрудниками этих организаций, следующие (табл.).

Таблица. Корпоративные ценности российских компаний

Компания	РЖД	BIOCAD	ПАО ГМК «Норильский никель»	Корпорация «Росатом»	Банк ВТБ	АО «Валента Фарм»
1	«Партнерство»	«Пациентоориентированность»	«Надежность»	«На шаг впереди»	«Дорожим клиентом»	«Инновации»
2	«Открытость инновациям»	«Культура высоких результатов»	«Развитие»	«Ответственность за результат»	«Работаем в команде»	«Сотрудники»
3	«Люди как ценность»	«Сотрудничество»	«Эффективность»	«Эффективность»	«отвечаем за результат »	«Наши продукты»
4	«Мастерство»	«Открытость к изменениям»	«Ответственность»	«Единая команда»	«Проявляем инициативу	«Ответственность»
5	«Целостность»		«Профессионализм»	«Уважение»	«Совершенствуемся постоянно»	«Клиентоориентированность»
6	«Обновление		«Сотрудничество»	«Безопасность»		«Амбициозность в достижении лидерства»
7						«Нацеленность на результат »
8						«Сотрудничество»

Всего шестью компаниями заявлено 35 ценностных ориентиров: «партнерство», «открытость инновациям», «люди как ценность», «мастерство», «целостность», «обновление», «пациентоориентированность», «культура высоких результатов», «сотрудничество», «открытость к изменениям», «надежность», «развитие», «эффективность», «ответственность», «профессионализм», «сотрудничество», «на шаг впереди», «ответственность за результат», «эффективность», «единая команда», «уважение», «безопасность», «дорожим клиентом», «работаем в команде», «отвечаем за результат», «проявляем инициативу», «совершенствуемся постоянно», «инновации», «сотрудники», «наши продукты», «ответственность», «клиентоориентированность», «амбициозность в до-

стижении лидерства», «нацеленность на результат», «сотрудничество», которые могут быть сведены к восьми основным: «сотрудничество», «ответственность», «профессионализм», «клиентоориентированность», «работа в команде», «совершенствование», «эффективность» и «лидерство», поскольку именно эти корпоративные ценности учитываются всеми шестью перечисленными компаниями на всех стадиях работы с персоналом, в том числе при подборе новых сотрудников, оценке персонала, разработке и реализации программ обучения и развития.

Проанализировав полученные результаты, можно сделать выводы о том, что корпоративные ценности включают в себя требования в первую очередь к личностным и профессиональным качествам сотрудников. К личностным характеристикам работника относятся: 1) ответственное отношение к выполняемой работе; 2) лидерские качества; 3) умение работать в команде; к профессиональным: 1) умения, навыки и знание той области, в которой занят сотрудник; 2) готовность развиваться в профессиональном плане; 3) стремление достигать поставленные цели; 4) желание видеть потребности клиентов.

Рассмотрим ценностный профиль сотрудника современной российской организации (рис.)

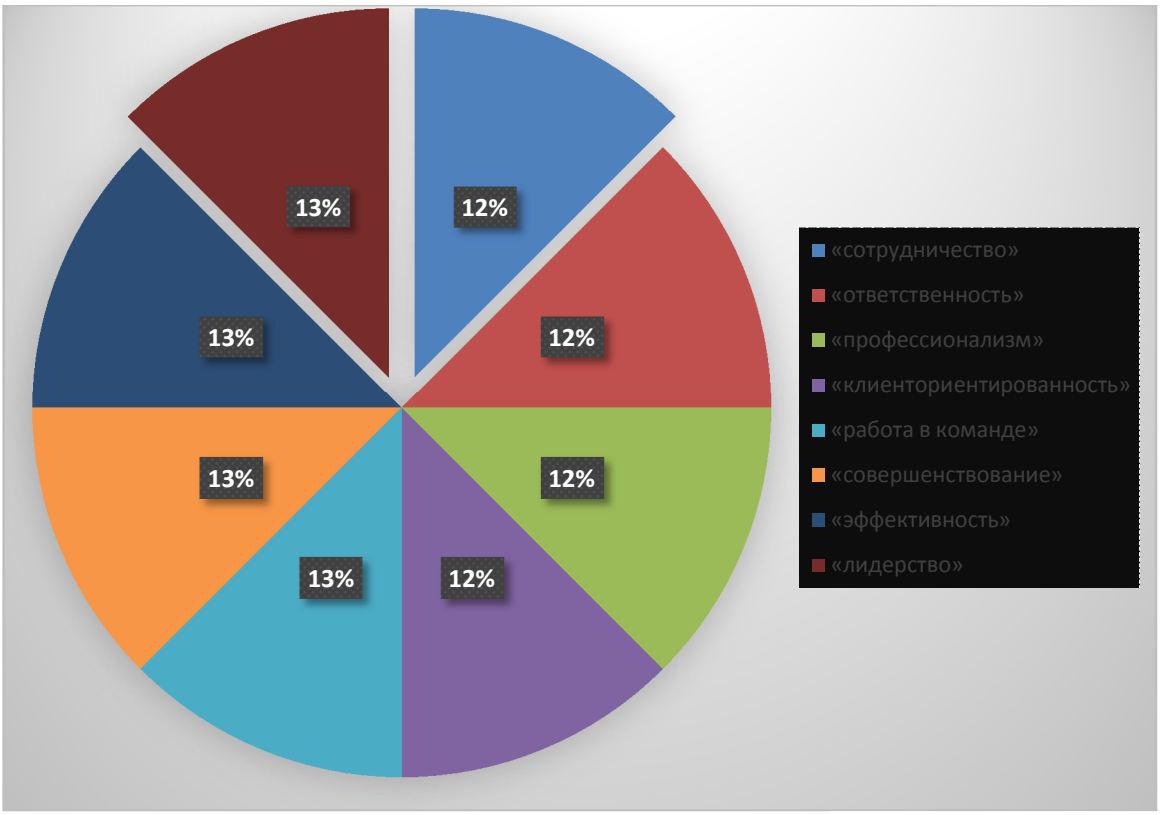

Рис. Ценностный профиль сотрудника современной российской организации (по данным официальных сайтов шести современных российских организаций)

В то же самое время, к сожалению, приходится констатировать, что наличие списка корпоративных ценностей не означает, что они разделяются сотрудниками и хоть как-то влияют на поведение персонала на рабочем месте.

Чтобы корпоративные ценности заняли значимое место в системе ценностей персонала, работодателю необходимо предпринять определенные шаги в этом направлении, поскольку если корпоративные ценности не будут разделяться сотрудниками, то и концепция управления по ценностям работать не будет. В частности, корпоративные ценности организации должны коррелировать с ценностями отдельно взятого сотрудника организации, поэтому в первую очередь должна быть разработана валидная анкета, целью которой должно стать определение основных ценностных ориентиров сотрудников. На основании результатов анкеты возможно выявление ценностных приоритетов работников и выстраивание ценностной политики организации.

Выводы

Подводя итоги, следует отметить, что в эпоху социально-политических, экономических и прочих трансформаций корпоративные ценности приобретают особое значение. Их изучение, как показывает обзор научной литературы, требует объединения усилий специалистов в области социальной психологии, социологии, экономики, управления, философии. Различные подходы к классификации ценностей углубляют наши представления о ценностной парадигме как таковой.

В теоретическом плане представляется возможным предложить типологию ценностей, которая основывается на антиномических противопоставлениях, например: консервативные ценности – либеральные ценности; витальные ценности – духовные ценности; личные (индивидуальные) ценности – корпоративные (коллективные, групповые) ценности, что позволит, в том числе, более емко охарактеризовать отдельные виды ценностей.

В практическом плане необходима разработка валидной системы оценки приоритетных ценностных ориентиров сотрудников отдельно взятой организации и дальнейшая работа по выстраиванию ценностной политики организации.

Безусловно, определение и выстраивание ценностной политики организации – довольно длительных процесс, требующих как материальных, так и моральных вложений, однако есть все основания полагать, что затраты будут в будущем оправданы.

Список литературы

1. Минасян Л. А. Глобализм и новые ценности: Что есть понятие ценности и существуют ли новые ценности // Альтернативные модели глобализации и проблемы современной глобальной динамики: монография. Ростов н/Д: Ростовский государственный экономический университет «РИНХ», 2018. С. 156–162.

2. Динамика ценностей населения реформируемой России / отв. ред. Н. И. Лапин, Л. А. Беляева. М.: Российская академия наук. Институт философии, 1996. 244 с.

3. Каминский А. С. Ценности и ценностные ориентации как социологическая категория // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования. 2015. Т. 3. С. 87–90.

4. Parsons T. Social structure and personality. New York: Free Press of Glencoe, 1964. 376 p.

5. Parsons T. Social systems and the evolution of action theory. New York: Free Press, 1977. 429 p.

6. Ивин А. А. Современная аксиология: Некоторые актуальные проблемы // Философский журнал. 2010. № 1(4). С. 66–78.

7. Коллективное «мы» или индивидуальное «я»: какую социализацию выбираем? / А. П. Абрамов, А. В. Ермаков, А. С. Чернов, Цзэ Лю // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 1. С. 176–186.

8. Коблева З. Х. Особенности ценностных установок в системе преемственности поколений в современном обществе // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2022. Т. 12, № 1. С. 182–192.

9. Гартман Э. фон. Сущность мирового процесса, или философия бессознательного: метафизика бессознательного. 3-е изд. М.: URSS: Ленанд, 2015. 430 с.

10. Lapie P. Logique de la volonté. Paris: F. Alcan, 1902. 400 p.

11. Шелер М. Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994. 490 с.

12. Шпрангер Эдуард // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / под. ред. В. С. Стёпина. М.: Советская энциклопедия, 2010. 2816 с.

13. Риккерт Г. Границы естественно-научного образования понятий: Логическое введение в исторические науки. СПб.: Наука: Санкт-Петербургская издательская фирма, 1997. 532 с.

14. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1998. 410 с.

15. Риккерт Г. Философия жизни: Изложение и критика модных течений философии нашего времени. Петербург: Akademia, 1922. 167 с.

16. Rescher N. Introduction to value theory. Englewood Cliffs; New York: Prentice-Hall, 1969. 199 p.

17. Франкл В. Быть человеком означает найти смысл. 100 главных слов. М.: Никея, 2018. 168 с.

18. Франкл В. Воля к смыслу. М.: Альпина нон-фикшн, 2021. 227 с.

19. Франкл В. О смысле жизни. М.: Альпина нон-фикшн (АНФ), 2022. 161 с.

20. Франкл В. Человек в поисках смысла: сборник. М.: Прогресс, 1990. 368 с.

21. Rokeach M. The nature of human values. New York: Free Press, 1973. 456 p.

22. Бородкин Ф. М. Третий сектор в государстве благоденствия // Мир Россиии. Социология. Этнология. 1997. Т. 6, № 2. С. 67–116.

23. Бородкин Ф. М. Ценности населения и возможности местного самоуправления // Социс. 1997. № 1. С. 98–110.

24. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. 1997. № 4. С. 6–30.

25. Inglehart R. Culture and democracy // Culture matters: How values shape human progress / L. E. Harrison, S. P. Huntington [et al.]. New York: Basic Books, 2000. P. 80–97.

26. Inglehart R. Modernization and postmodernization: Cultural, economic, and political change in 43 societies. Princeton: Princeton University Press, 1997. 453 p.

27. Inglehart R., Baker W. E. Modernization, cultural change, and the persistence of traditional values // American Sociological Review. 2000. N 65. P. 19–51.

28. Inglehart R., Welzel C. Development and democracy: What we know about modernization today // Foreign Affairs. 2009. March/April. P. 33–41.

29. Inglehart R., Welzel C. Changing mass priorities: The link between modernization and democracy // Reflections. 2010. N 8 (2). P. 551–567.

30. Development, freedom and rising happiness: A global perspective (1981–2007) / R. Inglehart, R. Foa, C. Peterson, C. Welzel // Perspectives on Psychological Science. 2008. N 3 (4). P. 264–285.

31. Влияние переходных социокультурных структур на социальные качества человека / Н. Ф. Наумова, В. П. Горяинов, Е. А. Богомолова [и др.]; отв. ред. Н. Ф. Наумова. М., 1990. 110 с.

32. Наумова Н. Ф. Социальное развитие и общественные нравы: (Некоторые актуальные вопросы теории и практики). М.: Знание, 1984. 64 с.

33. Наумова Н. Ф. Социологические и психологические аспекты целенаправленного поведения. М.: Наука, 1988. 1999 с.

34. Яхонтова Е. С. Управление ценностями как элемент управления человеческими ресурсами компании // Менеджмент в России и за рубежом. 2003. № 4. С. 73–81.

35. Хасянова М. Г. Значение ценностей в корпоративной культуре // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. Социологические науки. 2013. № 22. С. 189–195.

36. Тихомиров П. В. Мотивация сотрудников в контексте корпоративной культуры организации // Молодой ученый. 2019. № 4 (242). С. 176–179.

References

1. Minasjan L. A. Globalizm i novye cennosti: Chto est' ponjatie cennosti i sushhestvujut li novye cennosti [Globalism and new values: What is the concept of value and whether there are new values]. Al'ternativnye modeli globalizacii i problemy sovremennoj global'noj dinamiki [Alternative models of globalization and problems of modern global dynamics]. Rostov-na-Donu, Rostov State University of Economics "RINH" Publ., 2018, pp. 156–162.

2. Dinamika cennostej naselenija reformiruemoj Rossii [Dynamics of values of the population of reformed Russia]; ed. by N. I. Lapin, L. A. Beljaeva. Moscow, Russian Academy of Sciences, Institute of Philosophy Publ., 1996. 244 p.

3. Kaminskij A. S. Cennosti i cennostnye orientacii kak sociologicheskaja kategorija [Values and value orientations as a sociological category]. *Aktual'nye problemy sovremennoj nauki, tehniki i obrazovanija = Actual Problems of Modern Science, Technology and Education*, 2015, vol. 3, pp. 87–90.

4. Parsons T. Social structure and personality. New York, Free Press of Glencoe Publ., 1964. 376 p.

5. Parsons T. Social systems and the evolution of action theory. New York, Free Press Publ., 1977. 429 p.

6. Ivin A. A. Sovremennaja aksiologija: Nekotorye aktual'nye problemy [Modern axiology: Some actual problems]. *Filosofskij zhurnal = Philosophical Journal*, 2010, no. 1(4), pp. 66–78.

7. Abramov A. P., Ermakov A. V., Chernov A. S. Czje Lju Kollektivnoe "my" ili individual'noe "ja": kakuju socializaciju vybiraem? [Collective "we" or individual "I": which socialization do we choose?]. *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Jekonomika. Sociologija. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Managment,* 2021, vol. 11, no. 1, pp. 176–186.

8. Kobleva Z. H. Osobennosti cennostnyh ustanovok v sisteme preemstvennosti pokolenij v sovremennom obshhestve [Features of value attitudes in the system of succession of generations in modern society]. *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Jekonomika. Sociologija. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Managment*, 2022, vol. 12, no. 1, pp. 182–192.

9. Gartman Je. fon. Sushhnost' mirovogo processa, ili filosofija bessoznatel'nogo: metafizika bessoznatel'nogo [The essence of the world process, or the philosophy of the unconscious: metaphysics of the unconscious]. 3rd ed. Moscow, URSS, Lenand Publ., 2015. 430 p.

10. Lapie P. Logique de la volonté. Paris, F. Alcan Publ., 1902. 400 p.

11. Sheller M. Izbrannye proizvedenija [Selected works]. Moscow, Gnozis Publ., 1994. 490 p.

12. Shpranger Jeduard [Edward Spranger]. Novaja filosofskaja jenciklopedija [New philosophical Encyclopedia]; ed. by V. S. Stjopina. Moscow, Sovetskaja jenciklopedija Publ., 2010. 2816 p.

13. Rikkert G. Granicy estestvennonauchnogo obrazovanija ponjatij: Logicheskoe vvedenie v istoricheskie nauki [Boundaries of natural science education of concepts: Logical introduction in the history of science]. St. Petersburg, Nauka, St. Petersburg Publishing Company Publ., 1997. 532 p.

14. Rikkert G. Nauki o prirode i nauki o kul'ture [Sciences of nature and sciences of culture]. Moscow, Respublika Publ., 1998. 410 p.

15. Rikkert G. Filosofija zhizni: Izlozhenie i kritika modnyh techenij filosofii nashego vremeni [Philosophy of life: Exposition and criticism of fashionable trends in philosophy of our time]. Peterburg, Akademia Publ., 1922. 167 p.

16. Rescher N. Introduction to value theory. Englewood Cliffs, New York, Prentice-Hall Publ., 1969. 199 p.

17. Frankl V. Byt' chelovekom oznachaet najti smysl. 100 glavnyh slov [To be a man means to find meaning. 100 main words]. Moscow, Nikeja Publ., 2018. 168 p.

18. Frankl V. Volja k smyslu [Wish to the meaning]. Moscow, Al'pina non-fikshn Publ., 2021. 227 p.

19. Frankl V. O smysle zhizni [On the meaning of life]. Moscow, Al'pina non-fikshn (ANF) Publ., 2022. 161 p.

20. Frankl V. Chelovek v poiskah smysla. Sbornik [Man in search of meaning. A collection]. Moscow, Progress Publ., 1990. 368 p.

21. Rokeach M. The nature of human values. New York, Free Press Publ., 1973. 456 p.

22. Borodkin F. M. Tretij sektor v gosudarstve blagodenstvija [The third sector in the welfare State]. *Mir Rossiii. Sociologija. Jetnologija = The World of Russia. Sociology. Ethnology,* 1997, vol. 6, no. 2, pp. 67–116.

23. Borodkin F. M. Cennosti naselenija i vozmozhnosti mestnogo samoupravlenija [Value management as an element of human resource management of the company]. *Socis = Socis*, 1997, no. 1, pp. 98–110.

24. Inglhart R. Postmodern: menjajushhiesja cennosti i izmenjajushhiesja obshhestva [Postmodern: changing values and changing societies]. *Polis = Polis*, 1997, no. 4, pp. 6–30.

25. Harrison L. E., Huntington S. P., eds. Inglehart R. Culture and democracy. Culture matters: How values shape human progress. New York, Basic Books Publ., 2000, pp. 80–97.

26. Inglehart R. Modernization and postmodernization: Cultural, economic, and political change in 43 societies. Princeton, Princeton University Press, 1997. 453 p.

27. Inglehart R., Baker W. E. Modernization, cultural change, and the persistence of traditional values. *American Sociological Review*, 2000, no. 65, pp. 19–51.

28. Inglehart R., Welzel C. Development and democracy: What we know about modernization today. *Foreign Affairs*, 2009, March/April, pp. 33–41.

29. Inglehart R., Welzel C. Changing mass priorities: The link between modernization and democracy. *Reflections*, 2010, no. 8 (2), pp. 551–567.

30. Inglehart R., Foa R., Peterson C., Welzel C. Development, freedom and rising happiness: A global perspective (1981–2007). *Perspectives on Psychological Science*, 2008, no. 3 (4), pp. 264–285.

31. Naumova N. F., Gorjainov V. P., Bogomolova E. A., eds. Vlijanie perehodnyh sociokul'turnyh struktur na social'nye kachestva cheloveka [The influence of transitional sociocultural structures on human social qualities]; ed. by N. F. Naumova. Moscow, 1990. 110 p.

32. Naumova N. F. Social'noe razvitie i obshhestvennye nravy: (Nekotorye aktual'nye voprosy teorii i praktiki) [Social development and social mores: (Some topical issues of theory and practice)]. Moscow, Znanie Publ., 1984. 64 p.

33. Naumova N. F. Sociologicheskie i psihologicheskie aspekty celenapravlennogo povedenija [Sociological and psychological aspects of purposeful behavior]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 1999 p.

34. Jahontova E. S. Upravlenie cennostjami kak jelement upravlenija chelovecheskimi resursami kompanii [Value management as an element of human resource management of the company]. *Menedzhment v Rossii i za rubezhom= Management in Russia and Abroad*, 2003, no. 4, pp. 73–81.

35. Hasjanova M. G. Znachenie cennostej v korporativnoj kul'ture [The meaning of values in corporate culture]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. Sociologicheskie nauki = Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts. Sociological sciences*, 2013, no. 22, , pp. 189–195.

36. Tihomirov P. V. Motivacija sotrudnikov v kontekste korporativnoj kul'tury organizacii [Motivation of employees in the context of corporate culture of the organization]. *Molodoj uchenyj = Yong Researcher*, 2019, no. 4 (242), pp. 176–179.

Информация об авторе / Information about the Author

Раренко Андрей Алексеевич, младший научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук;
аспирант факультета государственного управления кафедры управления персоналом, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: andrejj97@rambler.ru,
Researcher ID: GLR-3850-2022,
ORCID: 0000-0001-5437-505X

Andrey A. Rarenko, Researcher Assistant of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; Post-Graduate Student of the Faculty of Public Administration of the Department of Personnel Management, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation,
e-mail: andrejj97@rambler.ru,
Researcher ID: GLR-3850-2022,
ORCID: 0000-0001-5437-505X

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-1-215-226

CC BY 4.0

Способности к профессиональной адаптации в системе профессионального потенциала российских офицеров

Ю. Г. Быченко[1] ✉

[1] Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации
ул. Московская, д. 158, г. Саратов 410012, Российская Федерация

✉ e-mail: bychenkoug@gmail.com

Резюме

Актуальность. *Военная организация России осуществляет переход от статичного к интенсивному развитию. В новых условиях возрастает необходимость в рамках системы профессионального потенциала офицеров выделить его адаптационную форму. Важно разработать методику оценки и целевого развития данной формы потенциала российских офицеров.*

Цель *— обоснование способности к профессиональной адаптации как компонента профессионального потенциала российских офицеров.*

Задачи: *разработать интегрированную конструкцию профессионального потенциала современных офицеров; представить анализ некоторых эмпирических данных по опросу офицеров, выявить особенность формирования адаптивного профессионального потенциала офицеров национальной гвардии России; раскрыть компоненты механизма целевого развития адаптивного профессионального потенциала офицеров в современных условиях.*

Методология. *В процессе исследования применены общетеоретические методы анализа, социокультурный, структурный подходы. Также осуществлен вторичный анализ данных социологического опроса, направленного на диагностику адаптивного профессионального потенциала офицеров.*

Результаты. *Уточнена сущность адаптивного профессионального потенциала офицеров: совокупность потенциальных способностей к профессиональному саморазвитию, самосовершенствованию, модернизации профессиональных знаний — способности к профессиональному приспособлению.*

Выводы. *Профессиональный потенциал офицера представляет собой совокупность его профессиональных возможностей, а также способностей не только для реализации, но и самосовершенствования военной профессиональной деятельности, постоянной инновационной адаптации ее в условиях роста неопределенности внешней социальной среды. Профессиональный потенциал характеризует офицера через призму его ценности для инновационного адаптивного профессионального действия, направленного на достижение целей и решения задач военной организации. В современных условиях повышается значимость адаптивного потенциала офицеров, что обусловливает необходимость активизации механизма его целевого развития. Важнейшие компоненты данного механизма: образовательная система, определяющая целевое развитие способностей к профессиональному приспособлению; дополнительная социальная поддержка и рост материального обеспечения семьи офицера как дополнительный источник саморазвития адаптивного профессионального потенциала; целевое стимулирование адаптивных профессиональных практик офицеров.*

Ключевые слова: *профессиональный потенциал; военная организация; офицер; способности к профессиональной адаптации; мотивация; стимулирование.*

Конфликт интересов: *В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных автором публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.*

© Быченко Ю. Г., 2023

Для цитирования: Быченко Ю. Г. Способности к профессиональной адаптации в системе профессионального потенциала российских офицеров // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2023. Т. 13, № 1. С. 215–226. https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-1-215-226.

Поступила в редакцию 18.12.2022 Принята к публикации 16.01.2023 Опубликована 28.02.2023

Abilities for Professional Adaptation in the System of Professional Potential of Russian Officers

Yuri G. Bychenko[1] ✉

[1] Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation
158 Moskovskaya Str., Saratov 410012, Russian Federation

✉ e-mail: bychenkoug@gmail.com

Abstract

Relevance. *The military organization of Russia is making the transition from static to intensive development. In the new conditions, there is an increasing need to identify its adaptive form within the framework of the system of professional potential of officers. It is important to develop a methodology for assessing and targeting the development of this form of potential of Russian officers.*

The purpose *is to substantiate the ability to adapt professionally as a component of the professional potential of Russian officers.*

Objectives: *to develop an integrated design of the professional potential of modern officers; to present an analysis of some empirical data on the survey of officers, to identify the peculiarity of the formation of adaptive professional potential of officers of the National Guard of Russia; to reveal the components of the mechanism of targeted development of adaptive professional potential of officers in modern conditions.*

Methodology. *In the course of the research, general theoretical methods of analysis, socio-cultural, structural approaches were applied. A secondary analysis of the data of a sociological survey aimed at diagnosing the adaptive professional potential of officers was also carried out.*

Results. *The essence of adaptive professional potential of officers is clarified: a set of potential abilities for professional self—development, self-improvement, modernization of professional knowledge - the ability to professional adaptation.*

Conclusions. *The professional potential of an officer is a combination of his professional capabilities, as well as abilities not only for the implementation, but also for self-improvement of military professional activity, its constant innovative adaptation in conditions of increasing uncertainty of the external social environment. Professional potential characterizes an officer through the prism of his value for innovative adaptive professional action aimed at achieving the goals and solving the tasks of a military organization. In modern conditions, the importance of the adaptive potential of officers is increasing, which makes it necessary to activate the mechanism of its targeted development. The most important components of this mechanism are: an educational system that determines the targeted development of abilities for professional adaptation; additional social support and the growth of material support for the officer's family as an additional source of self-development of adaptive professional potential; targeted stimulation of adaptive professional practices of officers.*

Keywords*: professional potential; military organization; officer; abilities for professional adaptation; motivation; stimulation.*

Conflict of interest*: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.*

For citation: Bychenko Yu. G. Abilities for Professional Adaptation in the System of Professional Potential of Russian Officers*. Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2023; 13(1): 215–226 (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-1-215-226.

Received 18.12.2022 Accepted 16.01.2023 Published 28.02.2023

Введение

Современная Россия переходит к принципиально новому типу общественного развития, основным фактором которого становится профессиональный потенциал: знания, образование, профессиональная адаптация. Страна вступает в новую фазу формирования и использования профессионального потенциала, когда рост общественного богатства все более зависит от человека, совокупных способностей к адаптации, возможностей реализации нововведений в процессе трудовой деятельности. Быстро меняется структура воинских коллективов, растет разделение служебной деятельности военнослужащих, усложняется технический и социальный организм военной организации. Последнее приводит к обновлению условий и характера деятельности офицера, ломке и трансформации старой системы военной профессиональной подготовки. Поэтому без понимания сути и закономерностей процесса формирования адаптивного профессионального потенциала офицеров невозможно адекватно решать проблемы роста эффективности военной службы, осваивать новейшую военную технику, формировать и накапливать необходимую информацию в процессе служебно-трудовой деятельности военных акторов.

Таким образом, военная организация России как никогда сейчас нуждается в высочайшем уровне адаптивного профессионального потенциала офицеров. Государственные вложения сегодня направляются все в большей мере на качественное совершенствование структуры, содержания и характера знаний, приобретения творческих профессиональных навыков, распространения опыта, обеспечение условий динамичной коррекции интеллектуально-творческих способностей офицеров, укрепление их высоких моральных качеств. В связи с чем объективно происходят глубокие перемены в системе образовательного воспроизводства профессионального потенциала офицеров, в динамике и структуре накопления их адаптивных профессиональных способностей.

Материалы и методы

Офицер является членом специфического профессионального коллектива военнослужащих. Он осуществляет профессиональные функции управления в военной организации разного уровня сложности [1]. В условиях роста неопределенности социальной среды необходимо обновление практик социализации военнослужащих, способов их интеграции в социальную систему общества [2], а также развития профессионального потенциала [3]. Это развитие предполагает не только диагностику, но и усвоение, осознание изменяющихся социальных, географических условий, а также профессиональных ценностей, норм, принципов профессионального действия [4]. В данных условиях усложняется структура профессионального потенциала офицера. Последняя проявляется как двойственная конструкция [5]. С одной стороны, в нее включены потенциальные способности и возможности реализации служебной военной профессиональной деятельности (набор военных профессиональных знаний, практических умений, а также служебно-трудовых навыков [6, с. 164]). С другой стороны, это непосредственно осуществляемая деятельность, регулирующие, а также управленческие действия офицеров как военных акторов [7]. В данном контексте необходимо отметить, что профессиональный потенциал офицера проявляется двойственно в структурно-статичной (потенциально-статическая система профессиональных знаний, компетенций, набора практических умений и служебно-трудовых навыков)

[8], а также действенно-реализуемой [9] (управленческие действия, определяющие реализацию набора совокупных возможностей и способностей субъектов) формах. Профессиональный потенциал офицера проявляется, с одной стороны, как система возможностей [10], с другой – стороны, как комплекс трудовой деятельности [11]. Поэтому он внешне проявляется в системе профессиональных обусловленных объективных (деятельных) и субъектных характеристик. Внешне характеризуется не только как совокупность интегрированных естественных черт, но и как система приобретенных профессиональных качеств, определяющих возможности и способности офицера выполнять возложенные на него служебные обязанности. Он определяет возможность трудовых позиций, опыта и отношений офицера. Поэтому можно констатировать, что профессиональный потенциал является важной стилеобразующей и ценностно-ориентирующей предпосылкой «субъектной активности» [12].

На основе анализа вышеперечисленных подходов можно констатировать, что профессиональный потенциал офицера является продуктом развития не только общества в целом, но и военной организации в частности [13]. Его формирование связано и определяет становление не только способностей выполнения профессиональных функций [14], но и адаптивного стиля реализации служебной деятельности [15]. Необходимым условием формирования профессионального потенциала является образовательное развитие как совокупной, так и ассоциированной способности к труду вообще и профессиональному военному управленческому труду офицера в частности.

Обобщенный подход к формированию профессионального потенциала офицера как комплексному явлению определяет его как капитальную ценность, включающую в себя сформированный в результате финансовых вложений государства, военной организации запас профессиональных знаний, компетенций, набора практических умений и служебно-трудовых навыков. Профессиональный потенциал офицера включает в себя интеллектуальные [16], физические профессиональные способности [17], мотивацию [18], возможность профессионального приспособления в результате внедрения новых знаний, имеющих не только социальную, но и экономическую ценность. Он может использоваться или используется офицером в целях реализации военной службы, а также обеспечивает ему карьерный рост [19], увеличивает семейный доход [20]. Поэтому формирование профессионального потенциала офицера необходимо рассматривать как процесс становления и образования новых социальных и экономических способностей, профессионально ценных и важных свойств офицера как профессионала. С одной стороны, это совершенствование качественных, а также количественных характеристик в результате тех или иных инвестиционных затрат государства, военной организации, непосредственного носителя, с другой – это качественное обновление стиля профессиональной деятельности офицера, повышение адаптивных возможностей, рост его карьеры, повышение материального достатка.

Таким образом, профессиональный потенциал офицера – это набор потенциальных способностей и возможностей осуществления военной и военно-управленческой профессиональной деятельности актора. С одной стороны, он представляет собой систему профессиональных знаний, компетенций, практических умений и служебно-трудовых навыков, с другой – характеризуется мерой способностей, врожденного и приобретенного таланта, профессионального об-

разования, значимых для военной организации знаний, служебных навыков, физического и психологического здоровья человека. Он включает в себя непосредственный (набор непосредственных профессиональных знаний, компетенций, практических умений и служебно-трудовых навыков), мотивационный (уровень побуждений к реализации служебной деятельности), адаптивный (система способностей к саморазвитию и приспособлению) профессиональные потенциалы. В целом профессиональный потенциал определяет возможность занятия офицером как военным субъектом определенного военного профессионального статуса, продвижения по карьерной лестнице, получение властных полномочий, повышение материального достатка.

Результаты и их обсуждение

Эмпирические основы исследования данной статьи предполагают анализ некоторых данных межрегионального исследования «Профессионально-трудовая адаптация в оценках семьи офицера войск национальной гвардии Российской Федерации». Методом анкетного опроса обследованы офицеры Приволжского и Северокавказского региональных округов России. Опрошено 520 респондентов.

Проанализируем практики формирования профессионального потенциала офицеров. Рассмотрим источники развития, структуру, основные дополнительные компоненты современного профессионального потенциала офицеров.

1. Источники развития профессионального потенциала офицеров. Все опрошенные (100%) основной источник развития профессионального потенциала связывают с профессионально-образовательной системой воинских частей. Более 80% полагают, что непосредственная военная профессиональная практика является основой и базовым источником профессионального развития. В то же время 54% опрошенных указывают на то, что социальная поддержка и материальное обеспечение семьи офицера также является вторичным источником развития профессионального потенциала.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в современных условиях основным источником развития профессионального потенциала офицеров является не только профессионально-образовательный комплекс военных организаций, но и профессиональная практика (ее связанность с непосредственными военными действиями субъектов), а также уровень материального обеспечения и социальная защита членов семьи военнослужащих. Менее десятой части офицеров (9%) констатируют отсутствие непосредственной корреляционной зависимости материального обеспечения и развития военного профессионального потенциала. Большинство опрошенных военнослужащих прослеживают прямую взаимосвязь между развитием профессионального потенциала, эффективностью образовательной подготовки, а также практической профессиональной деятельностью и социальной поддержкой семьи.

2. Структурные компоненты профессионального потенциала офицеров. В результате социологического опроса мы находим подтверждение о сложной структуре современного профессионального потенциала. Респонденты констатируют необходимость рассматривать профессиональный потенциал как сложную конструкцию потенциальных возможностей реализации служебной трудовой деятельности военных субъектов. На основе данных эмпирического исследования можно представить элементы профессионального потенциала: 1) усвоенные профессиональные знания, компе-

тенции (определяют 92% респондентов); 2) мотивация служебной деятельности (выделили 61% опрошенных); 3) адаптационные способности (позиция 43% респондентов); умения и способности эффективно выполнять служебные задачи (заявляют 22% опрощенных).

Обобщая анализ данных, необходимо отметить, что способность к профессиональной адаптации является компонентом совокупного и профессионального потенциала современного офицера. Развитие способностей к адаптации является фактором модернизации его совокупного профессионального потенциала. В новых условиях важно целевым образом развивать адаптационный потенциал, обеспечивать его востребованность в различных регионах и воинских частях России.

3. Мотивация как структурный компонент профессионального потенциала офицеров. Профессиональную мотивацию офицеры связывают с системой внутреннего побуждения к сохранению военной профессии, реализации последней, получением удовлетворения от профессионального действия [21]. В их представлении развитие мотивации представляет собой результат обеспечения: 1) материального достатка (отмечают 52% респондентов); 2) интереса к осуществлению военной профессиональной деятельности (отмечают 38% опрошенных); 3) успешности осуществления военной карьеры (отмечают 32%). В целом большинство офицеров считают, что имеют достаточную мотивацию к реализации профессиональной деятельности. Они акцентируют внимание на том, что их профессиональная деятельность является успешной и эффективной (42% характеризуют собственную профессиональную деятельность как безусловно успешную, 52% как преимущественно успешную). Более половины 66% респондентов получают удовольствие от реализации профессиональной деятельности. Им военная служба нравится.

Таким образом, офицерский состав воинских коллективов России имеет достаточно высокий мотивационный профессиональный потенциал. Формирование последнего респонденты прежде всего связывают с денежным довольствием, удовлетворением служебно-трудовых потребностей, устойчивым интересом к профессиональной деятельности, динамичной военной профессиональной карьерой. Профессиональная деятельность большинства офицеров является успешной, они уверены в будущих возможностях службы, осознают устойчивость своего положения в воинском коллективе.

4. Способности к профессиональной адаптации как структурный компонент профессионального потенциала офицеров. Адаптационный профессиональный потенциал офицеры связывают со способностями к приспособлению не только к новым условиям служебной деятельности, но и к трансформирующимся условиям жизнедеятельности его семьи в целом. 43% респондентов базовую форму профессиональной адаптации характеризуют в контексте процессов непосредственного приспособления в системе реализации военной служебно-трудовой деятельности. 24% опрошенных профессиональную адаптацию предлагают расширять до общей системы практик приспособления и освоения новых ролей офицеров на службе и в быту. 22% профессиональную адаптацию офицера рассматривают как широкий процесс приспособления военнослужащих и членов их семей к условиям жизнедеятельности в целом.

При этом отметим, что 76% офицеров в современных условиях видят необходимость реализации адаптационного профессионального потенциала в узком виде как процесс непосредственного приспособления в системе реализации воен-

ной служебно-трудовой деятельности. Последнее является фактором целевого развития не только общих знаний, но и профессиональных компетенций военных акторов. 39% офицеров подчеркивают необходимость реализации адаптационного профессионального потенциала как процесса развития совокупных способностей к физическому, а также интеллектуальному приспособлению, осуществлению инновационной модернизации служебно-трудовой деятельности. Около десятой части опрошенных подчеркивают важность реализации адаптационного профессионального потенциала в системе жизнедеятельности офицера в целом как комплексной системе служебных и трудовых его отношений.

Таким образом, в новых условиях возрастает значение способностей к профессиональной адаптации офицера. Данные способности являются существенным компонентом его профессионального потенциала и включают в себя не только адаптационные способности трудовых акторов к приспособлению в системе военной службы, но и за ее пределами. Адаптационный потенциал представляет собой компонент профессионального потенциала офицера. От охватывает отношения по реализации способностей к приспособлению во всей системе жизнедеятельности военных акторов.

Выводы

Комплексное понимание и оценка профессионального потенциала офицеров подразумевает анализ количественных, а также качественных показателей его развития. Комплексное рассмотрение формирования профессионального потенциала офицеров определяет его исследование в качестве системы трансформирующихся профессиональных характеристик, результата реализации инвестиционных ресурсов в процесс профессионального образования посредством инвестиций государства, семьи, военной организации.

Профессиональный потенциал – это набор потенциальных возможностей осуществления военной и военно-управленческой профессиональной деятельности. Это сложное комплексное явление, определяющее трехгранную систему характеристик офицеров важных и востребованных для военной организации в современных условиях. Профессиональный потенциал характеризует офицера через призму его ценности для решения целей и задач воинского коллектива, включающий в себя социально-экономический аспект всех его трудовых свойств, определяющих служебную деятельность не только в настоящем, но и в будущих стратегических периодах. Современный профессиональный потенциал офицера состоит из трех частей. Он включает в себя три базовые характеристики: 1) профессиональные знания, компетенции, практические умения и служебно-трудовые навыки (непосредственный профессиональный потенциал); 2) мотивационную систему внутреннего побуждения к реализации служебной деятельности (мотивационный профессиональный потенциал); 3) способности к профессиональному приспособлению (адаптивный профессиональный потенциал). Отметим, что различные формы данного профессионального потенциала взаимосвязаны и взаимозависимы. Адаптивный профессиональный потенциал создает возможность самостоятельного профессионального роста, общего саморазвития, освоения профессионально значимой информации. В итоге формируется способность внедрять, а также накапливать новые знания в процессе осуществления служебной деятельности офицера.

Данный адаптационный профессиональный потенциал проявляется в узкой (включает только практики начального профессионального приспособления офицера в системе служебного труда, признание новых требований военной профессии, новых ценностей, освоение адаптационных военных профессиональных знаний, компетенций, нового практического набора практических умений и служебно-трудовых навыков) и расширенной (профессиональная ассимиляция – непосредственное приспособление офицеров ко всей системе жизнедеятельности в военной профессиональной и бытовой сферах) формах. Реализацию адаптационного профессионального потенциала офицера необходимо связывать с военной профессиональной идентификацией как процессом частичного или полного отождествления индивидуальных целей и задач офицера, а также функциональных целей военной организации, проявлением комфорта реализации служебной деятельности офицера. В конечном итоге данная реализация определяет рост устойчивости и результативности его военно-профессиональной деятельности.

В данном контексте формирование совокупного профессионального потенциала офицера необходимо связывать с совершенствованием качественных, а также количественных характеристик его профессиональных способностей в результате тех или иных инвестиционных затрат. Формирование профессионального потенциала исторически связано с внешней средой военной организации и требованиями к осуществлению военной службы офицера. Поэтому становление профессионального потенциала офицера в условиях статичной и динамически развивающейся внешней социальной среды военной организации различно. В условиях статичной внешней социальной среды допускаются стабильные формы профессионального потенциала, где минимально значимы адаптивные способности индивидов. Способность к профессиональной адаптации здесь задействована фрагментарно и статично, в узких и ограниченных формах. Поэтому адаптивный потенциал как форма профессиональный потенциал проявляется здесь ограниченно в узких рамках. Ограниченность проявления адаптивного потенциала в относительно неизменных условиях функционирования военной организации не только сужает его роль и функциональное значение, но и отрицает внутриорганизационную военную необходимость его целевого формирования и расширенного воспроизводства. Также здесь отсутствует необходимость аккумуляции постоянных инвестиций в военные образовательные системы, в формировании комплексной проактивной мотивационной системы, постоянном повышении уровня социально-экономической обеспеченности офицеров и членов их семей с целью обеспечения роста их адаптивных способностей в профессиональной и бытовой сферах.

Повышение значения и комплексное проявление адаптивного профессионального потенциала происходит в условиях повышения динамичности и неопределенности внешней социальной среды военной организации. В данных условиях адаптивный потенциал реализуется в виде важнейшей формы ассоциированного профессионального потенциала офицера (человеческого фактора военной организации). Он превращается в ценный ресурс военной организации и динамично используется в виде базовой ценности всякого воинского коллектива. На основе вышеизложенного отметим, что достаточных условий проявления адаптивных способностей как профессионального потенциала два. Во-первых, рост динамичности и неопределенности внешней

социальной среды как предпосылки роста востребованности адаптивных профессиональных способностей офицеров. Во-вторых, формирование и активизация в обществе механизма формирования адаптивного профессионального потенциала офицера. Данный механизм должен включать в себя следующие компоненты: 1) образовательная система, определяющая целевое развитие способностей к профессиональному приспособлению; 2) социальная поддержка и рост материального обеспечения семьи офицера как дополнительный источник саморазвития адаптивного профессионального потенциала; 3) целевое стимулирование адаптивных профессиональных практик офицеров.

Список литературы

1. Абрамов А. П. Социология армии в условиях военного образования: реферативный обзор зарубежных практик // Гуманитарные проблемы современности: сборник материалов Международной научно-практической конференции / Юго-Западный государственный университет. Курск, 2020. С. 67–72.

2. Коллективное «Мы» или индивидуальное «Я»: какую социализацию выбираем? / А. П. Абрамов, А. В. Ермаков, А. С. Чернов, Лю Цзэ // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. № 1. С. 176.

3. Немоляев В. В., Пихтелёв А. М. Конструирование социально-профессионального развития офицеров национальной гвардии России // Вестник Поволжского института управления. 2017. Т. 17, № 3. С. 95–101.

4. Хвостанцев С. В. Социальная адаптация семьи в условиях современного этапа социальных реформ // Вестник Поволжского института управления. 2015. № 3 (48). С. 86–92.

5. Производительные силы человека: структура и формы проявления / А. И. Добрынин, С. А. Дятлов, В. А. Коннов, С. А. Курганский. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета экономики и финансов, 1993. 164 с.

6. Абрамов А. П., Пихтелёв А. М. Современное состояние уровня жизни российских военнослужащих и его влияние на их человеческий потенциал: на результатах эмпирического исследования // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. № 1. С. 164–166.

7. Быченко Ю. Г. Регулирование процессов развития человеческого потенциала в условиях перехода России на инновационный путь развития // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2009. № 4 (28). С. 87–91.

8. Баландина Т. М., Хвостанцев С. В. Профессиональная адаптация офицеров национальной гвардии России // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2017. № 3 (67). С. 167–171.

9. Быченко Ю. Г., Пихтелёв А. М. Современные тенденции формирования профессионального потенциала военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации / Саратовский военный институт войск национальной гвардии. Саратов, 2021.

10. Баландина Т. М., Гильфанова М. Г. Организационная культура военной организации: сущность и специфические проявления // Известия Саратовского военного института войск национальной гвардии. 2022. № 2 (7). С. 70–74.

11. Хвостанцев С. В. Показатели развития адаптационного потенциала человека // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 1(114). С. 223–230.

12. Сыромятников И. В. Профессиональная субъективность офицера: сущность, структура и типологические проявления // Вестник Военного университета 2007. № 2 (10). С. 51.

13. Немоляев В. В., Савенко А. А. Профессиональное развитие как фактор трудовой мотивации работников // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 1. С. 219–223.

14. Ершов Д. О. Социально трудовое развитие курсантов военного института // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2015. № 1 (46). С. 85–90.

15. Смирнов И. А. Внешний социальный контроль военных организаций России // Вестник Поволжского института управления. 2018. Т. 18, № 1. С. 150–157.

16. Пихтелёв А. М. Духовно-культурное развитие деятельностного человеческого потенциала военнослужащих // Alma mater. 2019. № 4. С. 62–66.

17. Пихтелёв А. М. Развитие физического потенциала военнослужащих // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2019. Вып. 2 (54). С. 153–157.

18. Савенко А. А. Двухуровневая модель мотивации служебно-трудовой деятельности военнослужащих национальной гвардии Российской Федерации // Вестник Поволжского института управления. 2018. № 3 (57). С. 49–59.

19. Быченко Ю. Г., Пихтелёв А. М. Развитие человеческого потенциала в оценках военнослужащих // Власть. 2019. № 1. С. 209–216.

20. Михайлов В. А. Денежное довольствие военнослужащих войск национальной гвардии РФ в условиях современного развития России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 12. С. 384–387.

21. Быченко Ю. Г., Савенко А. А. Социокультурные факторы мотивации творческого труда // Известия Саратовского военного института войск национальной гвардии. 2022. № 1 (6). С. 60–63.

References

1. Abramov A. P. [Sociology of the army in the conditions of military education: a summary review of foreign practices]. *Gumanitarnye problemy sovremennosti. Sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Humanitarian problems of modernity. Collection of materials of the international scientific and practical conference]. Kursk, Southwest State University Publ., 2020, pp. 67–72. (In Russ.)

2. Abramov A. P., Ermakov A. V., Chernov A. S., Ze Liu. Kollektivnoe "My" ili individual'noe "Ya": kakuyu sotsializatsiyu vybiraem? [Collective "We" or individual "I": which socialization do we choose?]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosu-darstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Managment*, 2021, no. 1, p. 176.

3. Nemolyaev V. V., Pihtelev A. M. Konstruirovanie sotsial'no-professional'nogo razvitiya ofitserov natsional'noi gvardii Rossii [Designing the socio-professional development of officers of the National Guard of Russia]. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya = Bulletin of the Volga Institute of Management*, 2017, vol. 17, no. 3, pp. 95–101.

4. Khvostantsev S. V. Sotsial'naya adaptatsiya sem'i v usloviyakh sovremennogo etapa sotsial'nykh reform [Social adaptation of the family in the conditions of the modern stage of social

reforms]. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya = Bulletin of the Volga Institute of Management*, 2015, no. 3 (48), pp. 86–92.

5. Dobrynin A. I., Dyatlov S. A., Konnov V. A., Kurgansky S. A. Proizvoditel'nye sily cheloveka: struktura i formy proyavleniya [Human productive forces: structure and forms of manifestation]. St. Petersburg, St. Petersburg University of Economics and Finance Publishing House, 1993. 164 p.

6. Abramov A. P., Pihtelev A. M. Sovremennoe sostoyanie urovnya zhizni rossiiskikh voennosluzhashchikh i ego vliyanie na ikh chelovecheskii potentsial: na rezul'tatakh empiricheskogo issledovaniya [The current state of the standard of living of Russian servicemen and its impact on their human potential: based on the results of an empirical study]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Managment*, 2021, no. 1, pp. 164–166.

7. Bychenko Yu. G. Regulirovanie protsessov razvitiya chelovecheskogo potentsiala v usloviyakh perekhoda Rossii na innovatsionnyi put' razvitiya [Regulation of human potential development processes in the conditions of Russia's transition to an innovative path of development]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta = Bulletin of the Saratov State Socio-Economic University*, 2009, no. 4 (28), pp. 87–91.

8. Balandina T. M., Khvostantsev S. V. Professional'naya adaptatsiya ofitserov natsional'noi gvardii Rossii [Professional adaptation of officers of the National Guard of Russia]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta = Bulletin of the Saratov State Socio-Economic University*, 2017, no. 3 (67), pp. 167–171.

9. Bychenko Yu. G., Pihtelev A. M. Sovremennye tendentsii formirovaniya professional'nogo potentsiala voennosluzhashchikh voisk natsional'noi gvardii Rossiiskoi Federatsii [Modern trends in the formation of professional potential of servicemen of the National Guard troops of the Russian Federation]. Saratov, Saratov Military Institute of the National Guard Troops Publ., 2021.

10. Balandina T. M., Gilfanova M. G. Organizatsionnaya kul'tura voennoi organiza-tsii: sushchnost' i spetsificheskie proyavleniya [Organizational culture of the military organization: the essence and specific manifestations]. *Izvestiya Saratovskogo voennogo instituta voisk natsional'noi gvardii = Proceedings of the Saratov Military Institute of the National Guard Troops*, 2022, no. 2 (7), pp. 70–74.

11. Khvostantsev S. V. Pokazateli razvitiya adaptatsionnogo potentsiala cheloveka [Indicators of the development of human adaptive potential]. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii = Bulletin of the Saratov State Law Academy*, 2017, no. 1(114), pp. 223–230.

12. Syromyatnikov I. V. Professional'naya sub"ektivnost' ofitsera: sushchnost', struktura i tipologicheskie proyavleniya [Professional subjectivity of an officer: essence, structure and typological manifestations]. *Vestnik Voennogo universiteta = Bulletin of the Military University*, 2007, no. 2 (10), p. 51.

13. Nemolyaev V. V., Savenko A. A. Professional'noe razvitie kak faktor trudovoi motivatsii rabotnikov [Professional development as a factor of labor motivation of employees]. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii = Bulletin of the Saratov State Law Academy*, 2017, no. 1, pp. 219–223.

14. Ershov D. O. Sotsial'no trudovoe razvitie kursantov voennogo instituta [Social and labor development of cadets of the Military Institute]. *Vestnik Povolzhskoi akademii gosudarstvennoi sluzhby = Bulletin of the Volga Academy of Public Service*, 2015, no. 1 (46), pp. 85–90.

15. Smirnov I. A. Vneshnii sotsial'nyi kontrol' voennykh organizatsii Rossii [External social control of military organizations of Russia]. *Vestnik Povolzhskii institut upravleniya = Bulletin of the Volga Institute of Management*, 2018, vol. 18, no. 1, pp. 150–157.

16. Pihtelev A. M. Dukhovno-kul'turnoe razvitie deyatel'nostnogo chelovecheskogo potentsiala voennosluzhashchikh [Spiritual and cultural development of the active human potential of military personnel]. *Alma mater*, 2019, no. 4, pp. 62–66.

17. Pihtelev A. M. Razvitie fizicheskogo potentsiala voennosluzhashchikh [Development of the physical potential of military personnel]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo = Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky*, 2019, is. 2 (54), pp. 153–157.

18. Savenko A. A. Dvukhurovnevaya model' motivatsii sluzhebno-trudovoi deyatel'nosti voennosluzhashchikh natsional'noi gvardii Rossiiskoi Federatsii [Two-level model of motivation of service and labor activity of servicemen of the National Guard of the Russian Federation]. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya = Bulletin of the Volga Institute of Management*, 2018, no. 3 (57), pp. 49–59.

19. Bychenko Yu. G., Pihtelev A. M. Razvitie chelovecheskogo potentsiala v otsenkakh voennosluzhashchikh [The development of human potential in the assessments of military personnel]. *Vlast' = Power*, 2019, no. 1, pp. 209–216.

20. Mikhailov V. A. Denezhnoe dovol'stvie voennosluzhashchikh voisk natsional'noi gvardii RF v usloviyakh sovremennogo razvitiya Rossii [Monetary allowance of servicemen of the National Guard troops of the Russian Federation in the conditions of modern development of Russia]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanities, Socio-Economic and Social Sciences*, 2019, no. 12, pp. 384–387.

21. Bychenko Yu. G., Savenko A. A. Sotsiokul'turnye faktory motivatsii tvorcheskogo truda [Socio-cultural factors of motivation of creative work]. *Izvestiya Saratovskogo voennogo instituta voisk natsional'noi gvardii = Proceedings of the Saratov Military Institute of the National Guard Troops*, 2022, no. 1 (6), pp. 60–63.

Информация об авторе / Information about the Author

Быченко Юрий Григорьевич, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социальных наук, Саратовский военного ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, г. Саратов, Российская Федерация,
e-mail: bychenkoug@gmail.com,
ORCID: 0000-0003-2094-6453

Yuri G. Bychenko, Dr. of Sci. (Sociology), Professor, Professor of the Department of Humanities and Social Sciences, Saratov Military Order of Zhukov of the Red Banner Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, Saratov, Russian Federation,
e-mail: bychenkoug@gmail.com:
ORCID: 0000-0003-2094-6453

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-1-227-237

CC BY 4.0

Влияние социальной компетентности на готовность противостоять экстремизму

Т. А. Мердеева[1] ✉

[1] Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема
ул. Широкая, д. 70а, г. Биробиджан 679015, Российская Федерация

✉ e-mail: tmerdeeva@rambler.ru

Резюме

Актуальность. *Статья посвящена актуальной проблеме современного российского общества – молодёжному экстремизму, поскольку молодые люди легко подвержены влиянию со стороны ввиду различных возрастных социально-психологических особенностей. В настоящее время в числе мер профилактики молодёжного экстремизма можно рассматривать развитие социальной компетентности, которая основывается на эффективном взаимодействии с другими людьми и предполагает способность человека сделать выбор в пользу безопасного поведения.*

Цель *– провести анализ влияния структурных компонентов социальной компетентности на готовность молодых людей противостоять экстремизму.*

Задачи: *определить отношение молодых людей к экстремизму; выявить и проанализировать, какие структурные компоненты социальной компетентности «работают» на противостояние.*

Методология. *Методами исследования послужили социологический опрос и метод факторного анализа.*

Результаты. *В ходе исследования, проводимого среди студентов учреждений среднего профессионального образования г. Биробиджана, выявлено, что 62% студентов готовы противостоять экстремизму: молодые люди отрицательно воспринимают экстремизм и понимают его последствия для общества. У студентов наблюдается проявление толерантных черт. Факторный анализ показал, что при готовности противостоять экстремизму в работу включаются все структурные компоненты социальной компетентности. При этом поведение респондентов характеризуется категоричностью при выборе варианта решения и не всегда адекватными формами поведения, что объясняет необходимость развития когнитивного, поведенческого и рефлексивного компонентов.*

Выводы. *Резюмируется, что социальная компетентность способна оказывать влияние на готовность молодых людей противостоять экстремизму, в работу включаются все структурные компоненты социальной компетентности (социально-психологический, когнитивный, ценностный, рефлексивный, поведенческий).*

Ключевые слова: *экстремизм; социальная компетентность; готовность противостоять; молодежь.*

Конфликт интересов: *В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных автором публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.*

Для цитирования: Мердеева Т. А. Влияние социальной компетентности на готовность противостоять экстремизму // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2023. Т. 13, № 1. С. 227–237. https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-1-227-237.

Поступила в редакцию 17.12.2022 Принята к публикации 11.01.2023 Опубликована 28.02.2023

© Мердеева Т. А., 2023

The Influence of Social Competence on Readiness to Counter Extremism

Tatyana A. Merdeeva[1] ✉

[1] Sholom-Aleichem Priamursky State University
70a Shirokaya Str., Birobidzhan 679015, Russian Federation

✉ e-mail: tmerdeeva@rambler.ru

Abstract

Relevance. *The article is devoted to an urgent problem of modern Russian society – youth extremism, since young people are easily influenced by their environment due to various age-related socio-psychological characteristics. Currently, we can consider the development of social competence among the necessary measures to prevent youth extremism, which is based on effective interaction with other people and implies a person's ability to make a choice in favor of safe behavior.*

The purpose *is to analyze the influence of structural components of social competence on the young people's willingness to resist extremism.*

Objectives: *to determine the attitude of young people to extremism; to identify and analyze which structural components of social competence "work" for confrontation.*

Methodology. *The research methods included sociological survey and factor analysis.*

Results. *A study conducted among students of secondary vocational education institutions in Birobidzhan revealed that 62% of students were ready to resist extremism as young people perceived extremism negatively and understood its consequences for the society. Students possessed tolerance traits. Factor analysis showed that when ready to resist extremism, all structural components of social competence were included in the work. At the same time, the respondents' behavior was characterized by categorical decision-making and did not always demonstrate adequate forms of behavior, which explained the need for the development of cognitive, behavioral and reflexive components.*

Conclusions. *It is concluded that social competence is able to influence young people's willingness to resist extremism. All structural components of social competence (socio-psychological, cognitive, value, reflexive, behavioral) are included in the work.*

Keywords*: extremism; social competence; willingness to resist; youth.*

Conflict of interest*: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the author of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The author declares no conflict of interest related to the publication of this article.*

For citation: Merdeeva T. A. The Influence of Social Competence on Readiness to Counter Extremism. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2023; 13(1): 227–237. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-1-227-237.

Received 17.12.2022 Accepted 11.01.2023 Published 28.02.2023

***

Введение

Проблема распространения экстремизма в российском обществе вызывает серьёзные опасения. По данным официальной статистики, с января по июль 2022 г. в Российской Федерации зарегистрировано 885 преступлений экстремисткой направленности [1], за 2021 г. – 1057 зарегистрированных преступлений [2], за 2020 г. – 833 случая [3].

Особого внимания заслуживает проблема молодёжного экстремизма. В последние годы отмечается активизация ряда экстремистских движений, которые вовлекают в свою деятельность именно молодых людей. Отмечается, что члена-

ми неформальных молодежных организаций (группировок) экстремистско-националистической направленности в основном являются молодые люди в возрасте до 30 лет и нередко, в том числе, несовершеннолетние лица 14-18 лет [4].

Поскольку молодые люди ввиду социально-психологических особенностей восприятия, импульсивного поведения и подверженности внешним влияниям представляют наиболее уязвимую группу населения в отношении данной социальной опасности, это побуждает исследователей всё больше обращаться к изучению вопросов именно молодёжного экстремизма, начиная с анализа отношения молодых людей к проблеме и завершая поиском предупредительных мер [5; 6; 7; 8; 9; 10].

Дифференциация существующих методов профилактики экстремизма в молодёжной среде в современных исследовательских работах строится на основе четкого понимания источников возникновения и распространения экстремизма [11]. Сегодня можно говорить о социально-экономических и гражданско-правовых условиях, духовно-нравственных и образовательно-воспитательных; социально-психологических и социокультурных [12; 13]. Выбор методов профилактики должен учитывать комплексный подход, ориентированный как на внешние источники возникновения, так и на внутренние. Иными словами, профилактика молодёжного экстремизма должна подразумевать под собой развитие готовности молодых людей противостоять данной социальной опасности независимо от того, какие источники оказывают большее влияние.

Под готовностью будем понимать внутреннюю предрасположенность человека к оценке ситуации и дальнейшую мобилизацию способностей и качеств для выбора оптимального варианта поведения, совершения необходимых действий [14].

Таким образом, готовность противостоять социальным опасностям основана на способности человека распознать опасность, оценить последствия для себя и других и, как следствие, сделать выбор в пользу оптимального варианта безопасного поведения, способного оградить от дальнейших негативных последствий.

Учитывая, что ситуации, в которых могут оказываться молодые люди, часто носят неопределенный характер и спектр поведенческих проявлений другого может быть разнообразным, готовность противостоять предполагает применение молодыми людьми в ситуации социальной опасности более широкого арсенала поведенческих моделей вплоть до появления какой-либо определенности, а значит, выражаться в способности быстро и верно ориентироваться в ситуации [15].

Молодёжный экстремизм проявляется по-особому. Ученые отмечают, что для него в большей степени характерно проявление экстремальности сознания, проявляющегося через максимализм и поведенческие крайности [16], недостаточную социальную адаптацию [17].

В. И. Добрынина и Т. Н. Кухтевич также считают, что молодёжный экстремизм проявляется в основном на социально-психологическом уровне через повышенную эмоциональность, максимализм, высокий критический накал в сочетании со слабостью самоконтроля; в нравственной распущенности поведения, правовой безответственности и нигилизме; политической индифферентности в сочетании с политической наивностью и доверчивостью. Таким образом, это становится инструментом влияния, легко поворачивающим молодежное сознание в русло ксенофобии, национализма, религиозной нетерпимости [18].

Отсюда следует, что молодые люди, не готовые противостоять экстремизму, в большей степени ориентированы на проявление интолерантных черт, не способны контролировать собственное поведение согласно нравственным ориентирам и социальным нормам, закрыты для конструктивного взаимодействия с другими, критическое восприятие опасности у них занижено. В этой связи в качестве меры профилактики экстремизма можно рассматривать развитие социальной компетентности. Так, по мнению Е. В. Некрасовой, социальная некомпетентность нередко порождает экстремистские проявления [19]. Объясняется это тем, что нетерпимость в отношении к другим людям, неспособность к эффективному взаимодействию, неумение дать правильную оценку ситуации – всё, что может характеризовать социально некомпетентного человека, становится предпосылками экстремисткого поведения, когда начинают проявляться агрессивные формы общения, основанные на отрицании соответствующих общественных норм, безразличном отношении к проблеме в целом.

Дополнением служит точка зрения исследователей В. Н. Келасьева и И. Л. Первовой, которые считают, что социально компетентный человек строит свою жизнь на основе развитой социальной рефлексии, умения учитывать последствия своего поведения, прогнозировать результаты своих действий как для самого себя, так и для других людей [20]. Иными словами, социально компетентный человек действует и поступает согласно социально-политическим нормам, принятым в обществе, проявляет толерантное отношение к окружающим людям, воспринимая другого с уважением, независимо от личностных убеждений и установок, готов к конструктивным формам общения, исключающим нанесение какого-либо вреда себе и другим людям, отсюда – готов противостоять опасностям социального характера, в том числе экстремизму.

Концептуальный взгляд на проблему определил ход дальнейшего исследования. На начальном этапе нам стало интересно, как происходит влияние структурных компонентов социальной компетентности на готовность молодых людей противостоять экстремизму, какие структурные компоненты «работают» на противостояние.

Материалы и методы

С этой целью была разработана анкета для проведения социологического опроса среди студентов, направленная на выявление готовности противостоять экстремизму как социальной опасности. После чего использовался метод факторного анализа для выявления влияния структурных компонентов социальной компетентности на готовность молодых людей противостоять экстремизму. Таким образом, исследование включало в себя два этапа.

Результаты и их обсуждение

В выборку вошли случайно отобранные респонденты (424 человека), студенты в возрасте от 18 до 25 лет (средний возраст – 18 лет), обучающиеся на разных курсах (с I по IV) по программам среднего профессионального образования (далее – СПО) в следующих образовательных учреждениях г. Биробиджана: Биробиджанский медицинский колледж, Биробиджанский колледж культуры и искусств, факультет информационных и промышленных технологий программ СПО и промышленно-экономический факультет программ СПО – структурные подразделения Приамурского государственного университета имени Шолом-Алейхема.

На первом этапе исследования был проведен социологический опрос студентов. Анкета включала в себя вопросы «открытого» и «закрытого» типа, отражающие общее отношение молодых людей к экстремизму, а также вопросы-индикаторы, характеризующие готовность противостоять экстремизму. Вопросы-индикаторы имели следующие формулировки: «Сталкивались ли Вы лично с какой-либо экстремистской группой, и если “да”, то какое отношение она у Вас вызывала? Поясните свой ответ»; «Смогли бы Вы открыто выразить свою неприязнь к лицу другой национальности?»; «Используете ли Вы в своей речи такие определения по отношению к лицам другой национальности, как: “чурки”, “гастробайтеры”, “узкоглазые”, “нерусские” и др.?»; «Как бы Вы охарактеризовали людей, участвующих в мероприятиях экстремистской направленности?»; «Считаете ли Вы, что последствиями экстремизма и национальной вражды является терроризм?»; кейс № 1: «Вы идете по улице, и вдруг к Вам подходит незнакомый человек и заводит разговор, в ходе которого Вам предлагают взять и ознакомиться с листовками. В листовках содержится информация о том, что человек определенной национальности должен обязательно проживать на территории только своей страны, что культура других народов ничто в сравнении с родной культурой. Ваш собеседник предлагает Вам встретиться уже в другом месте. Объясните Ваши действия в данной ситуации. Объясните причину вашего выбора. Как бы Вы поступили, если бы этим прохожим оказался Ваш давний знакомый?»; кейс № 2: «Вы заметили изменения во внешнем облике одного из студентов вашей группы. Одногруппник стал коротко стричься, носить темную одежду, значки, грубые ботинки. Однажды Вам рассказали о том, что он участвовал в массовой драке с избиением людей азиатской национальности. Ваша группа многонациональна. Как Вы будете вести себя с этим человеком?»; «Какова Ваша позиция в отношении экстремизма?».

Результаты, полученные в ходе проведения опроса, показали, что молодые люди осознают экстремизм как социальную опасность и понимают её последствия для общества. Во взаимоотношениях с другими людьми они проявляют толерантные черты, а прямая неприязнь или агрессия в отношении другого человека воспринимается ими как неприемлемая форма поведения на фоне развитой толерантности (так, у 53% респондентов наблюдается высокая степень толерантности; у 43% – средняя; у 4% – низкая степень толерантности).

Большая часть респондентов (62%) продемонстрировала готовность противостоять экстремизму, т. е. эти студенты при ответах на вопросы-индикаторы давали социально одобряемые варианты ответов, характеризующие отрицательное отношение к экстремизму. Анализ показал, что механизмы противостояния опасности запускаются у всех по-разному, отсюда варианты решений, которые выбирают респонденты, разнообразны. В целом в ответах преобладает выбор действия, направленного на избегание опасности по схеме: видим, что происходит – оцениваем – действуем. Однако у студентов наблюдаются сложности в выборе адекватной поведенческой стратегии. Так, например, ответы респондентов на вопрос кейса № 1 показывают, что 25% студентов не знают, как поступить в такой ситуации, а вариант «Я бы вежливо отказался и ушёл» предложили всего 2% студентов. Встречаются также варианты: «Обращусь в полицию/вызову полицию», «Выкину листовку», «Поговорю, но листовку брать не буду».

Содержательно поведение респондентов раскрывается под влиянием нравственных норм, студенты руководствуются ими. Выбор в пользу того или иного варианта показывает, что внешний облик поведения респондентов и то, насколько органично и гибко оно вписывается в культурные рамки, насколько оно естественно и непринужденно, отражает сложности, неумение студентов выбирать гибкие варианты решения. Это объясняет необходимость развития поведенческого компонента социальной компетентности, расширения представлений студентов о возможных моделях поведения.

На втором этапе исследования в целях выявления влияния компонентов социальной компетентности на готовность студентов противостоять экстремизму применялся метод факторного анализа. В выборку вошли студенты, проявившие готовность противостоять экстремизму. По результатам первичной интерпретации факторной структуры для объединенной выборки компонентов социальной компетентности (*социально-психологического – внушаемости, толерантности, коммуникативного контроля, конфликтоустойчивости, активности, жизнестойкости; когнитивного, рефлексивного, поведенческого*) было принято четырехфакторное решение.

В результате получены следующие факторы.

• Фактор 1. *Активность личности как ресурс жизнестойкости при отсутствии коммуникативного контроля*. Содержит низкий уровень коммуникативного контроля ситуаций, т. е. объясняется открытостью, раскованностью студентов, но неспособностью их соотносить свои реакции с поведением окружающих. Именно поэтому факт противостояния есть, но поведение характеризуется категоричностью и не всегда адекватными форматами поведенческой стратегии.

• Фактор 2. *Конфликтоустойчивость как результат толерантности и низкой внушаемости*. Результаты анкетирования показывают, что развитые толерантные черты способствуют развитию умения и навыков адекватного восприятия других людей.

• Фактор 3. *Верное поведение при недостатке знаний*. Студенты могут не обладать достаточно полной информацией о формах проявления экстремизма, его влиянии, но интуитивно понимают, как следует себя вести с точки зрения безопасности. Выбирают стратегию избегания проблемы, когда отрицательное восприятие экстремизма влияет на поведение.

• Фактор 4. *Рефлексия*. Рефлексия срабатывает на поиск решений, отражающих готовность противостоять экстремизму, по типу «что я должен сделать?» или «как лучше поступить?». Однако наличие вариантов поведения ограничивается слабым уровнем развития когнитивного компонента, а также рефлексией.

С целью обнаружения внутренних закономерностей ценностных ориентаций студентов отдельно был проведен факторный анализ терминальных и инструментальных ценностей (табл.).

Выявленные факторы демонстрируют заметную ориентацию студентов на других, когда личностные цели отходят на второй план. Студенты направлены на общекультурные ценности. Нельзя увидеть предпосылки социальной напряжённости молодежи, порождаемой приоритетом, например, материальных ценностей или стремлением к общественному признанию как ценности. Отрицательное значение терпимости в факторе 9 компенсируется положительным значением самоконтроля в факторе 5, а также приоритетом здоровья и мудрости в факторе 6.

Таблица. Факторная структура ценностных ориентаций (кумулятивная дисперсия – 54,8%)

Наименование факторов	Переменные (факторные нагрузки)
Фактор 1. Самостоятельность и независимость от окружающих	Независимость (способность действовать самостоятельно, решительно) (,680)
Фактор 2. Стремление к удовольствию	Развлечения (приятное, необременительное времяпрепровождение) (,504)
Фактор 3. Нацеленность на результат	Эффективность в делах (трудолюбие, продуктивность в работе) (,684)
Фактор 4. Внутренняя гармония и продуктивность	Счастливая семейная жизнь (,565); уверенность в себе (внутренняя гармония, свобода от внутренних противоречий, сомнений) (,666); эффективность в делах (трудолюбие, продуктивность в работе) (,684)
Фактор 5. Самоконтроль в действиях	Самоконтроль (сдержанность и самодисциплина) (,647)
Фактор 6. Приоритет здоровья и мудрости	Жизненная мудрость (зрелость суждений и здравый смысл, достигаемые жизненным опытом) (,614); здоровье (физическое и психическое) (,630)
Фактор 7. Воспитанность в общении с окружающими	Воспитанность (хорошие манеры) (,591)
Фактор 8. Счастье других	Счастье других (благосостояние, развитие и совершенствование других людей, всего народа, человечества в целом) (,587)
Фактор 9. Материальная индифферентность	Материально обеспеченная жизнь (отсутствие материальных затруднений) (-,639); терпимость (к взглядам и мнениям других, умение прощать другим их ошибки и заблуждения) (-,545)
Фактор 10. Низкое чувство ответственности перед другими	Ответственность (чувство долга, умение держать свое слово) (-,739)

Выводы

Таким образом, можно говорить, что социальная компетентность влияет на готовность противостоять экстремизму: в работу включаются все структурные компоненты. Когнитивный компонент в совокупности с социально-психологическим запускает процессы оценки ситуации и выбора конкретного варианта поведения, направленного на противостояние. Критическое отношение к проблеме, понимание её важности для общества основывается как на нравственных ориентирах, на знаниевой составляющей, так и на способности к рефлексии. Важным становится развитие поведенческого и когнитивного компонентов через расширение знаний молодых людей о моделях поведения при столкновении с различными формами или ситуациями проявления экстремизма, которые, как было сказано выше, могут носить самый неопределенный характер и влиять как напрямую, так и косвенно на респондентов. Ценностный компонент играет роль катализатора поведения.

Полученные выводы не могут претендовать на полноту, но позволяют по-новому взглянуть на подходы к профилактике экстремизма в молодёжной среде, а значит, применимы в подборе средств и методов, направленных на развитие компонентов социальной компетентности, влияющих на готовность противостоять экстремизму.

Список литературы

1. Состояние преступности в России с января по июль. URL: file:///C:/Users/science/Downloads/Sb_22_07.pdf (дата обращения: 13.09.2022).

2. Состояние преступности в России с января по декабрь 2021 г. URL: file:///C:/Users/science/Downloads/Sb_21_12.pdf (дата обращения: 13.09.2022).

3. Состояние преступности в России с января по декабрь 2020 г. URL: file:///C:/Users/science/Downloads/Sb_2012%20(1).pdf (дата обращения: 13.09.2022).

4. Особенности профилактики и борьбы с проявлениями экстремизма и терроризма в молодежной среде // Центральный административный округ города Москвы. URL: https://cao.mos.ru/countering-extremism/features-for-the-prevention-andsuppression-of-manifestations-of-extremism-and-terrorism-in-the-yout/ (дата обращения: 23.09.2022).

5. Брайко Д. Н., Быкадорова А. С. Экстремизм, терроризм и информационные угрозы глазами молодёжи Ростовской области (опыт пилотажного исследования) // Обзор. НЦПТИ. 2018. № 3(14). С. 53–61.

6. Балуева Т. В. Отношение молодёжи к терроризму и экстремизму // Вестник государственного университета «Дубна». Серия: Науки о человеке и обществе. 2019. № 2. С. 52–59.

7. Ишков Д. Н. Социальные предпосылки экстремизма в молодёжной среде // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2020. № 5. С. 14-18.

8. Красноштанова Н. Н., Горбачев И. В. Социально-психологическая сущность экстремизма и особенности его проявления в российской молодежной среде // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 4(75). С. 22–26. https://doi.org/10. 24411/1999-6241-2018-14004.

9. Некрасова Е. В. Молодежный экстремизм и основные направления его профилактики в современном российском обществе // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2012. № 3. С. 92–108.

10. Бааль Н. Б. Молодежный экстремизм в современном российском обществе // Российский следователь. 2021. № 11. С. 69-72. https://doi.org/ 10.18572/1812-3783-2021-11-69-72.

11. Камергоев Б. М. Особенности распространения молодежного экстремизма // Социально-политические науки. 2018. № 3. С. 54–56.

12. Примаков В. Л. Социальные источники возникновения и тенденции распространения молодежного экстремизма в России // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2015. № 26 (737). С. 182–195.

13. Струк Е. Н. Особенности молодежного экстремизма в обществе риска // Социальная компетентность. 2017. Т. 2, № 1 (3). С. 94–100.

14. Трояк Е. Ю. К вопросу о содержании понятий «готовность» и «профессиональная готовность» // Проблемы обеспечения безопасности при ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. 2015. № 1-2 (4). С. 303–305.

15. Шамионов Р. М. Адаптационная готовность личности – субъекта социального взаимодействия // Известия Саратовского университета. Новая серия. Философия. Психология. Педагогика. 2015. Т. 15, вып. 4. С. 106–112.

16. Чупров В. И., Зубок Ю. А. Феномен молодежного экстремизма: сущность, формы, социальные детерминанты // Причины распространения этнического экстремизма и ксе-

нофобии среди молодежи (Центральный федеральный округ): сборник материалов социологического исследования / под ред. Л. Я. Дятченко. Белгород, 2008. С. 64.

17. Рамазанова З. Г. Некоторые особенности молодежного экстремизма в России // Закон и право. 2021. № 5. С. 35–37.

18. Добрынина В. И., Кухтевич Т. Н. Сущность и причины молодежного экстремизма // Экстремизм в молодежной среде: теоретические и практические аспекты: сборник статей / под ред. В. И. Добренькова. М.: МАКС Пресс, 2007. С. 9–10.

19. Некрасова Е. В. Молодежный экстремизм и основные направления его профилактики в современном российском обществе // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2012. № 3. С. 92–108.

20. Келасьев В. Н., Первова И. Л. Социальная компетентность уязвимых групп российского населения // Учёные записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. 2017. Т. 27, № 1. С. 74–79.

References

1. Sostoyanie prestupnosti v Rossii s yanvarya po iyul' [The state of crime in Russia from January to July]. Available at: file:///C:/Users/science/Downloads/Sb_22_07.pdf. (accessed 13.09.2022)

2. Sostoyanie prestupnosti v Rossii s yanvarya po dekabr' 2021 g. [The state of crime in Russia from January to December 2021]. Available at: file:///C:/Users/science/Downloads/Sb_21_12.pdf. (accessed 13.09.2022)

3. Sostoyanie prestupnosti v Rossii s yanvarya po dekabr' 2020 g. [The state of crime in Russia from January to December 2020]. Available at: file:///C:/Users/science/Downloads/Sb_2012%20(1).pdf. (accessed 13.09.2022)

4. Osobennosti profilaktiki i bor'by s proyavleniyami ekstremizma i terrorizma v molodezhnoj srede [Features of prevention and combating manifestations of extremism and terrorism among the youth]. Central'nyj administrativnyj okrug goroda Moskvy [Central administrative district of the city of Moscow]. Available at: https://cao.mos.ru/countering-extremism/features-for-the-prevention-andsuppression-of-manifestations-of-extremism-and-terrorism-in-the-yout/. (accessed 23.09.2022)

5. Brajko D. N., Bykadorova A. S. Ekstremizm, terrorizm i informatsionnye ugrozy glazami molodezhi Rostovskoi oblasti (opyt pilotazhnogo issledovaniya) [Extremism, terrorism and information threats through the eyes of the youth of the Rostov region (experience of a pilot study)]. *Obzor NCPTI = NCPTI Overview*, 2018, no. 3(14), pp. 53–61.

6. Balueva T. V. Otnoshenie molodezhi k terrorizmu i ekstremizmu [The attitude of young people to terrorism and extremism]. *Vestnik gosudarstvennogo universiteta "Dubna". Seriya: Nauki o cheloveke i obshchestve = Bulletin of the State University "Dubna". Series: Sciences of Man and Society*, 2019, no. 2, pp. 52–59.

7. Ishkov D. N. Sotsial'nye predposylki ekstremizma v molodezhnoi srede [Social prerequisites for extremism among the youth]. *Kazanskij social'no-gumanitarnyj vestnik = Kazan Social and Humanitarian Bulletin*, 2020, no. 5, pp. 14–18.

8. Krasnoshtanova N. N., Gorbachev I. V. Sotsial'no-psikhologicheskaya sushchnost' ekstremizma i osobennosti ego proyavleniya v rossiiskoi molodezhnoi srede [Socially Psychological

Essence of Extremism and its Peculiarities in the Russian Youth]. *Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah = Psychopedagogy in Law Enforcement*, 2018, no. 4(75), pp. 22–26. https://doi.org/10.24411/1999-6241-2018-14004

9. Nekrasova E. V. Molodezhnyi ekstremizm i osnovnye napravleniya ego profilak-tiki v sovremennom rossiiskom obshchestve [Youth extremism and the main directions of its prevention in modern Russian society]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya = Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and political science*, 2012, no. 3, pp. 92–108.

10. Baal' N. B. Molodezhnyi ekstremizm v sovremennom rossiiskom obshchestve [Youth extremism in elite Russian society]. *Rossijskij sledovatel' = Russian explorer*, 2021, no. 11, pp. 69–72. https://doi.org/10.18572/1812-3783-2021-11-69-72

11. Kamergoev B. M. Osobennosti rasprostraneniya molodezhnogo ekstremizma [Features of the spread of youth extremism]. *Social'no-politicheskie nauki = Socio-Political Sciences*, 2018, no. 3, pp. 54–56.

12. Primakov V. L. Sotsial'nye istochniki vozniknoveniya i tendentsii rasprostra-neniya molodezhnogo ekstremizma v Rossii [Social sources of emergence and trends in the spread of youth extremism in Russia]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennye nauki = Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, 2015, no. 26 (737), pp. 182–195.

13. Struk E. N. Osobennosti molodezhnogo ekstremizma v obshchestve riska [Features of youth extremism in a risk society]. *Social'naya kompetentnost' = Social Competence*, 2017, no. 1 (3), pp. 94–100.

14. Troyak E.Yu. K voprosu o soderzhanii ponyatii "gotovnost'" i "professional'naya gotovnost'" [To the question of the content of the concepts "readiness" and "professional readiness"]. *Problemy obespecheniya bezopasnosti pri likvidacii posledstvij chrezvychajnyh situacij = Problems of Ensuring Safety in Liquidation of Consequences of Emergency Situations*, 2015, no. 1-2 (4), pp. 303–305.

15. Shamionov R. M. Adaptatsionnaya gotovnost' lichnosti – sub"ekta sotsial'nogo vzaimodeistviya [Adaptive readiness of the individual – the subject of social interaction]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika = Proceedings of Saratov University. A New Series. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2015, vol. 15. no. 4, pp. 106–112.

16. Chuprov V. I., Zubok Yu. A. [The phenomenon of youth extremism: essence, forms, social determinants]. *Prichiny rasprostraneniya etnicheskogo ekstremizma i ksenofobii sredi molodezhi (Central'nyj federal'nyj okrug). Sbornik materialov sotsio-logicheskogo issledovaniya* [Reasons for the spread of ethnic extremism and xenophobia among young people (Central Federal District). Collection of materials of sociological and logical research]; ed. by L. Ya. Dyatchenko. Belgorod, 2008. pp. 64. (In Russ.)

17. Ramazanova Z. G. Nekotorye osobennosti molodezhnogo ekstremizma v Rossii [Some features of youth extremism in Russia]. *Zakon i parvo = Law and Law*, 2021, no. 5, pp. 35–37.

18. Dobrynina V. I., Kuhtevich T. N. [The essence and causes of youth extremism]. *Ekstremizm v molodezhnoj srede: teoreticheskie i prakticheskie aspekty. Sbornik statei* [Extremism among the youth: theoretical and practical aspects. A collection of articles]. Moscow, MAKS Press Publ., 2007, pp. 9–10. (In Russ.)

19. Nekrasova E. V. Molodezhnyi ekstremizm i osnovnye napravleniya ego profilaktiki v sovremennom rossiiskom obshchestve [Youth extremism and the main directions of its prevention in modern Russian society]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya = Bulletin of the Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science*, 2012, no. 3, pp. 92–108.

20. Kelas'ev V. N., Pervova I. L. Sotsial'naya kompetentnost' uyazvimykh grupp rossiiskogo naseleniya [Social competence of vulnerable groups of the Russian population]. *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta psikhologii sotsial'noi raboty = Scientific Notes of the St. Petersburg State Institute of Psychology of Social Work*, 2017, vol. 27, no. 1, pp. 74–79.

Информация об авторе / Information about the Author

Мердеева Татьяна Алексеевна, Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема, г. Биробиджан, Российская Федерация,
e-mail: tmerdeeva@rambler.ru,
Researcher ID: GVS-6150-2022,
ORSID: 0000-0002-5271-1221

Tatyana A. Merdeeva, Sholom-Aleichem Priamursky State University, Birobidzhan, Russian Federation,
e-mail: tmerdeeva@rambler.ru,
Researcher ID: GVS-6150-2022,
ORSID: 0000-0002-5271-1221

ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИРОДЫ, ОБЩЕСТВА, ЧЕЛОВЕКА

PHILOSOPHICAL STUDY OF NATURE, SOCIETY AND HUMAN

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-1-238-248

CC BY 4.0

Межкультурная компетентность – основа для развития доверия в международном бизнесе

Ю. П. Тен[1] ✉

[1] Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Ленинградский пр-т, д. 49, г. Москва 125167, Российская Федерация

✉ e-mail: YPTen@fa.ru

Резюме

Актуальность *обусловлена потребностью в выработке современного подхода к формированию межкультурных компетенций менеджеров в условиях углубления мультикультурного разнообразия международной бизнес-среды. Исторические изменения в политико-стратегическом и экономико-торговых отношениях России со странами Запада нуждаются в теоретико-практическом осмыслении с точки зрения потребности в подготовке будущих специалистов к работе с зарубежными партнерами.*

Цель *– анализ и критическое переосмысление зарубежных моделей межкультурной компетентности.*

Задачи*: изучить три ключевые модели компетенции (модель пирамиды Дирдорфа, модель ICOPROMO и модель Фиппса), а также обосновать особую роль доверия в модели коммуникативной компетентности.*

Методология. *Автор опирается на общенаучные методы исследования – анализ, синтез и сравнение, а также развивает сравнительный подход к анализу рассматриваемых моделей межкультурной компетентности.*

Результаты. *В статье обосновывается положение о том, что модель пирамиды Дирдорфа, модель ICOPROMO и модель Фиппса ориентированы на снятие противоречий в межкультурном общении представителей западных и незападных культур. Это достигается за счет изучения английского языка, а также сравнения норм, ценностей и паттернов западных и незападных социокультурных систем. При этом накопленный индивидом в процессе обучения и опыта взаимодействия с представителями «чужих» культур «символический капитал» будет способствовать его более успешному взаимодействию в условиях глобализации рынка труда и интернационализации мирового хозяйства.*

Выводы. *Межкультурная компетентность представлена как комплекс когнитивно-познавательных, эмоционально-чувственных и мотивационно-поведенческих навыков, которые содействуют достижению более эффективного общения с представителями других культур. В статье обосновывается вывод, что в результате овладения межкультурными компетенциями менеджер будет способен выйти на социально-психологического и культурно-образовательный уровень профессионального развития, способствующий развитию более доверительных отношений с иностранными партнерами. Отмечается необходимость развития научной дискуссии о моделировании современного подхода к развитию межкультурной компетентности.*

Ключевые слова: *межкультурная компетентность; модель пирамиды Дирдорфа; модель ICOPROMO и модель Фиппса; доверие; межкультурная компетентность.*

© Тен Ю. П., 2023

Конфликт интересов: *В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.*

Для цитирования: Тен Ю. П. Межкультурная компетентность – основа для развития доверия в международном бизнесе // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2023. Т. 13, № 1. С. 238–248. https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-1-238-248.

Поступила в редакцию 08.12.2022 Принята к публикации 11.01.2023 Опубликована 28.02.2023

Intercultural Competence is the Basis for the Development of Trust in International Business

Yulia P. Ten[1] ✉

[1] Financial University under the Government of the Russian Federation
49 Leningradsky Ave., Moscow 125167, Russian Federation

✉ e-mail: YPTen@fa.ru

Abstract

The relevance *is due to the need to develop a modern approach to the formation of intercultural competencies of managers in the context of deepening the multicultural diversity of the international business environment. Historical changes in the political, strategic, economic and trade relations of Russia with Western countries need theoretical and practical understanding from the point of view of the need to train future specialists to work with foreign partners.*

The purpose *is to analyze and critically rethink foreign models of intercultural competence.*

Objectives*: to study three key competency models (the Dirdorff pyramid model, the ICOPROMO model and the Phipps model), as well as to substantiate the special role of trust in the model of communicative competence.*

Methodology. *The author relies on general scientific research methods – analysis, synthesis and comparison, and also develops a comparative approach to the analysis of the models of intercultural competence under consideration.*

Results. *The article substantiates the position that the Deardorff pyramid model, the ICOPROMO model and the Phipps model are focused on removing contradictions in the intercultural communication of representatives of Western and non-Western cultures. This is achieved by learning English, as well as comparing norms, values and patterns of Western and non-Western socio-cultural systems. At the same time, the "symbolic capital" accumulated by an individual in the process of training and experience of interaction with representatives of "foreign" cultures will contribute to his more successful interaction in the conditions of globalization of the labor market and internationalization of the world economy.*

Conclusions. *Intercultural competence is presented as a complex of cognitive-cognitive, emotional-sensory and motivational-behavioral skills that contribute to achieving more effective communication with representatives of other cultures. The article substantiates the conclusion that as a result of mastering intercultural competencies, the manager will be able to reach the socio-psychological and cultural-educational level of professional development, contributing to the development of more trusting relationships with foreign partners. The necessity of developing a scientific discussion on modeling a modern approach to the development of intercultural competence is noted.*

Keywords*: intercultural competence; Deardorff pyramid model; ICOPROMO model and Phipps model; trust; intercultural competence.*

Conflict of interest*: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the author of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The author declares no conflict of interest related to the publication of this article.*

For citation: Ten Yu. P. Intercultural Competence is the Basis for the Development of Trust in International Business. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2023; 13(1): 238–248. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-1-238-248

Received 08.12.2022 Accepted 11.01.2023 Published 28.02.2023

Введение

В современный период в связи необходимостью реакции нашей страны на политику экономических и политических санкций ряда западных стран происходят изменения в структуре, формах и направлениях международной бизнеса. Так, из-за изменений приоритетных направлений международной логистики российские власти ускоряют строительство международных транспортных коридоров в азиатском направлении, заключают новые торговые контракты со странами Азии, Африки и Латинской Америки. Так называемый «поворот на Восток» имеет не только политико-стратегическое, торгово-экономическое, но и культурно-цивилизационное измерение. Российский бизнес в плане формирования у менеджеров межкультурных компетенций (знаний, навыков и умений) на протяжении более чем тридцати лет был ориентирован преимущественно на западный мир. Так, в программах подготовки менеджеров в Российской Федерации доминировал подход, основанный на обучении английскому языку в высших учебных заведениях, а также изучении концепций и теорий преимущественно западных ученых. В новейших условиях необходимо переосмысление глобализационной управленской парадигмы, диктующей субъектам международных экономических отношений ориентироваться в своей профессиональной подготовке на западные стандарты, нормы и ценности.

Начатая еще с 2000-х гг. переориентация на Восток в настоящее время обретает более быстрые темпы, которые часто опережают способность менеджеров к адекватному реагированию на современные барьеры кросс-культурного характера (рост русофобии, усиление влияние негативных стереотипов о России и т. д.). Способность конкурировать на глобальных рынках требует наличия высококвалифицированных национальных менеджеров, обладающих компетенциями, которые определяют стратегический выбор партнерства отечественных организаций с зарубежными компаниями. Успешный российский менеджер должен обладать не только hard skills (совокупностью технических, политических, социальных, организационных и культурных компетенций), но и soft skills – гибким подходом к принятию управленческих решений в условиях усиления и расширения фактора мультикультурного разнообразия международной бизнес-среды.

Материалы и методы

Обзор научной литературы показывает, что среди российских ученых формируется убежденность в необходимости развития «мягких навыков» у студентов-менеджеров, обучающихся для профессиональной работы в международной бизнес-среде [1; 2]. В науке подход с точки зрения «мягких навыков» (т. е. навыков, не связанных напрямую с технической подготовкой и функциональным опытом специалистов) расширяется за счет разработки и уточнения содержания новых понятий и категорий, среди которых «осведомленность о глобальном мире», «корпоративная стратегия», «эмоциональных интеллект», «глобальный лидер», «культурная эмпатия», «межкультурное командообразование» и др. Системное ядро указанных понятий и категорий, формирующих новую парадигму обучения и развития современных менеджеров, формируют модели межкультурной компетентности [3; 4]. Отсюда целью настоящего исследования выступает анализ и критическое переосмысление зарубежных моделей межкультурной компетентности.

Автор опирается на общенаучные методы исследования – анализ, синтез и сравнение, а также развивает сравнительный подход к анализу рассматриваемых моделей межкультурной компетентности.

Результаты и их обсуждение

Изучение зарубежной научной литературы позволило выявить три наиболее значимых западных моделей межкультурной компетенции – модель пирамиды Дирдорфа, модель и проект ICOPROMO, модель Фиппса.

Дарл Дирдорф [5; 6] предлагает структуру компетенций, основанную на модели пирамиды, в которой основные элементы упорядочены иерархически – это: 1) отношения; 2) навыки; 3) знания; 4) внутренние и внешние результаты. Все четыре элемента применяются для оценки развития межкультурной компетенции в различных контекстах.

В модели пирамиды межкультурная компетентность определяется с точки зрения эффективности общения, достигаемой за счет следующих факторов:

1. *Отношения*: сочетание уважения, открытости и любопытства в проявлении интереса к другим людям и их культурам.

2. *Знания*: в этой модели межкультурной компетенции культура определяется как набор ценностей, убеждений и норм, которыми придерживается группа людей. Культура формирует поведение и, следовательно, влияет на взаимодействие с другими людьми. Таким образом, с этой точки зрения компетентность требует способности понимать мир с точки зрения представителей иных культур.

3. *Навыки*: навыки, необходимые для развития межкультурных компетенций, относятся к приобретению и обработке знаний, способности наблюдать, слушать, оценивать, анализировать, интерпретировать и релятивизировать.

4. *Внутренние результаты*: в идеале сочетание установок, знаний и навыков приводит к гибкости, адаптивности, этнорелятивности и эмпатии, что означает способность реагировать на других в соответствии с тем, как они хотят, чтобы с ними обращались.

5. *Внешние результаты*: оценивается коммуникативное поведение по отношению к тому, насколько эффективно и адекватно индивид действует в межкультурных ситуациях, особенно в проявлении культурной чувствительности и приверженности культурным нормам.

Механизмом работы данной модели выступает вербальный язык как средство понимания мировоззрения других людей. Это обусловлено тем, что идеальным местом для развития межкультурной компетенции являются лекционные и семинарские занятия, на которых студенты могут получить знания, развить навыки и сформировать умения понимать, анализировать и реагировать на нестандартную кросс-культурную проблему. Для Д. Дирдорфа это прежде всего класс иностранного языка, где готовят «глобальных студентов», которые не только свободно владеют другим языком, но и могут успешно ориентироваться в чужих культурах.

Следствием реализации модели пирамиды является изменение в поведении индивида, происходящее после приобретения компетенций, а не через процесс трансформации, происходящий в результате акта межкультурного взаимодействия. Отсюда ясно прорисовывается западно ориентированный уклон модели пирамиды. Реляционная модель компетенции с этой точки зрения организована в соответствии с абстрактными понятиями западного «я» и «незападного другого», а также исходит из приобретения отдельных наборов навыков индивидом, необходимых во взаимодействии, чтобы продемонстрировать степень адаптации к западным стандартам и нормам [7].

Следует заметить, что понятие символического капитала, связанное с использованием английского языка, особенно актуально в западных моделях межкультурной компетенции. Концепция символического капитала, разработанная Пьером Бурдье, сравнивает языковой обмен с экономическим обменом в том смысле, что слова являются не только знаками, передающими значения, но они

также представляют собой лингвистический капитал. Слова – это «знаки богатства, предназначенные для оценки и признания» и « знаки авторитета, предназначенные для того, чтобы им поверили и которым повиновались» [8, p. 66]. В этом идеологическом контексте доминирующая языковая компетенция представляет собой наиболее ценный лингвистический капитал с высочайшей символической прибылью. Для Бурдье престиж, связанный с использованием доминирующей формы языка, является результатом социальных механизмов, воспроизводимых институциональной властью. В частности, на образовательную систему возложена особая роль раскрытия стандартного разнообразия национального языка, тем самым «устанавливая иерархию языковых практик» [8, p. 49]. Таким образом, ценность, придаваемая языковым практикам, является результатом габитуса, усвоенного процесса, который формируется сначала в сфере семьи или «первичного рынка», а затем и на других «рынках», особенно в школах, где первичная модель может будут цениться или обесцениваться, если не соответствует доминирующим языковым практикам. В этом процессе язык становится лингвистическим капиталом, а школы занимают центральное место в воспроизводстве идеологии стандартного, единого, правильного языка. Это господство достигается не за счет открытого принуждения, а передается в обычных аспектах повседневной жизни до такой степени, что идея стандартного и правильного языка становится самоочевидной и прозрачной идеей, не требующей дальнейшего исследования. Этот «неоспоримый статус языка в модели пирамиды, как мифическая черепаха, которая поддерживает мир на своей спине» [9, p.143].

Модель и проект ICOPROMO (англ. Intercultural competence for professional mobility) – это модель, сформированная западными учеными как ответ на запрос западного бизнеса в связи с проблемой роста конкурентоспособности западных компаний на фоне глобализации мировой торговли [10]. Проект ICOPROMO основывается на необходимости развития межкультурной компетентности в связи с необходимостью усиления конкурентных преимуществ Запада. Отсюда модель компетентности определяется как «трансформационная»: четко формулирует путь, который проходит индивид, когда он осознает межкультурные проблемы в результате своей мобильности или мобильности других людей, с которыми он должен эффективно общаться [10, p. 15].

Как программа в рамках модели пирамиды А. Дирдорфа, программа обучения ICOPROMO ориентирована на преподавателей и фасилитаторов, работающих со студентами, аспирантами и специалистами, чтобы помочь им развить языковую и культурную осведомленность, которая облегчит взаимодействие в межкультурных ситуациях. Трансформационный путь индивида к приобретению компетенций представлен светофором, в котором индивид изначально позиционируется на уровне «красного света» до развития межкультурных навыков, переходя от «желтого света» к «зеленому огню» как только он / она становится способным эффективно взаимодействовать в кросс-культурных ситуациях [10]. Теоретическая предпосылка этого путешествия индивидуализирована авторами в потребностях, представленных «новым мировым порядком», т. е. глобальными потоками торговли и коммуникаций, которые, по их мнению, усиливают проблему кросс-культурных различий [11, p. 65].

Авторы модели ICOPROMO используют термин «монокультурная идентичность» [10, p. 16], указывая на программную цель своей программы обучения, которая состоит в том, чтобы вызвать изменение отношения к «другим» и успешно справиться с культурными различиями.

Изменение отношения и поведения требует повышения осведомленности о себе и других, приобретения культурных знаний, их анализа, принятия перспектив, построения отношений и способности брать на себя социальную ответственность. Этот комплекс навыков приводит к межкультурной мобильности, или «способности эффективно взаимодействовать в межкультурном профессиональном контексте» [10, p. 17].

По сравнению с указанными выше двумя моделями компетенции модель межкультурной компетенции Элисона Фиппса основана на понятии «жилище» [12; 13], которое предлагает новый подход к представлению межкультурных встреч как процессов обучения, ведущих к пребыванию в ранее незнакомых культурных пространствах. Фиппс использует хайдеггеровскую метафору языка как места обитания, рассматривая деятельность по изучению другого языка как подготовку к пребыванию в новом месте. По замыслу Фиппса, пребывание в языке представляет собой результат межкультурного опыта, который дает изучающему иностранный язык ощущение мимолетного и хрупкого характера общения между людьми, которые могут не разделять одну и ту же культурную точку зрения. В отличие от модели пирамиды и проекта ICOPROMO Фиппс подчеркивает, что природа языка выражена в конкретных культурных контекстах как культурных артефактов и маркеров социокультурной идентичности. Он выдвигает идею «беспорядка», когда человек в новой языковой среде чувствует свою беспомощность и потребность экзистенциального вызова [12]. При этом Фиппс выступает против тенденции искать «быстрое решение» конфликтов, возникающих в межкультурном контексте. Возможность для профилактики кросс-культурных конфликтов он ищет в идеалах добрососедства между народами, а также в процессе совместного обучения как «повседневного процесса проживания в реальном мире» [12, p. 26]. С этой точки зрения изучение языков и опыт общения в с представителями различных традиций – это своего рода опыт проживания в некоем общем «жилище» по совместному решению общезначимых проблем [12, p. 23].

В моделях Дирдорфа и ICOPROMO практическая необходимость развития межкультурной компетентности сводится к необходимости для индивида стать конкурентоспособным на мировом рынке. Отсюда модель Фиппса дополняет данные модели тем, что межкультурное обучение является трансформационным обучением, которое требует переживания (часто за пределами академической аудитории) опыта, на основании которого произойдет трансформация личности. Межкультурный процесс представляется как встреча отдельных культурных образований, и роль межкультурного тренера заключается в том, чтобы облегчить и предоставить инструменты, помогающие ориентироваться и интерпретировать поведение индивидов как выражение культурных различий [7, p. 81]. С этой целью обучение английскому языку и образование за рубежом становятся двумя механизмами дальнейшего развития межкультурной компетенции студентов, что приводит к их личной и профессиональной трансформации [14, p. 69–70]. Отсюда развитие межкультурной компетентности рассматривается как процесс приобретения желаемых характеристиками индивидами, вступившими на путь межкультурного обучения, в котором результат заранее определен как достижение межкультурной компетенции с точки зрения открытия других культурных перспектив, развития терпимости и способности менять собственные культурные перспективы.

Таким образом, запрос западно ориентированных бизнес-структур диктует необходимость для разработки программ межкультурного обучения, основным «товаром» (продуктом) которого выступает межкультурная компетенция. При этом данные программы ориентированы на формирование у студентов более доверительного отношения по отношению к западным организациями и институтам, которое складывается на основе овладевания английским языком, а также осознанию культурных различий с целью их минимизации при вхождении в глобальный мир мировой торговли и бизнеса. Как считает Дж. Ферри, дихотомия между западной перспективой, с одной стороны, и отдельным культурным блоком, включающим все незападные культуры, – с другой, является резонансом оппозиции между доминирующей дискурсом Запада и процессом отторжения периферийных дискурсов, исходящих из незападных перспектив [11, p. 82].

С авторской точки зрения, модель пирамиды Дирдорфа, модель ICOPROMO и модель Фиппса ориентированы на снятие противоречий в межкультурном общении представителей западных и незападных культур. Это достигается за счет изучения английского языка, а также сравнения норм, ценностей и паттернов западных и незападных социокультурных систем. При этом накопленный индивидом в процессе обучения и опыта взаимодействия с представителями «чужих» культур «символический капитал» будет способствовать его более успешному взаимодействию в условиях глобализации рынка труда и интернационализации мирового хозяйства.

Межкультурная компетентность определяется как комплекс когнитивно-познавательных, эмоционально-чувственных и мотивационно-поведенческих навыков, которые содействуют достижению более эффективного общения с представителями других культур. Исследования российских ученых свидетельствуют, что рост межкультурных барьеров в общении иностранцев обусловлен «недостатком лингвистической, паралингвистической, когнитивной и поведенческой компетентности» [15, с. 142], что тесным образом переплетено с феноменом формирования и функционирования доверительных отношений [16]. Следует отметить, что межкультурная коммуникативная компетентность выражается в позитивном отношении, толерантности и доверии, знании принципов и правил межкультурной коммуникации, умении понимать и взаимодействовать с представителями различных культур.

Именно доверие выступает ценностным ядром межкультурной коммуникативной компетентности. Именно доверие является ключом к успешному межкультурному взаимодействию. В кросс-культурном контексте доверие определяется как психологическое состояние, которое относится к намерению индивида принять намерения и поведение партнера из другой культуры независимо от риска причинения себе вреда [17]. Авторское предположение состоит в том, что межкультурная компетентность способствует развитию доверия у специалиста, открытого, способного к минимизации кросс-культурных барьеров в процессе общения с представителями иных культур, нуждается в подтверждении за счет дальнейших теоретико-концептуальных, а также практико-ориентированных исследований.

Зарубежные исследователи выделяют четыре фактора, способствующие доверию, а именно эмоциональный интеллект, эмпатия, опыт взаимодействия и транспарентность [17; 18]. Доверие у субъектов межкультурной коммуникации помогает увеличить возможности для достижения взаимовыгодных соглашений,

способствует развитию чувства единства среди членов команды, повышает эффективность работы команды, играет решающую роль в принятии решений, развитии лидерства и эффективности внедрения инноваций [18; 19].

В мультикультурной среде бизнеса доверие имеет решающее значение, поскольку оно помогает устранить чувство неуверенности как среди членов команды по отношению к друг другу, так и в общении с бизнес-партнерами из других стран. Эффективное управление межкультурной коммуникативной компетентностью основано на укреплении доверия между партерами по бизнесу. Именно доверие может помочь координировать поведение команды, улучшить обмен информацией и развить хорошие отношения [20].

Если российский менеджер будет обладать достаточным уровнем знаний о представителях иных культур, в совершенстве владеть иностранным национальным языком партнера по общению, уметь преодолевать кросс-культурные коммуникативные барьеры, избегая или минимизировать различного рода риски, то он будет способен достичь более высокого уровня доверительных отношений, чем менеджер, не владеющий в должной мере межкультурной компетентностью.

Выводы

Современная ситуация в международном бизнесе требует от менеджера способности быстрой адаптации в социально-профессиональной сфере на различного рода кросс-культурные проблемы, а также знаний и умений, соответствующих профессиональным требованиям для функционирования в международной бизнес-среде. Обсуждаемые в наши дни изменения в сфере высшего образования требуют более глубокого осмысления в плане подготовки менеджеров к их профессиональной деятельности в мультикультурной среде, профессиональная квалификация которых позволит обеспечить им конкурентоспособность на глобальном рынке труда. По мере осмысления происходящих в мире изменений приходит осознание необходимости новых инновационных подходов к подготовке управленческих кадров новой формации, способных стратегически мыслить, альтернативно решать и инновационно действовать в новых политико-экономических и социокультурных условиях.

Актуализация использования кросс-культурного компетентностного подхода при подготовке менеджеров определяется не только особенностями процесса экономического перераспределения ресурсов и зон политико-цивилизационного влияния, но и потребностью поиска направлений, которые направлены на изменение всей системы подготовки управленческих кадров. Обозначенный подход предполагает подготовку образовательной системы высшей школы в состояние готовности к адекватному «ответу» на изменяющиеся потребности субъектов международных отношений.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использовать рекомендации при разработке образовательных программ по формированию межкультурной коммуникативной компетенции у будущих менеджеров.

Список литературы

1. Ускова Б. А., Фоминых М. В. Методика формирования soft skills у студентов вузов: теоретический и практический аспекты // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия «Психолого-педагогические науки». 2022. Т. 19, № 1. С. 77–92.

2. Степанова Л. Н. Soft skills как предикторы жизненного самоосуществления студентов // Образование и наука. 2019. Т. 21, № 8. С. 65–89.

3. Аширбагина Н. Л., Фрик О. В. Методы исследования и формирования межкультурной коммуникативной компетентности у студентов финансового вуза // Успехи современной науки. 2017. Т. 7, № 1. С. 87–89.

4. Абдалина Л. В., Спиридонова Н. Б. Кросс-культурная компетентность будущего менеджера: некоторые аспекты исследования // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. 2021. № 3. С. 16–20.

5. Deardorff D. K. Identification and assessment of intercultural competence as a student outcome of internationalization // Journal of Studies in International Education. 2006. N 10 (3). P. 241–266.

6. The SAGE handbook of intercultural competence / ed. by D. K. Deardorff. London: Sage, 2009. 560 p.

7. Ferri G. Intercultural communication. London: Palgrave Macmillan, 2018. 117 p.

8. Bourdieu P. Language and symbolic power. Cambridge: Polity Press, 1991. 302 p.

9. Cameron D. Ideology and language // Journal of Political Ideologies. 2006. N 11 (2). P. 141–152.

10. ICOPROMO, intercultural competence for professional mobility / E. Glaser, M. Guilherme, M. del Carmen, G. Mendez, T. Mughan. Strasbourg; Graz: Council of Europe Publishing, 2007. 60 p.

11. Ferri G. Intercultural competence: alternative approaches for today's education // Intercultural competence and the promise of understanding / ed. by F. Dervin, Z. Gross. London: Palgrave Macmillan, 2016. P. 59–77.

12. Phipps A. Learning the arts of linguistic survival. Clevedon: Multilingual Matters, 2007. 240 p.

13. Phipps A., Gonzalez M. Modern languages. Learning and teaching in an intercultural field. London: Sage, 2004. 208 p.

14. Deardorff D. K. Assessing intercultural competence // New Directions for Institutional Research. 2011. N 149. P. 65–80.

15. Воеводина Е. В., Тюриков А. Г. Социокультурные барьеры адаптации иностранных обучающихся в условиях российского высшего образования // Народонаселение. 2021. Т. 24, № 4. С. 134–146.

16. Тен Ю. П., Тюриков А. Г. Межкультурная коммуникация как экспансия западной экономической культуры // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета, 2020. № 1. С. 80–83.

17. Rezvani A., Khosravi P., Ashkenazy N. M. Examining the interdependencies among emotional intelligence, trust, and performance in infrastructure projects: a multilevel study // International Journal of Project Management. 2018. Vol. 36, N. 8. P. 1034-1046.

18. In whom do we trust? Critical success factorsw impacting intercultural communication in intercultural project teams / W. Yu, K. Cormican, Q. Wu, S. Sampaio // International Journal of Information Systems and Project Management. 2021. Vol. 9, N 3. P. 21–40.

19. Mansour J., Aks Z. How leaders around the world build trust across cultures // Harvard Business Review. 2019. May 27. URL: https://hbr.org/2019/05/how-leaders-around-the-world-build-trust-across-cultures (дата обращения: 17.09.2022).

20. Wu G., Liu C., Zhao X., Zuo J. Investigating the relationship between communication-conflict interaction and project success among construction project teams // International Journal of Project Management. 2017. Vol. 35, N 8. P. 1466–1482.

References

1. Uskova B. A., Fominyh M. V. Metodika formirovaniya soft skills u studentov vuzov: teoreticheskij i prakticheskij aspekty [Methods of formation of soft skills among university students: theoretical and practical aspects]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya "Psihologo-pedagogicheskie nauki" = Bulletin of Samara State Technical University. The Series "Psychological and Pedagogical Sciences"*, 2022, vol. 19, no. 1, pp. 77–92.

2. Stepanova L. N. Soft skills kak prediktory zhiznennogo samoosushchestvleniya studentov [Soft skills as predictors of students' life self-fulfillment]. *Obrazovanie i nauka = Education and Science*, 2019, vol. 21, no. 8, pp. 65–89.

3. Ashirbagina N. L., Frik O. V. Metody issledovaniya i formirovaniya mezhkul'turnoj kommunikativnoj kompetentnosti u studentov finansovogo vuza [Methods of research and formation of intercultural communicative competence among students of a financial university]. *Uspekhi sovremennoj nauki = Successes of Modern Science*, 2017, vol. 7, no. 1, pp. 87–89.

4. Abdalina L. V., Spiridonova N. B. Kross-kul'turnaya kompetentnost' budushchego menedzhera: nekotorye aspekty issledovaniya [Cross-cultural competence of a future manager: some aspects of the study]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Problemy vysshego obrazovaniya = Bulletin of the Voronezh State University. Series: Problems of Higher Education*, 2021, no. 3, pp. 16–20.

5. Deardorff D. K. Identification and assessment of intercultural competence as a student outcome of internationalization. *Journal of Studies in International Education*, 2006, no. 10 (3), pp. 241–266.

6. The SAGE handbook of intercultural competence; ed. by D. K. Deardorff. London, Sage Publ., 2009. 560 p.

7. Ferri G. Intercultural communication. London, Palgrave Macmillan Publ., 2018. 117 p.

8. Bourdieu P. Language and symbolic power. Cambridge, Polity Press Publ., 1991. 302 p.

9. Cameron D. Ideology and language. *Journal of Political Ideologies*, 2006, no. 11 (2), pp. 141–152.

10. Glaser E., Guilherme M., del Carmen M., Mendez G., Mughan T. ICOPROMO, intercultural competence for professional mobility. Strasbourg, Graz, Council of Europe Publishing, 2007. 60 p.

11. Ferri G. Intercultural competence: alternative approaches for today's education. Intercultural competence and the promise of understanding; ed. by F. Dervin, Z. Gross. London, Palgrave Macmillan Publ., 2016, pp. 59–77.

12. Phipps A. Learning the arts of linguistic survival. Clevedon, Multilingual Matters Publ., 2007. 240 p.

13. Phipps A., Gonzalez M. Modern languages. Learning and teaching in an intercultural field. London, Sage Publ., 2004. 208 p.

14. Deardorff D. K. Assessing intercultural competence. *New Directions for Institutional Research*, 2011, no. 149, pp. 65–80.

15. Voevodina E. V., Tyurikov A. G., Sociokul'turnye bar'ery adaptacii inostrannyh obuchayushchihsya v usloviyah rossijskogo vysshego obrazovaniya [Socio-cultural barriers of adaptation of foreign students in the conditions of Russian higher education]. *Narodonaselenie = Population*, 2021, vol. 24, no. 4, pp. 134–146.

16. Ten Yu. P., Tyurikov A. G. Mezhkul'turnaya kommunikaciya kak ekspansiya zapadnoj ekonomicheskoj kul'tury [Intercultural communication as an expansion of Western economic

culture]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta = Bulletin of the Saratov State Socio-Economic University*, 2020, no. 1, pp. 80–83.

17. Rezvani A., Khosravi P., Ashkenazy N. M. Examining the interdependencies among emotional intelligence, trust, and performance in infrastructure projects: a multilevel study. *International Journal of Project Management*, 2018, vol. 36, no. 8, pp. 1034–1046.

18. Yu W., Cormican K., Wu Q., Sampaio S. In whom do we trust? Critical success factors impacting intercultural communication in intercultural project teams. *International Journal of Information Systems and Project Management*, 2021, vol. 9, no. 3, pp. 21–40.

19. Mansour J., Aks Z. How leaders around the world build trust across cultures. *Harvard Business Review*, 2019, May 27. Available at: https://hbr.org/2019/05/how-leaders-around-the-world-build-trust-across-cultures. (accessed 17.09.2022)

20. Wu G., Liu C., Zhao X., Zuo J. Investigating the relationship between communication-conflict interaction and project success among construction project teams. *International Journal of Project Management*, 2017, vol. 35, no. 8, pp. 1466–1482.

Информация об авторе / Information about the Author

Тен Юлия Павловна, доктор философских наук, доцент, профессор Департамента менеджмента и инноваций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: YPTen@fa.ru,
ORCID: 0000-0003-2387-6243

Yulia P. Ten, Dr. of Sci. (Philosophy), Associate Professor, Professor of the Department of Management and Innovations, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation,
e-mail: YPTen@fa.ru,
ORCID: 0000-0003-2387-6243

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-1-249-259

CC BY 4.0

Специфика современного социально-онтологического исследования: теория и практика

Д. Н. Букин[1], Н. В. Волохова[1] ✉

[1] Волжский филиал Волгоградского государственного университета
ул. 40 лет Победы, д. 11, г. Волжский 404133, Российская Федерация

[2] Курский государственный университет
ул. Радищева, д. 33, г. Курск 305000, Российская Федерация

✉ e-mail: volna-sha@rambler.ru

Резюме

Актуальность. *Обращение к теме социально-онтологического исследования вызвано тем, что в условиях стремительно усложняющейся социальной реальности и появления качественно новых сущих общественного бытия в отечественной и мировой литературе практически не освещаются концептуально-целостные подходы к их изучению на фоне множества частносоциологических, социально-философских и социокультурных исследований.*

Цель *– дать обоснование понятию «социальная онтология» в рамках его теоретического и практического применения с учетом специфики социальных процессов, протекающих в современном российском обществе.*

Задачи: *дать уточненное определение понятию «социальная онтология» в рамках нашего исследовании; изучить историю становления и основные подходы к применению понятия «социальная онтология»; провести категориальный анализ отдельных сторон современной социальной реальности; сформулировать концептуальные основы наиболее благоприятного с экономической и социокультурной точки зрения развития цифровизации в современной России.*

Методология. *В качестве методологической основы использовались категориально-логический, системно-структурный, диалектический методы.*

Результаты. *Проанализированы принципы, стратегии и подходы социальной онтологии в преломлении к современным реалиям российского общества.*

Выводы. *Результаты проведенного нами анализа показали, что феномен социокультурной онтологии имеет сложную историю становления. Основные концептуальные сложности связаны с тем, что на современном этапе развития таких сложных процессов, как цифровизация, внедряющихся в том числе и в культуру, сходятся векторы технологического, человеческого и институционального капиталов. Собственно, в рамках исследования через призму «социальной онтологии» мы рассматриваем масштабную смену мировоззренческих ориентиров и атрибутивных характеристик социально-антропологической реальности.*

Ключевые слова: *социальная онтология; социальные процессы; философские категории; социальные сети; цифровизация.*

Конфликт интересов: *В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.*

Для цитирования: Букин Д. Н., Волохова Н. В. Специфика современного социально-онтологического исследования: теория и практика // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2023. Т. 13, № 1. С. 249–259. https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-1-249-259.

Поступила в редакцию 10.12.2022 Принята к публикации 10.01.2023 Опубликована 28.02.2023

© Букин Д. Н., Волохова Н. В., 2023

Specifics of Cutting-Edge Social and Onthological Research: Theory and Practice

Dmitry N. Bukin[1], Natalia V. Volokhova[1] ✉

[1] Volzhsky Branch of Volgograd State University
40 Let Pobedy Str. 11, Volzhsky 404133,Russian Federation

[2] Kursk State University
33 Radishcheva Str., Kursk 305000, Russian Federation

✉ e-mail: volna-sha@rambler.ru

Abstract

Relevance. *The appeal to the topic of socio-ontological research is caused by the fact that in the conditions of rapidly becoming more complex social reality and the emergence of qualitatively new entities of social existence, conceptually holistic approaches to their study are practically not covered in the national and world literature against the background of many private-sociological, socio-philosophical and socio-cultural studies.*

The purpose *is to substantiate the concept of "social ontology" within the framework of its theoretical and practical application, taking into account the specifics of social processes taking place in modern Russian society.*

Objectives: *to give a more precise definition of the concept of "social ontology" in the framework of our study; to investigate the history of formation and the main approaches to the application of the concept of "social ontology"; to conduct a categorical analysis of individual aspects of modern social reality; to formulate the conceptual foundations of the most favorable from the economic and socio-cultural point of view of the development of digitalization in modern Russia;*

Methodology. *The categorical-logical, system-structural, dialectical method was used as a methodological basis.*

Results. *The principles, strategies and approaches of social ontology in relation to the modern realities of Russian society are analyzed.*

Conclusions*. The results of our analysis have shown that the phenomenon of socio-cultural ontology has a complex history of formation. The main conceptual difficulties are connected with the fact that at the present stage of development of such complex processes as digitalization, which are also being introduced into culture, the vectors of technological, human and institutional capital converge. Actually, within the framework of the study through the prism of "social ontology", we consider a large-scale change of ideological orientations and attributive characteristics of socio-anthropological reality.*

Keywords*: social ontology; social processes; philosophical categories; social networks; digitalization.*

Conflict of interest*: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.*

For citation: Bukin D. N., Volokhova N. V. Specifics of Cutting-Edge Social and Onthological Research: Theory and Practice*. Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2023; 13(1): 249–259. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-1-249-259.

Received 10.12.2022 Accepted 10.01.2023 Published 28.02.2023

***

Введение

Результативное проведение современного философского анализа общественных явлений и процессов (модернизация, конфликт, амальгамация, цифровизация и т. д.) невозможно без синтетического подхода в выборе методологии, учитывающего не только мульти- и междисциплинарность ракурсов (социологического, экзистенциального, культурологического и др.) проблем, но и глубокий метафизический, теоретико-онтологический взгляд на их содержание и развитие. Цифровизация российского общества приобрела масштабный характер с 2017 г., прежде всего это было связано с внедрением стратегической программы «Цифровая экономика РФ» [1]. Труд-

ность формулировки термина «цифровая экономика» вызывала и вызывает массу вопросов, поэтому мы придерживаемся следующего объяснения этому расхожему термину: «Цифровая экономика – это оптимальная алгоритмизация, касающаяся процессов потребления и производства» [2].

Мы не случайно подбираем и закладываем в данное определение достаточно широкий «люфт» с целью подчеркнуть, что здесь доминирует не только экономическое развитие, а в большей степени происходит «полномасштабное изменение общества в связи с заменой общественно-политического устройства на фоне полномерной цифровизации практически всех сфер» [2], где цифровая экономика выступает, скорее всего, в качестве социального пространства с множеством пересечений различных полей и акторов.

Именно поэтому мы обращаемся к относительно новой и весьма перспективной научной отрасли – социальной онтологии. Она получила свое развитие на Западе (так, в Австрии даже зарегистрирована некоммерческая организация «Международное общество социальной онтологии» – ISOS) и представлена, скорее всего, фрагментарно в современных российских социально-философских исследованиях. Обратимся к истории вопроса и текущему положению дел.

Что касается появления самого термина «социальная онтология», то чаще всего в современной литературе по теме можно встретить вполне логичные замечания: «Термин “социальная онтология” вошел в широкое употребление совсем недавно, хотя природа “социального” изучалась со времен Античности» [3]. Действительно, не имеет большого смысла устанавливать (если это вообще возможно) его авторство с точностью до имени мыслителя, впервые его употребившего с учетом того, что речь, по сути, идет о разновидности онтологии (родовое понятие термина), подобно тому, как мы говорим о политической онтологии, онтологии религии, онтологии математики и т. п. Другими словами, и это видно по множеству публикаций за последнее время, под социальной онтологией понимают учение о социальном бытии или социальном мире (часто и не всегда правомерно эти понятия отождествляются), о природе социального и его структурах. Сказанное не исключает того, что, как и все перечисленные области онтологии, социальная онтология с необходимостью будут включать в себя понятийный и методологический аппарат частных наук с выходом на уровень значимых междисциплинарных исследований. Побочным обстоятельством здесь выступает то, что нередко статьи, содержащие в своем названии словосочетание «социальная онтология», не имеют прямого отношения к учению о бытии как к таковому, по сути своей сводясь к эклектичному нагромождению социологических, юридических, политических и т. п. текстов. Как следствие, данные исследования страдают отсутствием концептуальности, общей идеи и даже логики изложения, что в «лучшем» случае подается читателю как образец весьма спорной в эвристическом плане философии постмодерна.

Материалы и методы

Поиски отнологической укорененности принципов общественной жизни начинаются еще в Античности (взаимосвязь индивида и общества, иерархизация отношений у Платона и Аристотеля). В Новое время корни социальных сущностей связываются с обязательностью общественных соглашений (Т. Гоббс, С. Пуфендорф), «естественной властью» отца-монарха (Р. Филмер) или Бога и природы (Дж. Локк). «Онтологический холизм» Гегеля отрицает производность таких сущностей от отдельных индивидов, Маркс, Лукач и представители Франкфуртской школы видят в них (хотя

и с разной степенью объективированности) продукты капиталистических отношений, Милль и Ницше предлагают различные варианты их субъективистской интерпретации и т. д. Современный научный дискурс предлагает весьма обширный диапазон концептов – от «социальной онтологии дизайна» [4] до «социальной онтологии потребления» [5]. В настоящей работе будут рассмотрены основы теории и практики социально-онтологического исследования с опорой на понимание онтологии как единого (не обязательно единственного) учения о бытии.

Для проведения исследований применялись следующие методы:

– категориально-логический, который позволил выявить основные категории социальной онтологии, эксплицирующие основные термины и определения теории сложных социальных процессов и явлений;

– системно-структурный метод, применяемый для установления структурных связей социальной онтологии, а также ее взаимосвязи с экономикой, политикой, культурой, образованием и другими гуманитарными областями;

– диалектический, помогающий вскрыть противоречивую природу социального процесса, в т. ч. отражаемую с помощью парных онтологических категорий.

Результаты и их обсуждение

Появление в ходе общественного развития новых качеств социальных процессов и явлений, а также принципиально ранее не существовавших или неформализованных социальных объектов сопряжено в первую очередь со значительными изменениями представлений о нефизических пространстве и времени. П. А. Сорокин определял положение человека или социального явления в социальном пространстве через «его (их) отношение к другим людям и другим социальным явлениям, взятым за …точки отсчета» [6]. По аналогии с евклидовым на социальном пространстве также задаются координаты. У Сорокина «социальными координатами» выступают семейное положение, гражданство, национальность, отношение к религии, профессия, принадлежность к политическим партиям, экономический статус, происхождение и т. д. Как писал сам ученый, «для упрощения задачи» систему таких координат можно свести к двум основным классам «при условии разделения каждого класса на несколько подклассов», а именно к вертикальному и горизонтальному параметрам социальной вселенной [6]. Приведенные определения атрибутов социального пространства хорошо соотносятся с принципами релятивной онтологии [7; 8], согласно которым социальное бытие есть не что иное, как социальное *отношение*, частным случаем которого является социальная коммуникация, техническую основу которой составляет хранение и передача информации о социальном мире. Поэтому важнейшим фактором трансформации многих общественных процессов, а также явлений как их отдельных сторон и конкретных институтов выступает стремительное развитие современных цифровых технологий. В условиях цифровизации общества на первый план выходит «горизонтальная» детерминация координат социальной реальности, так как важнейшие социальные активности больше не требуют таких пространственных статусных атрибутов, как учреждение, офис, транспорт и т. п. Так, Н. И. Горлова приводит ряд преимуществ виртуального волонтерства: «гибкость занятости, быстрота коммуникации и возможность перенестись в любую точку мира для участия в общественно полезном проекте, не выходя из своей квартиры» [9]. Что касается вертикальной социальной мобильности, здесь тоже открывается ряд перспектив: например, получение высшего заочного образования онлайн или официальное трудоустройство в Интернете (открытие интернет-магазина, производство и со-

провождение сайтов, контент-продуктов, консультации лицензированных педагогов и психологов, «коучинг», продюсирование и руководство проектами и т. п.). Ясно, что такие возможности ограничены (например, невозможно получить ученую степень или руководящую должность в государственном учреждении онлайн), однако в масштабах общества можно зафиксировать значительный «лифтинг», сопровождающийся коренной отменой устаревших социальных норм наподобие формулы «восьмичасовой рабочий день с обязательным физическим присутствием на рабочем месте».

«Социальное время» как категория социальной онтологии, парная к категории «социальное пространство», также задает свою систему отсчета с определенной отправной точкой, а именно социально значимым событием [10]. В условиях развития информационных технологий астрономическое время перестает выступать коммуникационным барьером для субъектов социальных событий – они могут синхронизировать свою деятельность в несколько раз быстрее, чем это происходило еще в начале текущего столетия. Многочисленными примерами здесь являются социальные конфликты (общественный резонанс, вызванный пропагандой насилия, нетрадиционных половых отношений и наркотизации молодежи отдельными социальными группами и их лидерами мнений), каритативные практики фандрайзинга и краудфандинга [11], работа онлайн-волонтеров по всему миру [9] и т. д.

Что касается социальных сетей, то это, безусловно, не только разновидность средства связи, коммуникатора: их воздействие на общественное развитие связано прежде всего с увеличением числа мест (по аналогии с геометрическим, имеющих четкие координаты в социальном пространстве) формирования общественного мнения, а также каналов его выражения. Сюда же можно отнести популярные блоги, ютуб- и телеграм-каналы и т. п. При этом «векторы» общественного развития могут быть разнонаправленными – возрастает вероятность появления деструктивных «площадок», на которых формируется антикультура (пропаганда наркомании популярными среди молодежи исполнителями Oxxxymiron и Моргенштерн; альтернативный «спорт» А. Шевцова, Globalsystema и т. п.), провоцируется раскол в обществе (А. Навальный) или даже призыв к физическому самоуничтожению целых групп населения («Синий кит»). И если сама по себе борьба «хорошего» и «плохого», легального и незаконного, морального и аморального, прекрасного и уродливого и т. д. далеко не нова, радикально изменяются «социально-временные» единицы измерения такой активности: во-первых, за те же астрономические отрезки времени происходит арифметически больше событий; во-вторых, время «жизни» некоторых событий сокращается вплоть до недели и даже одних суток. С точки зрения прогрессивной общественной динамики наибольший интерес представляют собой гибридные интернет-ресурсы: электронные СМИ с возможностью зарегистрированного пользователя оставить комментарий на статью, ответить на комментарий другого читателя и т. п.

В ряде ранее опубликованных работ нами была показана эффективность проведения онтологического исследования объектов самой различной природы в форме дедуктивного разворачивания системы онтологических и модальных категорий [12]. Под онтологическими основаниями социального процесса или явления мы будем понимать систему философских категорий, задающую смысловые «координаты» объективно существующих явлений, изменений, отношений в общественной жизни. Данная система будет представлена прежде всего такими фундаментальными онтологическими категориями, как пространство и время (в основном речь пойдет о соци-

альных пространстве и времени), отношения, тождества и различия, качества и количества; модальными категориями действительного, необходимого и возможного. Как было сказано выше, данный подход (в зависимости от конкретной социальной проблемы) не исключает рассмотрения экзистенциального, феноменального, антропологического, культурологического и других аспектов проблемы.

Категориальный анализ сущих общественного бытия, определенных в социальных «пространственно-временных» координатах, мы продолжим исходя из того, что любое событие или явление общественной жизни так или иначе детерминировано качественно и количественно. Цифровизация, геополитические и культурные изменения, природные катаклизмы – все эти мощные процессы оказывают сильнейшее воздействие на биологическую, политическую, экономическую и духовную сферы общества и сопровождаются колоссальным ростом объема и обмена информацией между элементами социальной системы. Так появляются новые качества, новые сущие социального бытия: «социальная сеть», «электронная газета», «блог», «канал», «е-правительство» (электронное правительство), «локдаун», «пушкинская карта» и т. д. Диалектика качественных и количественных изменений в целом может быть формализована в новом типе рациональности: «В современных условиях научная рациональность получает широкое распространение на социум, что приводит к возникновению “социальной рациональности”… Это рождает надежду на усиление безопасности и надежности… возникает возможность исчислить степень угрозы вообще и характер угрозы при различных вариантах действования человека» [13]. Таким образом, системное изучение общественного развития (вплоть до оценки негативных последствий и рисков) возможно при условии, что будут найдены инструменты определения интервалов «количественной стабильности», в которых протекают сложные динамические процессы. В этом отношении интерес представляют исследования социальной сети «Твиттер» группой американских и итальянских ученых. Проанализировав набор данных разговоров в сети, собранных за шесть месяцев с участием 1,7 миллиона человек, и проверив теоретический когнитивный предел количества стабильных социальных отношений, известный как число Данбара, они пришли к однозначным выводам: «Данные согласуются с результатом Данбара; пользователи могут поддерживать максимум 100-200 стабильных отношений» [14]. Отечественные ученые также обнаруживают такой характерный системный аспект самоорганизации социальной сети, как количественное ограничение объема «входящей» информации: «Задача социальных сетей сводится к тому, чтобы вырабатывать механизмы по сдерживанию больших потоков информации в целях доведения до пользователя такого объема сообщений, с которым он мог бы справиться» [15].

С другой стороны, как отмечает М. Н. Эпштейн, мера информации в современном обществе, производящем и потребляющем не столько единицы физической реальности, сколько единицы информации, «определяется его непредсказуемостью, это вероятностная величина, которая увеличивается по мере уменьшения вероятности сообщения» [16]. Количество информации будет закономерно возрастать по мере того, как социальный мир становится все менее прогнозируем: это покажет, например, формула Хартли, в которую будет включаться все большее число равновероятных событий. Создается парадоксальное (на первый взгляд) впечатление: казалось бы равнодоступные, но противоречивые новостные сообщения о социально значимом событии (аресте депутата, преступлении публичной персоны и т. п.) образуют «кашу» в общественном созна-

нии, в результате чего мы имеем не столько слишком много бесполезной информации, сколько слишком малополезной.

Важную роль в качественной и количественной детерминации социальных явлений и процессов играет онтологическая категориальная пара «тождество – различие». Она является незаменимым инструментом в изучении такого объекта социальной онтологии, как *социальное неравенство*. Количественные различия в доходах взаимообусловлены качественными различиями социальных ролей представителей различных слоев и классов – капиталистическая экономика в подавляющем большинстве случаев не допустит иных способов детерминации субъектно-объектных и интерсубъективных социальных отношений (исключение, быть может, составят некоторые подвиды гендерных различий). Однако несмотря на то, что даже в эпоху общедоступного скоростного Интернета «сильные мира сего» по-прежнему сильно дистанцированы от масс, реципиенты исходящей от них информации получают эту самую информацию в несколько раз быстрее: крупные политики, бизнесмены и общественные деятели публикуют твиты, посты в социальных сетях и т. п., и уже само это обстоятельство налагает на них определенные обязательства по регулярному и детальному освещению важнейших общественных и государственных событий. При этом в отличие от донесения информации через газеты и телевидение общественность чаще всего имеет возможность прореагировать (лайки и дизлайки могут ставить все, преимуществом обладает только администрация площадки), а в некоторых случаях и проанализировать отношение к сообщению путем сравнения числа просмотров с количеством сигналов положительной реакции (одобрения).

Отдельным блоком категориального анализа общественной жизни выступает система модальных категорий действительного, необходимого и возможного. В контексте модально-логической концепции «возможных миров» [17], а также с учетом специфики нашего исследования данные модальности могут быть интерпретированы следующим образом: *аподиктическими* признаются суждения о социальном бытии, истинные во всех «мирах», *ассерторическими* – истинные в «действительном мире», *проблематическими* – истинные по крайней мере в одном из «возможных миров» («миры» здесь – абстрактные конструкции, логические модели, социальная со(бытийность) в которых фиксируется при помощи определенных простых суждений).

Модус необходимости в данном случае подразумевает наличие закономерности как устойчивой внутренней основы возникновения, существования и развития какого-либо социального явления или процесса. Аподиктика общественного может противостоять *случайному* в различных формах. Отношение к необходимости профилактики коронавирусной инфекции, поделившее общество на две противоборствующие части, не отменило объективности существования заболевания, и возникновение социального конфликта на этой почве не было и не могло быть случайным. Снизившая энтропию общественной системы интернет-коммуникация в малых социальных группах (чат родителей школьного класса, сотрудников кафедры вуза, профсоюзных работников, электронные дневники учащихся и т. п.) с *необходимостью* привела к вовлечению максимального числа участников интерсубъективных отношений в общественно значимые, в том числе образовательные и благотворительные, проекты и т. д.

Рассмотрение социального бытия в модусе действительного предполагает определение онтологического статуса явлений и процессов общественной жизни «как они есть» и в современных условиях оказывается не столь простой задачей, как могло показаться на первый взгляд.

Прежде всего, речь идет о *виртуальной* социальной реальности, во многом ставшей «новой реальностью» благодаря развитию цифровых технологий (хотя, к примеру, предшественники виртуальных музыкальных коллективов и анимационных «вселенных» появились еще в 50-е годы прошлого столетия в США). Казалось бы, вопрос: «Существует ли виртуальный музей (музыкальная группа, кинематографическая вселенная типа Marvel или DCEU и т. п.)?» – имеет положительный ответ. Есть виртуальные посетители, фанаты, последователи; есть соответствующие общественные явления. Другой вопрос: «*Как* все это существует?». Пропозиция любого суждения об актуальной «цифровой» действительности сопоставима со схемой «Истинно то, что…». Истинно ли существование по состоянию на 2015 г. НКО «Мемориал» как общественного явления (в 2016 г. признана Министерством юстиции РФ иностранным агентом)? Истинно. Истинно ли существование НКО «Мемориал» по состоянию на 2022 г. как юридического лица и общественного явления? Снова ответ «да» на второй вопрос при отрицательном ответе на первый. Таким образом, на примере современного российского общества мы можем проследить инерционность воздействия на общественное мнение «смоделированной» в сети Интернет организации, могущей как способствовать информированию населения об ужасах сталинских репрессий, так и представлять опасность в плане дезинформации о «несправедливом» наказании пособников нацистов в годы Великой Отечественной войны.

«Проблематический» модус возможного как способ данности социального бытия – важнейший инструмент изучения таких объектов современной науки, как «информационное общество», «общество возможностей», «общество риска» и т. д. М. Н. Эпштейн пишет: «Период, в который мы сейчас вступаем, – это уже не период после чего-то: посткоммунизм, постмодернизм, постиндустриализм… Это скорее период “прото-“, зарождения новых формаций… “Прото” – это новое, ненасильственное отношение к будущему в модусе “может быть” вместо прежнего “должно быть” и “да будет”. “Прото” – эпоха сменяющихся проектов, которые не подчиняют себе нашей единственной реальности, но умножают альтернативные возможности… Так вырастает новая модель будущего: **не реализация возможностей, а потенциация действительности**» [18]. Данное противопоставление лежит в основе определения так называемого «общества возможностей», т. е. общества, характеризуемого глобальными системами кредитования, страхования, виртуальных благ и ресурсов и т. д. «Современную жизнь трудно представить без атрибутов цифровой экономики. Цифровизация общества давно приобрела мультидисциплинарный характер научного исследования, где переплетены теоретические и практические аспекты» [19]. Своеобразными формами социального бытия (выходящего далеко за рамки экзистенции) становятся ипотека, онлайн-школа, онлайн-вуз, онлайн-спортзал и т. п. В действительности семья живет не в своей квартире, класс или группа студентов получает образование, не выходя из дома, – потенциация действительности институционализируется, становится частью общественной жизни.

Выводы

Социальная онтология как научно-дисциплинарный феномен имеет свою историю становления, теоретический базис и исследовательскую специфику. На современном этапе развития таких сложных социокультурных процессов, как цифровизация, институционализация, конфликт и т. п., сходятся векторы технологического, человеческого и институционального капиталов. С позиций социальной онтологии мы рассматриваем масштабную смену мировоззренческих

ориентиров и атрибутивных характеристик социально-антропологической реальности, формализуя ее с помощью классической методологии категориального анализа. Дальнейший поиск компромисса между традиционными и новейшими исследовательскими формами открывает пути к выявлению универсального варианта соединения лучшего как в новом, так и в старом опыте.

Список литературы

1. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации»: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р. URL: http://static. government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf (дата обращения: 14.09.2022).

2. Волохова Н. В. Социокультурная основа цифровой экономики // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2020. № 3. С. 217–226.

3. Эпштейн Б. Социальная онтология // Brick of Knoledge. URL: https:// brickofknowledge.com/articles/social-ontology (дата обращения: 17.09.2022).

4. Дергачева Е. В. Социальная онтология дизайна // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2012. № 2(106). С.122–125.

5. Овруцкий А. В. Социальная онтология потребления: научные представления, модели, общество потребления: дис. … д-ра филос. наук. Ростов н/Д, 2012. 394 с.

6. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Издательство политической литературы, 1992. С. 298–300.

7. Колычев П. М. Релятивная онтология. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006. 227 с.

8. Сагатовский В. Н. Триада бытия (введение в неметафизическую коррелятивную онтологию). СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006. 123 с.

9. Цифровизация общества – новая реальность. URL: http: //grans.hse.ru/news/ 414816050.html (дата обращения: 18.09.2022).

10. Сорокин П. А., Мертон Р. К. Социальное время: опыт методологического и функционального анализа // Социологические исследования. 2004. № 6. С. 112–119.

11. Семенов И. А. Каритативная инноватика: фандрайзинг и краудфандинг // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2022. Т. 12, № 1. С. 209–218.

12. Букин Д. Н. Онтологические предпосылки математического моделирования процессов социальной модернизации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7, Философия. Социология и социальные технологии. 2012. № 3 (18). С. 27–32.

13. Лукьянов Г. И. Риск как феномен социальной реальности: дис. … д-ра филос. наук. Ставрополь, 2006. С. 28.

14. Bruno Gonçalves, Nicola Perra, Alessandro Vespignani. Modeling Users' Activity on Twitter Networks: Validation of Dunbar's Number // PLoS ONE. 2011. Vol. 6, is. 8. P. e22656.

15. Андриянова Т. В., Быканова Я. П. Медиасфера как пространство взаимодействия пользователей социальных сетей // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2022. Т. 12, № 2. С. 219–231.

16. Эпштейн М. Н. Философия возможного. СПб.: Алетейя, 2001. С. 238.

17. Kripke S. Naming and Necessity. Cambridge: Harvard UP, 1980. 172 p.

18. Эпштейн М. Н. Будущее после «будущего». URL: http://www.topos.ru/veer/01/v1_bud. html (дата обращения: 12.09.2022).

19. Volokhova N. V., Podgorny B. B. Impact of digital economy on the digital habituses of the Russian population // Economic Annals-XXI. 2021. N 192(7-8(2)). P. 169–176. https://doi.org/10.21003/ea.V192-14.

References

1. Programma "Cifrovaya ekonomika Rossijskoj Federacii" [The program "Digital Economy of the Russian Federation"]. Decree of the Government of the Russian Federation of July 28, 2017 № 1632-R. Available at: http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf. (accessed 14.09.2022)

2. Volokhova N. V. Sociokul'turnaya osnova cifrovoj ekonomiki [Socio-cultural basis of the digital economy]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sociologiya. Menedzhment. = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Managment*, 2020, no. 3, pp. 217–226.

3. Epshtejn B. Social'naya ontologiya [Social ontology]. Brick of Knoledge. Available at: https://brickofknowledge.com/articles/social-ontology. (accessed 17.09.2022)

4. Dergacheva E. V. Social'naya ontologiya dizajna [Social ontology of design]. *Omskij nauchnyj vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost' = Omsk Scientific Bulletin. Series: Society. History. Modernity*, 2012, no. 2(106), pp. 122–125.

5. Ovruckij A. V. Social'naya ontologiya potrebleniya: nauchnye predstavleniya, modeli, obshchestvo potrebleniya. Diss. dokt. filosof. nauk [Social ontology of consumption: scientific representations, models, consumer society. Dr. philosoph. sci. diss.]. Rostov-on-Don, 2012. 394 p.

6. Sorokin P. A. Chelovek. Civilizaciya. Obshchestvo [Man. Civilization. Society]. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoj literatury, 1992, pp. 298–300.

7. Kolychev P. M. Relyativnaya ontologiya [Relational ontology]. St. Petersburg, St. Petersburg University Press Publ., 2006. 227 p.

8. Sagatovskij V. N. Triada bytiya (vvedenie v nemetafizicheskuyu korrelyativnuyu ontologiyu) [The Triad of Being (introduction to non-metaphysical correlative ontology)]. St. Petersburg, St. Petersburg University Press Publ., 2006. 123 p.

9. Cifrovizaciya obshchestva – novaya real'nost' [Digitalization of society is a new reality]. Available at: http: //grans.hse.ru/news/414816050.html. (accessed 18.09.2022)

10. Sorokin P. A., Merton R. K. Social'noe vremya: opyt metodologicheskogo i funkcional'nogo analiza [Social time: the experience of methodological and functional analysis]. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological Research*, 2004, no. 6, pp. 112–119.

11. Semenov I. A. Karitativnaya innovatika: fandrajzing i kraudfanding [Caritative innovation: fundraising and crowdfunding]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sociologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Managment*, 2022, vol. 12, no. 1, pp. 209–218.

12. Bukin D. N. Ontologicheskie predposylki matematicheskogo modelirovaniya processov social'noj modernizacii [Ontological prerequisites for mathematical modeling of social modernization processes]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya i social'nye tekhnologii. Seriya 7, Filosofiya. Sotsiologiya i sotsial'nye tekhnologii = Bulletin of Volgograd State University. Philosophy. Sociology and Social Technologies. Series 7, Philosophy. Sociology and Social Technologies*, 2012, no. 3 (18), pp. 27–32.

13. Luk'yanov G. I. Risk kak fenomen social'noj real'nosti. Diss. dokt. filosof. nauk [Risk as a phenomenon of social reality. Dr. philosoph. sci. diss.]. Stavropol', 2006, p. 28.

14. Bruno Gonçalves, Nicola Perra, Alessandro Vespignani. Modeling Users' Activity on Twitter Networks: Validation of Dunbar's Number. *PLoS ONE*, 2011, vol. 6, is. 8, p. e22656.

15. Andriyanova T. V., Bykanova Ya. P. Mediasfera kak prostranstvo vzaimodejstviya pol'zovatelej social'nyh setej [The media sphere as a space of interaction between users of social networks]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sociologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Managment*, 2022, vol. 12, no. 2, pp. 219–231.

16. Epshtejn M. N. Filosofiya vozmozhnogo [Philosophy of the Possible]. St. Petersburg, Aletejya Publ., 2001, p. 238.

17. Kripke S. Naming and Necessity. Cambridge, Harvard UP, 1980. 172 p.

18. Epshtejn M. N. Budushchee posle "budushchego" [The future after the "future"]. Available at: http://www.topos.ru/veer/01/v1_bud. html. (accessed 12.09.2022)

19. Volokhova N. V., Podgorny B. B. Impact of digital economy on the digital habituses of the Russian population. *Economic Annals-XXI*, 2021, no. 192(7-8(2)), pp. 169–176. https://doi.org/10.21003/ea.V192-14

Информация об авторах / Information about the Authors

Букин Дмитрий Николаевич, доктор философских наук, доцент кафедры экономики и социально-гуманитарных дисциплин, Волжский филиал Волгоградского государственного университета,
г. Волжский, Российская Федерация,
e-mail: hetfieldukin@mail.ru

Волохова Наталья Владимировна, доктор философских наук, профессор кафедры философии, Курский государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: volna-sha@rambler.ru,
Researcher ID: T-7441-2018,
ORCID: 0000-0002-7048-3509,
Scopus ID: 57189517020

Dmitry N. Bukin, Dr. of Sci. (Philosophy), Associate Professor of the Department of Economics and Social and Humanitarian Disciplines, Volzhsky Branch of Volgograd State University, Volzhsky, Russian Federation,
e-mail: hetfieldukin@mail.ru

Natalia V. Volokhova, Dr. of Sci. (Philosophy), Professor of the Department of Philosophy, Kursk State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: volna-sha@rambler.ru,
Researcher ID: T-7441-2018,
ORCID: 0000-0002-7048-3509,
Scopus ID: 57189517020

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-1-260-271

CC BY 4.0

Категория целомудрия в семейной и государственной жизни общества

А. Л. Панищев[1] ✉

[1] Славяно-греко-латинская академия
ул. Радио, д. 20, г. Москва 105005, Российская Федерация

✉ e-mail: Alexeipl1980@mail.ru

Резюме

Актуальность. *В данной статье осуществлён анализ категории целомудрия в качестве фундаментальной ценности культуры и базовой антропологической характеристики. Актуальность такой темы продиктована социальными реалиями, которые иллюстрируются статистикой, свидетельствующей о том, что данная категория изживается из повседневной жизни страны. Большое количество бракоразводных процессов, высокий уровень венерических болезней подчёркивают злободневность поднятой проблемы.*

Цель *– анализ категории целомудрия в русле семейной и государственной жизни человека.*

Задачи: *исследовать категорию целомудрия в контексте личностного развития человека и государственной жизни общества. Также в работе осуществляется детекция некоторых угроз для существования государства как формы и способа бытия человека.*

Методология. *Методологической основой данной статьи послужило диалектическое единство индукции и дедукции, анализа и синтеза. Также используется компаративный метод.*

Результаты. *Подчёркивается, что именно целомудренная жизнь определяет возможности человека и общества для устойчивого развития семьи как основной ячейки социального организма. Также в статье отмечается взаимосвязь между успешностью людей в семейной жизни с возможностями в государственном развитии. В случае растления населения происходит антропологическая катастрофа, вследствие чего люди оказываются неспособными к семейной жизни и обеспечению функционирования государства как формы и способа антропологического бытия. В России существует комплекс мер по материальной поддержки семей, однако никакой финансовой помощью невозможно компенсировать семьям отсутствие целомудрия.*

Выводы. *Для сохранения государства необходим комплекс правовых мер, в том числе таких, которые защищали бы семью не только в смысле финансового обеспечения, но и духовного благочестия.*

Ключевые слова: *человек; честь; целомудрие; семья; государство.*

Конфликт интересов: *В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных автором публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.*

Для цитирования: Панищев А. Л. Категория целомудрия в семейной и государственной жизни общества // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2023. Т. 13, № 1. С. 260–271. https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-1-260-271.

Поступила в редакцию 06.12.2022 Принята к публикации 10.01.2023 Опубликована 28.02.2023

© Панищев А. Л., 2023

The Category of Chastity in the Family and State Life of Society

Alexey L. Panishchev[1] ✉

[1] Slavic-Greek-Latin Academy
20 Radio Str., Moscow 105005, Russian Federation

✉ e-mail: Alexeipl1980@mail.ru

Abstract

Relevance. *This article analyzes the category of chastity as a fundamental value of culture and a basic anthropological characteristic. The relevance of such a topic is dictated by social realities, which are illustrated by statistics indicating that this category is being eliminated from the daily life of the country. A large number of divorce proceedings, a high level of venereal diseases emphasize the urgency of the problem raised.*

The purpose *is analysis of the category of chastity in line with the family and state life of a person.*

Objectives: *to investigate the category of chastity in the context of personal development of a person and the public life of society. The work also detects some threats to the existence of the state as a form and mode of human existence.*

Methodology. *The methodological basis of this article is the dialectical unity of induction and deduction, analysis and synthesis. The comparative method is also used.*

Results. *It is emphasized that it is a chaste life that determines the possibilities of a person and society for the sustainable development of the family as the main cell of the social organism. The article also notes the relationship between the success of people in family life with opportunities in state development. In the case of corruption of the population, an anthropological catastrophe occurs, as a result of which people are incapable of family life and ensuring the functioning of the state as a form and method of anthropological existence. In Russia, there is a set of measures to financially support families, but no financial assistance can compensate families for the lack of chastity.*

Conclusions. *To preserve the state, a set of legal measures is needed, including those that would protect the family not only in terms of financial security, but also spiritual piety.*

Keywords*: man; honor; chastity; family; state.*

Conflict of interest*: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the author of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The author declares no conflict of interest related to the publication of this article.*

For citation: Panishchev A. L. The Category of Chastity in the Family and State Life of Society. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2023; 13(1): 260–271. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-1-260-271.

Received 06.12.2022 Accepted 10.01.2023 Published 28.02.2023

***

Введение

Семья издревле является одной из основных ячеек общества. Таковая как важная ценность была осмыслена ещё в дохристианский период развития человечества. Более того, ценность государств Древнего мира определялась в значительной мере тем, насколько таковые могли обеспечить защиту семьи и чести её членов. Французский исследователь Фюстель де Куланж (1830–1889 гг.) писал относительно Древнего Рима: «Всякий дом имел своих богов; всякий бог покровительствовал только одной семье и был богом только в одном доме» [1, с. 35]. Действительно, каждая римская семья в своём доме имела алтарь; её глава совершал перед ним свои семейно-религиозные обряды, в ход которых никто, даже царь, не имел права вмешиваться. Соответственно, честь семьи почиталась как достояние богов, а преступление против девства – по крайней мере внутри своего полиса – воспринималось в

качестве святотатства, за которое злодей проклинался и подлежал казни. Достаточно подчеркнуть то, что период царей в Риме закончился изгнанием Тарквиния Гордого после того, как один из членов его семьи надругался над благородной женщиной Лукрецией, впоследствии покончившей с собой (как этого требовал обычай). Барбара Картленд пишет: «Племенной моральный кодекс был суровым. Оставшиеся мужчины не смели тронуть жену солдата, а если решались на это, женщина добровольно лишала себя жизни» [2, с. 50]. Тем не менее социальные последствия этой трагедии в истории Рима оказались судьбоносными – в Риме установилась республика.

Нельзя проигнорировать тот факт, что города в древних цивилизациях планировались и строились сообразно религиозной картине мира. Город по существу возводился как земное отражение мира богов. Например, в «Жизнеописаниях» Плутарха подробно описывается процесс основания города Рима. Действительно, Ромул, прежде чем закладывать город, провёл ряд обрядов предположительно этрусского происхождения [3, с. 61]. При Ромуле в Риме был возведён храм Весты – богини чистоты и семьи, и его жрицы (весталки) ежегодно совершали специальные ритуалы во славу Рима. Традиция ежегодного молебна во славу Рима существовала до 382 г. В данном случае обычай подчёркивает то, что государственность основана на чистоте семейных отношений, а сама государственная власть призвана, прежде всего, защищать честь семьи. Весьма рельефно эта мысль отражена в художественном произведении Г. Флобера «Саламбо». Следовательно, этические требования к жителям города были детерминированы религиозным пониманием сущности человека и его служения. Причём религиозное служение для городского жителя городов Древнего мира мало отличалось от его религиозного послушания. Соответственно, от того, насколько искренне и глубоко в обществе почитаются духовные ценности, настолько государство было жизнеспособным. «Народ, имеющий плохое понятие о боге, имеет и плохое государство, плохое правительство, плохие законы» [4, с. 400].

Постепенно, по мере развития абстрактного мышления, сформировалось чёткое понимание категорий *благочестия* и *целомудрия*. Именно христианство, придав сильный импульс для формирования сложных абстрактных категорий, задало более высокий смысл девству, выходящий за пределы физического состояния человека в область метафизического бытия. Сократ на суде в 399 г. до н. э. попросил судей показать ему благочестие, дабы понять, какие поступки благочестивы, а какие нет, чем ввёл судей в смущение, так как языческое мышление было тесно связано с материальным миропониманием. Однако в христианскую эру такой вопрос не вызвал бы замешательств и мыслитель получил бы исчерпывающий ответ.

Языческий мир очень разнообразен, категория чести была фундаментальной лишь в тех культурах, в среде которых сформировалось государство – тоже абстрактная категория. В культурах, где народ не достиг уровня цивилизации, категория целомудрия отсутствовала или заменялась иной, отвечающей материальному миропониманию языческого мышления. В. Г. Богораз, описывая быт чукчей, отмечает, что у них нет понятия «целомудрие», «нет даже слова “девушка”». Существует лишь слово «женщина» в сочетании с другими словами [5, с. 216]. Причём надругательство над женщиной, не достигшей брачного возраста, у чукчей рассматривалось как одно из самых страшных преступлений. Сами чукотские женщины обычно носили с собой нож, чтобы в случае гибели своих

мужей и прямой угрозы порабощения не достаться победителям живыми. Характер осмысления чести зависел от уровня развития культуры и мышления людей, но тем не менее само по себе представление о чести, как важной ценности человека и условия для создания семьи, почти во всех культурах было ярко выраженным. Убийство в традиционной культуре могут простить, иногда оправдать, но преступление против чести нигде в *человеческом* обществе не прощается. В этом отношении примечательно мусульманское право, согласно которому убийство относится к преступлениям категории кисас (*возмездие*, *воздаяние*), а внебрачная интимная связь, тем более растление девушки – к категории хадд (*пределы*), т. е. гораздо более тяжёлой, в рамках которой не может быть помилования.

Христианская эра ознаменовала открытие новых страниц в философской антропологии, где духовные принципы человеческого бытия были раскрыты и предложены каждому человеку безотносительно его сословного и материального состояния. Семья же по-прежнему воспринималась как великая ценность, но уже не только в социальном контексте, но также и в философско-антропологическом. «Человек Адам может считаться завершённым только тогда, когда спутницей его жизни стала подобная ему Ева» [6, с. 21]. Причём полноценным брак считался, если он свершился в духе целомудрия. Христианская Церковь не призывает побивать камнями женщину, если в судебном порядке доказано, что она вышла замуж, не будучи девушкой, как это допускается в Библии (22 гл. Второзакония), однако постановка вопроса о ценности девичьей чести и нерушимости брака подчёркивает трепетное отношение к супружеству в христианском мировоззрении. «Только с высоты уцеломудренного сознания можно понимать святость брака и его качественное отличие от разврата… и наоборот, только чистый брак, только благодатное брачное сознание позволяет понять значительность девства», – пишет П. А. Флоренский [7, с. 249]. Подчеркнём то, что Церковь уважает любой законный брак (безотносительно того, венчанный он или нет), но честь семьи всегда ставится на особо важное место в аксиологической иерархии, ибо именно этим определяется полноценность брака. Людям, которые полагают, что Церковь признаёт только венчанный брак, следует принять во внимание то, что в первые два-три столетия н. э. христиане заключали брачные союзы по римским законам и обычаям. В других государствах, например Сасанидском Иране, христиане фиксировали создание семьи по местным законам. Что касалось существовавшего положения в России, то до Великой Октябрьской революции 1917 г. единственной формой законного брака было венчание в Церкви, поэтому в обществе сложилось впечатление, что других форм узаконивания супружеских отношений не может быть. Вместе с тем мир многообразен, не все люди верят в Бога, не все исповедуют христианство, но уважение к человеку универсально. Каждый человек, безотносительно личного отношения к религии, по своей природе нуждается в семье, для создания которой необходим и соответствующий образ жизни, чему и учит Церковь, в своём учении подчёркивающая, что в целомудрии человек способен к семейной жизни и полноте антропологического бытия. П. А. Флоренский утверждает, что целомудрие рассматривается как блаженство, понимаемое в качестве самозаключённости, самособранности, самоцельности личности. Уместно сказать: в целомудрии выражается идея самодостаточности и полноценности человека [7, с. 169]. Таким

образом, мы видим, что важнейшей составляющей супружеских отношений было не участие в таинстве венчания, а жизнь в благочестии. Стало быть, для осмысления сущности семьи необходимо проанализировать категорию целомудрия. Именно анализ таковой в контексте жизнеспособности семьи составляет **цель** данной работы. **Задачи** статьи соответствуют принципам духовной ответственности и этики учёного, стало быть, ориентированы на содействие развитию нравственного и правового сознания общества.

Материалы и методы

В отечественной и зарубежной науке существует немало работ, посвящённых категориям чести и ответственности. Тем не менее понятие целомудрия остаётся без должного внимания, что позволяет слишком широко толковать вышеобозначенные концепты. **Методологической** основой данной статьи послужили компаративный метод, индукция и дедукция, анализ и синтез. Подчеркнём, что в статье осуществлено сравнение светского и религиозного (богословского) понимания категории чести.

Результаты и их обсуждение

Следует констатировать то, что в современном мире категория чести защищена законом и оскорбление чести считается уголовно наказуемым преступлением. Однако для того, чтобы суд действенно выполнял данную функцию, важно, чтобы само общество в этом было заинтересовано. В противном случае уместно вспомнить анекдотический рассказ о том, как суд отказал истцу в защите чести и достоинства за неимением таковых у истца. Согласимся с выводом, согласно которому все языковые единицы, относящиеся к метафорическому ярусу концептуального поля «целомудрие», равно как и другие синонимы данного номинанта – здравомыслие, чистота, незапятнанность, неосквернённость, неиспорченность, цельность, неискушённость и девичий цвет – символически ассоциируются с концептами «физическое здоровье», «отсутствие грязи», «свежесть», «целостность» [8, с. 97]. В Православной церкви даётся предельно ясная дефиниция определению чести. «Честь – это внутреннее, данное самому себе право оценивать себя и своё существование в категориях самоуважения». Объективными факторами, дающими право на честь, являются целомудрие и благородство. Целомудрие – идеальная аксиологическая норма природного состояния. Благородство – идеальная аксиологическая норма личностного состояния [6, с. 185]. Именно на основе такого понимания чести мы будем проводить дальнейшее исследование. Само понятие целомудрия связано с греческим словом, переводимым в значении благоразумия.

Предложенное определение отличается конкретностью, содержательностью, так как оно не терпит такого рода рассуждений: каждый человек, включая террористов, клеветников, киллеров, порноактёров, сутенёров, женщин с «заниженной социальной ответственностью», обладает честью. Отнюдь нет! В обществе есть бесчестные, циничные индивиды, но есть и люди чести, придерживающиеся строгого и справедливого правила. В традиционных культурах честь в аксиологическом ряду занимает более высокое место, чем жизнь. В Церкви физическая смерть человека рассматривается как печальное, но естественное явление, а бесчестье – это трагедия человека, соотносимая с духовной погибелью. «Потеря невинности до законного брака или оскорбление чужой чести – одно из самых ужасных нравственных и церковно-канонических преступлений, которые по своим субъективно-психологическим по-

следствиям можно сравнить с изгнанием человека из первозданного рая» [6, с. 143]. В. С. Соловьёв чувство стыда (в интимном контексте) считал одним из основных, отличающих индивида в качестве человека. Отсюда следует исходить из осмысления сущности семьи как некоего храма, в котором таинство супружеского общения сакрально. В русской культуре нормы целомудрия считались фундаментальными, причём настолько, что ряд учёных считают образ Богородицы архетипичным [9]. Более того, в традиционных культурах обычно предполагалась более или менее жёсткая мера ответственности для женщины, которая оказалась опороченной и тем более стремилась при этом к замужеству. В русской культуре никогда не побивали камнями обесчещенных женщин, но были свои метода наказания. «Самым распространенным наказанием было надевание на шею лошадиного хомута “без гужов” (веревок, иных частей упряжи) – символа “озверения”, близости миру животных» [10, с. 37]. Если обвинения в бесчестье в адрес новобрачной женщины были доказаны как напрасные, то вся община трижды просила у неё прощения, называя её при этом девушкой. В современной России данное слово, наполненное смыслом чистоты и нежности, употребляется повсеместно, причём нередко в тех случаях, когда это сродни глумлению и кощунству в отношении девичества. Примечательно, что к концу XIX столетия как наследие крепостного права, формально отменённого в 1861 г., нормы целомудрия массово игнорировались и даже опошлялись [10, с. 40–41]. Это обстоятельство стало фоном для скорого крушения империи и становления государства в новом обличье.

Государство как форма и способ бытия человека призвано оберегать его природу и сущность, а стало быть, защищать семью. В РФ осмысление гражданами семейной политики нередко сводится к материальной помощи родителям, их несовершеннолетним детям. Безусловно, со стороны государства финансовая поддержка семей необходима, особенно в условиях низких зарплат, ограниченной возможности в трудоустройстве по многим специальностям. В России функционируют социальные программы, призванные поддержать многодетные семьи или малоимущих родителей, воспитывающих детей. Эти меры частично решают определённые материальные и социальные вопросы, но редко содействуют в духовном оберегании людей. В последнее время трендом в российских СМИ стала защита несовершеннолетних от пропаганды содомии. Данное психическое расстройство осуждается Церковью, а в ряде стран – уголовным кодексом. Однако складывается впечатление, что эта тема становится своеобразным фетишем, используемым более в политических целях. При этом СМИ часто наполнены рекламой иного разврата, который также осуждается Церковью. И это происходит на фоне того, что засилье порнографических сайтов в России стало настолько массовым, что уместно констатировать то, что современный российский подросток воспитывается, прежде всего, не родителями, не школьными учителями, а сайтами непотребного содержания, из которых ребёнок может подробно узнать о широком спектре разврата.

29 ноября 2022 г. в РУДН им. Патриса Лумумбы прошел III Международный симпозиум «Теология в современном образовательном и научном пространстве. Семья как ценность в религиозных традициях современного мира». На этом мероприятии много говорилось об ЛГБТ, абортах, суррогатном материнстве, искусственной матке, но не прозвучало ни одного доклада, посвящённого понятиям целомудрия или благочестия. Даже в

проповедях и научных докладах священников так часто можно услышать о грехе аборта, но крайне редко хотя бы упоминается слово «целомудрие». Невольно вспоминаются слова С. С. Аверинцева: «Мир, теряющий чувство требовательности… а чувство тайны пытающийся… развеять приёмами психоанализа и психотерапии; мир, хвалящийся, что он отменил все табу, но одновременно очень эффективно заново табуирующий определённые слова и понятия, – а именно те, которые выражают “софийную” идею девственности, чистоты, аскезы» [11, с. 251–252]. Складывается впечатление, что такого рода конференции проходят не для защиты духовных ценностей, а для соответствия неким политическим трендам и документальной отчётности. Более того, доклады, прочитанные по бумаге (или экрану ноутбука), вызывают сомнения в искренности спикера, независимо от того, какими научными регалиями и должностями он наделён. В условиях современного информационного и социального пространства происходит десакрализация, опошление не просто семьи, но и интимной жизни человека. Поэтому в России большое количество разводов. «По данным ЕМИСС, в 2020 г. в России распалось 73% браков (для сравнения в 2018 и 2019 гг. распалось 65% браков). 30 лет назад данное соотношение было равным 42%, а 70 лет назад распадалось всего лишь 4% брачных союзов» [12]. Можно ли говорить о честности, порядочности тех граждан, которые, не пропагандируя содомию, однако, совращают людей (пусть и совершеннолетних), занимаются организацией порнографических сайтов, растлевающих программ, причём немало зарабатывают на этом? Тяжелее ли грех совращения чужой жены или растления девушки, чем грех содомский? Насколько честнее содомита тот индивид, который ради похоти к молодой женщине инициирует развод с законной благочестивой женой? Аналогичный вопрос можно задать относительно руководства, сотрудников правоохранительных органов, своим бездействием допустившим широкое растление населения.

Констатируя то, что в России имеет место быть негласная реклама разврата, обратимся к медицинской статистике, наиболее удаленной от политической ангажированности и тенденциозности. Так, в 1990 г. в СССР было 5,4 случая сифилиса на 100 тыс. населения; в 1997 г. (уже в России) – 277,3 случая; в 2000 г. – 165,3, в 2009 г. – 53,3; в 2013 г. – 28,9 [13, с. 19]. Кстати, в США и в западноевропейских странах эти показатели существенно меньше. Между тем данное обстоятельство крайне серьёзно, опасно для выживания нации, так как эта болезнь не лечится, а лишь купируется, принимая латентную форму и оставаясь в организме человека, нанося вред как в репродуктивном, так и в интеллектуальном отношении (нарушение работы мозга). Как мы видим из статистических данных, в СССР проблема венерических болезней не стояла столь остро, как в современной России. В СССР было невозможно представить, чтобы на телевидении открыто демонстрировали сериалы, такие как «Универ», «Общага». Формально в этих сериалах нет порнографии, но в них молодёжи навязывается жизнь в развратных интригах, склоках, в этих сериалах нет академической жизни, ценностей духовного характера, рассуждений на темы геополитики, а если преподаватели и показаны, то чаще всего в скабрезном контексте. Между тем приучение человека к непотребству, его растление, пусть и в завуалированной форме, есть более страшное явление, чем физическая смерть. Растленному человеку не поможет даже обеспечение всеми материальными благами, так как семейная жизнь должна быть укреплённой не только фи-

нансовыми средствами, но, прежде всего, духовными ценностями, особенно целомудренностью.

При сложившихся угнетающих обстоятельствах семьи, даже финансово благополучные, чаще всего превращаются в фикцию; дети, воспитанные в них, уже не увидят ценности в супружестве, даже интимная её составляющая потеряет трепетное эмоциональное переживание. Впрочем, уже сформировались поколения, психически не нуждающиеся в семейной жизни. В принципе семья признаётся, но уже не как пространство духовной жизни, выражения любви, а больше как средство решения социальных и финансовых вопросов. В целом же дружба, любовь уже не настолько важны, ибо человек со стабильным выходом в Интернет не столь живо и скоро осмыслит своё экзистенциальное одиночество. Это обстоятельство подчёркивает свершившуюся антропологическую катастрофу, о которой уже написано много серьёзных работ рядом учёных. Так, П. С. Гуревич пишет: «Человек становится предметом археологии и этнографии, неким символом изживших себя форм биологического существования» [14, с. 20]. Подобные мысли мы находим и в трудах других исследователей (например, С. А. Смирнова, С. В. Колычевой, Р. М. Руповой) [15; 16; 17]. Многие духовные категории в социальных реалиях XXI столетия не считаются важными. «Антропологическая катастрофа породила особый тип “человекоподобных существ”, для которых характерен отказ от метафизического измерения…» [18, с. 14]. Ряд мыслителей современности уже ведут речь о «постчеловеческом существовании» [19, с. 350]. Вместе с тем именно деструкция базовых свойств человеческой природы – главное условие для возникновения в стране духовного рабства, неспособности нации правовыми способами защитить честь и достоинство человека, а стало быть, нормы, прописанные в Конституции государства.

Между тем за деконструкцией, мутацией природы человека неизбежно последует разрушение тех форм бытия, которые по своему характеру антропологичны, а среди таковых наиболее значимым является не только семья, но и государство. «Воспитанные в свободных семьях, не принадлежащие ни одной культуре и не привязанные к постоянному месту жительства, они останутся верны только себе. Их больше интересуют собственные достижения, винные погреба… и планирование суицида…», – так французский социолог Ж. Аттали не без оснований описывает характерные особенности сознания людей в недалёком будущем [20, с. 195]. Государство, как и семья, в сознании общества уже не овеяны духом романтики и высокой духовности. «Антропологическая катастрофа породила особый тип “человекоподобных существ”, для которых характерен отказ от метафизического измерения…» [17, с. 14]. Не следует отрицать то, что метафизические категории напрямую обращены к духовным качествам личности, к религиозной культуре. Явления, разрушающие семью, гармонично вписываются в другой процесс – быстрое отмирание государств и выдавливание их транснациональными корпорациями, в которых клановые и сектантские принципы управления никоим образом не связаны с духовными ценностями человека. Иначе говоря, девальвация семьи автоматически предрасполагает к краху государства. Не надо наивно полагать, что этот процесс пройдёт безболезненно. Исторический опыт показывает то, что за громкой фразой о крушении империй стоит смерть миллионов людей. Так,

Рим в I в. н. э. был мегаполисом, в котором проживало свыше миллиона человек. В 476 г. произошло падение Западной Римской империи, и в начале VI столетия население Рима не превышало сорока тысяч жителей. Примечательно, что население Рима в последние столетия существования империи также оказалось развращённым и, стало быть, неспособным к обеспечению функционирования социальных институтов, таких как семья. С учётом «стрелы времени» процессы, в Античности занимавшие два-три столетия, в XXI в. могут пройти за полгода. История знает массу примеров, когда крупные государства распадались за кратчайшее время. Причём надо учитывать два немаловажных обстоятельства. Во-первых, в первые века новой эры и в средневековье крушение империй проходило на фоне отсутствия технологий, способных спровоцировать экологическую катастрофу. Во-вторых, в начале новой эры произошло зарождение христианской Церкви, взявшей на себя в момент крушения гражданских институтов власти ряд административных функций и успешно их выполнившей, обеспечив тем самым выживание многих общин, которые в будущем смогли построить новые государственные образования, показавшие свою жизнеспособность. Здесь возникают вопросы: «А что современное человечество может предложить в качестве альтернативы государству как социально-правовому бытию человека? Каким образом будут фиксировать семьи?». В современной России уже стало массовым такое явление, как употребление словосочетания «гражданский брак» применительно к сожительству, что явно подчёркивает утрату в сознании людей ценности института гражданского (государственного) брака, фиксируемого в загсе. Венчание в большей степени приемлемо для верующих людей, а с учётом того, что уже констатируется наступление постхристианской эпохи, вряд ли общество увидит смысл в этом торжественном таинстве. Между тем утрата государственных средств фиксирования супружеского брака приведёт к затруднениям в области семейной политики, поддержки и защиты семей.

Выводы

Для того чтобы противостоять деструктивным процессам, предотвратить превращение человеческого общества в некое неприглядное состояние хищных прайдов, необходим комплекс мер по защите населения от растления. Естественно, данные меры не должны сводиться к ханжеству и охоте на оступившихся, подставленных или оболганных людей, однако разумные твёрдость и последовательность в значительной мере обеспечат решение многих проблем. Иначе говоря, необходимо духовное оздоровление общества и решительная государственная защита такой фундаментальной антропологической категории, как *целомудрие*. Данное понятие необходимо обозначить в правовых актах как ценность, которую государство обязано защищать.

Список литературы

1. Фюстель де Куланж. Гражданская община древнего мира. СПб.: Популярно-научная библиотека, 1906. 421 с.

2. Картленд Б. Таинство любви сквозь призму истории. М.: Центрполиграф, 2000. 272 с.

3. Наговицин А. Е. Мифология и религия этрусков. М.: Рефл-бук, 2000. 496 с.

4. Гегель Г. В. Ф. Философия религии: в 2 т. М.: Мысль, 1976. Т. 1. С. 533.

5. Богораз В. Г. Чукчи: Социальная организация. 3-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРИКОМ», 2011. С. 216.

6. Архимандрит Платон. Православное нравственное богословие. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра: Круглый стол по религиозному образованию в Русской православной церкви, 1994. 240 с.

7. Флоренский П. Столп и утверждение истины: Опыт православной теодицеи. М.: АСТ, 2003. 640 с.

8. Майгур Н. В., Купавская А. А. Концептуальное поле «целомудрие»: реконструкция денотативного яруса на основе синонимического ряда // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2. Филология и искусствоведение. 2016. Вып. 2 (177). С. 92–98.

9. Емелькина И. В., Мочалов Е. В., Фурманова В. П. Архетип женственности и целомудрия // Социология. 2020. № 4. С. 290–296.

10. Пушкарева Н. Л. Ценность добрачного целомудрия в традиционной русской культуре // Историческая психология и социальная история. 2011. № 1. С. 33–46.

11. Аверинцев С. С. София-Логос. Словарь. Киев: Дух І Літера, 2001. 460 с.

12. Антонова К. Развод в цифрах – статистика разводов в России // Планета закона. URL: https://www.planeta-zakona.ru/blog/razvod-v-tsifrakh-statistika-razvodov-v-rossii.html/ (дата обращения: 17.09.2022).

13. Шардакова А. А. Динамика заболеваемости сифилисом в России в течение последних 20 лет (обзор литературы) // Международный студенческий научный вестник. 2016. № 6. С. 19.

14. Гуревич П. С. Феномен деантропологизации человека // Вопросы философии. 2009. № 3. С. 19–28.

15. Колычев С. В. Проблема антропологической катастрофы в западноевропейской философии XX века // Антропологические конфигурации современной философии: материалы научной конференции. М.: МГУ, 2004. С. 115–119.

16. Рупова Р. М. Антропологические модели в социальной философии XX – начала XXI вв.: автореф. дис. … канд. философ. наук. М.: РГСУ, 2008. 26 с.

17. Смирнов С. А. Современная антропология. Аналитический обзор // Человек. 2003. № 5. С. 84–96. EDN OOKZEH.

18. Сайкина Г. К. Социальный потенциал метафизики человека: автореф. дис. … д-ра философ. наук. Казань, 2013. 46 с.

19. Тимощук А. С. Экология души в эпоху цифровой постсоциальности // Гуманитарное знание и духовная безопасность: сборник материалов IX Международной научно-практической конференции. Грозный, 09–10 декабря 2022 года. Махачкала: АЛЕФ, 2022. С. 348–351.

20. Аттали Ж. Краткая история будущего. СПб.: Питер, 2014. 285 с.

References

1. Fyustel' de Kulanzh. Grazhdanskaya obshchina drevnego mira [The civil community of the ancient World]. St. Petersburg, Populyarno-nauchnaya biblioteka Publ., 1906. 421 p.

2. Kartlend B. Tainstvo lyubvi skvoz' prizmu istorii [The mystery of love through the prism of history]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2000. 272 p.

3. Nagovicin A. E. Mifologiya i religiya e`truskov [Mythology and religion of the Etruscans]. Moscow, Refl-buk Publ., 2000. 496 p.

4. Gegel` G. V. F. Filosofiya religii [Philosophy of Religion]. Moscow, Thought Publ., 1976, vol. 1, p. 533.

5. Bogoraz V. G. Chukchi: Social'naya organizaciya [Chukchi: Social organization]. 3rd ed. Moscow, Book House "LIBRIKOM" Publ., 2011, p. 216.

6. Arhimandrit Platon. Pravoslavnoe nravstvennoe bogoslovie [Orthodox Moral Theology]. Sergiev Posad, Svyato-Troitskaya Sergieva Lavra, Kruglyi stol po religioznomu obrazovaniyu v Russkoi pravoslavnoi tserkvi Publ., 1994. 240 p.

7. Florenskij P. Stolp i utverzhdenie istiny: Opyt pravoslavnoj teodicei [The Pillar and the assertion of truth: The experience of Orthodox theodicy]. Moscow, AST Publ., 2003. 640 p.

8. Majgur N. V., Kupavskaya A. A. Konceptual`noe pole "celomudrie": rekonstrukciya denotativnogo yarusa na osnove sinonimicheskogo ryada [Conceptual field "chastity": reconstruction of the denotative tier based on the synonymic series]. *Vestnik Ady`gejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Filologiya i iskusstvovedenie = Bulletin of the Adygea State University. Series 2. Philology and Art History*, 2016, is. 2 (177), pp. 92–98.

9. Emel`kina I. V., Mochalov E. V., Furmanova V. P. Arxetip zhenstvennosti i celomudriya [The archetype of femininity and chastity]. *Sociologiya = Sociology*, 2020, no. 4, pp. 290–296.

10. Pushkareva N. L. Cennost` dobrachnogo celomudriya v tradicionnoj russkoj kul`ture [The value of premarital chastity in traditional Russian culture]. *Istoricheskaya psixologiya i social`naya istoriya = Historical Psychology and Social History*, 2011, no. 1, pp. 33–46.

11. Averincev S. S. Sofiya-Logos. Slovar' [Sofia-Logos. Dictionary]. Kiev, Duh I Litera Publ., 2001. 460 p.

12. Antonova K. Razvod v cifrah – statistika razvodov v Rossii [Divorce in numbers – statistics of divorces in Russia]. Planeta zakona [Planet of the law]. Available at: https://www.planeta-zakona.ru/blog/razvod-v-tsifrakh-statistika-razvodov-v-rossii.html/. (accessed 17.09.2022)

13. Shardakova A. A. Dinamika zabolevaemosti sifilisom v Rossii v techenie poslednih 20 let (obzor literatury) [Dynamics of syphilis incidence in Russia over the past 20 years (literature review)]. *Mezhdunarodnyj studencheskij nauchnyj vestnik = International Student Scientific Bulletin*, 2016, no. 6, p. 19.

14. Gurevich P. S. Fenomen deantropologizacii cheloveka [Phenomenon of human deanthropologization]. *Voprosy filosofii = Questions of Philosophy*, 2009, no. 3, pp. 19–28.

15. Kolychev S. V. [The problem of anthropological catastrophe in Western European philosophy of the twentieth century]. *Antropologicheskie konfiguracii sovremennoj filosofii. Materialy nauchnoj konferencii* [Anthropological configurations of modern philosophy. Materials of the scientific conference]. Moscow, MGU Publ., 2004, pp. 115–119. (In Russ.)

16. Rupova R. M. Antropologicheskie modeli v social'noj filosofii XX-nachala XXI vekov. Avtoref. diss. kand. filosof. nauk [Anthropological models in social philosophy of the XX-early XXI centuries. Cand. philosoph. sci. abstract. diss]. Moscow, RGSU, 2008. 26 p.

17. Smirnov S. A. Sovremennaya antropologiya. Analiticheskij obzor [Modern anthropology. Analytical review]. *Chelovek = Man*, 2003, no. 5, pp. 84–96. EDN OOKZEH

18. Sajkina G. K. Social'nyj potencial metafiziki cheloveka. Avtoref. diss. dokt. filosof. nauk [The social potential of human metaphysics. Dr. philosoph. sci. abstract diss.]. Kazan, 2013. 46 p.

19. Timoshhuk A. S. [Ecology of the soul in the era of digital postsociality]. *Gumanitarnoe znanie i duxovnaya bezopasnost`. Sbornik materialov IX Mezhdunarodnoj nauchno-*

prakticheskoj konferencii, Grozny`j, 09–10 dekabrya 2022 goda [Humanitarian knowledge and spiritual security. A collection of materials of the IX International Scientific and Practical Conference, Grozny, December 09-10, 2022]. Makhachkala, ALEF Publ., 2022, pp. 348–351. (In Russ.)

20. Attali Zh. Kratkaya istoriya budushchego [A brief history of the future]. St. Petersburg, Peter Publ., 2014. 285 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Панищев Алексей Леонидович, кандидат философских наук, доцент, профессор Российской академии естествознания, профессор кафедры философии, теологии и религиоведения, Славяно-греко-латинская академия, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: Alexeipl1980@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-4327-1225

Alexey L. Panishchev, Cand. of Sci. (Philosophy), Associate Professor, Professor of the Russian Academy of Natural Sciences, Professor of the Department of Philosophy, Theology and Religious Studies, Slavic-Greek-Latin Academy, Moscow, Russian Federation,
e-mail: Alexeipl1980@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-4327-1225

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

1. К публикации в журнале «Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент» принимаются актуальные материалы, содержащие новые результаты научных и практических исследований, соответствующие профилю журнала, не опубликованные ранее и не переданные в редакции других журналов.

2 Авторы статей должны представить в редакцию журнала:

- статью, оформленную в соответствии с правилами оформления статей, представляемых для публикации в журнале;
- разрешение на опубликование в открытой печати статьи от учреждения, в котором выполнена работа.
- сведения об авторах (фамилия, имя отчество, место работы, должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, телефон, e-mail);
- лицензионный договор.

3. Бумажный вариант статьи подписывается всеми авторами.

4. Редакция не принимает к рассмотрению рукописи, оформленные не по правилам.

5. **Публикация бесплатная.**

6. Основной текст рукописи статьи (кроме аннотации и ключевых слов) набирают в текстовом редакторе MS WORD шрифтом «Times New Roman» размером 14 пт с одинарным интервалом, выравнивание по ширине. Поля с левой стороны листа, сверху и снизу – 2,5 см, с правой стороны-2 см. Абзацный отступ – 1,5 см.

7. Схема построения публикации: УДК (индекс по универсальной десятичной классификации), фамилия и инициалы автора(ов), места работы (полностью), почтового адреса места работы, электронного адреса (телефона), название (полужирный), аннотация и ключевые слова, текст с рисунками и таблицами, список литературы. Авторы, название, аннотация и ключевые слова, список литературы приводятся на русском и английском языках.

Перед основным текстом печатается аннотация (200-250 слов), отражающая краткое содержание статьи. Аннотация должна быть рубрицирована (актуальность, цель, задачи, методология, результаты, выводы). Текст статьи должен иметь следующую структуру: введение, материалы и методы, результаты и их обсуждение, выводы (рекомендации).

Например:

> УДК 004.9:519.8
>
> **Построение модели прогнозирования обеспеченности кадрами градообразующего предприятия**
>
> **А.Л. Иванов**[1] ✉
>
> [1] Юго-Западный государственный университет
> ул. 50 лет Октября 94, г. Курск, 305040, Российская Федерация
>
> ✉ e-mail: ivanov@gmail.com
>
> **Актуальность**. В статье рассматривается агентная модель прогнозирования обеспеченности кадрами градообразующего предприятия, основанная на структуризации поведения агента и определения влияния его внутреннего представления об окружающем мире на его деятельность.
> ...
>
> **Ключевые слова:** агентное моделирование; градообразующее предприятие; событие.

В конце статьи приводятся сведения об авторе(ах) на русском и английском языках: фамилия, имя, отчество полностью, ученое звание, ученая степень, должность, организация, город, страна, e-mail, ORCID, Researshed и т.д.

8. При формировании текста не допускается применение стилей, а также внесение изменения в шаблон или создание собственного шаблона. Слова внутри абзаца следует разделять одним пробелом; набирать текст без принудительных переносов; не допускаются разрядки слов.

12. **Список литературы к статье обязателен** и должен содержать все цитируемые и упоминаемые в тексте работы (не менее 10). Пристатейные библиографические списки оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Ссылки на работы, находящиеся в печати, не допускаются. При ссылке на литературный источник в тексте приводится порядковый номер работы в квадратных скобках.

13. В материале для публикации следует использовать только общепринятые сокращения.

Все материалы направлять по адресу: 305040, г.Курск, ул. 50 лет Октября, 94. ЮЗГУ, редакционно-издательский отдел.

Тел.(4712) 22-25-26, тел/факс (4712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

Изменения и дополнения к правилам оформления статей и информацию об опубликованных номерах можно посмотреть на официальном сайте журнала: **https://swsu.ru/izvestiya/serieseconom/.**